

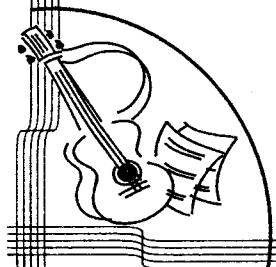
МАРК ЦЫБУЛЬСКИЙ



*Время  
Владимира  
Высоцкого*

Серия  
«Портреты без ретуши»

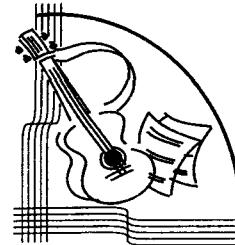
*М.И. Цыбульский*



**ВРЕМЯ  
Владимира  
Высоцкого**

Ростов-на-Дону  
«Феникс»  
2009

УДК 821.161.1.0  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6  
КТК 683  
Ц93



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатели, интересующиеся жизнью и творчеством Владимира Высоцкого, наверняка отметили одну странную вещь. Несмотря на изобилие литературы о Высоцком, практически невозможно найти книг интервью с людьми, лично знавшего любимого народом поэта. Таких изданий за все годы, прошедшие после смерти Высоцкого, можно пересчитать по пальцам — «Живая жизнь» Валерия Перевозчикова, «О Владимире Высоцком» Игоря Рогового, несколько выпусков выходящих в Минске «Белорусских страниц» под редакцией Валерия Шакало и Александра Линкевича... Вот, собственно, и всё. Небогато...

Между тем, число статей, которые коллекционеры именуют «датскими» (т.е. выходящими к датам — дням рождения и смерти Высоцкого), исчисляется десятками тысяч. Книжная (а лучше бы сказать — макулатурная) продукция, где Высоцкий предстаёт то диссидентом, то прорицателем будущего, то недалёким алкоголиком, пишущим стихи где-то в промежутках между запоями, выходит тиражами, просто обидными для его памяти.

Кажущаяся простота и доступность Высоцкого привела к тому, что о нём пишут все и пишут всё. Это о Тредиаковском или Сумарокове писать опасно — можно нарваться на профессионала и получить такую рецензию, что навсегда отбьёт желание писать даже заявление в ЖЭК. А о Высоцком-то? Да это любой может! И пишут...

Ц93      Цыбульский М.И.  
Время Владимира Высоцкого. — Ростов н/Д :  
Феникс, 2009. — 446 с. — (Портреты без ретуши).

ISBN 978-5-222-14095-6

Владимир Высоцкий — русский поэт, актер, композитор, чьё творчество до сих пор привлекает к себе внимание.

Книга представляет собой сборник воспоминаний о Владимире Высоцком, представленных в форме интервью автора с теми, кто был знаком, вместе творил, жил в одну эпоху с этим выдающимся человеком.

ISBN 978-5-222-14095-6

УДК 821.161.1.0  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Цыбульский М.И., 2009  
© Оформление: ООО «Феникс», 2009

Иногда расскажут, что Высоцкий свой последний концерт давал на Таити. (Интересно, как много на Таити людей, понимающих по-русски?) В другой раз сообщат, что Высоцкий на выступлении рассказывал о съёмках «Свадьбы в Малиновке». (И с чего бы это он вдруг заговорил о фильме, в котором не снимался?) А иной раз даже в деталях поведают, как в 1959 году он ехал служить в армию, хотя на самом-то деле он учился в Школе-студии МХАТ.

Как известно, сенсации лучше всего творятся в условиях отсутствия достоверной информации. В данном случае — в отсутствии мемуарной литературы. Работа эта мало кого привлекает, поскольку славы на ней не зарабатываешь. Будут помнить того, кто делился воспоминаниями, а не того, кто спрашивал. И это, согласимся, справедливо.

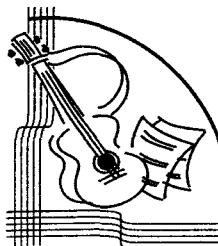
У книги «Время Владимира Высоцкого» сорок восемь авторов — она написана не мной, а теми, кто откликнулся на мою просьбу рассказать о своих встречах с Владимиром Семёновичем Высоцким. В мою задачу входило лишь задавать вопросы. Насколько успешно я справился со своей задачей, судить читателям.

Я выражаю искреннюю благодарность моему другу Сергею Такварели за огромную помощь в работе над этим сборником.

Моей жене Тае посвящается эта книга.

В заключение — обращение к читателям. Если Вы встречались с Высоцким или бывали на его выступлениях, пожалуйста, напишите мне на электронный адрес [mtsibulsky@hotmail.com](mailto:mtsibulsky@hotmail.com) Ваша помощь будет принята с огромной благодарностью!

**Марк Цыбульский**



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Василий Павлович Аксёнов

**М.Ц.** — Василий Павлович, известно, что Вы хорошо знали Владимира Семёновича Высоцкого. А когда Вы познакомились?

**В.А.** — Я думаю, что познакомились мы году, примерно, в 1966-м или 1967-м. Я о нём уже много слышал к тому времени, он был уже известный бард, песни его уже пелись. А лично мы познакомились в какой-то боhemной компании. А немного попозже, когда стала приезжать Марина Влади, вокруг неё начал образовываться круг людей, в числе которых был и Володя. У них тогда, по-моему, уже начинался роман, и Володя очень старался, просто выкладывался на этих вечеринках. Он там многие вещи впервые пел. Я свидетелем был, как он говорил: «Вот это я вчера сочинил», — и пел, например, «Охоту на волков» или «Протопи ты мне баньку по-белому». Он очень был вдохновенный тогда, хотел, видимо, и на Марину впечатление произвести, да и на других тоже.

Я его никогда пьяным не видел. Хотя всем известно, что он пил, но во время моих с ним контактов этого никогда не было.

**М.Ц.** — Вы принимали участие в документальном фильме «The Voice from Russia. The World of Vysotsky». Там Вы сказали такие слова: «Он был очень нестабильный». Что Вы имели в виду?

**В.А.** — Я имел в виду его жизнь. Он действительно был очень нестабильный. Он и пил-то от этого. Он пил от

ощущения зыбкости жизни, уходящей куда-то. У него нервная система всегда была очень взвинчена.

**М.Ц.** — Официальное непризнание накладывало отпечаток?

**В.А.** — Это было делом второстепенным. Это было, да, но это всегда было второстепенным. Он как-то так, лукаво, к этому относился: «Ну, вот, опять мне концерт запретили, афиши сняли». Но, вообще-то говоря, конечно, горечь у него была, оттого что никогда не было афиш. Народ знает его, любит, его песни повсюду поют, и в то же время его как бы не существует.

**М.Ц.** — Позвольте задать Вам профессиональный вопрос. Ваше мнение о прозе Высоцкого?

**В.А.** — Он мне читал свою прозу. Это уже позже было, когда он жил на Малой Грузинской. Это были куски из повести, которую он задумал, о проститутках валютных (*«Роман о девочках»*. — *М.Ц.*). Там было много интересного, но, конечно, всё это было ещё очень сырьё. Он так и не закончил эту вещь.

**М.Ц.** — А другую повесть Высоцкого, *«Дельфины и психи»*, Вы знаете?

**В.А.** — Нет, эту вещь я не читал.

**М.Ц.** — Кто пригласил Высоцкого в альманах *«Метрополь»*?

**В.А.** — Я, это была моя идея. Когда мы думали о возможных авторах, я предложил ему участвовать. Он с энтузиазмом к этому отнёсся, дал огромную подборку стихов. Мы потом отобрали то, что Вы читали в *«Метрополе»*.

**М.Ц.** — В работе над *«Метрополем»* Высоцкий принимал участие?

**В.А.** — Нет, в работе он никакого участия не принимал, но иногда приходил на наши сборища. Эти сборища были такого, знаете, богемного характера. Он, конечно,

был в курсе того, что делается, но он как бы был в стороне. Это была его такая постоянная позиция. Даже, может быть, не продуманная, а просто такая... Потому что его жизнь всё-таки в другой сфере была: мы все литераторы, а он был артистом.

**М.Ц.** — В предисловии к московскому изданию *«Метрополя»* В. Ерофеев писал, что Высоцкий начинал работать над песней о *«Метрополе»*, даже спел из неё несколько куплетов. Вам что-нибудь известно об этой песне?

**В.А.** — Я, признаться, ничего об этом не слышал. Другие песни он пел нам. Он как-то нас ободрял в мрачные наши моменты. Он приходил с гитарой пару раз, и как-то всё взвинчивалось. Он же был ещё к тому же *«выездной»*, а мы в то время были совсем наглоухо заблокированы. Он пересекал границу без особых проблем, и вот он как бы привозил с собой воздух Парижа, Америки...

**М.Ц.** — Вы в те годы встречались и вне связи с *«Метрополем»*?

**В.А.** — Он часто приезжал ко мне советоваться. Просто вдруг ни с того ни с сего приезжали ко мне с Марией (я тогда в Переделкино жил). Часто это было после срывов его страшных, и он, как-то так слегка дрожа, советовался со мной. Главная идея была — отъезд.

**М.Ц.** — Какие это были годы?

**В.А.** — Это, примерно, семьдесят седьмой — семьдесят восмой год. Эта идея тревожила его постоянно, он всё время думал об этом и много говорил. У него была идея открыть русский клуб в Нью-Йорке, насчёт Парижа тоже возникали какие-то идеи. Была идея фильма в Голливуде, он даже говорил мне: *«Давай напишем сценарий»*. Мы даже начинали на эту тему размышлять.

Короче говоря, идея отъезда сидела в нём, а так как я был из всех, кого он знал, наиболее, так сказать, путе-

шествовавший человек и наименее зажатым «совком», то он ко мне с этим приезжал. Советовался он со мной и по поводу своих проблем с алкоголем, но главной темой был его отъезд. То есть он предполагал стать таким не политическим, но невозвращенцем.

**М.Ц.** — И что Вы ему советовали?

**В.А.** — Я говорил: «Конечно, Володя, если хочешь, то оставайся там, пошли ты их всех. Они этого заслужили. Так что, если ты действительно хочешь, если есть идеи такие... Но, мол, учти, что нас там никто не знает, даже тебя никто не знает. Но, вообще-то говоря, уже ради того, чтобы их послать, может быть, и стоит». Вот такие были разговоры.

**М.Ц.** — Вы вместе с Высоцким встречали Новый, 1980 год. Пожалуйста, расскажите об этом.

**В.А.** — Собственно говоря, мы встречали Новый год на моей даче очень маленькой компанией, а потом мы договорились, что придём на дачу к Володарскому. Там был и Володя. У Володарского дача была тёплая, а у Володи очень холодная, я не знаю, как они могли там жить зимой.

У Володарского собралось много народа. Володя был очень взволнован тогда. Он был совершенно трезв, вообще не пил. Все вокруг сидели жутко мрачные. Мы-то пришли весёлые и вдруг увидели человек тридцать, мрачно сидящих перед телевизором. Помню, Володя сказал: «Я их видеть всех не могу». А первого числа он на машине разбился. Я уже потом сообразил, что он поехал за «иголочкой».

**М.Ц.** — Это была Ваша последняя встреча с Высоцким?

**В.А.** — Нет-нет, не последняя. Я с ним виделся на премьере «Дома на набережной» в Театре на Таганке<sup>1</sup>, и потом ещё несколько раз встречались.

Месяца за два до кончины он позвонил мне и сказал: «Я тебе хочу дать тысячу рублей». Я говорю: «Володя, зачем?» Он ответил: «Ну, чтобы ты мог жить так, как ты живёшь». Такой был жест, он знал, что мне нигде уже нельзя заработать. Я его поблагодарил, сказал: «Спасибо, ничего, я обхожусь».

Потом он мне сказал: «Ты знаешь, я тут умер». Я говорю: «Как это «умер»?» — «А вот я был в Средней Азии, рыбу какую-то съел и отравился. Со мной врач был, Толя, он мне укол в сердце сделал». По-моему, это был наш последний разговор.

**М.Ц.** — У Вас было ощущение, что Высоцкий близок к концу жизни?

**В.А.** — Нет. Очень он был весёлый, энергичный. Но я задним числом вспоминаю... Мне кажется, что он уже очень сильно зависел от «иголочки». Потому что я помню: он мрачный бывал, потом вдруг куда-то исчезал и появлялся молодой, весёлый, живой, со сверкающими глазами. А ощущения близости его конца у меня не было. Я, когда узнал о его смерти, — это было, как удар, как извержение вулкана...

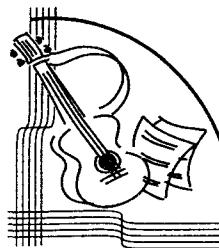
22.10.1994 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> Премьера спектакля «Дом на набережной» в Театре на Таганке состоялась 12 июня 1980 г.

**АКСЁНОВ, Василий Павлович.** Писатель-прозаик. Родился 20.08.1932 г. в Казани. Юношеские годы провёл в Магадане, где его мать, Евгения Гинзбург, (впоследствии автор знаменитой книги «Крутой маршрут»), отбывала ссылку. Окончил Ленинградский медицинский институт. В 1956–1960 гг. работал врачом на Крайнем Севере, в Карелии, в Ленин-

градском морском торговом порту, в туберкулёзной больнице в Москве. Публикуется с 1958 г.

В 1978 г. участник самиздатского альманаха «Метрополь»; после его запрещения в знак протеста против преследования других участников альманаха — Виктора Ерофеева и Евгения Попова — вышел, вместе с Семёном Липкиным и Инной Лиснянской, из Союза писателей СССР. В 1980 г. выехал по приглашению для чтения лекций по русской культуре в США и вслед за этим был лишён советского гражданства. Помимо литературной деятельности, преподавал литературу в американских университетах. Член жюри премии «Триумф», член редколлегии журнала «Континент». Автор более 20 романов, а также рассказов, очерков, сценариев и др.; некоторые тексты написаны по-английски. Лауреат Букеровской премии (2004). Сейчас живёт во Франции.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Миша Аллен**

**М.Ц.** — Ваше имя и переводы стихотворений Высоцкого на английский язык достаточно широко известны в среде российской эмиграции. В Россию же Ваши работы попали лишь в последние годы и знают их, в основном, специалисты. Хотелось бы узнать, почему у Вас, человека, живущего в Канаде с 1930 года, появился интерес к российскому магнитиздату?

**М.А.** — История эта давняя. Я с детства интересовался фольклором. Фольклором занимался и мой отец, переведивший литовские народные песни на идиш и английский. Во время войны я служил в канадской армии. В 1945 году познакомился с советскими гражданами, которых освободили союзники. Они часто пели песни, которые я записывал. Правда, записывал в тетрадь, магнитофонов тогда практически не было.

В конце 1960-х годов в Канаду различными путями стали поступать магнитные ленты с песнями Высоцкого, Окуджавы, Галича и других авторов. Песни были хорошие, необычные. Я заинтересовался, стал собирать эти песни, написал несколько статей об их авторах в русско- и англоязычные издания Канады, Америки, Франции.

**М.Ц.** — Первые публикации песен Высоцкого в газете «Новое русское слово» были в июне 1968 года. Это Вы передали им тексты?

**М.А.** — Да. Я отправил несколько переписанных с плёнок текстов покойному Аргусу (псевдоним журналиста

Михаила Константиновича Железнова), он их сразу опубликовал. Затем в 1968–1970 годах были и ещё публикации. Были и другие, к которым ни Аргус, ни я отношения не имели... Один человек, пользуясь тем, что песни Высоцкого были на Западе практически неизвестны, решил опубликовать некоторые из них под своей подписью. Я это заметил и написал в газету. Больше этот человек публиковаться не пытался.

Вы даже не представляете себе, насколько скучной была тогда информация о Советском Союзе, поэтому при публикации бывали ошибки. Например, поначалу мы даже не знали, как зовут Высоцкого, думали, что его имя — Виктор. Одна подборка так и называлась — «Песенки Виктора Высоцкого». Да и качество доходящих до нас записей было очень неважное. Скажем, четвёртую строку песни «Ты уехала на короткий срок» я услышал: «И на прииски — подай Бог», а на самом-то деле там: «И на прииски в Бодайбо». Мы о Бодайбо здесь и понятия не имели. Кстати, именно так, с ошибкой, я и перевёл эту песню.

**М.Ц.** — А когда были напечатаны Ваши первые переводы песен Высоцкого на английский?

**М.А.** — 28 февраля 1970 года в приложении к газете «Глоб энд Мэйл». Там было напечатано четыре песни: «Рано утром проснёшься...», «Зека Васильев и Петров Зека», «Уголовный кодекс» и «Свой первый срок я выдержать не смог». Вот вам опять недостаток информации: я думал, что песню «Рано утром проснёшься...» Высоцкий не только исполнял, но и сочинил.

Затем были ещё публикации — в газетах «Торонто Телеграф», «Торонто Сан», журналах «Восточная Европа» и «Проблемы коммунизма» и других изданиях. В 1981 году была идея издать переводы отдельной книгой, но когда я увидел, что издатель хочет фактически лишить меня прав на эту книгу, я сразу же отказался. В 1987 году

была выпущена кассета «Стихи и песни Владимира Высоцкого». Там мои переводы читает американский актёр, а потом эту же песню поёт сам Высоцкий.

**М.Ц.** — Как Вы познакомились с Высоцким?

**М.А.** — Сначала мы познакомились заочно. В 1976 году во время Олимпиады Высоцкий с женой прилетели в Монреаль. Я позвонил ему в отель, представился, рассказал о своих работах. Он был приятно удивлён, когда узнал, что переводы его стихов публиковались в Канаде. Он сразу же предложил мне встретиться, но я был в Торонто, а он в Монреале. Потом мы ещё несколько раз говорили по телефону, когда он приезжал в Канаду. В 1977 году я через Барышникова передал ему часть своих переводов. Личное же знакомство состоялось в апреле 1979 года, когда Высоцкий прилетел в Торонто.

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

**М.А.** — Организовывал выступления Высоцкого в Торонто его приятель, Алик Лациник. Уже был снят зал гостиницы «Инн он зе Парк», как вдруг началось неожиданное: Высоцкому не давали визу. Выручил канадский знакомый Высоцкого — Жиль Тальбо, и визу, в конце концов, дали.

Первоначально планировалось, что будет одно выступление — в гостинице, но потом Высоцкий согласился дать ещё один концерт, в узком кругу. Это выступление состоялось в оздоровительном центре, популярном среди русских эмигрантов. Собралось, примерно, семьдесят пять человек. Лев Шмидт, помогавший Лацинику в организации концертов, договорился со звукооператорами, и концерт записали на плёнку.

На следующий день состоялось официальное выступление. В финансовом отношении концерт не удался, народу пришло не много, не более пятисот человек.

**М.Ц.** — А как проходило Ваше личное общение с Высоцким?

**М.А.** — Он произвёл на меня исключительно хорошее впечатление — очень порядочный, очень скромный. И очень большой. Чувствовалось, что ему было нехорошо. Мы поговорили о его стихах, о переводах. Он надписал для меня буклет «Владимир Высоцкий», выпущенный в Москве. Потом мы сфотографировались вместе. Я спросил, можно ли это фото опубликовать. Он ответил, что после его смерти можно будет опубликовать всё. Я сказал, что он оставляет мне немного шансов, поскольку я старше на двадцать пять лет. На это он заметил: «Поэты в России долго не живут».

*По материалам бесед 1990–1997 гг.  
(Copyright © 2005)*

---

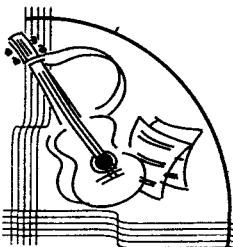
**АЛЛЕН, Миша** (наст. имя — Михаил Юрьевич Каценеленбогенас). (1911–2001). Родился в городе Поневеже Ковенской губернии (ныне — Паневежис, Литва), окончил литовскую гимназию.

В 1930 г. приехал в Канаду, где уже жил его отец. Поступил в Университет Торонто. В связи с нехваткой средств оставил университет, окончил бухгалтерские курсы. Сменил труднопроизносимую фамилию на привычную для канадского уха — «Аллен». («Я приехал в Канаду во время Великой депрессии, — рассказывал он мне. — Приходил на биржу труда. Спрашивали: «Как фамилия?» Я отвечал: «Каценеленбогенас». Вы представляете, какие у меня были шансы получить работу с фамилией, которую никто не мог выговорить?»)

Во время Второй мировой войны служил переводчиком в канадской армии (знал в совершенстве литовский, английский, русский, немецкий и идиш.) После войны служил менеджером крупной фирмы по торговле мехами.

М. Аллен переводил не только Высоцкого, но и М. Ножкина, которого в начале 1970-х годов считал по уровню равным Высоцкому, Окуджаве и Галичу. Он первым перевёл и опубликовал стихи Высоцкого на английском. Он же первый (и, по моим сведениям, единственный) перевёл одно стихотворение Высоцкого («Антисемиты») на идиш.

Умер М. Аллен в 2001 году, немного не дожив до своего девяностолетия.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Белла Ахатовна АХМАДУЛИНА

**М.Ц.** — Позвольте начать нашу беседу с профессионального вопроса. В чём, на Ваш взгляд, сильные и слабые стороны поэта Высоцкого?

**Б.А.** — А у него нет ни таких, ни сяких. Он настолько единственный, что его поэзию не с чем сравнивать. Я читала его рукописи уже спустя какое-то время после его смерти. Я увидела, как он работал над словом: зачёркнуто, зачёркнуто, снова, снова. Он искал слово. А потом, наверное, театр терзает, или ещё что-то терзает — и думает голосом вытянуть.

Он считал себя поэтом, и он, безусловно, поэт. Но его амплуа, его жанр — это бывает на свете один раз, это не с чем сравнивать. Он один, он таков. В этом не может быть изъянов — он один.

**М.Ц.** — А как сам Высоцкий относился к своему творчеству? В. Коротич, например, говорил мне, что в обществе профессиональных поэтов он тушевался...

**Б.А.** — Я не видела его с другими профессиональными поэтами. Со мной он всегда только радовался, блестал. Кроме того, что он был блистательным актёром, в нём был великий артистизм человека. При мне он нисколько не тушевался. Я уверена, что своё место он знал и знал, что место это единственное. Но при этом он искал уверенности, независимости от театра, от всего, чему он что-то должен. Ему, конечно, более всего хотелось писать.

Б.А. АХМАДУЛИНА **О Владимире Высоцком вспоминает** || 17

Я всегда понимала, что он хочет быть напечатанным. Я не знала, что он хотел вступить в Союз писателей, это было бы кошмарно. Он искал независимости, но это было бы совсем ужасно.

Я помню, мы с Володей и Мариной встречали Новый год в одной компании, и там был человек, ныне покойный, имя которого я не хочу называть. А я всё время хотела помочь Володе напечататься. Ведь вся страна пела уже его песни, жила его голосом! И я этого человека спросила, нельзя ли как-то напечатать Володю. Ну хоть что-нибудь, хоть немножко! На что тот человек ответил: «Через мой труп!». Я вспоминаю это безо всякого злорадства, но всё-таки таким словами не бросаются. Вот как они относились к этому.

А Володя так хотел увидеть свои стихи напечатанными! Он искал подтверждения своей литературности. Ведь это замечательные его сочинения! Он был замечательным артистом, прекрасным человеком — добрым, милым, щедрым. Но полагал он себя, прежде всего, поэтом. И был абсолютно прав. А место его в литературе — оно одно, оно уникально.

**М.Ц.** — Мне хотелось бы немного коснуться участия Высоцкого в создании «Метрополя». В. Ерофеев писал, что Высоцкий начинал работу над песней, посвящённой «Метрополю», даже однажды спел из неё несколько куплетов. Песни этой никто не знает, рукопись не найдена. Вы помните эту песню?

**Б.А.** — Об этом Вы можете спросить у самого Виктора Ерофеева, я такой песни не знаю. «Метрополь» же оказался, фактически, первым изданием, где Володины стихи были напечатаны. Когда-то мне удалось напечатать одно его стихотворение в альманахе «День поэзии». Оно былоискажено, что-то там выкинули, и он мне так устало сказал: «А зачем ты это делаешь?».

— А насчёт песни этой Вы к Ерофееву обратитесь, я её не знаю. Вообще, Володя всегда очень щедро пел. Однажды,

я помню, он вернулся из Крыма и пришёл ко мне. Он был в чудесном настроении, рассказывал изумительно — просто блистал — и пел, и читал. При этом присутствовал поэт Павел Антокольский, и он всё это записал на магнитофон. Это была бы такая драгоценность! Но Антокольский потерял эту запись.

**М.Ц.** — Существует видеозапись, сделанная телевидением ФРГ в декабре 1975 года. Считается, что запись сделана у Вас на даче в Переделкино... Вы специально устроили эту встречу для Высоцкого?

**Б.А.** — Я просто не знаю, о чём Вы говорите. У меня всегда болтались какие-то корреспонденты. Я ничего специально не устраивала.

У меня много посвящений Высоцкому в стихах и прозе. Я всегда отстаивала его единственность, его абсолютную профессиональность. Я всегда вспоминаю, как он работал над словом.

А какие-то приметы есть, кроме того, что там есть какой-то корреспондент?

**М.Ц.** — Есть приметы. Высоцкий отвечает на вопросы этого корреспондента. Он поёт, Вы читаете своё стихотворение «Снимок»... Все сидят у камина.

**Б.А.** — Да? И Володя там есть?

Если там есть камин, то это не на даче, а в мастерской Бориса Мессерера в Москве, на Поварской, дом 20. Володя там любил бывать, часто бывал. Там бывали и корреспонденты. Там напротив — посольство. Милиционеры, когда Володя подъезжал, они в таком счастье были!

**М.Ц.** — Вам приходилось встречаться с Высоцким за границей?

**Б.А.** — В декабре 1976 года Володя и Марина пригласили нас с Борисом Мессерером в Париж, я недавно написала об этом<sup>1</sup>. Высоцкий приезжал туда, он же не мог всё время быть в Париже. Он же в театре служил. И съёмки

в кино — всегда неудачные, всегда не то... Однажды мы с Володей гуляли и заблудились рядом с «Гранд-Опера», и он мне сказал: «Знаешь, а в одном я тебя превзошёл». Я сказала: «Да ты во всем превзошёл меня». — «Нет, я ориентируюсь ещё хуже, чем ты».

**М.Ц.** — Как Высоцкий относился в своей славе?

**Б.А.** — Он видел свою славу, но она была для него докукой, она его утомляла. Хотя, конечно, когда он выходил из театра и кричал: «Шеф!» и все мчались на его зов, это было ему лестно.

Слава... Ведь сколько лет прошло, новое поколение народилось, а до сих пор на Ваганьково укромно не придёшь. Всегда народ, всегда кто-то плачет, кто-то поёт, кто-то стихи читает.

**М.Ц.** — Какая черта характера Высоцкого была для Вас наиболее привлекающей?

**Б.А.** — Он был необыкновенно щедрый, необыкновенно добрый человек. Ему ведь очень трудно приходилось зарабатывать деньги, к тому же он был окружён всяческими запретами. У меня однажды было такое положение, что совершенно необходимы были деньги, я ему позвонила... Он думал буквально полминуты, где взять деньги, а потом их привёз.

А потом мы все встретились в Минске — Марина, Володя и я. Он озвучивал там какой-то фильм на минской киностудии. И я ему сказала: «Володя, а вот тебе деньжонки!» Он говорит: «Какие деньжонки? Ты что, с ума сошла?!» — «А вот я тебя просила, и ты мне привёз. Позволь отдать».

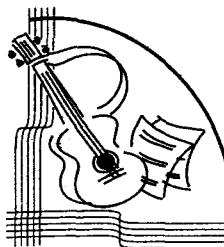
Все смеялись тогда, а ведь это же очень важно. Ведь у него у самого тогда не было, он для меня их достал.

<sup>1</sup> Ахмадулина Б. Робкий путь к Набокову // Литературная газета. 22.01.1997. С. 12–13.

**АХМАДУЛИНА, Белла (Изабелла) Ахатовна.** Поэтесса. Родилась 10 апреля 1937 г. в Москве. В 1960 г. окончила Литературный институт им. Горького. Публикуется с 1955 г. (журнал «Октябрь»). В 1962 г. издана первая книга Ахмадулиной «Струна». В 1978 г. участвовала в издании альманаха «Метрополь».

Бродский считал Ахмадулину «несомненной наследницей Лермонтово-Пастернаковской линии в русской поэзии», поэтом, чей «стих размышляет, медитирует, отклоняется от темы; синтаксис — вязкий и гипнотический — в значительной мере продукт её подлинного голоса».

Много переводила Н. Бараташвили, И. Абашидзе, Г. Тайдзе, С. Чиковани и других грузинских поэтов. Автор многочисленных эссе — о В. Набокове, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Вен. Ерофееве, А. Твардовском, П. Антокольском.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Донатас БАНИОНИС

**М.Ц.** — Скажите, пожалуйста, где и когда Вы познакомились с Высоцким?

**Д.Б.** — Песни Высоцкого я услышал в первый раз давно, где-то в начале 1960-х годов. Но тогда мы не были знакомы. Познакомились мы на «Таганке», произошло это году в 1971-м, я думаю. Я смотрел «Гамлета» с его участием. Но я мало с ним общался.

А потом мы вместе с ним снимались у Швейцера в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли». Там у Высоцкого оказалась небольшая эпизодическая роль, он там пел свои зонги. Мы были вместе в Будапеште, где снимались наши совместные сцены. В то время он был в очень плохом настроении. Он был таким закрытым там, почти не общался. Такое впечатление, что он находился в сильной депрессии. Я даже думал: почему он не хочет с нами общаться? А мне сказали, что он в таком состоянии, когда ему ничего не интересно. Плохо, видимо, было ему и физически, и психологически.

**М.Ц.** — А другие личные встречи, помимо контактов в Будапеште, у Вас с Высоцким были?

**Д.Б.** — Помню, мы снимали сцены фильма Тарковского «Солярис». Это в Ялте было, и Высоцкий пришёл с одним другом. Но к Тарковскому он не заходил, он всё время находился на улице. А мы были в гостинице, и я хотел, чтобы он зашёл, но ему снова не захотелось общаться.

Потом мы были партнёрами с Мариной Влади в Ленинграде в фильме «Пьющие кровь». Она мне рассказала, почему с ним было так плохо. Она даже говорила, что если бы он приехал в Париж на похороны её сестры, может быть, она бы ещё могла его спасти. Но он был в Москве и уже мало общался с Мариной.

*М.Ц. — Каково Ваше мнение о Высоцком — театральном актёре и киноактёре?*

**Д.Б.** — Ну, это, безусловно, очень сильный актёр, очень! И театральный, и актёр кино. «Гамлет» — это очень интересная работа. Работа интересна тем, что там был «Гамлет» другой, не классический, не такой, которого мы привыкли смотреть. Конечно, это режиссёрская работа, так Любимов его повёл.

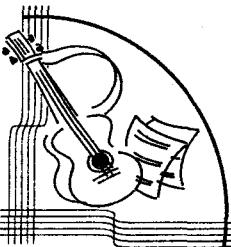
Наш режиссёр, Мильтинис, критически относился к такой трактовке, потому что образ слишком модернизирован. Он придерживался такого классического взгляда на Шекспира. Я и сам не на сто процентов принимаю этот модернизм — в этом случае форма преобладает над сутью. Важно то, что Высоцкий сильно, очень сильно сыграл то, что от него хотел режиссёр. Тут уже речь идёт не о сюжете, а о том, как он это делает, как он играет. Но важно, что Высоцкий очень сильно сыграл то, что от него требовал режиссёр.

2.01.2006 г.  
(Copyright © 2006)

---

**БАНИОНИС, Донатас (Donatas BANIONIS).** Актёр. Родился 28 апреля 1924 г. в Каунасе, Литва. В 1941–1945 гг. учился в актёрской студии Юозаса Мильтиниса. С 1941 г. — актёр, в 1980–1984 годах — главный режиссёр, в 1984–1988 гг. — директор и художественный руководитель Паневежского драматического театра.

За годы своей творческой деятельности создал свыше 100 ролей на сцене, около 50 — в кино и на телевидении, среди них — главные роли в кинофильмах «Никто не хотел умирать», «Мёртвый сезон», «Гойя, или Тяжкий путь познания», «Солярис», «Бегство мистера Мак-Кинли» и др. Лауреат многих международных и национальных кино- и театральных фестивалей. Народный артист Литовской ССР (1973), Народный артист СССР (1974). Лауреат Государственных премий СССР (1967, за участие в фильме «Никто не хотел умирать»; 1977 — «Бегство мистера Мак-Кинли»). В 1999 г. награждён медалью им. Ханжонкова в номинации «За выдающийся вклад в киноискусство». Кавалер Ордена Великого Литовского Князя Гедиминаса 3-й степени, Большого креста Командора «За заслуги перед Литвой». Автор книги «Мемуары» (Вильнюс, 2004 — <http://www.patogupirktilt/book/book.asp?ISBN=9955-601-17-5>). Академик Международной Академии театра. Председатель благотворительного Литовско-Российского фонда гуманитарного сотрудничества им. Юргиса Балтрушайтиса (<http://www.baltrusaitis.lt>). Почётный гражданин города Паневежис. В настоящее время живёт и работает в Вильнюсе.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Андрей Васильевич БЕЛЕЦКИЙ

**М.Ц.** — О том, что однажды к Вам обратился за помощью Владимир Высоцкий, я узнал из короткой заметки в газете «Ворошиловградская правда» от 19 марта 1989 года. Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

**А.Б.** — Да, было дело такое... Высоцкий приехал к нам в город на гастроли. Ему тогда как раз сорок лет исполнилось. Ко мне обратилась женщина, бывшая организатором его выступлений в нашем городе. Сказала, что Высоцкий потерял голос, надо помочь.

Ну, привезли его ко мне. Голос у него действительно практически отсутствовал, он разговаривал шёпотом, еле слышно. Я его посмотрел, установил диагноз: хронический ларингит (воспаление гортани. — *М.Ц.*). Потом, через несколько лет, когда я был в Москве на курсах повышения квалификации в Центральном институте усовершенствования врачей, мне сказали, что всего четыре человека видели его гортань — три в Москве и один в Северодонецке. Меня коллеги даже просили, чтобы я нарисовал, какие у него были истинные голосовые связки, какие ложные голосовые связки. Ведь никто не мог понять, почему он пел таким необычным голосом.

Но это уже другая история. А на тот момент я увидел у него обострение хронического процесса. Надо было что-то делать. Он сказал: «Сделайте что-нибудь, чтобы в пять часов вечера я мог бы уже выступать». А было десять часов утра.

Я с ним занимался часа два-три. У нас есть такие методики интенсивной терапии. В конечном итоге голос у него появился. На концерте в тот день я находился за кулисами. Приходилось каждые двадцать пять — тридцать минут делать ингаляции лекарственных веществ на голосовые связки, чтобы снять отёк. Вот таким образом он и провёл выступление.

В тот день у него был один концерт. На следующий день он с утра пришёл на лечение. Как мне помнится, у него был концерт в 10 часов утра, потом в час дня, потом — в 5 часов вечера. То есть нагрузка была очень интенсивной, но под защитой лекарственных препаратов всё прошло благополучно.

Мы с ним подружились за это время. Он меня пригласил приехать в гости. Дал телефон и сказал: «Вот это — телефон моей мамы. Этот номер знают примерно тридцать человек. Меня же найти невозможно, но мама знает, где я. Если по этому телефону позвоните, она меня с Вами свяжет».

Ну, понимаете... Я ведь думал, что он будет жить ещё долго-долго. Вырваться в Москву я не смог, а мой коллега, Коган Леонтий Александрович, ездил в Москву, сказал, что он из Северодонецка, и в результате побывал на всех спектаклях «Таганки».

**М.Ц.** — Какие Ваши впечатления от общения с Высоцким?

**А.Б.** — Человек исключительный. Очень контактный. Вот, скажем, так. Уже на второй день он пришёл с гитарой, сказал: «Я Вам песню спою, мне её со сцены петь не разрешают, а Вам я спою, Вы будете одним из первых слушателей. И спел «Протопи ты мне баньку по белому...»<sup>1</sup>.

Народ понабежал, я хотел их разогнать, но он сказал: «Нет-нет, это же мои слушатели, пусть остаются». Автографы давал всем желающим.

**М.Ц.** — Мне, как врачу, интересно, какие методики Вы применяли, что так быстро смогли восстановить голос Высоцкого?

**А.Б.** — Противовоспалительная терапия, противоотёчная... Использовал кортикостероидные препараты, вливание гидрокортизона, это сняло отёк связок. Ингаляции применял с антибиотиками. Задача была — снять отёк голосовых связок.

**М.Ц.** — Вот тут, мне кажется, уместно вернуться к Вашему рассказу коллегам на курсах в Москве. Голосовые связки Высоцкого — они были какими-то особыми?

**А.Б.** — Вы знаете строение гортани?

**М.Ц.** — Изучал в курсе анатомии в медицинском институте, в общих чертах помню, конечно. Но для непрофессионалов, думаю, нужно пояснить.

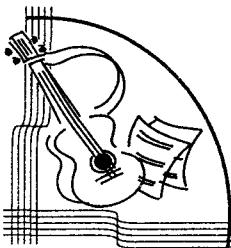
**А.Б.** — По краям голосовой щели находятся так называемые истинные голосовые связки. Над ними расположены ложные голосовые связки, предохраняющие истинные, они, в принципе, не участвуют в образовании голоса. Но у Высоцкого ложные голосовые связки были гиперплазированы, они практически перекрывали истинные. Он, собственно, и пел за счёт ложных голосовых связок, а истинные еле-еле просматривались, вот это самое главное. К тому же ложные голосовые связки у Высоцкого имели фестончатое строение, поэтому и голос его был такой необычный, ни на чей не похожим.

31.12.2005 г.  
(Copyright © 2006)

кий иногда умышленно говорил слушателям, что исполнит новую песню. Видимо, делалось это для того, чтобы просто сделать людям приятное.

**БЕЛЕЦКИЙ, Андрей Васильевич.** Врач. Родился в 1929 г. Долгие годы работал в медсанчасти объединения «Азот» (г. Северодонецк Луганской области), был заведующим отделением отоларингологии. В настоящее время на пенсии. С 1997 г. — почётный гражданин Северодонецка.

<sup>1</sup> Конечно, любители творчества Высоцкого знают, что «Банька по-белому» написана за десять лет до концертов в Северодонецке. Случай, однако, не уникальный. Высоц-



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

**Анатолий Андреевич БОРИСОВ**

**М.Ц.** — Вы были ассистентом оператора на картине «Особое мнение». Почему в окончательную редакцию фильма не вошёл эпизод с Высоцким?

**А.Б.** — Эпизод с Высоцким не вошёл в картину, потому что сам режиссёр сказал: «Это вставной номер». Он, в конце концов, в этом убедился. Но если смотреть картину и знать, что там был эпизод с Высоцким, то видишь, что что-то от этого эпизода в сценарии осталось. У главного героя всё не клеится, и дело, которое он пытается раскрыть, не поддаётся. Он всё время вспоминает своего старого друга с подводной лодки. И вот тогда к нему приезжает этот его друг, которого играл Высоцкий. Они сидят на берегу моря, едят рыбу, а потом Высоцкий поёт «Уходим под воду...».

Потом Жилин решил, что песня в фильм не годится, а периодические воспоминания главного героя о друге, с которым они служили вместе, остались.

**М.Ц.** — Вы помните, как снимали этот эпизод?

**А.Б.** — Ну конечно! Съёмки проходили в Санжайке, снимали весь вечер и всю ночь. Наварили тройной ухи на костре — это видно на фото. И посадили рядом маячника с маяка, который стоял совсем недалеко. Эпизод снимался по частям, и для очередного дубля запускали с определённого места фонограмму песни «Уходим под воду в нейтральной воде...». Мы слышали её впервые, но к утру уже знали назубок из-за многократного — может,

**О Владимире Высоцком вспоминает** || 29  
А.А. БОРИСОВ

стократного — повторения. Наутро молодежь ходила и повторяла: «На-по-по-лам», а ветераны, одуревшие от бессонницы, показывали кулаки и говорили: «Ещё раз скажешь — убью!».

**М.Ц.** — А ведь Жилин поначалу такился за этот эпизод...

**А.Б.** — Бился, да. И за Высоцкого бился. Я сам случайно присутствовал при разговоре Жилина с директором фильма. Жилин ей сказал: «Надо бы Высоцкому рублей двести заплатить за песню». А она: «Да ты что?! Такие деньги!». — «Ну он же специально для фильма песню написал». Не знаю уж, сколько они ему, в конце концов, заплатили, но потом Жилин понял, что этот эпизод там не смотрится, он там не нужен.

Вообще, фильм получился неинтересный. Изначально, по сценарию, он был кабинетным таким, и режиссёр всячески пытался его разнообразить. Там масса эпизодов, которые из кабинетов были перемещены на природу — куда возможно. Где-то герои ловят рыбу, где-то они в кафе сидят... Хотя по актёрскому составу фильм был сильным — играли Ефим Копелян, Элла Леждей, Пантелеимон Крымов, — но оказался неинтересным.

**М.Ц.** — После этого Вы встретились с Высоцким уже на съёмках «Опасных гастролей»?

**А.Б.** — Да, работали вместе мы на «Опасных гастролях», но на Одесской студии я его частенько видел и до того. Например, во время съёмок «Коротких встреч». Однажды был смешной эпизод. Я в конце дня вышел со студии, сел в троллейбус и поехал домой. И тут слышу — двое парней разговаривают: «А ты слышал, что Высоцкого посадили?» — «Да ну!» Я не выдержал, подошёл и говорю: «Ребята, вы извините, но я видел Высоцкого десять минут назад».

**М.Ц.** — Да, вокруг Высоцкого всегда клубились слухи и сплетни, и Одесса, конечно, не была исключением. Но давайте поговорим о вещах реальных — например о съёмке сцены из «Опасных гастролей» под названием «Пикник».

**А.Б.** — Это под Одессой снималось, на Николаевском лимане. Это недалеко от города, минут двадцать—тридцать. В этом эпизоде Высоцкий пел песню «Я не люблю». Это была их совместная сцена с Копеляном: когда тот произносит фразу, что господа артисты не занимаются политикой, то Высоцкий начинает петь эту песню. В этом эпизоде ещё участвовали Пырьева и Гринько.

В этой картине я работал ассистентом звукооператора. Все песни Высоцкого в фильме писались под фонограмму, а «Я не люблю» он исполнял «вживую». Может быть, оказалось, что техническое качество записи получилось несовершенным, и из-за этого песня в фильм не вошла. Но возможно, конечно, что она не вошла из-за своей остроты. А может быть, оба фактора сыграли роль, я не знаю.

**М.Ц.** — Юнгвальд-Хилькевич говорил, что и «Моя цыганская» («В сон мне — жёлтые огни...») тоже планировалась в этот фильм и не вошла, но деталей я не знаю...

**А.Б.** — Вы знаете, эта песня, можно сказать, рождалась у меня на глазах. Это ещё в Санжайке было, на съёмках «Особого мнения». Я тогда его впервые увидел — какая-то одежда на нём типа рыбакской была, сапоги... Сам чуть пьяненький ходил он с гитарой по обрыву и напевал «Цыганочку». Как я понял потом, он отрабатывал эту песню. Потому что к нему все кидались — «Володя, спой!». На том фильме работало много людей, знавших его и по «Вертикали», и просто по контактам на Одесской студии.

И он пел. Я хорошо помню, что он пел такую песню:

Если вас ударят в глаз —  
Вы, конечно, вскрикните,  
Раз ударят, два ударят,  
А потом привыкните.

То есть это песня на мотив «Цыганочки». Как мне кажется, его собственная «Цыганочка» у него в голове тогда всё время крутилась и была уже где-то на подходе.

В тот период он пел эту «Цыганочку» постоянно, это была его программная песня на тот момент. Как где-то какая-то пауза — Володя поёт «Цыганочку», так что я слышал её в его исполнении десятки раз.

**М.Ц.** — Ну это в перерывах. А что Вам запомнилось из съёмок картины?

**А.Б.** — Киноначальство не хотело разрешить снимать Высоцкого. А Юнгвальд-Хилькевич хотел снимать только его. Требовалось убедить начальство, поэтому для виду проводились пробы других актёров. Помню, на пробы приехал какой-то парень из Ленинграда. Взял гитару, спел, сыграл какой-то кусок из сценария...

Хилькевича на этих пробах не было, он пришёл позднее, говорит: «Ребята, включите мне эту запись». Мы включили, он посмотрел — и заплакал горькими слезами (правда, надо сказать, что пришёл он здорово пьяный), на самом деле заплакал: «Ну разве можно это сравнить с Высоцким?! Высоцкий — это же Пушкин двадцатого века!». Я это дословно запомнил.

Хилькевич Высоцкого просто богочорил. Вот снимается эпизод. И вдруг Высоцкий говорит: «Нет, это не так снимать нужно». Объясняет, что он имеет в виду. Хилькевич сразу: «Так, стоп, переснимаем».

**М.Ц.** — С. Стреженюк, редактор Одесской студии, однажды сказал, что в сцене «На пикнике» снималась Марина Влади, а потом эпизод с ней вырезали...

**А.Б.** — Нет, она не снималась. Она приезжала во время съёмок «Опасных гастролей» два раза. Сначала она приехала во время работы над эпизодом у памятника Пушкину, в котором занят Высоцкий и Пырьева. Помню, она была в таком очень красивом пальто, вроде расшитая дублёнка.

Это был март 1969 года. Было холодно, я сидел на своём рабочем месте в тонвагене, и туда зашли Высоцкий и Влади. Я сидел от них за перегородкой, а они там целовались. Их роман был в самом начале.

А потом она приехала весной и была с нами на съёмках на лимане. Марина Влади была совсем без грима, в простенькой такой шерстяной кофточке. Съёмки шли своим чередом, а она просто присутствовала.

А потом был такой случай. Мои знакомые ребята поехали с нами на съёмки посмотреть на Высоцкого и Влади. Они купили водки и начали меня подкалывать: «А можешь пойти и пригласить её выпить с нами?». Пришлось подойти... Она очень простой и контактный человек, но выпить отказалась.

Разговоры о том, что, дескать, а может, она снимется, были, но Хилькевич объяснил: «Если она снимется даже в крошечном эпизоде, то ей нужно будет заплатить больше, чем стоит вся наша картина».

Ещё хочу рассказать такой эпизод из «Опасных гастролей». Снимали сцены, где Высоцкий переодевается нищим. Было это уже поздним вечером около операторского цеха, который находится под знаменитым съёмочным павильоном № 1. Ещё до начала работы стоит часть съёмочной группы: Жора Юматов, по-моему, Шубарин, и тут вдруг появляется грязный, замызганный нищий. Это был Высоцкий, но его никто сразу не узнал. Это было потрясающее перевоплощение: и внешнее (очень

серёзное), но главное — внутреннее. Он нашёл какой-то очень точный стержень нового образа. Буквально его чуть не спросили, а что, собственно, Вы здесь делаете и как прошли. Это была минута оцепенения, когда догадались, что это Высоцкий. И тут Юматов, чтобы как-то выйти из неловкости, произнёс свою фразу по роли: «Ну, в Петербурге ты явишься в костюме турецкого султана или что-то в этом роде».

Если быть совсем точным — эпизод снимался рядом с операторскими кабинами, между операторским цехом и звукоцехом, но всё же ближе к операторскому. Продолжение эпизода с нищим снималось уже на старой студийной проходной. Сейчас она закрыта. Очень интересно была сыграна Володей уличная сцена. Он подходил к филёру и на разные голоса просил: «Ну подай мне копеечку. Ну хоть одну копеечку. Я тебя очень прошу — ну одну копеечку». Всё это он обыгрывал на самые разные лады, разными голосами, кривляясь, дёргая за пиджак стукача.

Мы, я имею в виду съёмочную группу, лежали от смеха вповалку. И всё как-то было грандиозно и красиво. Представьте себе: тёмная южная ночь, голубовато-белая студийная каменная ограда, львы на колоннах у ворот, яркий свет — и ажурная импровизация Володи, где он практически по тексту ничего не говорил. Очень жаль, что в фильм вошли лишь какие-то маленькие кусочки из сыгранного Володей в тот вечер. А лично я увидел в нём, причём абсолютно реально и наглядно, кроме прочих достоинств, ещё и большого мастера перевоплощения.

**М.Ц.** — У Вас были какие-то личные контакты с Высоцким?

**А.Б.** — Я Вам так скажу... Высоцкий был человеком довольно жёстким. Я совсем другой, и у меня было впечатление, что он меня недолюбливает. Но однажды

произошёл такой случай. Если Вы помните, в фильме есть эпизод, когда герои Высоцкого и Юматова нанимают бандюжников.

Мне, как звуковику, надо было сидеть с микрофоном как можно ближе к месту действия, поэтому я сидел под ближайшей к Высоцкому телегой. И вдруг какую-то лошадь понесло, остальные лошади тоже задвигались и, естественно, задвигались и телеги. Народ киношный перепугался, потому что меня же раздавить могло. Но лично я пережил всё это легко, вылез из-под телеги, не показав страха. И вот после этого я заметил, что Высоцкий стал ко мне по-другому относиться. Что-то такое я приобрёл в его глазах.

А был и другой эпизод. Случился перерыв между съёмками, и Высоцкого попросили спеть. Он начал петь одну песню за другой: «Жираф большой — ему видней», «Якистребитель», «Их восемь, нас двое». Он спел тогда массу песен, которые я вообще никогда не слышал. Потом он начинает песню «Четыре года рыскал в море наш корсар...», доходит до какого-то куплета... Вдруг смотрит на меня, ругается матом — и всё. Все к нему: «Володя, ну допой!» — «Нет». Отказался петь наотрез. Может, из-за меня? Я не знаю. Я потом эту песню только через год где-то услышал с магнитофона и только тогда узнал, чем она закончилась.

А вот случай, который я Вам сейчас расскажу, на мой взгляд, очень важен для понимания личности Высоцкого. Снимался эпизод с канканом, там, где Высоцкий поёт «В томленье одиноком...». Снималось это в так называемом «Щорсовском» павильоне — там Довженко снимал «Щорса». Я сидел в тоннеле и оттуда выдавал фонограмму им в павильон. И что-то у меня не получалось, я всё время делал не так — подавал фонограмму не с того места и вносил диссонанс в работу.

Высоцкий опаздывал. У него были спектакли, и надо было срочно лететь в Москву. Я слышал, как он говорил:

«Я не могу, ребята, я должен ехать». Хилькевич говорит: «Володя, я тебя умоляю — нужно сделать это сейчас».

И на самом деле: он мог приехать только через месяц, что ли. Значит, надо было по новой делать декорации, по новой собирать актёров — то есть всё начинать с самого начала.

Оставалось ему до отъезда со студии — ну минут десять—пятнадцать. И вот записывает последний дубль — удачный на этот раз, — а автобус, который должен везти его в аэропорт, уже заведён. И вот он впрыгивает в этот автобус уже чуть ли не на ходу, и уже там начинает сдирать с себя грим. Мы были тогда просто потрясены его выдержанкой: с полной отдачей снимать дубль, опаздывая на самолёт!

И ещё один случай, который тоже много говорит о его характере. Сцены в губернаторском доме мы снимали в одесском Доме учёных, там роскошный интерьер. И вот одна девушка знакомая, фанатка Высоцкого, попросила меня провести её. Ну одного человека провести — не проблема. Я провёл её, посадил, она сидит и млеет: снимается сцена фильма, и Высоцкий поёт: «Дамы, господа, других не вижу здесь...».

В перерыве между дублями она мне говорит: «Слушай, возьми у него автограф». Ну мне как-то неудобно было, я другого человека попросил. Вижу: он идёт к Высоцкому, протягивает ему блокнот, показывает на эту девушку. Володя подымает голову: «Как тебя зовут?». Она говорит: «Лена». Он чего-то пишет, возвращает ей блокнот. Я прошу: «Покажи, что он написал». Она мне показывает: «Леночка, будь счастлива. Владимир Высоцкий».

Мне кажется, это очень интересная деталь. Помню, как один наш футболист знаменитый иначе себя повёл в такой ситуации. К нему после матча парень подошёл: «Распишитесь, пожалуйста». Он сказал: «Я уже расписан», засмеялся и пошёл.

**М.Ц.** — После «Опасных гастролей» Вы с Высоцким не виделись?

**А.Б.** — Нет, больше встреч не было. Последний раз я видел Высоцкого после окончания фильма. Это была первая лента Одесской киностудии, где в начале фильма есть теперь всем известный кораблик, символ студии.

Последний эпизод, который мы снимали, — «Пожар на складе». На берегу была построена декорация. Реквизиторы всё пересчитали, а потом всё это подожгли. Это были ночные съёмки, а рано утром появляется Марина, и вот тогда я их увидел последний раз. Володя был в водолазке, на которой был прицеплен значок Одесской киностудии, — в то время отмечалось её 50-летие.

Съёмки уже, собственно, были закончены. А Вы помните, что в фильме упоминался пароход «Святая Елена»? И вот Володя с Мариной идут и видят в море кораблик. Это был кораблик из яхт-клуба. И Володя вдруг говорит: «Смотрите — «Святая Елена» причалила!». И Фёдор Сильченко, оператор, кричит: «Давай немедленно снимай!». И вот этот финальный кадр в фильме — это кадр Высоцкого.

22.04.2007 г.  
(Copyright © 2007)

---

**БОРИСОВ, Анатолий Андреевич.** Родился 23 ноября 1944 г. в селе Мостки Луганской области в семье кадрового военного. В 1946—1950 гг. жил в Германии, по месту службы отца, потом — в Муроме и Иваново, в 1958 г., после демобилизации отца, семья переехала в Одессу. Рано пошёл работать, продолжая учиться в вечерней школе; работал матросом на спасательной станции в «Аркадии», санитаром на «скорой помощи», учеником наладчика токарных автоматов на заводе п/я 27, радиомонтёром, контролёром ОТК на заводе радиально-сверлильных станков, лаборантом в нефтяном техникуме, учился на вечернем отделении химфака

Одесского государственного университета. В это время начал активно заниматься фотографией, посещал театральные студии.

В июне—октябре 1967 г. работал ассистентом оператора в фильме «Прокурор даёт показания» (в прокате — «Особое мнение»). Затем перешёл на работу в звукоцах ассистентом звукооператора. С конца 1967 г. по осень 1968 г. участвовал в шумоформлении фильмов: «Короткие встречи», «День ангела» (рабочее название «День ангела капитана»), «От снега до снега» (не вышел на экраны), «Случай из следственной практики» (рабочее название «Убийство и никаких следов»), «Поиск» (не вышел на экраны), «Последняя прядь», «Белый взрыв». С осени 1968 г. по осень 1969 г. участвовал как ассистент звукооператора (механик по обслуживанию звукотехники) в фильмах «Если есть паруса», «Повесть о чекисте», «Опасные гастроли», «Тринадцать поручений».

В 1970 г. работал на Орловском телевидении ассистентом оператора, в том же году вернулся в Одессу, оттуда был призван в армию; в 1971—1973 гг. служил в Туркестанском военном округе, в городе Чирчике. Осенью 1973 г. поступил на филологический факультет Одесского государственного университета (заочно) и вернулся на Орловское телевидение. Работал старшим кинооператором, потом режиссёром-оператором, кинорежиссёром, корреспондентом. Снял несколько авторских фильмов: о Бунине — «Итак, он жил тогда в Одессе», Борисе Зайцеве — «Далёкое — близкое», «Было так» — о Высоцком. Живёт в Орле, с 1999 г. работает в пресс-службе Орловского областного Совета народных депутатов.

## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Игорь Леонидович БРОВИН

**М.Ц.** — Давайте вернёмся на много лет назад... Как и когда Вы познакомились с Владимиром Семёновичем?

**И.Б.** — Я тогда работал в пусконаладке и много разъезжал по стране. Основная база была у нас в Москве. Когда я приезжал в Москву, то, безусловно, посещал театры. Мой двоюродный брат работал заместителем директора театра имени Вахтангова, и он меня информировал, где и что стоит посмотреть. Тогда «Таганка» уже гремела, так что я его часто просил достать мне билеты на их спектакли, поэтому Высоцкого сначала увидел на сцене.

И вот в один из моих приездов двоюродный брат говорит мне: «А ты не хотел бы послушать Высоцкого?». — «Ну а как же, — говорю, — кто ж не хочет!» — «Тогда давай приезжай вечером, — и назвал мне адрес. — Высоцкий будет после спектакля, так что приезжай где-то в половине двенадцатого».

Я приехал. Собралась небольшая компания, приехал Высоцкий. Мой брат представил нас друг другу. И знаете, вот сели мы вдвоём — и как будто вокруг нас больше никого не было. Посидели мы с ним, поговорили, наверное, час или полтора. А потом он мне говорит: «Ты знаешь, у нас через месяц будут гастроли театра в Киеве. Не хочешь посетить?». Я говорю: «Ну, конечно, хочу!»

**М.Ц.** — Значит, дата Вашего знакомства с Высоцким устанавливается довольно точно: в Киев «Таганка» приезжала в сентябре 1971 года.

**И.Б.** — Ну, значит, тогда... Домашнего телефона у меня в то время не было, я оставил ему рабочий. При расставании, однако, подумал, что это не всерьёз всё было, — поговорили и забыли.

Проходит ровно месяц. Я в это время находился не в кабинете лаборатории, которой заведовал, а в испытательном зале. Бежит наш инженер Рита: «Игорь Леонидович, там Вам Владимир Семёнович Высоцкий звонил. Сказал, что перезвонит через час».

Он перезвонил, говорит: «Давай прикатывай к театру в половине седьмого вечера, я тебя буду ждать». Мы опоздали минут на десять, но Володя ждал меня. Получил я эти билеты, посмотрел спектакль.

Пока «Таганка» была в Киеве, мы встречались, отдохнули, катались на водных лыжах. Вот тогда и завязались наши товарищеские отношения. Он мне оставил свои московские координаты и сказал: «Когда приезжаешь — сразу звони».

Я в Москву ездил много, обычно раз в месяц-полтора, так что встречались мы часто. Я как раз занимался тогда смазочными материалами, делали их для ВАЗа — Волжского автомобильного завода. Володю это очень интересовало, он много вопросов задавал на эту тему, а я ходил на «Таганку», смотрел его в разных спектаклях и получал большую интеллектуальную подпитку.

Бесед у нас было много, Володя рассказал мне о себе: разведён, двое детей. На телевидение и радио не приглашали, в театре оклад маленький... И тогда мы придумали, как ему помочь — организовывать концерты в Киеве. Я работал в НИИ, в «почтовом ящике», там зал на шестьсот человек. Кроме того, я был секретарём комитета комсомола нашего института, так что знал всех комсомольских секретарей киевских институтов. Володя приезжал дня на три-четыре, и мы ему организовывали концерты — примерно, по три выступления каждый вечер. Прошлись по всем «почтовым ящикам», были на

заводе «Ленинская кузница», в Академии наук Украины, где на концерте присутствовал сам Патон Б.Е., в проектных и научных институтах...

**М.Ц.** — В институте, где Вы работали, Высоцкий ведь тоже выступал? Я имею в виду УкрНИИгипронефть (позже — ВНИИПКнефтехим, Нефтехим).

**И.Б.** — Да, конечно. В то время институт носил название УкрНИИгипронефть. У него было отделение на Крещатике, большое помещение на Кудрявском спуске, 5, а самый большой корпус располагался по адресу: проспект Палладина, дом 46. В каждый свой приезд Высоцкий у нас выступал.

Заработки Володи на киевских концертах были довольно приличные по тем временам. За три дня выступлений по три концерта в день он получал тысяч шесть—восемь. Цена за вход была невысокой, а билеты вообще не продавали. Времена-то тяжёлые были, так что никто не доставал и не приставал, просто быстро объявляли среди своих о том, что будет Высоцкий. Выступление обычно длилось примерно час двадцать. Где-то двенадцать песен с рассказом между ними и ответами на вопросы. Мы проводили эти выступления по линии творческих встреч. Обычно выступления проходили либо в обеденный перерыв, либо в конце рабочего дня — где-то в половине пятого.

Однажды был неприятный момент. Мы организовали выступление Высоцкого в институте пищевой промышленности. Завклубом института загнулся слишком большую цену на билеты. Мы этого не знали, мы-то называли свою цену, которая обычно была от одного до двух рублей, а тот завернул цену рублей десять. Потом эта история вынырнула — люди же общаются между собой: «У вас почём билеты были?» — «По рублю. А у вас?» — «А у нас по десять!». Ну и донёс кто-то в соответствующие органы.

**М.Ц.** — Для Высоцкого это имело какие-то последствия?

**И.Б.** — Сначала органы пришли к завклубом, тот признался во всём. Потом они подъехали в Москву к Володе: «Вы получили за концерт восемь тысяч». Он говорит: «Нет, я получил только восемьсот рублей». Ну и улеглось всё как-то. На нас, организаторов, они так и не вышли. Там была такая хитрая цепочка, что никто не мог указать, кто конкретно занимался организацией концерта.

**М.Ц.** — Сколько же Вы организовали выступлений?

**И.Б.** — Я не фиксировал этого. В общей сложности мы делали это три года — с 1971 по 1973 год. Это была просто дружеская помощь.

**М.Ц.** — А после 1973 года в Киеве концертов Высоцкого не было?

**И.Б.** — После 1973 года были просто встречи, были постоянные контакты и в Москве, и в Киеве. Однажды мы пересеклись в Набережных Челнах в 1974 году (Володя был там с театром на гастролях, а у меня была работа) и на гастролях театра в Риге.

**М.Ц.** — С Иваном Дыховичным Высоцкий в Киев не приезжал?

**И.Б.** — На моей памяти — нет. Он приезжал с Севой Абдуловым. Однажды был такой интересный случай. Володя звонит мне в Киев: «Старик, мы с Севкой едем в Одессу, по дороге заедем к тебе, переноочем. Часов в восемь или в девять будем у тебя». Я говорю: «Конечно, нет проблем!».

Супруга начала стол готовить, биточки делать... Восемь часов — нету. Девять — нету. Десять — нету. Мобильных телефонов не было, так что ничего узнать нельзя. Супруга спать пошла. Вдруг в час ночи слышу

внизу какой-то шум. Выглядываю в окно — стоят штук пять такси, и Володя с водителями разговаривает.

Оказалось вот что. Во-первых, у Володи с Севой спустило колесо, так что потеряли время, пока меняли. Потом въехали в Киев, стали у всех спрашивать, как проехать на улицу Ромена Роллана, где я жил, — никто не знает. Спросили гаишника, так тот ещё и придрался к ним за что-то. Наконец, остановили таксиста. Володя сел к нему в машину, а Сева за ними поехал. Таксист обалдел: «Володя, да никто же не поверит, что я тебя вёз!». И сигналит встречным таксистам: дескать, езжайте за мной.

Приехали во двор, Володя взял гитару и пропел им несколько песен, потом автограф попросили. Бумаги не было, так Володя им на деньгах расписался, и они, довольные, разъехались.

**М.Д.** — Вы были постоянно связаны с нефтяниками. Высоцкий туда не ездил?

**И.Б.** — Собирали мы большую поездку, но всё время графики смещались, так ничего и не получилось. С нефтяниками я Высоцкого знакомил, когда те приезжали в Москву, а туда отвезти Володю не получилось.

**М.Д.** — Вы оказывали дружескую помощь Высоцкому, организовывая его концерты. А он Вам помогал?

**И.Б.** — Вы знаете, в моей памяти Володя — это, прежде всего, надёжный, хороший друг. Однажды у меня был сложный вопрос с квартирой, который никак не решался. В один из приездов Володи в Киев он мне говорит: «Ну что ты маешься? Пошли к Гусеву». А Гусев был председатель горисполкома, по-нынешнему сказать — мэр Киева.

Заходим мы с Володей на второй этаж в горисполком. Он спрашивает: «Владимир Алексеевич у себя?». Секретарша ему: «Да, у себя». — «Доложите ему, пожалуй-

ста, что Высоцкий хочет его видеть». Она в ответ: «Хорошо, доложу», — и продолжает сидеть.

Проходит минут пять, она не двигается. Володя снова к ней: «Я Вас очень прошу, доложите, что Владимир Высоцкий ждёт в приёмной». Она эдак нехотя встала, прошла в кабинет — и вдруг дверь распахивается, выбегает Гусев: «Володя, ты здесь?!». У секретарши глаза расширились от такого приёма — для неё Высоцкий ничего не значил.

Гусев пригласил нас в кабинет, мы поговорили, и буквально в течение пяти—семи минут вопрос с моей квартирой был решён одним звонком Гусева. Потом Володя в этой квартире у меня частенько останавливался.

И ещё один случай Вам расскажу. Я разъезжал часто по стране, занят был постоянно, а Володя всё наседал на меня, чтобы я защищал кандидатскую диссертацию. Материала-то у меня было много, а времени мало. Володя говорил: «Брось всё остальное и сделай диссертацию». Наконец, я диссертацию подготовил. Один из оппонентов у меня был в Москве — заведующий кафедрой МГУ В.Н. Перцов. По тем временам он был самый молодой доктор наук, 32 года ему было.

Я со всеми своими трудами к нему подъехал. Сидим у него в квартире на проспекте Вернадского, а я всё на часы посматриваю. Оттуда до «Таганки» путь не близкий, а в этот вечер я хотел спектакль с Володей посмотреть. Перцов заметил моё нетерпение: «Куда Вы спешите?». Я говорю: «В театр на Таганке». — «Ну да?!» И супруге своей: «Ты посмотри, что делается! На «Таганку» москвичи попасть не могут, а киевляне попадают запросто!». Потом говорит: «Ну раз Вы спешите, давайте встречу на завтра перенесём». После спектакля встретились с Володей. Он спросил: «Ты чем занимаешься в Москве?» Я ему сказал: «У оппонента своего был. И знаешь, так он мне позавидовал, что я на «Таганку» спешил».

Володя мне: «Значит, так, старик. Через два дня будет идти «Гамлет». Вот тебе два билета, пригласи своего оппонента с женой». Я приношу Перцову билеты на другой день: «Вот, прошу Вас! Вы приглашаетесь на «Гамлета».

А перед спектаклем Володя мне сказал: «Когда закончится, ты нас познакомь». Мы после спектакля подождали его у выхода, я их представил. Володя говорит: «Я свободен сейчас. Поедемте — посидим где-нибудь». И мы целый вечер вчетвером сидели в каком-то ресторанчике. Перцовы были в полном восторге, а когда они уехали, Володя спросил: «Ну что, старик, как я сработал?».

Дружбу Володя ценил очень высоко. Однажды мы сидели у него в Матвеевском, он снимал там квартиру. С нами были Сева Абдулов и администратор Валера Янкович. Соорудили ужин, попили чаю. И вдруг где-то в половине третьего ночи Володя вдруг говорит: «А вот давайте посмотрим, есть ли у кого-то из нас настоящий друг. Игоря мы исключаем, поскольку он киевлянин, а мы по очереди звоним тому, кого считаем истинным другом и говорим: «Я там-то. Мне очень плохо». И всё, и кладём трубку».

Я не помню, кому звонили Сева и Валера, а сам Высоцкий позвонил Кобзону. Сказал, как уставливались: «Иосиф, я в Матвеевском. Мне плохо». И положил трубку.

Мы сидим. Проходит минут пятнадцать-двадцать — звонок в дверь. Открываем — стоит Кобзон. Володя говорит: «Иосиф, я знал, что ты настоящий друг». Ну мы не стали ему рассказывать, в чём там дело было.

История имела продолжение. Кобзон выступал в Киеве, в Жовтневом Палаце. Ему подают записку: «Говорят, что Вы были другом Высоцкого». Он ответил примерно так: «Я не могу назвать себя другом Высоцкого, но был момент, когда Высоцкому было плохо, он мне ночью позвонил. Я среагировал быстро, тут же приехал, но ему уже получше стало».

**М.Ц.** — Вы с Мариной Влади были знакомы?

**И.Б.** — Да, а познакомились мы так. Приезжаю я в очередной раз в Москву, звоню Володе, и кто-то мне говорит: «Владимир Семёнович будет через два часа». Причём, таким русским языком это сказано было — мне показалось, что я там услышал букву «ять», у нас уже так не говорят.

Проходит два часа, я снова звоню, и тот же голос говорит: «Владимир Семёнович будет через десять минут». Через десять минут Володя берёт трубку, я спрашиваю: «Володя, кто это у тебя там?» — «Это Марина. А ты где? Ну-ка давай прикатывай».

Я беру коньяк, цветы и еду на Малую Грузинскую. Володя открывает дверь, говорит: «Марина, познакомься, это мой друг Игорь». Она отвечает: «Нет же, Володя, это французский актёр» — и какую-то фамилию называет. В общем, убедили мы её, что я не французский актёр...

Потом Володя говорит: «Мне срочно поработать надо, ты посиди пока с Мариной». Она человек хороший, контактный, умеет поддержать беседу. Где-то минут пятьдесят мы с ней посидели, немножко подзарядились коньяком, а потом все вместе на спектакль поехали.

**М.Ц.** — Не знаете ли Вы историю создания каких-нибудь песен Высоцкого?

**И.Б.** — А вот послушайте... Вы знаете, как была открыта Самотлорская нефть? Я Вам расскажу. По существовавшей когда-то теории считалось, что в болотистой местности нефти быть не может. Однако один человек теории не поверил. Звали его Михаил Эрве. Он закончил в Москве институт имени Губкина, потом поехал в Грузию. Помыкался в геологических партиях и понял, что там ему ничего не светит. Он поехал в Тюменскую область, как раз в район Нижневартовска, на озеро Самотлор. Слово это в переводе с ненецкого языка

означает «мёртвое озеро». Местные жители давно заметили, что там меньше рыбы водилось, поэтому и название такое дали.

В районе Самотлора Эрве вёл буровые работы. Два года прошло — никаких результатов. Из Академии наук приехала делегация и сделала вывод, что нефти там нет и быть не может. Я с Эрве потом разговаривал, спрашивал: «Михаил, а как ты почувствовал, что есть нефть?». Он мне ответил: «Шестым чувством».

После этого он на свой страх и риск бурил ещё год. Однажды ночью ударил фонтан нефти. Что делает Эрве? Он берёт две канистры, наполняет их нефтью, утром прорации вызывает вертолёт и летит в Сургут. Там он садится на «Ан-24» и летит в Тюмень, идёт к рейсу Тюмень — Москва.

Можете себе представить: небритый человек в телогрейке с двумя канистрами требует пропустить его в самолёт. Идёт к командиру корабля: «Ребята, мне нужно в Москву. Ставлю ящик коньяка». Те говорят: «А в канистрах что?» — «Да так, вещества одно, оно не взрывается». Тогда терроризма не было, за ящик коньяка ребята провели его на борт.

Через три часа Эрве в Москве. Берёт такси и везёт одну канистру Н.В. Байбакову, в то время работавшему председателем нефтяного комитета, потом он стал председателем Госплана. Вторую канистру повёз на дом председателю комиссии, который год назад подписал заключение, что нефти на Самотлоре нет.

Через некоторое время Михаил Эрве стал Героем социалистического Труда и был назначен заместителем министра геологии СССР. Года три назад он умер. Однажды я Володе эту историю рассказал и, если Вы внимательно читали...

**М.Ц.** — Так это же песня «Тюменская нефть»! «И дали заключенье в академии: в Тюмени с нефтью — полная

*труба», «Одну принёс под двери недоверия, другую внес в высокий кабинет», «И ожила земля, и помню ночью я на той земле танцующих людей». Все детали того, что Вам поведал Эрве, а Вы рассказали Высоцкому!*

**И.Б.** — Совершенно верно. Обычно публика всех этих деталей не знала, но когда Володя пел эту песню нефтяникам, то те отлично понимали, о чём шла речь.

**М.Ц.** — А я слышал, что это месторождение открыл Фарман Салманов.

**И.Б.** — Эрве сделал больше. Они оба там работали, но Эрве открыл месторождение, которое дало значительно больше нефти, чем открытое Салмановым.

**М.Ц.** — На студии имени Довженко у Высоцкого по разным причинам не получилось поработать ни разу. Вам что-то известно о его контактах с этой студией?

**И.Б.** — Конкретно ничего не помню. Знаю, что Володя несколько раз приезжал в Киев именно на студию, но никаких деталей не знаю. Однако об одной несыгранной роли Высоцкого знаю очень хорошо.

Это было после того как Володя приехал из Югославии, где сыграл в фильме «Единственная дорога». Встретились, он мне говорит: «Получил хорошую роль — буду играть Бориса Савинкова в кинофильме «Операция «Трест»».

Проходит пара дней. Вижу, Володя грустный ходит. «В чём дело?» — «Позвонили из ЦК, сказали, что Савинков — сильная роль, нельзя давать Высоцкому».

Стали узнавать, кто запретил. Оказывается, ни много ни мало, как сам Михаил Андреевич Суслов — «серьёзный кардинал», главный партийный идеолог. И вот сидим мы с Володей, а он мне говорит: «Я его достану! Ну всё равно я его достану!». Я промолчал, но подумал про себя: «Ну как ты его достанешь?».

И вот продолжение этой истории. Суслов умер в день рождения Высоцкого, 25 января 1982 года. А через несколько лет я сидел в одной компании и мне говорят: «Вот познакомься — полковник такой-то, бывший помощник Суслова». И тут меня что-то осенило. Я стал ему подливать, мы разговорились, и я спрашивала: «Меня интересует один вопрос: как умирал Суслов?».

И он мне рассказал, что перед смертью Суслов буквально полз по квартире от боли и просил пристрелять его. И тогда я вспомнил слова Володи: «Я всё равно его достану!». Но как объяснить это? Я не знаю... Но думаю, существует какая-то связь, учитывая такую сильную личность, как Высоцкий.

**М.Ц.** — У Вас есть совместные фотографии с Высоцким?

**И.Б.** — Знаете, я никогда не думал о том, чтобы фотографироваться с ним на память. У меня есть только одно его большое фото. На одном из киевских концертов его фотографировали, и я взял себе несколько снимков. Потом Володя был у меня дома, и я попросил его на одном из снимков сделать надпись. Он что-то написал, а я тогда даже не прочитал — все куда-то торопились, суетились с организацией концерта...

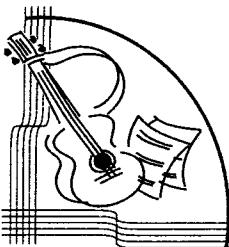
И, честно говоря, я даже позабыл про этот снимок. Когда прошло несколько лет, сын задал мне тот же вопрос, что и Вы сейчас: «У нас есть фотографии Высоцкого?». Мы нашли эту фотографию и, наконец, прочитали надпись. Володя написал: «Дорогой Игорь! Это я пою: «Я по жизни иду загипсованный». Но это от врагов, а от тебя нет на мне брони. Обнимаю. Высоцкий».

4.06.2007 г.  
(Copyright © 2007)

**БРОВИН, Игорь Леонидович.** Родился 20 июля 1937 г. в совхозе «Снежное» Анадырского района Чукотского автономного округа. В 1942 г. вместе с семьёй переехал в Петропавловск-Камчатский, а в 1948 г. — на Украину, в г. Шостка Сумской области, где окончил среднюю школу. В 1954 г. поступил в Харьковский политехнический институт, который окончил в 1959 г. по специальности переработка нефти и газа. В 1959—1963 гг. работал в пусконаладочной организации, которая занималась пуском и наладкой установок на нефтеперерабатывающих заводах, прошёл путь от инженера до начальника пусконаладочной бригады.

В 1963 г. был приглашён в научно-исследовательский институт «УкрНИИгипронафть» (г. Киев) и прошёл путь от ведущего инженера до заместителя генерального директора по научной работе. Участвовал в разработке и создании смазочных материалов для АвтоВАЗа и КамАЗа. Получил 35 авторских свидетельств, опубликовал более 115 научных работ, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, имеет звание профессора.

В 1985 г. был назначен директором Киевского института ИПКНефтехим, занимающегося научной работой и подготовкой квалификации высшего звена руководителей предприятий и организаций нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности. Окончил 13 зарубежных школ бизнеса, организовал обучение высшего звена руководителей предприятий и организаций в США, Германии и Японии. Является научным консультантом нефтяных компаний по вопросам углублённой переработки нефти, автором проекта размещения на Украине ряда мини-НПЗ с углублённой переработкой нефти. Живёт и работает в Киеве.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

### Петр Викторович ВЕГИН

**М.Ц.** — Как и когда произошло Ваше знакомство с Высоцким?

**П.В.** — Я познакомился с Высоцким, так сказать, до того, как он стал Высоцким, явлением, которое мы знаем. Это было в 1962 году. Тогда по всей Москве, да и по всей стране, научные институты могли себе кое-что позволить: концерты устраивали, людей интересных приглашали...

Однажды мы выступали в НИИУголь, он находится в Москве, напротив ГУМа. И вот я только что выступил, вышел за сцену и вижу — стоит парень с гитарой. Это и был Володя Высоцкий. И он говорит:

— Я тебя послушал, ты меня тоже послушай.

Я послушал и был буквально сразу же очарован тем, что он делает и как он это делает.

После выступления мы пошли ко мне домой, сидели всю ночь, и пили водку, и пели песни.

**М.Ц.** — Это был поэтический вечер? Кто ещё выступал?

**П.В.** — Это вспомнить уже невозможно. Это не было чисто поэтическим вечером, было некое культурное действо. Выступали какие-то артисты. Вы вспомните те времена, когда кое-что кое-кому разрешалось. НИИ могли собрать деньги, заплатить за концерт — платили по сто-сто пятьдесят рублей. Это было внушительно по тем временам.

П.В. ВЕГИН **О Владимире Высоцком вспоминает** || 51

**М.Ц.** — Вы встречались с Высоцким после этого?

**П.В.** — Потом мы некоторое время не встречались, а потом встретились вот по какому поводу. Молодые учёные из института в Дубне решили устроить выставку картин современной живописи и вечер поэзии. Организацией этого дела занимались журналист Володя Шацков и я. Мы собрали большую компанию художников и поэтов, среди которых был и Высоцкий.

Получилось не всё так, как было задумано. Там была громадная выставка художников-нонконформистов, которую запретили, естественно, ещё до начала нашего вечера. Картины в институте провисели всего час — этого «абстракционизма» дубненский партком пережить не мог, и все полотна было приказано снять.

Мы до концерта плавали в Волге, купались. И я ему говорю: «Володя, надо взять реванш. Ты пойдёшь первым». Он пошёл и, что называется, «сделал» весь зал. Зал стоял на ушах! А потом мы все остальные пошли выступать. Картины все сняли, но реванш мы взяли! Всё прошло прекрасно, нас три часа не отпускали.

Потом мы с Володей тоже работали в концертах, но нечасто, только в молодости.

**М.Ц.** — А как публика принимала раннего Высоцкого?

**П.В.** — Знаете, тогда всех принимали хорошо, но у Высоцкого был совершенно сумасшедший успех. Это я не потому говорю, что он стал ВЫСОЦКИМ, это объективно! Его принимали просто, что называется, «на разрыв».

Понимаете, ведь то, что делали мы все, — это всё-таки литература, а то, что делал он, — это было совершенно новое.

**М.Ц.** — Как Вы полагаете, выступление в НИИУголь было первым у Высоцкого?

**П.В.** — Уверен, что нет, не первым. Хотя это было, конечно, самое начало его концертной деятельности,

но он уже хорошо держался, у него был, так сказать, сценический вид. Явно он уже знал и что такое сцена, и что такое концерт.

**М.Ц.** — Вы дружили с Высоцким?

**П.В.** — Мы были хорошими друзьями. Это не переросло в дружбу, но мы часто встречались.

Однажды мы встретились дома у Андрея Вознесенского, он устраивал у себя сбор по случаю приезда в Москву американского поэта Стенли Кюнитца. Тогда Высоцкий познакомился с поэтом Семёном Кирсановым. Володя много пел, и Кирсанов был совершенно очарован его стихом, конструкцией его. Он вообще считал, что Володя многому научился у самого Кирсанова.

В другой раз, помню, мы встретились в Театре на Таганке. Моя польская подруга, журналистка, попросила меня помочь ей взять у Высоцкого интервью. Это был 1973 год, и Высоцкий был уже очень популярен в Польше. В тот день Володя спел нам новую, только что законченную песню «Я вам мозги не пудрю...».

**М.Ц.** — Вам известна история публикации стихотворения Высоцкого в «Дне поэзии»?

**П.В.** — Конечно! Я, может быть, нескромно, но горжусь тем, что был единственным, кто напечатал Высоцкого при жизни. Это было в 1975 году, я тогда был составителем сборника «День поэзии», а покойный Е. Винокуров — главным редактором. Несмотря на большую разницу в возрасте, мы дружили и были на «ты». Я тогда пришёл к Винокурову и сказал:

— Надо попытаться напечатать Высоцкого. Ну кто, если не мы?

Он согласился:

— Давай попробуем. Сделаем вид, что мы не знаем, кто такой Высоцкий. Обманем там, в издательстве.

Володя уезжал тогда на съёмки и передал подборку стихов Белле Ахмадулиной. Передать мне у него уже не было времени, а с Беллой они чаще виделись, близко дружили.

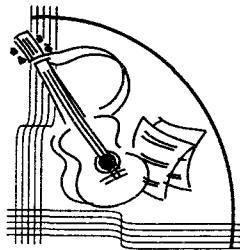
Нам удалось тогда опубликовать большое стихотворение, из которого главный редактор издательства две строфы всё-таки вырезала. Но Володя всё равно был доволен, что его опубликовали...

27.08.1993 г. и 29.06.2005 г.  
(Copyright © 2005)

---

**ВЕГИН, Пётр Викторович.** Поэт. Родился 21 июля 1939 г. в Ростове-на-Дону. Печатается как поэт с 1960 г. Автор книг стихов: «Притяжение» (1964), «Винтовая лестница» (1968), «Переплыви Лету» (1973), «Лет лебединый» (1974), «Зимняя почта» (1978), «Над крышами» (1979), «Созвездие Отца и Матери» (1981), «Вальс деревенской луны» (1983), «Серебро» (1984), «Избранное» (1986, предисловие Ю.Мориц), «Мастерская» (1989), «Раненая роза» (1989). Член Союза писателей СССР с 1969 г., награждён медалями.

В сентябре 1989 г. эмигрировал в США. Работал в Лос-Анджелесе в еженедельнике «Панорама» и главным редактором газеты «Контакт». Переводил стихи поэтов США, Латвии, Армении, Украины, Грузии, Литвы, публиковал свои стихи в журналах «Вестник РХД» (1990, № 159), «Октябрь» (1991, № 10). В 2000 и 2001 гг. опубликовал книгу мемуарной прозы «Опрокинутый Олимп. Записки шестидесятника». Живёт и работает в Лос-Анджелесе.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Роман Мячеславович ВИЛЬДАН**

**М.Ц.** — Перед окончанием Школы-студии Вы, Никулин и Высоцкий поехали в Ленинград показываться в театры. А почему именно туда, а не в театры Москвы?

**Р.В.** — Ну потому что я сам был из Ленинграда и собирался там работать, а они поехали помогать мне устраиваться. Кстати, и Роза Савченко с нами была, она тоже из Ленинграда.

**М.Ц.** — То есть они ехали именно помогать? Сами туда устраиваться они не собирались?

**Р.В.** — Нет, никто не был бы против, если бы пригласил Товстоногов или Акимов. Мы им показывались, но не получилось. Собственно, Товстоногов просто не стал смотреть. Он позвал нас к себе в кабинет, сказал, что ему, дескать, очень лестно, что к нему приезжают молодые актёры из Москвы, но прямо объяснил, что мест нет, поэтому просмотр не будет иметь смысла. Акимову мы хоть показались, но он сказал приблизительно то же самое. Ещё показывались в театре имени Комиссаржевской, там нам сказали, что они ждут пополнения из ленинградских училищ. А в театре имени Ленсовета был тогда режиссёр Кондрашин, он меня к себе взял, так что мы добились того, чего хотели. После окончания Школы-студии я собирался ехать в Ленинград, но потом выяснилось, что меня берут во МХАТ, поэтому я остался в Москве.

Р.М. ВИЛЬДАН **О Владимире Высоцком вспоминает** || 55

**М.Ц.** — Из литературы я знаю, что Вы частенько привозили Высоцкого к себе домой. С какого примерно года начались эти поездки?

**Р.В.** — Кажется, мы начали ездить после второго или после третьего курса. Володе, помню, очень понравилось название «Пять углов», он даже собирался сочинить песню, где было бы это название. Кажется, начал над ней работать, но потом говорил, что она не закончена.

**М.Ц.** — «В Ленинграде городе у Пяти углов // Получил по морде Саня Соколов...» Очень интересно! Значит, Высоцкий начал обдумывать эту песню ещё студентом. А какие достопримечательности Ленинграда Вы ему показывали?

**Р.В.** — Не только достопримечательности... В Ленинграде тогда открывались «Грибки», в Москве их ещё не было. Это места такие, куда можно было зайти, выпить рюмочку коньяка, закусить бутербродиком. Для Володи это было в диковинку тогда. А ещё у нас там была недалеко от Гостиного двора пивнушка знаменитая, туда мы тоже ходили. Так что знакомил я Володю и других ребят с курса не только с достопримечательностями, но и с бытовыми местами.

**М.Ц.** — Поездка на целину после второго курса, летом 1958 года, была для студентов добровольной?

**Р.В.** — Ну как у нас всё было — «добровольно-принудительно». Броде, добровольно, но ехать было надо. Считалось, что это наш вклад в освоение целины. А кроме того, считалось, что это для нас практика. И, в общем, ехали с удовольствием.

**М.Ц.** — Что вы там показывали во время выступлений? Отрывки из учебных спектаклей?

**Р.В.** — Это было построено, как концерты. И отрывки из спектаклей, и чтение стихов, и танцы. Помню, мы с

Высоцким и Валей Никулиным играли «Жених и папенька» по Чехову. Это у нас, кстати, долго держалось, уже после студии поигрывали иногда в концертах. В основном, программа была юмористическая.

**М.Ц.** — В этих концертах Высоцкий читал Маяковского?

**Р.В.** — Нет, он читал монолог деда Щукаря из «Поднятой целины». А Маяковский был не в его плане. Он обыгрывал в юмористическом плане рваные ритмы Маяковского, но как поэта он его не ценил.

**М.Ц.** — Программа выступлений во время поездки по Подмосковью в 1959 году, после окончания третьего курса, была примерно такой же, как на целине?

**Р.В.** — Да, практически всё то же самое, за небольшими изменениями. И опять «Жених и папенька». Кстати, когда мы были на четвёртом курсе, отмечался юбилей Чехова, и нас послали с этим номером в Таганрог. Там был сборный концерт с участием очень крупных артистов. Помню, там были Дормидонт Михайлов, знаменитый бас, Майя Кристалинская...<sup>1</sup>

**М.Ц.** — К вопросу о студенческих ролях Высоцкого в чеховских пьесах. Во время учёбы на третьем курсе был поставлен отрывок из «Иванова». Вы играли Иванова, а Высоцкий — Боркина. С Вашей точки зрения, Высоцкий создал интересный образ?

**Р.В.** — Я так сразу не могу сказать... Конечно, это была студенческая работа, но говорили, что это был интересный отрывок, хорошо сделанный. Этот номер с нами делал Сергачёв. Он с нами сделал ещё один отрывок. Кажется, на втором или на третьем курсе мы поставили сцену из «Преступления и наказания». Я играл Раскольникова, а Володя — Порфирия Петровича. Вот та наша работа очень понравилась специалистам, мы эту сцену играли даже в Музее Достоевского.

Если говорить откровенно, то Володя не числился тогда в числе первых. На курсе были свои таланты, свои гении. В актёрских перввачах Высоцкий не ходил, у него были другие достоинства. Он был прекрасным парнем, заводилой, очень остроумным человеком.

**М.Ц.** — Кстати, об остроумии. У вас на курсе был знаменитый капустник — пародия на все виды искусства...

**Р.В.** — У нас было много капустников, не только этот. И все они были очень неплохие, наш курс славился ими. Вот Володя сценарии этих капустников писал. Собственно, все писали, но он принимал, пожалуй, самое активное участие.

**М.Ц.** — Через несколько лет после окончания Школы-студии Вы и Высоцкий принимали участие в работе экспериментального театра, который создавали Е. Радомысленский и Г. Ялович. Первый спектакль получил хорошую прессу, но вскоре театр распался. Почему?

**Р.В.** — Собирались ночами, хотели сделать свой коллектив. Сделали «Белую болезнь» Чапека, «Оглянись во гневе» Осборна. Выступали в Доме медиков, в студенческом клубе МГУ. А распались просто по собственной глупости. Радомысленский и Ялович начали спорить, кто будет главным. Делили шкуру неубитого медведя. Ещё толком мы не оформились, а уже начались какие-то группировки. Сами себя на корню стубили, хотя начинали очень хорошо.

**М.Ц.** — Сохранилось два посвящения, которые Высоцкий написал Вам. Как они появились?

**Р.В.** — Да это мы эпиграммы друг на друга писали, перекидывались ими на лекциях. Особенно на лекциях по марксизму-ленинизму. Там такой скучный дядька читал, что делать было решительно нечего.

**М.Ц.** — Ну, да и предмет такой, особенно аудиторию заинтересовать нечем было. А как читал лекции Андрей Донатович Синявский?

**Р.В.** — Он читал очень скучно. Курс его был — «советская литература». Чувствовалось, что ему самому это очень неинтересно. Вот дома он раскрывался по-другому, очень интересные мысли высказывал. Где-то со второго или с третьего курса мы к нему ходили, очень хорошие вечера-посиделки у него были.

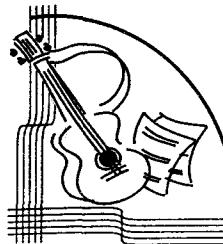
**М.Ц.** — Я слышал, что во время учёбы в Школе-студии Высоцкий и Епифанцев ходили к вдове Булгакова читать роман «Мастер и Маргарита».

**Р.В.** — Да, я тоже об этом слышал, но подробностей не знаю, да я тогда этим и не интересовался особо.

15.08.2007 г.  
(Copyright © 2007)

<sup>1</sup> По другим воспоминаниям, Высоцкий в поездке в Таганрог участия не принимал.

**ВИЛЬДАН, Роман (Ромуальд) Мячеславович.** Актёр театра и кино. Родился 4 сентября 1937 г. В 1960 г. окончил Школу-студию МХАТ (курс П.В. Массальского), был принят во МХАТ, в 1964 г. перешёл в труппу Театра им. Пушкина. Заслуженный артист Российской Федерации. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2001). Живёт и работает в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Владимир Николаевич ВОЙНОВИЧ

**М.Ц.** — Владимир Николаевич, когда началось Ваше знакомство с Высоцким?

**В.В.** — Я сначала с его песнями познакомился. Году в 1962-м мне проигрывал плёнки с этими песнями писатель Георгий Владимов. А через пару лет случилась вот такая история. Я тогда считался как бы автором Театра на Таганке. Я потом не состоялся как автор, но тогда Любимов хотел поставить пьесу по моей повести «Хочу быть честным». И вот меня как человека, приближённого к театру, Любимов однажды пригласил на просмотр актёров, желавших поступить к нему в театр.

Среди этих молодых людей был и Высоцкий. Они вдвоём с какой-то актрисой играли рассказ Чехова. Я забыл название, но это очень известный рассказ про лесника и охотника. Там охотник забредает в дом лесника, ночует у него. В это время кто-то стучится, просит о помощи, а лесник боится, — в общем, Вы это найдёте у Чехова<sup>1</sup>.

**М.Ц.** — Вам понравилось, как Высоцкий это играл?

**В.В.** — Он хорошо играл. Так, традиционно играл. А я, услышав его фамилию, вспомнил о песнях, которые слышал у Владимира. И я сказал Любимову:

— Вы спросите его, не тот ли он Высоцкий, который пишет песни. Если это тот самый, то берите его не глядя.

**М.Ц.** — И он что-нибудь спел на просмотре?

**В.В.** — Нет-нет, в тот раз он ничего не пел. Просто Любимов его спросил, а он сказал, что он действительно пишет песни.

Уж я не знаю, имело ли значение то, что я сказал Любимову, но, во всяком случае, после этого Высоцкий оказался в Театре на Таганке. До этого он был, кажется, в Театре имени Пушкина<sup>2</sup>.

**М.Ц.** — После этого Вы тесно общались?

**В.В.** — Я не могу сказать, что мы близко дружили, но встречались время от времени. Запомнилась одна встреча. Мы с моим другом писателем Камилом Икрамовым ехали в моё «Запорожце», а на заднем сидении сидел Высоцкий и всю дорогу пел нам песни под гитару.

**М.Ц.** — А в репетициях Вашей пьесы Высоцкий участвовал?

**В.В.** — Там получилось так. Пьесу репетировал не Любимов, а другой режиссёр — Пётр Фоменко. Спектакль у него не клеился. Я очень злился и даже в какой-то момент сказал, что я сам буду режиссёром. Потом-то я понял, что это было с моей стороны нахальством, поскольку это была профессия, которой я не владел. Я взял на главные роли Высоцкого и Зинаиду Славину. Мы начали работать, но у нас ничего не получилось, потому что Высоцкий время от времени мне звонил и говорил:

— Вы знаете, Володя, я не приду сегодня, я заболел.

Репетиции срывались, да и у меня работа не клеилась, и я это, в конце концов, бросил.

**М.Ц.** — А последнюю Вашу встречу с Высоцким Вы помните?

**В.В.** — Помню. Это было совсем незадолго до его смерти. Я, как Вы знаете, был диссидентом, таким запре-

щённым писателем. Раньше меня охотно приглашали в театры, а в те годы уже не приглашали. Но вот однажды я встретил Любимова, и он позвал меня на спектакль, кажется, «Мастер и Маргарита».

Когда мы с женой пришли, то в окошке администратора, где мы получали пропуск, я увидел Высоцкого. Он вышел, провёл нас в директорскую ложу, мы поговорили немного, потом я спросил его:

— Ты сегодня в спектакле занят?

Он говорит:

— Нет, я сегодня свободен.

Я удивился:

— А что же ты в театр пришёл?

— Да вот, — говорит, — с тобой увидеться пришёл.

Я тогда очень поразился, потому что мы ведь не были особенно близки, а потом я понял причину. Я незадолго до того тоже пришёл в Театр на Таганке и встретил Высоцкого где-то за кулисами. Он шёл мне навстречу с гитарой и на ходу спросил меня:

— Ну, как там дела диссидентские?

Я потом решил, что он устыдился того, что он так сказал, потому что выходило из этих слов, что у меня вообще другая сфера деятельности — диссидентство, а не писательство. Наверное, он заметил, что меня покорбил его вопрос, и устыдился.

И вот посидели мы, поговорили о чём-то, и он говорит:

— Ты знаешь, я сейчас улетаю, а когда приеду, давай сразу же созвонимся и повидаемся.

Это была наша последняя встреча.

**М.Ц.** — И в заключение позвольте спросить Вас как профессионального литератора: каково, на Ваш взгляд, место Высоцкого в русской литературе?

**В.В.** — Ну, видите ли... Мое мнение о нём высокое, но, скажем так, не самое высокое. Я Высоцкого очень

любил и сейчас очень люблю, но к тому, что человека превращают в идола, отношусь отрицательно.

7.10.1996 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> На показе в Театр на Таганке Высоцкий вместе с актрисой Т. Додиной показывали инсценировку рассказа А. Чехова «Ведьма».

<sup>2</sup> В описываемый период Высоцкий в театре не работал, а был только киноартистом.

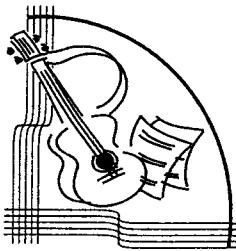
**ВОЙНОВИЧ, Владимир Николаевич.** Писатель, художник. Родился 26 сентября 1932 г. в Сталиибаде (ныне Душанбе, Таджикистан) в семье учительницы и журналиста, в 1941-м семья переехала в Запорожье. После войны окончил вечернюю школу в Керчи. В 1951–1955 гг. служил в армии, где начал писать стихи. После демобилизации работал в Москве на железной дороге, на стройке. В 1957–1959 гг. учился в педагогическом институте им. Н.К. Крупской. В 1960 г. работал редактором на Всесоюзном радио, написал тексты популярных песен — «Я верю, друзья, караваны ракет...», «Рулла, ты рулла...» и др. В 1961 г. опубликовал повесть «Мы здесь живём». Автор многих повестей и рассказов, в том числе: «Два товарища» (1967), «Хочу быть честным» (авторское название — «Кем я мог бы стать»), «Степень доверия» (1973), «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» (1976; в России опубл. в 1988), пьесы «Кот домашний средней пушкистости» (1990; совместно с Г. Гориным, экранизирована под названием «Шапка»).

В результате активной правозащитной деятельности (письем в защиту А. Синявского, Ю. Даниэля, Ю. Галанкова, А. Солженицына, А. Сахарова) в 1974 г. был исключён из Союза писателей СССР, печатался в «самиздате» и за рубежом, где впервые опубликовал и самое знаменитое своё произведение — роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (1969–1975) с его продолжени-

ем — романом «Претендент на престол» (1979), а также повесть «Путём взаимной переписки» (1973–1979).

В 1980 г. по приглашению Баварской Академии искусств выехал за границу, в 1981-м лишён советского гражданства. Автор книги «Антисоветский Советский Союз» (1985), романа-антиутопии «Москва 2042» (1987), романа «Замысел» и повести «Дело № 34840», опубликованных в конце 1990-х годов, и др. прозаических произведений.

С начала 1990-х часто приезжает на родину, активно выступает как публицист. С 1995 г. увлёкся живописью, которая была представлена на персональных выставках в Москве, Вене и Кёльне, копии многих работ размещены в интернете на персональном сайте «Галерея Владимира Войновича, писателя и художника». Член Союза писателей Москвы и Международного ПЕН-клуба, Баварской академии изящных искусств, Сербской академии наук и искусств, почётный член американского Общества Марка Твена, почётный доктор Ноттингемского университета, Англия, почётный доктор Колледжа Мидлбери, США. Живёт и работает в Мюнхене, Германия, и в Москве.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Галина Борисовна ВОЛЧЕК

**М.Ц.** — Игорь Владимирович Кваша сказал мне, что в спектакль «Свой остров», поставленный Вами в «Современнике», вошло меньше песен Высоцкого, чем было им предложено. С чем это было связано?

**Г.В.** — Может быть, он лучше помнит, но мне кажется, что вошли все песни. Я уже забыла детали. Вот скандал, связанный с включением песен Высоцкого в спектакль, я помню очень хорошо.

**М.Ц.** — Расскажите об этом, пожалуйста.

**Г.В.** — «Свой остров» — это был спектакль, построенный на песнях Высоцкого. Дело же было не в том, что я дружила с Высоцким и просто захотела, чтобы его песни прозвучали в спектакле. Главное заключалось в том, что его песни поднимали эту пьесу на другой уровень и делали её для меня интереснее, чем она была на самом деле.

О песнях мы с ним сразу договорились, Кваша исполнял эти песни очень хорошо, Володе нравилось. Из всех, кто пытался петь его песни, он принимал одного Игоря, потому что исполнение Квасхи было совершенно не похоже на то, как он пел сам.

В те времена спектакли сдавались комиссиям, репертуаром, начальникам всяkim... И вот примерно за две недели до сдачи спектакля — сдавали к пятидесятилетию какому-то очередному, Советской власти или ещё чего-то, я уже забыла, к счастью, — мне говорят: «Всё, что

Г.Б. ВОЛЧЕК **О Владимире Высоцком вспоминает** || 65

угодно, но только не песни Высоцкого». А я сказала: «Будут песни только Высоцкого».

Начальником управления культуры был Погоржельский, он начал меня уговаривать: «Галина Борисовна, ну всё, что угодно, любые песни!». И как главный аргумент он выдал: «Возьмите любого поэта, даже Северянина!». Почему-то самым крайним у него оказался Северянин. Я не поддалась, сказала: «Нет, только Высоцкий», — и отказалась выпускать спектакль.

Эта тяжба тянулась, кажется, две недели, и они уступили. Я была счастлива и горда, что это были первые Володины песни, которые были залитованы.

**М.Ц.** — У меня есть фонограммы песен, вошедших в «Свой остров» в исполнении И. Кваси. Все они отличаются от канонических текстов Высоцкого. Для меня очень важно узнать, вносились ли изменения в тексты самим автором или вмешался кто-то из начальства.

**Г.В.** — Там была некоторая редактура, но это было сделано им самим. Что-то было изменено, я уже сейчас деталей не помню, но кроме Володи никто этого сделать не мог. Эта редактура была не от начальства. Начальство-то пыталось запретить все песни вообще, независимо ни от какой редактуры.

**М.Ц.** — Спектакль был принят хорошо?

**Г.В.** — Да, очень хорошо. А потом я эту пьесу ставила в Болгарии. Я как бы привезла Высоцкого в Болгарию, там этот спектакль имел невероятнейший успех. Роль, которую у нас играл Кваша, — кстати, он и в Болгарию приезжал и играл в той постановке, — в театре «София» играл знаменитый болгарский актёр Доси Досев.

В связи с Болгарией расскажу такой эпизод. У них есть такой поэт, Любомир Левчев, который потом подружился с Высоцким. Я очень рада, что это произошло как бы с моей подачи.

Левчев однажды приехал в Москву дня на два или три. От меня он знал о Высоцком и начал уговаривать, чтобы я познакомила его с Володей. Я позвонила Володе и попросила его заехать после спектакля. Мы сидели у моей приятельницы Дины, болгарки, у неё была квартира на Кутузовском проспекте.

Володя приехал после «Гамлета», гитары у него с собой не было, так что он Любомиру просто читал свои стихи. Вот так они познакомились, а потом стали близкими друзьями.

*М.Ц. — Значит, это был 1973 год?*

*Г.В. — Да, наверное, так.*

*М.Ц. — А когда Вы познакомились с Высоцким?*

Г.В. — Вы знаете, даты — это не то, в чём я сильна. Я помню не много дат, кроме тех, когда родился мой сын и когда родился «Современник».

*М.Ц. — Вот если оттолкнуться от даты рождения «Современника», знакомство с Высоцким было позднее?*

Г.В. — Да, «Современник» уже был. Володя ещё жил на Большом Картенном. Я знала ту компанию — Кочаряна, Утевского. С Толей я познакомилась даже раньше, чем с Володей.

*М.Ц. — А показ Высоцкого в «Современнике» Вам не запомнился?*

Г.В. — Он показывал отрывок из роли Глухаря из «Двух цветов», как раз ту сцену, которую гениально играл Женя Евстигнеев. Эта сцена у него была, что называется, бенефисная. Вот он в этом кусочке показался. Я не помню этого абсолютно, но Володя это часто вспоминал.

*М.Ц. — Вы дружили с Владимиром Семёновичем много лет. Наверняка какие-то встречи запомнились больше других...*

Г.В. — Бывали такие незабываемые моменты... Я тогда получила свою первую квартиру, на улице Рылеева.

Я помню, однажды Володя пришёл с Мариной и спел «Спасите наши души». И такое эта песня произвела невероятное впечатление, что я схватила икону, которая у нас висела, и подарила Володе.

Володя часто бывал в этой квартире. Она была на первом этаже, а рядом находилось отделение милиции. И каждый раз, когда Володя приезжал, в дверь звонили менты и устраивали нам разгоны за шум.

Потом мы начали над этим просто хохотать, потому что видели, как сначала всё отделение милиции собиралось под нашими окнами и слушало, а потом кто-то из них приходил и делал выговор за шум. Вроде кто-то из соседей звонил им. Может, конечно, и звонили, потому что было у нас действительно шумно.

Однажды был случай. Менты, как обычно, выстроились под окном, а в гостях у меня в это время были и слушали Высоцкого Георгий Товстоногов, которые тогда был депутатом Верховного Совета; Евгений Лебедев, народный артист СССР; Чингиз Айтматов, знаменитый писатель и тоже депутат Верховного Совета Союза. Когда вошли милиционеры и увидели всех этих людей с депутатскими значками, они отвалили через секунду.

В этой квартире была небольшая столовая. Такая очень узкая комната, где помещались только стол со стульями. Когда в Москву впервые приехал знаменитый американский театр из Вашингтона, то актёры и режиссёры посетили спектакли «Современника». Мы с ними как-то подружились, и я их пригласила в гости.

Они набились в эту комнату, и тут пришёл Володя. Он пел, они, конечно, не понимали ни одного слова, но это был такой восторг! Кто-то прослезился, кто-то был просто в шоке — и при этом они же не понимали по-русски!

*М.Ц. — Вы — лауреат премии «Своя колея»...*

Г.В. — Вы знаете, когда мне дали эту премию, я была невероятно горда и радовалась ей больше, чем каким-то

другим премиям, которые я получала за свою жизнь. Я думаю, что Володя был бы доволен...

25.02.2006 г.  
(Copyright © 2006)

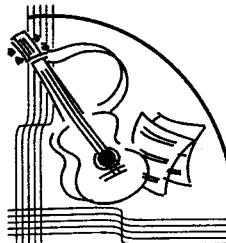
**ВОЛЧЕК, Галина Борисовна.** Режиссёр, актриса. Родилась 19 декабря 1933 г. в Москве, в семье известного кинооператора Б.И. Волчека. В 1955 г. окончила Школу-студию МХАТ (курс А.М. Карева). В 1956 г. вместе с другими актёрами основала «Студию молодых актёров» (впоследствии — театр «Современник»), с 1961 г. начинает работать в театре в качестве режиссёра, в 1962 г. выпускает свой первый спектакль по пьесе У. Гибсона «Двое на качелях». На сцене театра поставила более 30 спектаклей, сыграла около 20 ролей. С 1972 г. — художественный руководитель Московского театра «Современник».

В 1978 г. первой из советских театральных режиссёров была приглашена в США, в Хьюстон, где в театре «Аллей» поставила «Эшелон» М. Роцина. Бродвейские гастроли «Современника» 1996–1997 гг. были отмечены одной из самых престижных общенациональных наград США в области театрального искусства — «Drama desk award».

Неоднократно приглашалась на постановки в театры других стран, много занимается театральной педагогикой за рубежом. Среди последних приглашений — курс лекций и практических занятий, а также постановка спектакля в Нью-Йоркском университете (New York University Tish School of the Arts).

Снялась в кинофильмах «Дон Кихот» (1957), «Король Лир» (1970), «Моя судьба» (1974), «Маяковский смеётся» (1975), «Русалочка» (1976), «Осенний марафон» (1979), «Уникум» (1983) и др.

Народная артистка СССР (1988), лауреат Государственной премии СССР (1967), кавалер орденов Трудового Красного Знамени (1976) и «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1996). Живёт и работает в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Рада ВОЛШАНИНОВА

М.Ц. — Когда Вы познакомились с Владимиром Семёновичем?

Р.В. — Вы знаете, наверное, точную дату я не назову. Где-то в конце 1960-х годов. Точно помню, что это было до «Опасных гастролей», так что где-то в 1967–1968 годах мы впервые встретились.

Знаете, актёры ведь всегда встречаются на всяких вечерях, премьерах и так далее. Самая яркая встреча у нас была, наверное, году в 1975-м или 1976-м. Мы с моим мужем получили квартиру на Калининском проспекте. Ничего ещё не было, стояли просто стулья, стол в большой комнате. Был полный разгром, мы ещё и не разбирали вещи.

Вдруг вечером раздаётся звонок в дверь. Открываю — стоят Володя и Марина Влади. И Володя так робко: «Рада, можно войти?». Я говорю: «Володенька, ну конечно!» Марина стояла в такой короткой русской дублонке, очень милая, улыбающаяся, с длинными красивыми волосами.

Володя, естественно, принёс бутылку водки — нососелье же! И вот мы сидели и пели до самого утра — и Володя, и мы с Колей<sup>1</sup>, и Марина. Необыкновенная была ночь!

Потом была ещё одна встреча. Из Франции приехал известный импресарио, и Володя пригласил нас на дачу — не помню, к кому. Там мы тоже пели, веселились. И этот импресарио приглашал нас с Колей выступить во

Франции, в знаменитом зале «Олимпия», но я отказалась — не с кем было оставить дочку.

Ещё был яркий такой эпизод в Одессе. Мы там отдыхали или гастролировали, я уже не помню. И Володя с Колей выступали в каком-то ресторане. Там было просто какое-то паломничество, даже стёкла разбили. Он пользовался безумной популярностью<sup>2</sup>.

**М.Ц.** — Так они пели вдвоём?

**Р.В.** — Нет, по очереди. Коля пел свои цыганские песни, Володя пел своё. Вот эти несколько встреч запомнились, а остальные наши встречи были просто в актёрской среде — приглашали друг друга в наши театры и так далее. Мы очень симпатизировали друг другу, но часто встречаться не получалось. Хотя мы часто виделись, например, в Доме кино — это актёрский мир... После спектаклей все бежали в ВТО — это была отдушина.

**М.Ц.** — Я слышал, что Высоцкий и Николай Волшанинов не только выступали в одном концерте, но и пели вместе. Правда ли это?

**Р.В.** — Да, это правда, они выступали вместе, но где именно, я не помню. Выездные такие концерты в Москве. Володю же тогда на центральные площадки не допускали.

**М.Ц.** Ваш муж учил Высоцкого играть на гитаре?

**Р.В.** — Не знаю... Они хорошо играли на пару. И дома у нас, и на каких-то встречах, вечерах. Володя очень любил Колину гитару. Когда Володя играл, мы молчали, ведь у него был свой стиль игры. Коля пытался ему как-то подыгрывать... Трудно, конечно, представить, как они могли играть вместе. Но это было с таким азартом, с таким жаром. Наверное, здесь больше имели значение душа, нутро, внутренний голос. Здесь уже было не до аккордов — здесь душа звучала.

**М.Ц.** С кем большие другие Высоцкий общался из группы театра «Ромэн»?

**Р.В.** — Не знаю, не могу сказать. Наверное, со Сличенко общался. Коля ведь человек очень общительный. Но Володя контактировал не со всеми, он очень выбирал людей. А его все любили. И Володя очень любил и понимал цыганское искусство. Любить — это значит чувствовать музыку нашу. Он её очень хорошо чувствовал. И просил нас петь ещё и ещё.

**М.Ц.** — Что Вам запомнилось из времён съёмок «Опасных гастролей»?

**Р.В.** — Володя написал для нас песню, это Вы знаете, конечно. Причём писал он её на ходу, на кузове машины, карандашом быстро записывал. Съёмки были довольно странные. Режиссёр фильма Хилькевич пригласил нас, уже когда фильм был отснят и нужно было ночью снять и записать две песни. Моей старшей дочке было двенадцать лет, я её схватила, и мы срочно приехали в Одессу.

Текст был написан огромными буквами и находился в оркестровой яме. Мы пели и подглядывали — вот на таких скоростях это снималось.

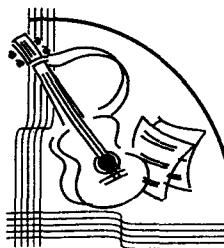
**М.Ц.** — Во время исполнения песни «Камнем грусть висит на мне...» Вы поворачиваетесь к Николаю Ивановичу и что-то, смеясь, говорите ему по-цыгански. Что это была за реплика?

**Р.В.** — Помните, там жандармы поют? Герой, которого играл Высоцкий, заставил их выйти на сцену. И они там себя очень неуютно чувствуют. Володя им там говорит: «Пойте, пойте!». И я говорю Коле: «Посмотри, какие смешные у них лица!». Я всё-таки сумела в этом кусочке что-то актёрски сделать.

<sup>1</sup> Волшанинов Николай Иванович. Родился в 1938 г. Народный артист РСФСР, актёр театра «Ромэн».

<sup>2</sup> Видимо, об этом случае вспоминает Г. Хилькевич (см. Г. и Н. Хилькевич «За кадром» Москва, 2000 г.).

**ВОЛШАНИНОВА, Рада** (наст. имя Золотарёва Бронислава Александровна). Родилась в 1936 г. Окончила среднюю школу, работала корректором в издательстве. С 1960 г. — артистка театра «Ромэн». В 1982—1999 гг. солистка Москонцерта. В настоящее время живёт в Майами (США).



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Ирэна Алексеевна ВЫСОЦКАЯ

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, о военной биографии Вашего отца, Алексея Владимировича Высоцкого.

**И.В.** — Вы знаете, папа военным стал во многом случайно. Его учитель литературы прочил ему блестящее будущее, но из-за тяжёлого материального положения папа поступил в военное училище.

**М.Ц.** — Это было Киевское артиллерийское училище?

**И.В.** — Нет, это было в Подольске. Это в папиных книгах можно найти. У него четыре книги, и все они автобиографичны.

Папа участвовал в финской войне, потом — в Отечественной. На фронте вступил в партию. Закончил войну начальником штаба артиллерийской бригады большой мощности. Ему прочили большое военное будущее. Он рассказывал нам с мамой, что в конце войны ему предложили должность военного атташе в Англии, но потом выяснилась его «пятая графа»... Так что больше предложений такого рода не было.

У нас хранится автограф генерала армии Петрова<sup>1</sup>. Эта записка передана через дядю Сеню. Петров писал, что я, дескать, настоятельно рекомендую Вашему брату учиться, у него большое будущее.

Из армии папа уволился, кажется, в 1959 году. Было сокращение вооружённых сил, а в характеристике у него написано: «Офицер военного времени».

**М.Ц.** — То есть, как я понимаю, Алексей Владимирович попал под проводимое Хрущёвым сокращение армии?

**И.В.** — Вы знаете, папа даже хотел этого. Он тут же поступил в Ужгородский университет на филологический факультет. Проучился там немного, а потом заново поступил на факультет журналистики МГУ, который закончил экстерном через два-три года.

**М.Ц.** — Скажите, пожалуйста, братья Игорь и Сергей Высоцкие, живущие в Америке, Вам не родственники?

**И.В.** — Нет. А кто это?

**М.Ц.** — Тульский журнал «Горизонт», специализированное издание о Высоцком<sup>2</sup>, опубликовал статью, где сказано, что эти братья — дети Вашего отца.

**И.В.** — (смеётся) Что?! Ну нет, это ерунда, фальшивка.

**М.Ц.** — А где похоронен Алексей Владимирович?

**И.В.** — На Ваганьковском кладбище, в конце него. Там он, Саша, братик мой, мой муж. По той же аллее, где могила дяди Сени, только в конце.

**М.Ц.** — Ирэна, коллекционеры фонограмм Высоцкого знают серию фонограмм, сделанную в разное время в начале 1960-х годов. Этот сборник известен среди коллекционеров под названием «СВВ» («Семён Владимирович Высоцкий»). Другое название сборника — «У дяди». Насколько я знаю, эти фонограммы делались именно у Алексея Владимира — Вашего отца и дяди Владимира Высоцкого.

**И.В.** — Совершенно точно, записи делались у нас дома. Вова очень часто бывал у нас дома, и один приходил, и с женой Люсей. Она очень красивая была. Помню глаза её синие, огромные. Вова приходил с гитарой и пел очень много, всё это записывалось. Это я очень хорошо помню.

Сначала у нас был магнитофон «Комета», а потом — «Днепр».

**М.Ц.** — Говорят ещё, что часть записей делалась в Доме науки и техники.

**И.В.** — Нет, там, может быть, как-то улучшалось качество, но сами записи делались у нас дома.

**М.Ц.** — А где сейчас оригинал записи?

**И.В.** — Он пропал, исчез. В 1975 году папа заболел, лежал в больнице. Вдруг рано-рано утром — звонок. Звонила Света Скоморохова, дочка маршала Скоморохова<sup>3</sup>, попросила ту Вовину плёнку на неделю. Я позвонила папе в больницу, он разрешил дать плёнку. И с тех пор мы её не видели. Света эту плёнку брала для друзей, и они её не вернули. Мне до сих пор страшно обидно.

**М.Ц.** — Песня Высоцкого «Тот, который не стрелял» написана под влиянием рассказов Вашего отца?

**И.В.** — Не знаю точно. Возможно. Они общались очень много. Даже когда, скажем, встречались за столом. Дядя Сеня любил приглашать гостей-генералов. И тут приходит Вова. Папа с Вовой объединяются, сидят вдвоём и разговаривают. Всё! Они никого не замечают — общаются только вдвоём.

**М.Ц.** — Насколько я знаю, у них были планы совместных работ?

**И.В.** — Да, это правда. Вова очень часто приходил к папе в больницу. Иногда приходил с Мариной, иногда один. И приходил Михаил Холмогоров, это был редактор из издательства «Молодая гвардия». У папы был очерк «Горсть земли», очень сильный очерк. По нему была сделана повесть. Вова хотел писать стихи по этой папиной повести. Втроём с Холмогоровым они всё это обсуждали, но папа ушёл из жизни.

**М.Ц.** — Предполагалось сделать сценарий фильма?

**И.В.** — Нет, сценарий они хотели делать по папиной повести «Горный цветок». Это документальная повесть об одном пограничнике, погибшем в борьбе с бандеровцами. Вова хотел сниматься в этом фильме.

**М.Ц.** — Высоцкий приезжал к вам домой с Мариной Влади?

**И.В.** — Ну конечно — очень часто. Марина — интересный человек, у неё словечки иногда бывают такие исключительно русские. Я помню, только родилась Ольга, моя племянница, дочь моего брата Саши. Папа показывает её Марине — ну такой чудный ребёнок, первая его внучка. А она кричит во весь рот. Марина посмотрела и говорит: «Ну и роток!» Прелесть просто! Вообще, Марина — прекрасный человек, очень доброжелательная.

**М.Ц.** — С Владимиром Семёновичем Вы общались только в Москве или где-то отдыхали вместе?

**И.В.** — Мы вместе были в Керчи. Друг Вовы Жора Епифанцев был из Керчи, и мамины родственники оттуда. Мы там отдыхали, а у Вовы там концерты были. Это было один раз, год я не помню.

**М.Ц.** — А хоть примерно? Это было в семидесятые годы?

**И.В.** — Нет-нет, раньше. Я думаю, вероятнее всего, это была середина 1960-х годов. Точнее не помню и ничего об этих выступлениях не знаю. Скажу Вам честно, — меня это мало интересовало. Мне ведь мало лет было — мне б тогда краба поймать, вот это было интересно! Да и разница в возрасте у нас почти шестнадцать лет. С Сашей, моим братом, у них восемь лет была разница, так что, конечно, с Сашей они были ближе.

**М.Ц.** — С Вашим братом они хорошо общались?

**И.В.** — Да, очень хорошо. Вова вообще был очень родственный. Тонкий, мягкий, родственный человек. Он, я думаю, как и мой папа, — бабушка с дедушкой в разводе были, — недополучил тепла в детстве. Мы уезжали в Керчь — Вовочка нас с цветами провожает. Приезжаем — Вовочка нас встречает. Не хватало ему тепла...

**М.Ц.** — Это правда, что Семён Владимирович Высоцкий очень переживал медленное продвижение по службе?

**И.В.** — Да. Абсолютная правда.

**М.Ц.** — А верно ли, что ему предлагали генеральское звание, но для этого надо было ехать из Москвы куда-то в Сибирь?

**И.В.** — Нет, это уже красавая сказка. Понимаете, папа имел блестящие способности, а дядя Сеня брал упорством, очень большим уважением к чинам. Очень уважал он генералов! Если бы ему генеральство предложили, он бы поехал куда угодно. Очень он хотел быть генералом. И даже не сам по себе — тётя Женя очень хотела видеть его генералом.

**М.Ц.** — Со времени выхода книги Маринды Влади «Владимир, или Прерванный полёт» ходят слухи, что, якобы, Семён Владимирович писал в КГБ доносы на сына. Как, по Вашему мнению, это возможно?

**И.В.** — Нет. Доносы — нет. Я помню, один раз он прибежал к папе и говорит: «Лёша! Я сейчас был на Лубянке, сказал, что мой сын женился на иностранной подданной, но меня успокоили. Сказали, что она наш человек, член французской коммунистической партии». А доносы — нет. Он, конечно, был очень своеобразный человек, но Вову он очень любил.

**М.Ц.** — Вы на концертах Высоцкого бывали?

**И.В.** — Была. Где и когда, не помню. Где-то за городом. А по времени... Это было после того, как папа ушёл из жизни, значит, после 1977 года. Я думаю, скорее всего, это был 1978 год. И я с собой много людей приволокла. Вова мне жутко всыпал за это!

Получилось вот что. До этого я просила билеты на «Гамлета». Папа ему звонил: «Вова, Ирэна хочет «Гамлета» посмотреть». — «Ну конечно! Проблем нет!»

Я пришла к нему, он удивился: «А почему ты одна? Могла бы кого-нибудь с собой взять». Ну я это мысленно взяла на вооружение...

И на концерт с ребятами знакомыми поехала. Целый курс пригласила! И тут он на меня напустился: «Ты что это весь курс приволокла?!». Он пропустил на концерт всех, но потом всыпал мне за это, отругал не на публике, в квартире дяди Сени.

**М.Ц.** — Когда Вы последний раз видели Владимира Высоцкого?

**И.В.** — Я думаю, это было за несколько месяцев до смерти Вовочки. А за пять дней до его смерти, 20 июля, я встретила на Кировской дядю Сеню. Он очень переживал, сказал: «Вова выглядит плохо. Я спрашиваю: «Что с тобой?» А он мне: «Не боись, папа, не помру». Он интонацию Вовину передал: «Не боись, папа...».

18.10.2003 г., 21.05. и 5.06.2005 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> Петров И.Е. (1896–1958), генерал армии, Герой Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны — командующий рядом армий, в том числе Приморской при обороне Одессы и Севастополя.

<sup>2</sup> Журнал «Горизонт», Тула, 2002 г., № 38, стр. 22–25. Статья «История трёх фотографий».

<sup>3</sup> Скоморохов Н.М. (1920–1994), маршал авиации, дважды Герой Советского Союза. Один из лучших асов советских ВВС, лично сбивший во времена Великой Отечественной войны 46 вражеских самолётов.

**ВЫСОЦКАЯ, Ирэна Алексеевна** родилась в 1953 г. Писательница. Двоюродная сестра В.С. Высоцкого. Окончила факультет журналистики МГУ. Автор книг «Дары подземного мага», «Секрет Мурлысина», «Мерцающий остров», «Шедевры русской живописи», «Роза хауса», «Мой брат Высоцкий. У истоков» и других. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Живёт и работает в Москве.

## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Сергей Анатольевич ГАРАГУЛЯ

**С.Г.** — Трудно вспоминать мне... Ну приходил Володя, пел песни. Ну, представьте: приходит к Вам в гости человек, как вспоминать? Хотя, разумеется, приходил он не ко мне, а к папе... Когда он приезжал в Одессу, то всегда бывал у нас. Поэтому на его концертах я никогда не был, я слушал его дома, либо на «Грузии».

Остались, конечно, в памяти разные случаи. У меня были проблемы в школе, ко мне стали местные бандиты приставать. Володя хотел пойти разобраться, но кончилось тем, что поехал другой человек, Сёма Гаспаров, режиссёр с Одесской киностудии. Он тоже был у нас в гостях. Он какой-то боевик снимал, приехал к нам вместе с каскадёром своим. У них там бутафорское оружие было — пистолеты, автоматы. Поехали, разобрались, что называется, разогнали тех бандитов. Но Высоцкий с ними не ездил.

Помню, как мы с ним на спор играли в подкидного дурака. Я считал, что я хорошо играю, он о себе тоже так думал. И мы поспорили, что я не проиграю ему больше половины партий. И закончилось это со счётом 4:4 при двух ничьих.

**М.Ц.** — Высоцкий часто бывал на теплоходе «Грузия», капитаном которого был Ваш отец. Вы виделись с Высоцким на «Грузии»?

**С.Г.** — Конечно, виделся. Папа ему всегда «люкс» давал. Это ещё на старой «Грузии» было. Отец летом плавал

на Крымско-Кавказской линии. Там как-то произошла совершенно роскошная история, никогда не забуду.

У отца был помполит на судне, ну полный дурак. Случай этот был в Ялте. Володя был на корабле, был там ещё поэт Григорий Поженян. Кто-то пришёл в гости из Дома творчества писателей — помню, пришли Окуджава, Башкин, Инна Гофф и композитор Френкель. Кто-то ещё был...

Помполит прослыпал об этом — такие люди собирались! Он прибежал — вроде как с докладом — и уселся в салоне. Шёл обычный весёлый разговор, и Окуджава Высоцкому что-то в шутку сказал про евреев. А помполит, который до этого и слова сказать не мог, был жуткий антисемит — и он моментально встревает в разговор: «Да! Должен вам сказать, что эти жиды...»

Все отсмеялись, уже скоро отход. Пошли вниз провожать тех, кто пришёл из Дома творчества, и когда к трапу шли, отец помполята перехватил: «Что Вы себе позволяете?! Как Вам не стыдно! У нас Высоцкий в гостях, он наполовину еврей. Френкель тут... Ведёте себя, как хам!» — и пошёл вниз.

Помполит какое-то время всё это осознавал, потом прибегает вниз, подходит к Высоцкому и говорит: «Простите, Владимир Семёнович! Я не знал, что Вы еврей».

Народ просто попадал. Это было невероятно смешно! А однажды, помню, была очень интересная швартовка. У Высоцкого есть песня, где такие слова: «на глазах от натуги худеют канаты, из себя на причал выжимая слезу...» Это очень точный образ. Он любил смотреть швартовки на старой «Грузии», стоя на мостице. Это судно ещё довоенной постройки, бывший польский корабль «Ян Собеский». Там не было носовых подруливающих устройств, только задние винты. При швартовке канат растягивается, и с него капли летят — как слёзы.

В том рейсе Высоцкого на судне не было, и отец с ним о встрече не договаривался. Корабль швартуется в

Ялте — и вдруг с причала раздаётся эта песня! Высоцкий прилетел из Москвы и поехал в порт, зная, что приходит «Грузия». Он был тогда изрядно выпивший, но пел абсолютно трезво, и это пение при швартовке ударило меня очень сильно.

Он поднялся на корабль и дошёл с нами до Сочи. Оттуда ему надо было улетать. В Сочи нет аэропорта, самолёты летают из Адлера. Папа организовал ему билет и попросил своего приятеля, который был то ли капитаном порта, то ли начальником морвокзала, я уже не помню, проследить, чтоб всё прошло нормально: «Володя себя плохо чувствует, так ты проследи, чтоб он улетел без приключений».

Через несколько дней папа мне рассказал такую историю. Он встретил этого приятеля.

«Ну что, — говорит, — всё нормально? Отправил Высоцкого?»

«Да, Толя, всё нормально. Я его привёл к себе домой. Вижу, плохо ему. Смотрю, побледнел даже. Я ему стакан коньяка дал — ему получше стало. Ночью опять плохо стало — я ему ещё стакан налил. Утром ещё, ну и перед тем, как в самолёт садиться, я ему ещё стакан коньяку, — и он улетел нормально. В общём, всё отлично».

Отец говорит: «Что ты наделал, идиот! Человек же в запое!».

Но тот-то приятель этого не знал, он был рад и горд, что ему Высоцкого с рук на руки передали и как он хорошо всё придумал и помог ему.

**М.Ц.** — *А как Вы обращались к Высоцкому?*

С.Г. — Обращался на «Вы», но звал его просто по имени. Обычно называл его Владимир, ближе к 1979 году стал называть Володей. Когда я совсем маленьким был, звал по имени-отчеству.

Я помню, увидел его первый раз, когда он к нам в гости пришёл. Примерно в это же время папа с ним и познакомился.

**М.Ц.** — *А не знаете, кто их познакомил?*

С.Г. — Знаю. Познакомил их режиссёр Левон Кочарян, он совсем молодым умер от рака. Когда Володя к нам первый раз пришёл, мне было лет шесть или семь. Много было гостей, но Высоцкого я сразу запомнил. Он спел тогда «Лукоморья больше нет...» И запомнилась мне песня «Спасите наши души». То есть не сама песня, мне тогда было ещё слишком мало лет, чтоб её понять и осознать. Запомнилось то, что многие плакали, когда слушали её. И, видимо, он тогда только написал эту песню, потому что пел он, запинаясь.

**М.Ц.** — *Ваш отец часто встречался с Высоцким, когда приезжал в Москву. А Вы с ним на таких встречах бывали?*

С.Г. — Я помню один московский эпизод... Отец специально взял отпуск зимой, чтобы повидать своих московских друзей. Он снял «люкс» в гостинице «Россия» и позвал туда Окуджаву, Высоцкого, Аксёнова, Поженяна, Ахмадулину... Помню, Высоцкий привёл Всеволода Абдулова, я тогда его в первый раз увидел.

Высоцкий много пел, часа три, может быть. Я помню «Купола российские», эту песню он только недавно тогда написал, он её ещё по бумажке пел.

А я до этого папе сказал: «Что у тебя все записи такие нечистые? Дай я сам запишу». Отец мне разрешил, я настроил магнитофон, включил...

На следующий день приходит Высоцкий и говорит папе: «Толя, я там пел вчера одну песню... Я хочу её послушать, кажется, не так получилось».

Папа говорит: «Да сейчас послушаем Серёжа, включи».

Я включаю — нет записи. Отец мне дал по первое число: «Ты же сидел с микрофоном тут! Ты же записывал!».

Я сижу — ну полным идиотом себя чувствую. Ну и обидно же — друзьям хотелось поставить, ведь этих

песен никто ещё тогда не слышал. Мы же мальчишками были, это же источник хвастовства тоже...

Володя помог мне, говорит: «Толя, ну что ты взъелся на него? Давай я сейчас ещё раз спою». И спел. Меньше, конечно, чем накануне, но часа полтора он пел.

**М.Ц.** — Эта запись сохранилась?

**С.Г.** — Записей у нас практически не осталось. Их порастаскивали. Некоторые записи у папы просто «сгинули» прямо из каюты. А некоторые кассеты подменяли. Возвращали такую же кассету, но — совершенно чистую.

**М.Ц.** — В театре Вы Высоцкого видели?

**С.Г.** — Видел, да. Помню, когда я смотрел «Гамлета», то пошёл один — папа с мамой к тому времени уже этот спектакль видели. Володя мне сказал: «Сергей, ты после спектакля приходи ко мне в гримёрку».

Было это зимой, мы выходим на улицу, с нами и Марина Влади, она тогда в Москве была. Возле театра подходит к нам человек один, говорит: «Владимир Семёнович, извините, я из Магадана приехал, на спектакль не попал и жду Вас тут. Очень прошу — дайте автограф!». Мы вернулись обратно в гримёрку, и человек получил автограф на фото — причём не только Высоцкого, но и Влади.

Человек этот подарил Высоцкому рыбу, тайменя, кажется. Потом мы ехали, Володя говорит: «Ну и что я буду делать с этой рыбой? Надо отдать кому-то».

**М.Ц.** — Вы так много и часто встречались с Высоцким, что не могу не задать вопрос: а Вам приходилось присутствовать при рождении какого-нибудь его стихотворения?

**С.Г.** — Да! И это была очень смешная история. Я учился тогда в восьмом классе. Нам на дом задали по русскому языку написать стихотворение про осень. Я пришёл

домой в совершенном обалдении, поскольку творческих достоинств за собой не ведал. Стихи я любил и люблю, но как писать самому?

Прихожу домой, а у нас в гостях Высоцкий и Поженян, и я, просто к слову, в разговоре сказал, что вот, дескать, дали такое мне задание. А папа мне: «Да у нас же тут полный дом поэтов! Сейчас мы это дело сделаем!».

И Высоцкий с Поженяном начали писать стихи про осень! А отец пошёл переодеваться, — они уходили куда-то. Тут приходит Окуджава, говорит: «Чего делаете?» «Да вот, — говорят, — стихи про осень пишем. Серёже в школе задали».

Окуджава говорит: «Да? Ну тогда и я буду».

И вот они втроём начали писать. Причём такое лёгкое соперничество у них возникло, всё спрашивали у меня, какое из трёх мне больше нравится. Я очень долго упивался, но тут вернулся отец, и мне удалось отвертеться от прямого ответа.

Потом Высоцкий меня попросил его листок выбросить. Сказал, что стихотворение не получилось. «Ты, — говорит, — порви это». Я не порвал и не выбросил, но никому не показываю этот текст. Кстати, тексты Окуджавы и Поженяна я тоже сохранил.

**М.Ц.** — В нашей беседе Вы несколько раз упомянули поэта Григория Поженяна. Я знаю, что они были знакомы много лет, с юности Высоцкого. А какие, по Вашим впечатлениям, у них были отношения?

**С.Г.** — Поженян был человеком очень интересным. Когда-то он произвёл на меня невероятное впечатление тем, что наизусть знал всего Пушкина. Мы с ним даже спорили. Я открывал собрание сочинений Пушкина и начинал читать с любого места — он тут же продолжал. Где-то на восьмой попытке я увял.

А что касается их отношений с Высоцким... Вы знаете, Высоцкий очень хотел быть членом Союза писателей,

я уже тогда слышал эти разговоры. Он попросил Поженяна дать ему рекомендацию, и я помню их разговор, который мне очень не понравился.

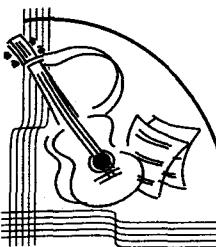
Поженян сказал ему примерно следующее: «Володя, я, конечно, могу дать тебе рекомендацию, но о чём ты говоришь, какой же ты поэт?! Ну песенник ты, бард, если хочешь так называться, но не поэт ты. Пушкин — это поэт!».

**М.Ц.** — И так и не дал рекомендацию?

**С.Г.** — Насколько я знаю, нет. А в разговоре, что называется, унизили Высоцкого.

9.04.2006 г.  
(Copyright © 2006)

**ГАРАГУЛЯ, Сергей Анатольевич.** Родился в 1960 г. в Одессе. Окончил Одесский институт инженеров морского флота. Работал в Одесском пароходстве. «Когда в «перестройку» появилась возможность не ходить в «присутствие», я занялся предпринимательством и занимаюсь этим до сих пор».



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Валерия Николаевна ГАРАГУЛЯ

**М.Ц.** — Вы помните, когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Высоцким?

**В.Г.** — Когда это было, я точно не помню. Володю к нам домой привёл Лев Кочарян, режиссёр, с которым был знаком мой муж. Помню, что в тот день Володя много пел, но точной даты не помню. Давно уже это было.

**М.Ц.** — И как в дальнейшем протекало Ваше общение с Высоцким? Вы сразу почувствовали дружеское расположение друг к другу?

**В.Г.** — Да, он мне как-то сразу понравился, но самое главное — он подружился с моим мужем. Мой муж был такой человек, что с ним дружили много-много разных людей — и артисты, и профессора, и поэты, и люди, занимающие какие-то высокие должности. Он был очень интересным человеком. Вот и с Володей они подружились.

Толя пригласил Володю к себе на «Грузию». Это ещё была старая «Грузия». И я там была. Помню, муж Володе всё рассказывал и показывал. Они очень близко подружились. И виделись они очень часто.

Когда Володя прилетал в Одессу, то показывал нам свои новые песни. Если Толи не было дома, он ждал, когда придёт из рейса «Грузия», и показывал нам свои новые песни.

Когда Володя стал встречаться с Мариной, то и её он к нам привёл. Их свадебное путешествие проходило на теплоходе «Грузия».

**М.Ц.** — А Вы были в рейсах на «Грузии», когда там бывал Высоцкий?

**В.Г.** — Ну да, я, конечно, тоже там была. Мы вместе ездили по Крымско-Кавказской линии. Так что общались все вместе — и Володя, и Марина, и много других разных хороших людей.

**М.Ц.** — Какое впечатление производил Высоцкий при личном общении?

**В.Г.** — Он производил впечатление очень хорошее. Очень добрый человек, очень спокойный, очень умный, эрудированный. С ним общаться было очень легко. А Марина, когда он пел... Она ничего не говорила, только слушала его, слушала, как божество, вся обращаясь в слух.

Володя был прекрасный человек. Общался он с людьми нормально, безо всякой заносчивости.

Он к нам часто приходил с Петей Тодоровским, потому что у Пети была гитара, а у нас не было. Однажды они пришли, помню, а Толя задерживался, и Петя и Володя, пока его ждали, пели вместе.

На «Грузии» кто-то дал старую гитару моему мужу специально для Высоцкого, и Володя всегда там играл на ней. На ней очень много автографов, потому что играл на ней и пел под неё не только Володя. Все, кто пел под эту гитару, на ней расписывались. Мы эту гитару отдали в Одесский литературный музей.

**М.Ц.** — Итак, в Одессе Вы общались с Высоцким часто и много. А были ли встречи в Москве?

**В.Г.** — Однажды моему мужу сделали операцию в Москве. И так получилось, что именно в это время я упала и

у меня был перелом крестца, и я не могла сразу поехать к нему в Москву.

Через месяц, когда мне разрешили встать, я немедленно полетела в Москву. Первым, кого я увидела там, был Володя, он пришёл навестить моего мужа в гостинице, где тот жил после операции. Он сразу спросил меня: «Чем я тебе могу помочь?».

Я говорю: «Мне нужна кухня и кастрюли. Посмотри: Толя лежит худой, как щепка. В гостинице я ничего приготовить не смогу, а я должна поднять его на ноги, ему скоро идти в рейс».

И тогда Володя сказал: «Вы будете жить у меня». Он снимал тогда большую квартиру, адреса я сейчас не помню. Толя говорит: «Ну как же это будет? Ведь к тебе приходит много народа».

Володя ответил: «Никого не будет. Вот сегодня последний день, когда кто-то придёт, — и больше никого не будет».

Володя приехал за нами на машине, и мы из гостиницы переехали к нему. Он нам отдал свою с Мариной спальню, а сам спал в кабинете. Утром мы вместе завтракали, и я в первый раз видела, как Володя жарил мясо. И каждый вечер, когда бы он ни приходил, я вставала и спрашивала: «Володечка, будешь чай пить или кушать?»

Иногда он пил чай или ужинал, но чаще говорил: «Нет, я сыт, я не буду». Садился у себя в кабинете и писал стихи, а потом через какое-то время пел их нам. Это продолжалось больше месяца, и за всё время никто не приходил — Володя всем запретил, чтобы не тревожили Толю.

И знаете, я почувствовала, да и сам он мне говорил, что ему не хватает тепла домашнего. «И как же я буду без вас? Я уже так привык, что ты меня встречаешь, предлагаешь поесть...». Этого ему постоянно не хватало,

Марина же не могла с ним всё время быть. К тому же у неё тогда со старшим сыном неприятности были...

И всё-таки каждый раз, когда Володе было плохо, когда он был в больнице, она немедленно бросала всё и прилетала.

**М.Ц.** — Вы бывали у Высоцкого на Малой Грузинской?

**В.Г.** — Да, конечно. Когда мы были в Москве, мы обязательно встречались, он нам с Толей пел свои новые песни. Квартирою новой он гордился, показывал её нам. При нас Марина часто звонила ему из Парижа, и Володя всегда утешал её, если она была чем-то расстроена. В основном, это были проблемы с сыном.

**М.Ц.** — Насколько я знаю, Высоцкий и Влади бывали в круизах на «Грузии» только на Крымско-Кавказской линии.

**В.Г.** — Нет, не только. Муж рассказывал, что однажды зимой Володя и Марина встретились с ним где-то за границей (зимой «Грузия» ходила вокруг Европы) и проехали немного, в нескольких портах побывали вместе. Володя был у Марины во Франции, но деталей того, где они сели и где сошли, я не знаю.

**М.Ц.** — Я об этом никогда не слышал! А такое было один раз?

**В.Г.** — И этого точно не знаю. Надо будет посмотреть, может быть, в домашнем архиве что-то есть об этом... Но я помню, что они где-то за рубежом сфотографировались на «Грузии» — Володя, Марина и мой муж.

**М.Ц.** — А когда Вы виделись с Высоцким последний раз?

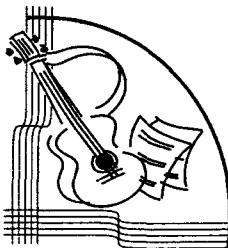
**В.Г.** — Я думаю, за год до его смерти. Он был уже очень плохой. Мы встретились в одной компании, куда он нас специально позвал, чтобы спеть что-то новое, но даже

спеть он не смог. Он был совершенно белый, чувствовал себя уже очень плохо. Это было первый раз, чтобы он хотел спеть — и не смог.

14.04.2006 г.  
(Copyright © 2006)

---

**ГАРАГУЛЯ, Валерия Николаевна.** Родилась в Свердловске. Там же окончила школу-десятилетку, поступила в медицинский институт. Медицинское образование продолжила в Ставрополе, а заканчивала в Одессе, где окончила клиническую ординатуру. По специальности врач-кардиолог. В настоящее время на пенсии.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

**Самвел Владимирович Гаспаров**

**С.Г.** — Меня и раньше просили рассказать о Высоцком. Я никогда этого не делал. Мне не нравится, что люди, которые знали Высоцкого шапочно, теперь выдают себя за больших его друзей. Я не хочу в этом участвовать, мы не были близко знакомы, просто были добрые отношения. У меня была с ним одна очень интересная встреча, связанная с его песней «Пожары».

**М.Ц.** — Это было, как я понимаю, через несколько лет после выхода Вашего фильма «Рейс первый, рейс последний». Туда планировалась песня «Я вышелростом и лицом...», но не вошла. В чём причина?

**С.Г.** — Павленок был против. Борис Владимирович Павленок был заместителем председателя Госкино, и он был категорически против. Мы долго с ним боролись, но ничего не вышло. Я был молодым режиссёром и фактически не имел права голоса.

**М.Ц.** — А как Вы хотели использовать эту песню в картине? Она должна была ложиться на титры или с ней был связан какой-то эпизод в фильме?

**С.Г.** — Да нет, какие там титры! В самом фильме, конечно. Там есть эпизод на перевале, где встречаются дальнобойщики, их играли Закариадзе и Плотников. Они разговаривают о том, что у одного из них жена больна раком и он хочет последние её годы провести рядом с ней. Грузины там у костра поют грузинскую песню, мо-

С.В. ГАСПАРОВ **О Владимире Высоцком вспоминает** || 93

лодые пьют-гуляют, а старики разговаривают о жизни. Потом они прощаются, машина уходит в рейс. За рулём Плотников, рядом с ним сидит стажёр, и вот в это время должна была звучать песня Высоцкого.

**М.Ц.** — А как Вы познакомились с Высоцким?

**С.Г.** — Познакомились в Одессе. Слава Говорухин снимал свой фильм, а я — свой. Говорухин нас с Высоцким и познакомил.

**М.Ц.** — В другой Ваш фильм, «Забудьте слово «смерть», тоже не вошла песня Высоцкого...

**С.Г.** — И опять по той же причине — Павленок не разрешил. «Пожары», я считаю, гениальная песня, одна из лучших у Высоцкого. Я её уже смонтировал, а Павленок посмотрел и сказал: «Только через мой труп». Песню Высоцкий написал на моих глазах буквально за пятнадцать минут. За пятнадцать минут — клянусь честью<sup>1</sup>! Володя был тогда в завязке. Он сидел и ел шоколад. Он съел, наверное, килограмм шоколада, пока я ему рассказывал сценарий. Он сценарий не читал вообще! Я к нему пришёл со сценарием, думал, что мы сейчас сядем, будем это всё обсуждать. А он говорит: «Расскажи мне сценарий». Я бегал по всей квартире полтора часа, рассказывал ему, прыгал, падал — и он завёлся.

Тут же он взял гитару. Как будто его сверху озарило! И слово за словом он начал придумывать песню. Я ему рассказал свою задумку: «Мне надо, чтоб там были ребята, на лошадях без сёдел бешено скачущие. Русые кудри красиво развеваются. Всё горит, земля горит, всё чёрное». И он тут же — тут же! — начал выдавать мне фразы:

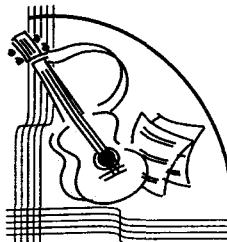
*Пожары над страной, всё выше, жарче, веселей —  
Их отблески плясали в два притопа, в три прихлопа,  
Но вот Судьба и Время пересели на коней...*

Вы знаете, я непьющий человек, но после того как я услышал эту песню, написанную на моих глазах, я выпил бутылку водки, как холодную воду. Я прикоснулся к Гению. Это было просто потрясение, я такого не видел никогда в жизни, меня колотило, когда я от него ушёл. О Высоцком часто такую ерунду рассказывают — где-то он там пел, с кем-то он там спал... Да не в этом же дело! Я считаю, что Высоцкий был послан Богом. Ему дал Бог, а он нёс это людям. Он выполнил миссию, потому и ушёл так рано.

9.12.2006 г.  
(Copyright © 2006)

<sup>1</sup> Существует восемь листов рукописи «Пожаров», записанных Высоцкими разными чернилами и, следовательно, в разное время в период с лета 1977 г. по январь 1978 г. Очевидно, здесь присутствует некоторое преувеличение мемуариста. Возможно, что на упомянутой встрече С. Гаспарова и В. Высоцкого поэт написал какую-то часть песни, но, безусловно, не всю вещь целиком.

**ГАСПАРОВ, Самвел Владимирович.** Кинорежиссёр. Родился 7 июня 1938 г. в Тбилиси. Работал шофером, ассистентом режиссёра, писал рассказы. Окончил режиссёрский факультет ВГИКа (1970 г., мастерская М. Ромма). Постановщик фильмов «Рейс первый, рейс последний», «Хлеб, золото, наган», «Ненависть», «Шестой», «Забудьте слово «смерть» и др.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Роман Наумович ГОФМАН**

**М.Ц.** — Как началось Ваше знакомство с Высоцким?

**Р.Г.** — Началось оно в ресторане ВТО в 1969 году.

Я помню, мы сидели за столиком с таганскими актёрами Володей Насоновым и Рамзесом Джабраиловым. Подошёл Высоцкий. Рамзес нас представил друг другу. Мы как-то сразу сблизились с Высоцким, обменялись телефонами.

После этого прошло около месяца, кажется, и у меня появилась идея устроить устный журнал в ГлавАПУ и пригласить Высоцкого. Я позвонил ему, мы встретились после премьеры спектакля (кажется, «Тартюфа»), поехали опять в ресторан ВТО. Выступить Высоцкий согласился, но сказал:

— Да никаких вопросов, но у меня тоже есть просьба: я ищу квартиру.

Он тогда не то разводился, не то уже развёлся со своей второй женой Людмилой Абрамовой, и ему надо было где-то жить. Я сказал, что я поговорю с людьми (у нас проектировалось много кооперативных домов) и дам ему знать через несколько дней.

В то время как раз проектировался кооперативный дом для Малого театра. Я договорился с партторгом, и тот пообещал сделать так, чтобы Высоцкому выделили квартиру в этом доме. Вот так он и получил квартиру в доме на Малой Грузинской улице.

После того как Высоцкий выступил в ГлавАПУ, у нас появилась идея организовывать выступления в других

местах. Таких концертов я организовал ему очень много, десятки — какие-то проектные организации, больницы, институт имени Курчатова, сейчас уже, конечно, всех и не вспомню.

**М.Ц.** — Вам запомнились какие-нибудь случаи, связанные с Высоцким, с его концертами?

**Р.Г.** — Высоцкого всегда бесило, что секретари парткомов и профкомов просили предоставить им список песен предстоящего выступления. Обычно я просил его дать им такой список, чтобы отвязаться, и Володя мою просьбу выполнял. Но однажды произошёл такой случай. Я организовал его выступление в «Мосводоканалпроект», это рядом с метро «Бауманская» в Москве. Перед концертом мы зашли в ресторан, не помню уже какой... «Якорь», что ли? Рыбный ресторан, мы на втором этаже были, и Высоцкий выпил там за обедом несколько рюмок. Там его ещё допекали какие-то солдаты насчёт автографов, давали ему свои военные билеты, чтобы он на них расписался. В конце концов, действительно допекли. Он говорит: «Знаете что? Дайте пожрать, в конце концов!».

Когда мы приехали, он уже был такой «тёпленький»... Нас пригласили к секретарю парторганизации этого института. Тот предложил выпить, достал бутылку. Володя отказался, сославшись на предстоящее выступление. Тогда секретарь говорит:

— Мне бы нужен Ваш репертуарчик.

Высоцкий ответил:

— Вы об этом с Романом разговаривайте, — резко так повернулся и вышел из кабинета. Я сразу за ним:

— Ну что ты так, Володя?

— Ты же знаешь, я этого терпеть не могу, надоело! Со всех сторон обложили. Я просто здесь выступать не буду.

А в зале человек триста сидело.

Секретарь такое дело увидел, говорит:

— Ну ладно, Вы хоть несколько песен назовите. Я ему из головы несколько песен назвал, какие вспомнились.

Высоцкий на сцену всё-таки вышел. Спел две песни, потом извинился и сказал:

— Меня здесь очень сегодня обидели. Не вы обидели, вы — прекрасные люди. Прошу меня простить, но выступать я сегодня не могу.

И ушёл со сцены, даже гитару бросил. Я за ним побежал, он попросил меня поймать ему такси. Он на этот концерт пригласил официантку из ресторана, где мы обедали, и укатил с ней. Я потом несколько дней нигде его застать не мог.

**М.Ц.** — После Вашего отъезда в эмиграцию Вы с Высоцким встретились уже в Торонто?

**Р.Г.** — Нет, мы встретились незадолго до того в Детройте. Я ведь его след потерял, когда уехал, но однажды увидел в газете объявление о его гастролях и поехал на концерт в Детройт.

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, об этом концерте.

**Р.Г.** — Концерт был в школе, в спортивном зале, который был забит полностью. Принимали Высоцкого очень хорошо. Было два отделения, так что мы смогли побеседовать и до концерта, и в перерыве. Володя жаловался на организатора концерта Шульмана.

«Представляешь, — говорит, — опубликовали мою фотографию с Марией, написали, что мы оба будем участвовать в концерте. Это же чушь страшная!»

Высоцкий сказал, что он был приглашён факультетом русского языка какого-то университета, а Шульман всё переделал на коммерческую основу. Во всяком случае, так он рассказывал. Я с ним никакие финансовые вопросы не обсуждал.

Ну, а во-вторых, опубликовали его фотографию с крестом на груди.

**М.Ц.** — А как Вы считаете, Высоцкий был верующим человеком?

**Р.Г.** — Нет. Как я понял, этот крест не был символом религии или веры. Он снимался с крестом в фильме «Служили два товарища», и этот крест был каким-то талисманом.

После Детройта мы уже встретились в Торонто.

**М.Ц.** — Вы были на обоих его концертах в Торонто?

**Р.Г.** — Да. Могу сказать, что оба концерта прошли очень успешно. Конечно, на официальном выступлении в гостинице «Инн он зе Парк» и публика была совсем другая, чем за день до того в бане, но оба раза Высоцкого принимали великолепно. У меня была запись официального выступления, но она пропала прямо из машины. Я страшно переживал по этому поводу.

**М.Ц.** — У Вас было время пообщаться с Высоцким помимо концертов?

**Р.Г.** — Да, мы ездили вместе на Ниагарский водопад, потом он приходил ко мне домой. Он меня расспрашивал, как у меня дела, как вообще жизнь в Канаде. Я говорю:

— Да ничего, нормально всё. А у тебя как?

— Да так... Тяжело.

Я тогда в лоб, что называется, спросил:

— А чего ты вообще оттуда не свалишь?

Он говорит:

— А куда валить? Меня в Париже хватает на три дня. То есть, я так понял, идея эта у него была, потому что он очень интересовался, как тут люди живут. Но в то же время он трезво смотрел на вещи.

**М.Ц.** — Вы знали Высоцкого много лет. Какие его черты Вы могли бы выделить? Чем он Вам запомнился?

**Р.Г.** — Он был довольно замкнутым человеком, открывался только в кругу близких друзей. Я на «Таганке» многих актёров знал. У Высоцкого ни с кем из них не было особенно близких отношений.

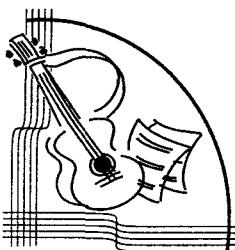
Он не любил много говорить. С удовольствием общался с интересными людьми. Помню такой случай. Я ждал его у служебного входа в театр, а он опоздал на полтора часа. Приехал слегка навеселе с каким-то приятелем — армянин или грузин, я не помню уже, — и стал мне взахлеб рассказывать, что он был на даче у Хрущёва. Рассказал, как он Хрущёву пел, как тот прослезился, обнимал Володю, говорил, что он всегда его любил, и так далее. Старик расчувствовался. Эта встреча на Высоцкого большое впечатление произвела.

Знаю, что несколько раз Высоцкий общался с Полянским, когда тот был тестем Вани Дыховичного. Я уж не знаю, помог ему в чём-то Полянский или нет. Может быть, Володя просто хотел побеседовать с живым членом Политбюро, с властным человеком. Согласитесь, такая возможность предоставлялась не каждый день, а Высоцкий очень любил общение с необычными людьми.

22.11.1996 г.  
(Copyright © 2005)

---

**ГОФМАН, Роман Наумович.** Бизнесмен. Родился в 1946 г. в Москве. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева (МИСИ). Работал инженером в Главном архитектурном управлении Москвы (ГлавАПУ). В 1970-е годы эмигрировал в Канаду, где занимается бизнесом в сфере недвижимости. Живёт и работает в Торонто.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

### София Асгатовна ГУБАЙДУЛИНА

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, кто пригласил Вас писать музыку для кинофильма «Вертикаль»?

**С.Г.** — Меня пригласил режиссёр Станислав Говорухин. Мне было там приятно работать, потому что композитору давали свободу. Говорухин так и сказал: «Я ничего не понимаю в музыке, сделай так, как ты хочешь». Я и делала так, как я хотела.

Причём я видела, что включается ещё один план, совершенно отличающийся от того, как я вижу и как я слышу, и в это другое видение фильма включается такое совершенно необыкновенное явление, как песни Высоцкого.

Эти песни под гитару играли в фильме очень большую роль. Одну из песен Высоцкого мне пришлось обработать, чтобы мог участвовать оркестр. Это было наше единственное соприкосновение, чисто музыкальное. Сама музыка была совершенно другого рода. Включение в кинофильм двух противоположных звуковых планов — один социальный и совершенно другой — природный, — на мой взгляд, было продуктивным.

**М.Ц.** — А были ли у Вас с Высоцким обсуждения музыки?

**С.Г.** — Нет, чисто музыкальных встреч, таких, чтоб два автора встречались, обсуждали что-то, — такого не было.

Работа в этом фильме была очень приятной для меня ещё и потому, что было много встреч с хорошими ху-

дожниками и хорошими людьми, в том числе и с Владимиром Высоцким, который одухотворял всю атмосферу при создании этого фильма. Я была среди публики, когда он у костра, где-то в горах, пел свои песни. Его искусством я восхищалась не как композитор, который будет писать музыку в тот же фильм, а просто как слушатель.

**М.Ц.** — Вы ездили со съёмочной группой на Кавказ?

**С.Г.** — Да. Эта поездка дала мне интересный жизненный опыт, совершенно отличный от того, к чему я привыкла. Мы даже участвовали в каких-то небольших восхождениях под защитой альпинистов. На меня произвело громадное впечатление восхождение на гору Накра, которая находится рядом с Эльбрусом. Три дня мы жили в палатках наверху — это всё были для меня очень важные моменты. Ну и, конечно, встреча с Высоцким тоже была для меня важным житейским и, я бы сказала, социальным опытом.

Идея фильма была в показе того идеализма, который свойствен альпинистам, тем, кто идёт в горы, рискуя жизнью. Они приходят на вершину с каким-то особым ощущением жизни. Это очень высокая тема. Высоцкий делал эту ситуацию ещё более возвышенной, он всё одухотворял своим талантом.

**М.Ц.** — А были ли тогда песни Высоцкого для фильма в нотной записи?

**С.Г.** — Нет-нет, эти песни он просто пел, а я записала их так, как полагается.

**М.Ц.** — Музикальные способности Высоцкого... Об этом очень мало сказано в литературе. Из крупных композиторов на эту тему высказался только А. Шнитке, сказав, что у Высоцкого очень выразительная точность интонирования согласных, и хотя это не относится к звуковысотности, но относится к звуку,

поэтому Шнитке считал это вкладом Высоцкого в музыку. Как Вы считаете, музыка в песнях Высоцкого представляет интерес?

**С.Г.** — Если говорить о чистой музыке, то трудно говорить о каком-то значительном явлении. Если быть совсем честной, то я не могу здесь выделить какого-то качества, которое бы служило музыке без текста, без этой социальной актуальности. Я не вижу того, что увидел Шнитке.

**М.Ц.** — То есть, с Вашей точки зрения, значимость музыкальной составляющей творчества Высоцкого не менялась, скажем, от периода песен для «Вертикали» и последних песен? Мне трудно судить об эволюции музыкальной стороны его творчества, но, на мой взгляд, его музыка усложнялась.

**С.Г.** — Вопрос о прогрессе — вопрос сложнейший и противоречивый. Усложнение не обязательно означает прогресс. Как раз простота, которая свойственна этому типу искусства, играла положительную роль. Что бы было, если бы в эту музыку привнести элемент сложности нашего искусства? Это была бы значительная потеря!

**М.Ц.** — И в заключение позвольте один вопрос. Как Вы оцениваете явление российской культуры по имени Владимира Высоцкого?

**С.Г.** — Я очень высоко ценю его талант, высоко оцениваю этот тип культуры. Это же очень необычное явление — появляется искусство, про которое никто не может сказать, что в нём есть что-то особенное в каком-то одном аспекте.

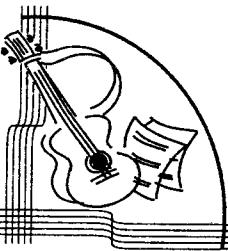
Когда об этом искусстве рассуждают музыканты, они говорят: «Ну музыка тут, конечно, очень примитивная, но поэзия очень актуальна». Когда о том же явлении судят писатели и поэты, то они говорят примерно так: «В смысле поэзии тут ничего особенного нет, но зато какая музыка!».

Очень интересное искусство... Ведь действительно, именно синтез двух составляющих создаёт потрясающее культурное явление, оказывается очень значительным эстетическим событием, которое к тому же очень актуально и нужно с точки зрения социума.

30.06.2005 г.  
(Copyright © 2005)

**ГУБАЙДУЛИНА, София Асгатовна.** Композитор. Родилась 24 октября 1931 г. в Чистополе (Татарская АССР). В 1949 г. закончила Казанское музыкальное училище по классу фортепиано. После окончания Казанской консерватории в 1954—1959 гг. училась в Московской консерватории, там же в 1963 г. окончила аспирантуру по классу композиции у профессора В. Шебалина. До начала 1990-х жила в Москве на положении «свободного художника»; в 1969—1970 гг. работала в Московской экспериментальной студии электронной музыки; сотрудничала с разными киностудиями. В 1979 г. попала в число композиторов так называемой «хренниковской семёрки», которых осудили чиновники «от музыки», в результате чего в СССР перестали исполнять и издавать их сочинения.

В 1991 г. получила немецкую стипендию, в 1992 г. переехала в Германию, поселилась в пригороде Гамбурга (Аппен), сохранив российское гражданство. Лауреат ряда иностранных и российских премий, в их числе — премии князя Монако (1987), Государственной премии России (1992), Премии имени Сергея и Наталии Кусевицких (США, 1994), премии «Империале» (Япония, 1998), премии немецкого фонда «Библия и культура» (1999), премии «Polar» Шведской Королевской музыкальной академии (2002) и др. Награждена орденом «За заслуги в науке и искусстве» (Германия, 2000), медалью Гёте за особые заслуги в международном обмене и международных связях (2001). Почётный член Берлинской академии искусств.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Феликс Михайлович Дашков

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, как Вы познакомились с Высоцким?

**Ф.Д.** — Мы познакомились, когда я был капитаном теплохода «Литва». Высоцкий был тогда на киносъёмках какого-то фильма Одесской студии — то ли «Служили два товарища», то ли «Интервенция», — а мы стояли в ремонте на первом заводе.

Вдруг вахтенный докладывает, что, дескать, подъехала бричка и спрашивают меня. А бричка эта оказалась тачанкой времён Гражданской войны, и в ней сидел Высоцкий. Он поднялся ко мне на борт судна, таким образом мы и познакомились.

**М.Ц.** — Они приехали вместе с Назаренко?

**Ф.Д.** — Может быть, с Назаренко. Мы одновременно стояли в ремонте, он на «Аджарии», а я на «Литве». Вполне возможно, что Володя сперва был на «Аджарии», а потом они поехали ко мне. Видимо, ему Назаренко обо мне рассказал, и он приехал знакомиться.

Когда я стал капитаном «Белоруссии», я всегда приглашал на корабль его с Мариной, когда у них будет возможность приехать. Этим приглашением они воспользовались дважды — в 1975 и 1976 годах.

Мы прошли по маршруту Генуя — Канарские острова — Мадейра — Касабланка — Барселона. Я сейчас уже расписание точно вспомнить не могу... На Канарах мы заходили на три острова — Ланцароте, там останавливались в порту Аресифе; на острове Гран Канаре были в Лас-Пальмасе и на острове Тенерифе были в Санта Круз де Тенерифе.

Высоцкий с женой были у меня на борту две недели. Ну что сказать... Ничего особенного, в общем-то не произошло в это время. Было нормальное, обычное, человеческое общение, никаких из ряда вон выходящих событий.

Кое-где Высоцкого встречали. Скажем, в Касабланке приезжали за ним люди из посольства, забирали его в Рабат.

**М.Ц.** — Он давал концерт в посольстве?

**Ф.Д.** — Нет, по-моему, концерта он не давал. Во всяком случае, я не могу этого сейчас ни отрицать, ни утверждать, в памяти не осталось.

**М.Ц.** — Вам не запомнились какие-нибудь места, которые посетил Высоцкий во время круизов?

**Ф.Д.** — Когда он был с посольскими в Рабате, то снимался возле мавзолея короля Махмуда Второго. Это популярное место среди туристов, туда есть доступ, этот мавзолей расположен рядом с развалинами древнеримского храма.

В Аресифе мы были вместе. Это оригинальное место. Остров напоминает лунную поверхность, потому что он весь залит лавой и только в некоторых местах, где начали обрабатывать землю, есть зелень. Там есть подземные пещеры, куда можно попасть с экскурсоводом. И ещё там есть ресторанчик на скале, а рядом с ним устроили аттракцион: наливают в лунку воду, и оттуда вырывается гейзер. У меня есть фотографии, где Высоцкий снят в этих местах.

**М.Ц.** — А на «Белоруссии» он выступал?

**Ф.Д.** — Да, он дал концерт для экипажа. Концерт ребята записали на свои магнитофоны. У меня этой записи

нет, но как будто бы одну кассету недавно в Москве нашли.

**М.Ц.** — А маршрут не менялся? Всегда от Генуи до Барселоны и обратно?

**Ф.Д.** — Да, один и тот же. Это был у нас зимний маршрут, а летний у нас был Одесса — Марсель с заходами в Стамбул, Пирей, Геную, Неаполь, Барселону и на Мальту. На летнем маршруте Высоцкого не было, во всяком случае, до 1978 года, пока я там был капитаном.

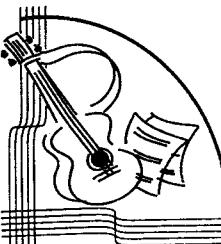
Недавно я услышал, что якобы Высоцкий был на «Белоруссии» четыре раза, то есть ещё два рейса после меня, когда капитаном был Мироненко Иван Никандрович. Я об этом слышал от моих друзей в Москве. Говорили, что они были на борту «Белоруссии» в Гавре и встречались там с Высоцким. Я этого, честно говоря, не знал.

**М.Ц.** — А помимо общения на круизах Вы встречались с Высоцким?

**Ф.Д.** — Мы встречались, когда я приезжал в Москву. У меня корни московские, я всегда ездил туда в отпуск, навещал маму и брата. Конечно, мы встречались с Володей. Я бывал во всех его квартирах, побывал на многих спектаклях с его участием, так что встреч было много.

19.11.2005 г.  
(Copyright © 2006)

**ДАШКОВ, Феликс Михайлович.** Капитан дальнего плавания. Родился в 1927 г. Окончил Одесское высшее мореходное училище. Тридцать лет командовал судами в Черноморском пароходстве, был капитаном теплоходов «Литва», «Белоруссия», «Адмирал Нахимов», затем работал лоцманом в Ялтинском порту. В настоящее время живёт в Германии.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Михаил Михайлович ДЕРЖАВИН

**М.Ц.** — В 1968 году песни Высоцкого прозвучали в спектакле Театра Сатиры «Последний парад». Премьера спектакля состоялась уже после разгромных статей против Высоцкого в центральной прессе. Как стало возможным после такой кампании появление песен Высоцкого в спектакле одного из самых популярных театров Москвы?

**М.Д.** — Мы все любили Володю, Валентин Николаевич в том числе. Он сделал такую акцию — взял и пригласил Высоцкого в спектакль по пьесе Александра Петровича Штейна. Я деталей этого не знаю.

**М.Ц.** — У Плучека были проблемы с утверждением Высоцкого?

**М.Д.** — Я думаю, особых проблем не было. Иначе бы не звучали там две такие хорошие песни. Сказали бы в управлении культуры: «Не надо этого!» — и не было бы. А так на всех программках и на афишах спектакля, которые сохранились и висят у нас в театре, стоит фамилия Владимира Высоцкого.

В «Последнем параде» Анатолий Дмитриевич Папанов, Роман Ткачук и я играли трёх героев. Папанов был в главной роли, Ткачук играл механика, а я — журналиста по фамилии Марич. Там мы втроём пели песню про зарядку:

Вдох глубокий, руки шире,  
Не спешите — три-четыре...

А потом я один пел песню «На север вылетаю из Одессы». Там у Володи была строка про стюардессу — «доступная, как весь гражданский флот». Люди из Главреперткома попросили «доступная» заменить на «надёжная».

Володя был на премьере и на банкете. Там он мне сказал по поводу этой песни: «Мишка, поёшь лучше, чем я!». Отвесил мне такой комплимент...

**М.Ц.** — У Высоцкого была ещё одна песня, написанная на этот мотив. Он поздравлял этой песней Валентина Николаевича Плучека с 60-летием. Это было в 1969 году. Вы не помните её? Она начинается так:

В Москву я вылетаю из Одессы  
На лучшем из воздушных кораблей.  
Спешу не на пожар я и не на премьеру пьесы,  
Спешу на долгожданный юбилей.

**М.Д.** — Никогда даже не слышал такую песню... Я был на юбилее Плучека, находился среди гостей, но Володя этого не пел. Это какая-то неувязка.

**М.Ц.** — Фонограмма этой песни сохранилась. Высоцкий поёт под аплодисменты зала.

**М.Д.** — Интересно только — какого зала...

**М.Ц.** — Вы меня на мысль навели сейчас. Может быть, это было какое-то другое празднование, не в самом театре... Кстати, я слышал, что в театре юбилей Плучека праздновали не 4 сентября, в день его рождения, а позднее. Могло это быть?

**М.Д.** — Вполне возможно, потому что у нас всегда отпуск в это время. Вот у нас недавно был 80-летний юбилей театра. Вообще-то, юбилей был в октябре, а мы его в декабре праздновали.

**М.Ц.** — Возвращусь к спектаклю «Последний парад». Мне кажется, что его слишком рано сняли с репертуара. Вы так не считаете?

**М.Д.** — Да нет, он шёл много лет... Ну и потом, у нас ведь поточная система, меняются спектакли не потому, что они были чем-то неугодны, а по совсем другим причинам. Кто-то уходит из театра, кто-то плохо себя чувствует. А иногда были другие ситуации... Вот, скажем, у нас с огромным успехом шёл «Тартюф» в постановке Антуана Витеза, художественного руководителя театра «Комеди Франзез», а спектакль шёл недолго, потому что к успеху постановки ревностно относился сам Плучек.

**М.Ц.** — Кстати, это правда, что Плучек так же ревностно относился к популярности «Кабачка 13 студентов»?

**М.Д.** — Ну он его просто не любил. Он нам в глаза говорил, что это пошлайшая передача. Иногда он просто на стуле переворачивался!

Я помню, мы играли пьесу Фёдора Михайловича Бурлацкого «Бремя решения», это о Карибском кризисе. Андрей Миронов играл президента Кеннеди, я играл, как ни смешно это может Вам показаться, министра обороны Макнамару, начальника Объединённых штабов армии США играл Спартак Мишулин, и множество других участников «Кабачка» там играли.

Конечно, Плучека бесило, когда я выходил на сцену, а зал шептал: «О! Пан Ведущий!». Потом появлялся Спартак Мишулин — в данном случае начальник Объединённых штабов генерал Томас, — а зал шумел: «Ооо! Пан Директор!».

Ну, а возвращаясь к «Последнему параду», я считаю, что Плучек сделал красивый, хороший шаг по отношению к Владимиру Семёновичу. С центральной сцены любимейшего театра официально звучали его песни.

**М.Ц.** — А больше у Плучека не возникало идей относительно включения песен Высоцкого в другие спектакли?

**М.Д.** — Нет, больше никогда. «Последней парад» как пьеса годилась, чтобы включить туда песни разных композиторов. Помимо песен Высоцкого там были и песни Жарковского, и Мика Таривердиев написал какую-то песню. В музыкальном плане всё это было очень органично. Там были и танцы, и оркестр. Зал принимал это очень хорошо.

**М.Ц.** — Помимо театра Вы с Высоцким встречались?

**М.Д.** — Вот я вспоминаю такой случай... Мы ехали с ним по одной трассе, по Минскому шоссе. Он едет на шикарном новом автомобиле заграницном, а я — на «Жигулях». Он мимо меня проезжает, притормаживает, говорит: «Миша, ну как?» — Я говорю: «Прекрасно, Володя! Хорошо выглядишь».

Помню ещё встречу на даче во Внуково. Я привёз Ольгу Александровну Аросеву, у неё дача там, во Внуково. И, помню, из-за заборчика выходит Володя с белокурой девушки в простеньком платьице и говорит: «Миша, познакомься, это — Марина».

Мы редко, к сожалению, встречались. Он был милейший парень. Я с ним особенно не был дружен, но вспоминаю о нём с восторгом.

Я представляю себе, как ему было, наверное, тяжело слушать свои песни в нашем исполнении, но он с таким открытым глазом пришёл и благодарил Папанова, Романа Денисовича Ткачука, меня: «Спасибо, ребята!».

**М.Ц.** — А как Вы относитесь к Высоцкому как к театральному актёру? Возьмём его главную роль — Гамлета...

**М.Д.** — Понимаете, мы были воспитаны на других образцах... К нам приезжал Лондонский Королевский те-

атр, прекрасные актёры — и вдруг Володя с охрипшим голосом играл Гамлета. Это, конечно, вызывало удивление знатоков театра. Не потому, что он играл плохо, — он играл с невероятным напряжением. У него был очень могучий голос. Роста он был небольшого — мне по плечо, а я чуть выше среднего роста, — но от него исходила такая сила! У него была такая мужицкая основа, и это действовало очень на зал. Это всё, разумеется, помимо того, что он был необыкновенно талантливым человеком.

**М.Ц.** — А что думал Плучек о Высоцком в этой роли?

**М.Д.** — Валентин Николаевич всегда вспоминал Мейерхольда. Мейерхольд был громадным экспериментатором, и у Валентина Николаевича игра Высоцким Гамлета не вызывала отторжения. Считал, что это продолжение традиций, которые были в русском театре первых послереволюционных лет. Ведь помимо Мейерхольда во многих городах были режиссёры, которые ему не подражали, но делали великолепные спектакли, новые, совершенно революционные работы.

Так что я помню, что Валентин Николаевич отнёсся к тому, что делал в этой роли Высоцкий, с уважением. Не помню, чтобы он высказывал какие-то претензии к его игре.

**М.Ц.** — Помимо Гамлета Высоцкий в театре играл и другие очень серьёзные роли — скажем, лётчика Янга Суна в «Добром человеке из Сезуана», Керенского в «Десяти днях, которые потрясли мир», Галилея... Как Вы оцениваете эти его работы?

**М.Д.** — Я вспоминаю то время... Я родился и продолжаю жить в доме, принадлежащем Театру имени Вахтангова. В соседнем подъезде находится училище имени Щукина. Я помню все гениальные вахтанговские спектакли, когда художественным руководителем был Рубен

Николаевич Симонов. Я был воспитан на таком замечательном театре с могучими актёрами. Мы ходили во МХАТ, смотрели игру великих мастеров. На этом фоне Володя был каким-то неправдоподобно маленьким...

Я заговорил о вахтанговском театре, потому что Юрий Петрович Любимов был актёром, прекрасным актёром этого театра. Он Володю очень полюбил и считал, что Высоцкий при своём могучем темпераменте может заменить ту мощь, которая была дана природой мастерам предыдущего поколения.

И был такой перелом восприятия театра в наших душах — от великих мастеров Малого театра, МХАТА, Вахтанговского, такого настоящего театра героев, — к театру новому.

Таганские спектакли Юрия Петровича были совершенно не похожи на всё, что мы видели до того. Наверное, это было что-то похожее на Мейерхольда. И я думаю, что Валентин Николаевич Плучек пригласил Володю в наш спектакль, потому что то, что делал он у Юрия Петровича, чем-то напоминало Плучеку его молодость.

Для нас театр Юрия Петровича казался необыкновенно новым. А потом старые мастера говорили: «Да вы бы, ребята, посмотрели, это всё уже было. Всё уже было в нашем театре».

Я впервые увидел спектакль «Добрый человек из Сезуана» на сцене театрального училища имени Щукина, а потом в театре он сделал свою новую версию.

*М.Ц. — А почему Вы говорите о новой версии? Разве Любимов не перенёс спектакль на новую сцену?*

*М.Д. — Он перенёс, но не целиком. Он его ещё более модернизировал, ещё более усовершенствовал. Здесь это был студенческий спектакль, спектакль учебного театра, это другое всё.*

Но, конечно, всё дело в таланте. К Володе было какое-то необыкновенное внимание со стороны зрителей. Я вспоминаю его, как комету какую-то необыкновенную, которая вдруг ворвалась в нашу жизнь. Я слушаю его пластинки, компакт-диски — это просто замечательно! Я не знаю, как он действует на сегодняшнее поколение, как им увлекается молодёжь... Сейчас как-то больше переключились на Запад... Но песни его — просто экстра-класс!

И как человек, который его немножко знал, я понимаю, какая это тяжесть была для него — влияние этих руководящих кругов, всех этих районных управлений культуры... Он был талантливейший человек, суперталантливейший. Его, конечно, не хватает сейчас...

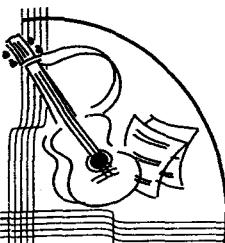
Я даже не знаю, как его назвать. «Бард» — это какое-то нехорошее, неподходящее слово. Это штамп уже просто стал. Он был талантливый поэт — вот это главное!

21.04.2005 г.  
(Copyright © 2006)

**ДЕРЖАВИН, Михаил Михайлович.** Актёр. Родился 15 июня 1936 г. в Москве в семье Михаила Степановича Державина (1904–1951) — народного артиста РСФСР, одного из ведущих актёров Театра имени Е. Вахтангова. В 1959 г., по окончании училища имени Б. Щукина, был приглашён в Московский театр имени Ленинского комсомола. В 1967 г. короткое время работал в Театре на Малой Бронной, куда в числе других актёров перешёл вслед за режиссёром А. Эфросом. В том же году перешёл в Московский академический театр сатиры, где работает до настоящего времени.

Первой ролью в новом театре стал Марич в «Последнем параде» А. Штейна (1968), всего за время работы в Театре сатиры сыграл более 60 ролей. Начиная с картины «Они были первыми» (1956), сыграл несколько десятков ролей в кино, в их числе — в кинофильмах «Джамайка», «Жених

из «Майами», «Бабник», «Моя морячка», «Трои в лодке, не считая собаки» и др. В течение долгих лет, сыграв роль пана Ведущего, участвовал в создании популярнейшей на советском телевидении передачи «Кабачок 13 стульев». Много работает на эстраде в дуэте с Александром Ширвиндтом. Народный артист России. Живёт и работает в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Эдуард Николаевич ДРОБИЦКИЙ

**М.Ц.** — Любители живописи знают Вас не только как плакатиста, но и как книжного иллюстратора и живописца. Ну, а любителям творчества Высоцкого, естественно, прекрасно знакома Ваша картина «Поэты А. Пушкин и В. Высоцкий». Когда она была написана?

**Э.Д.** — Таких работ две. Первая из них написана за месяц до смерти Высоцкого. Он её видел. Осенью 1980 года она уже была выставлена на Малой Грузинской улице в Москве.

**М.Ц.** — Что Высоцкий сказал, увидев это полотно?

**Э.Д.** — Он засмеялся, сказал: «Тебе мало, что ли, доставалось? Что же будут говорить пушкиноведы, ты нас поставил с Пушкиным на одну доску». А я ему на это ответил: «Менталитет русского народа никто из поэтов не сформулировал лучше тебя. Даже Пушкин.

*Купола в России кроют чистым золотом,  
Чтобы чаще Господь замечал.*

Даже Бога дурят! Живут плохо, а купола кроют золотом — вроде живём хорошо!»

В общем-то, я тоже ожидал нелестных слов. Но, как ни странно, мы оба с Володей не угадали. Все отзывались очень хорошо, и никаких выпадов ни против меня, ни против него не было.

**М.Ц.** — Вы сказали, что таких работ было две. Значит, потом Вы повторили эту картину?

**Э.Д.** — Да. На первой работе у Пушкина закрыто лицо, чёрной краской замазано. А на лице я написал: «Александр Пушкин». Дело в том, что они мне казались одинаковыми. Если на лице Высоцкого сделать бакенбарды, то они были бы, как близнецы. Я сам обалдел, потому и замазал лицо буквально за два часа до выставки.

На выставке Нина Максимовна, мать Володи, спросила меня, зачем я это сделал. Я сказал: «Вы знаете, во-первых, оно мешает восприятию, а во-вторых, Пушкина все знают, а Володю ещё нет. Вот теперь будут знать все».

А вторую работу, которую Вы знаете, я написал познее, она находится в музее Высоцкого. Там лицо Пушкина открыто. Я писал ту картину к двухсотлетию со дня рождения Пушкина.

**М.Ц.** — А где теперь первая работа?

**Э.Д.** — В Дании, в частной коллекции Эрика Брауна. Он купил несколько моих работ — «Грига», «Достоевского», «Пугачёву» и «Пушкина и Высоцкого».

**М.Ц.** — А когда Вы познакомились с Высоцким?

**Э.Д.** — Познакомились давно, в конце 1960-х годов. Встречались, выпивали... Володя уже работал на Таганке. Я приезжал после спектакля, забирал их, и мы кудато ехали веселиться... В нашей компании были Хмельницкий, Шаповалов по прозвищу «Шопен», оператор Лёша Чердынин, который тогда был мужем Ларисы Лужиной, друг Володи Артур Макаров... А потом, уже в 70-е годы, Володя жил в нашем доме. Это же, по сути, дом художников, — Малая Грузинская, дом 28.

**М.Ц.** — Какие были художественные вкусы и пристрастия Высоцкого?

**Э.Д.** — Вы знаете, его вкусы шли гораздо выше социалистического реализма, он его так же не признавал,

как и мы. У него был круг художников, чьи работы ему очень нравились. Скажем, художник из Киева Вадим Игнатов<sup>1</sup>. Он рисовал людей таких механических, из деталей каких-то, Володя эти работы очень любил. А официальное социалистическое искусство он не любил и не одобрял.

**М.Ц.** — Владимир Семёнович любил Ваши плакаты?

**Э.Д.** — Он к ним очень хорошо относился.

**М.Ц.** — Высоцкий был подкован в художественном отношении?

**Э.Д.** — Да-да. И не только в живописи. Он прекрасно разбирался в поэзии — и в нашей, и в западной. Интересовался русской философией, знал работы Бердяева, Розанова, Флоренского. Они все тогда были запрещены, но в нашем кругу книги эти ходили. Кто что откопает — этим всегда делились. И думали: ну как могли русские, интеллигенция, не допереть до одной простой вещи! Откройте словарь Даля и прочитайте: «Коммунизм — это политическое учение о праве каждого на чужое». Ну почему никто не прочитал Даля?!

**М.Ц.** — Каким был Высоцкий в общении?

**Э.Д.** — Вы знаете, когда он не хотел с кем-то общаться, он сидел и смотрел исподлобья. Вот я его таким и написал — это был его коронный взгляд. Так он смотрел, пока не поймёт, кто это, что за человек. А когда понимал человека, тогда становился совсем другим, расслаблялся, шутить начинал.

Раздражало его, конечно, когда кто-то запанибрата, по плечу хлопает: «Поехали с нами, Володя! И Марину привози!». Ну какому нормальному человеку это понравится?

**М.Ц.** — Вы были председателем московского комитета художников-графиков на Малой Грузинской

(за что и получили художники прозвище «малые грузинцы»). Очереди в выставочный зал бывали огромные, это я помню. Кажется, там были и выставки фотографии, и на этих выставках экспонировались фотопортреты Высоцкого?

**Э.Д.** — У меня много фотографий Высоцкого, и, в основном, именно с этих выставок. Все фотохудожники состояли в нашем комитете — Плотников, Стернин и другие. И фотографии Высоцкого мы демонстрировали просто великолепные!

12.12.2006 г.  
(Copyright © 2006)

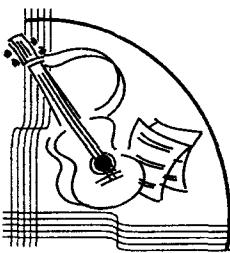
<sup>1</sup> Вадим-Константин Игнатов, художник. Родился в 1934 г. в Харькове, живёт и работает в Киеве. Как в декабре 2006 г. киевскому высоцковеду В. Ткаченко рассказал сам В.К. Игнатов, однажды он участвовал в выставке на Малой Грузинской улице, организованной Э. Дробицким. Там он познакомился с Высоцким, который пригласил его к себе. В.К. Игнатов подарил Высоцкому свою картину «Краб, оставляющий след». Дальнейшая судьба картины неизвестна.

**ДРОБИЦКИЙ, Эдуард Николаевич.** Художник. Родился 24 марта 1941 г. в г. Кропоткин Краснодарского края. В 1969 г. окончил Московский архитектурный институт. Работает в различных жанрах — иллюстрировал книги, проектировал почтовые марки, цирковые, театральные и эстрадные костюмы и плакаты. Занимается живописью, скульптурой, дизайном, архитектурным проектированием, монументальной живописью, сценографией. Является художником-постановщиком театра и кино.

Начиная с 1969 г., удостоен многочисленных наград и премий на Всесоюзных, Всероссийских и Международных биеннале, конкурсах, выставках. Среди них: Гран-при (золотая медаль) Международной промышленной выставки

(Бельгия, Брюссель, 1965); первая премия (золотая медаль) на конкурсе почтовых марок «Международные спортивные соревнования» (Чехословакия, Прага, 1968); первая премия (золотая медаль) на конкурсе театральных плакатов «Целуй меня, Кэт!» (Италия, Рим, 1969); Гран-при (золотая медаль) V Международного биеннале плаката (Польша, Варшава, 1974) за плакат «Сделано в Чили»; Гран-при на Международной выставке живописи (IEP) (Италия, Турин, 1990) за картину «Женщина с яблоками», Гран-при на биеннале живописи (Испания, Мадрид, 1991), Гран-при на выставке «Лугано-91» на чемпионате мира по БОЧЕ (Швейцария, 1991) за картину «Боче. Лугано», первая премия на Международной выставке «АРТ-92» (Польша, 1992) за триптих «Груша. Инверсии» и многих других. Работы художника находятся в музеях, галереях и частных коллекциях в России, США, Великобритании, Франции, Италии, Испании, Дании, Бельгии, Германии, Швейцарии, Швеции, странах Средней Азии, Объединенных Арабских Эмиратах, Кувейте, Южной Корее, Японии.

Член-корреспондент Российской академии художеств (1997), президент профессионально-творческого Союза художников России (1990), президент Международной федерации художников ЮНЕСКО (1991), действительный член Академии народной культуры (1991), действительный член Академии менеджмента в образовании и культуре (1997), действительный член Американской Пушкинской академии искусств (2000). Живёт и работает в Москве.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

### Николай Егорович ДРОННИКОВ

**М.Ц.** — Николай Егорович, Вы познакомились с Высоцким во Франции?

**Н.Д.** — Нет, ещё в Москве. У него был близкий друг, Давид Карапетян, он был и моим другом, у нас были с Высоцким очень теплые отношения. Потом, помню, они с Мариной Влади в моей машине каталась. Мы общались, конечно, но особенно я не лез вот по какой причине. У меня жена работала тогда во «Франс Пресс», и куда бы мы ни ездили, сзади ехали за нами. Так что я просто не мог подводить людей.

В Москве я портретов Высоцкого не делал. Признаться, «Таганку» я не уважал. «Десять дней», которые меня не потрясли... Я этого не ел...

Высоцкий приезжал к нам, к моим друзьям. Давид Карапетян его вытаскивал, оберегал, спас его. Потом они разошлись. В книге Карапетяна хорошо сказано об этом. Высоцкого стали интересовать деньги, а тогда мы думали не о деньгах, а об искусстве.

Наши с Карапетяном жёны были француженки. То есть для него это был пример не жить, как все.

Высоцкий же в те времена был совершенно без денег, он приезжал к Карапетяну покушать, спал у него, потому что негде было спать. Спал он на диване, а над ним висели две моих картины, которые я подарил Карапетяну. Одна из этих картин — «Купола». Он писал свою песню «Купола российские», глядя на эту картину.

О Владимире Высоцком вспоминает || 121  
Н.Е. ДРОННИКОВ

**М.Ц.** — Вы общались и во Франции?

**Н.Д.** — Мы беседовали, да. Марина боялась, она же тогда коммунистка была, потом только отошла. Я не был членом партии, даже комсомольцем никогда не был. К эмигрантам, беженцам тогда относились с подозрением. Володя сам мне говорил:

— Я с тобой долго говорить не могу.

Он расспрашивал меня о жизни здесь. Не советовал я ему оставаться, теперь жалею.

**М.Ц.** — А он хотел остаться во Франции?

**Н.Д.** — Тогда ведь все бежали, прыгали через барьер! «Волки»-то отсюда! Эта же песня не просто так писалась. Он спел её, и я сказал себе: я прыгну.

**М.Ц.** — Какой круг общения был в Париже у Высоцкого?

**Н.Д.** — В первый приезд Высоцкого в Париж нас пригласила жена Карапетяна, была Марина Влади, был Барышников. Потом был такой Коган, он здесь преподаёт, у него тоже жена француженка. Шемякин не пришёл. Потом я повёз Синявских на встречу с ним. То есть они были знакомы по Москве, но в Париже их свёл я. Америка его споила и укоротила ему жизнь.

Марина Влади оберегала, как могла. Этот Коган — коммунист, жена Карапетяна — ярая коммунистка. Она переводила Хрущёва по заданию КПСС и компартии Франции. Вот в какой он круг попал.

**М.Ц.** — Вы один из немногих художников, написавших прижизненный портрет Высоцкого. Расскажите, пожалуйста, об этом.

**Н.Д.** — Я делал наброски с него во время встреч у друзей и написал портрет. Это было в 1974–1975 годах.

У меня штук тридцать портретов Рихтера есть. Когда он давал концерты в Париже, я ездил туда и делал

портреты. Я сделал штук сорок портретов Ростроповича. Таких набросков у меня тысячи, в том числе и Высоцкий. Я сделал штук восемь его набросков. В работе опираюсь на Матисса.

**М.Ц.** — А где находится большой портрет Высоцкого?

**Н.Д.** — Он долгие годы был у меня, на нём стоит подпись самого Володи и слова: «Николай, добра тебе!». В 2002 году я его подарил музею Высоцкого в Москве. А у меня дома висят два моих наброска.

**М.Ц.** — Высоцкий Вам позировал для этого портрета?

**Н.Д.** — Я не называю это позированием. Это удовольствие для обоих. Этот портрет выполнен на картоне. Дело в том, что декоратор «Таганки» выполнил несколько портретов — Брехта, Станиславского, Вахтангова и Мейерхольда. Эти портреты были сделаны на картоне, они чёрно-белые. Не помню, то ли углём, то ли карандашом нарисовано. И я для того, чтобы в будущем портрет Высоцкого висел там же и совпадал с этими портретами, выполнил его на этом же материале, но в цвете — там у меня сангина, мел, уголь. Вот этот портрет теперь в музее.

**М.Ц.** — В Ваш альбом «Русский в Париже», выпущенный в 1980 году, портрет Высоцкого вошёл?

**Н.Д.** — Он должен был войти, даже два портрета должны были войти. Однако те, кто редактировал альбом, его выкинули. Они узнали себя в песне «Над Шереметьево в ноябре третьего...», хотя имена там и не назывались. Они вывезли из России иконы. Каким путём вывезли — другой разговор. Вывезли они всё официально, им можно это простить, но песню эту они Высоцкому простили не могли. Портрет выкинули и заменили его сы-

ном Рабина. Кто такой сын Рабина?! Кто такой сын Рабина по сравнению с Высоцким?! Просто надо было чем-то заменить из имеющихся у меня рисунков. Поэтому там три Рабина, но нет Высоцкого. Это и есть его трагедия.

**М.Ц.** — Что Вы можете сказать о выступлениях Высоцкого в Париже?

**Н.Д.** — Концерты были неудачные. Рекламы не было. Когда гораздо позднее готовились концерты Окуджавы, то это широко рекламировалось среди русских. А перед концертами Высоцкого не было даже короткого анонса в «Русской мысли». Вышла изоляция от русских, невольная изоляция.

Марина Влади — коммунистка, он выступал на празднике «Юманите».

У Высоцкого трагическая ситуация сложилась. Вину несут все, здесь ему было делать нечего и там нечего.

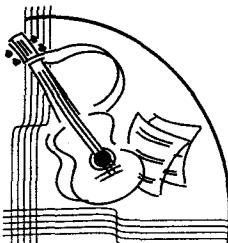
10.05.1997 г. и 5.11.2005 г.  
(Copyright © 2005)

**ДРОННИКОВ, Николай Егорович.** Художник, график, скульптор. Родился 2 августа 1930 г. в селе Будки Тульской области. Окончил Московский художественный институт имени Сурикова. Преподавал на графическом факультете Московского педагогического института. В 1952–1953 гг. во время службы в армии, под Красноярском, издавал подпольный журнал «Морж». Выступал в защиту диссидентов Ю. Даниэля и А. Синявского (процесс 1966 года). В 1972 г. эмигрировал во Францию.

Выставлялся в Италии, Германии, Швейцарии, регулярно участвовал в групповых и персональных выставках в галереях Ниццы, Довилля, Обонна, Варанжевиля, в замке Вилландри, в центре Жоржа Помпиду, в галерее «Музей Пикассо», галерее «Абеляр на Сене» и др. За 20 лет издательской деятельности выпустил более сорока авторских книг

(серия из 9 альбомов «Портреты современников», посвященная Солженицыну, Некрасову, Ростроповичу, Бродскому, Айги, Губайдулиной и др.); альбом «Русский в Париже»; набор открыток «Мосты Парижа». Среди многочисленных персональных выставок — выставки литературных портретов «Галич, Высоцкий, Окуджава» (Москва, Государственный культурный центр-музей В.С. Высоцкого, 2002), «От Пушкина до Бродского» (Санкт-Петербург, Музей-квартира Пушкина, 2004) и др.

Член Ассоциации русских художников и скульпторов Франции. Живёт и работает в Париже.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Евгений Александрович ЕВТУШЕНКО

**М.Ц.** — Евгений Александрович, Вы много лет были знакомы с Высоцким, знали его с молодости. Что Вы можете сказать о первых шагах Высоцкого-поэта?

**Е.Е.** — Володя, когда начинал писать, увлекался усечёнными рифмами. Это такая, например, как «октября» — «говорят». Эти рифмы были популярны у нас в двадцатые годы, но они не привились. У Володи было полно таких рифм в первые годы. Я его отучил от этого, приведя в пример фольклор. В фольклоре усечённая рифма нигде не употребляется, а ассонансы как раз свойственны.

Я помню, мы говорили с Володей на эту тему. Он задумался и пытался найти мне пример, но потом сказал: «Да, ты прав, Женя». Потом он развивал ассонансную рифму, и я бы сказал, что он в своём роде стал даже мастером рифмы.

Вообще, у Высоцкого в поэзии было две линии — лирическая и сатирическая. Они у людей очень редко соединяются. Он был эпиком, потому что слепил огромное количество характеров. В какой-то степени он этому научился и у Галича. У Галича тоже были замечательные стилизованные монологи под образ какой-то. Они оба достигли такого совершенства, что им приписывали то, что они сидели. Это просто совершенство монологов, написанных не от своего лица. Высоцкий очень развил обе линии. А лирический шедевр, если говорить о чисто

стихах, это одно из последних — «И сверху лёд, и снизу, маюсь между...»

**М.Ц.** — Вы часто встречались с Высоцким?

**Е.Е.** — Очень часто я видел Володю, может быть, тысячу раз в своей жизни. Кстати, я никогда не видел его пьяным. Он выпивал, конечно, бывал навеселе, но пьяным я его не видел. Он пил совсем с другими людьми, которые его споили.

Он всегда был очень приветлив. Помню, он пришёл с Мариной на мой концерт. Потом был такой небольшой выпивон, и тут Высоцкий говорит: «Давайте поедем все к нам». Вот это было для него типично.

**М.Ц.** — А историю знакомства Высоцкого и Влади Вы знаете?

**Е.Е.** — Я хочу Вам сказать одну вещь, которая тщательно всеми замазывается. Действительно, я не был тем человеком, который сунул Володю в руку Марине, но я был первым, кто ей сказал о его существовании. У меня была идея, я рассказал ей историю Володи и сказал:

— Марина, ну что тебе стоит, познакомься с ним. Она это запомнила, но потом ни разу об этом не упомянула.

**М.Ц.** — Раз уж зашёл разговор о Марине Влади, то позволю себе спросить: как Вы оцениваете её книгу?

**Е.Е.** — Марина допустила очень странную для меня бес tactность, назвав меня и Вознесенского «официальными поэтами». Ну какие же мы «официальные» поэты?! На меня были нападки, что я Высоцкого недооценивал. Это она, Марина, сказала: а вот, дескать, официальные поэты Евтушенко и Вознесенский пальцем о палец не ударили, чтобы напечатать стихи Володи. А ведь и у меня, и у Андрея были периоды, когда наши собственные стихи останавливали, разбивали книги и так далее. Всё время чересполосица такая.

У меня было определённое мнение по поводу стихов Высоцкого, и я ему это говорил. Может быть, это мнение ошибочное, но я считал, что его стихи должны существовать вместе с музыкой, что на бумаге они проигрывают. Во всяком случае, так я считал. Я, действительно, не бегал, а Вознесенский всё время бегал по редакциям с его стихами. У меня была другая точка зрения на этот счёт, я старался помочь ему выпустить пластинку, старался устроить ему выступление, когда можно было, и так далее.

**М.Ц.** — А что Вы можете сказать о Высоцком-актёре?

**Е.Е.** — С моей точки зрения, самое потрясающее, что он сделал в театре, — это монолог Хлопуши. Это феноменально! Он читал на уровне самого Есенина, а Есенин читал феноменально. Этот монолог был, пожалуй, наибольшим самовыражением Володи в театре.

Кстати, однажды в театре я его здорово выручил. Это было в день генерального прогона «Гамлета». Генеральный прогон — событие важное, так сказать, предпремьера. Какие-то важные люди приглашены были.

Я сидел в кабинете Юрия Петровича Любимова, была уже половина седьмого, Высоцкого всё ещё не было. Вдруг раздался звонок, я снял трубку и услышал:

— Это Володя. Кто говорит? Женя? Только не надо Юрия Петровича звать. Женечка, я вчера немножко загулял, ребята хорошие попались, пилоты. Они меня умыкнули во Владивосток, а тут погода нелётная. Ребята пообещали, что завтра меня привезут. Женя, уговори Юрия Петровича, попроси прощения за меня. Ну сделай что-нибудь.

Я положил трубку, объяснил всё Любимову и попросил:

— Володя не виноват, простите его, ради Бога.

Любимов начал кусать ногти и сказал:

— Единственная возможность, как ты можешь его выручить, — давай объявим вечер твоих стихов. Тогда никто не уйдёт.

И я это сделал. А что было делать? Замены-то у Володи не было.

**М.Ц.** — *А выступление Высоцкого на вечере советской поэзии в Париже осенью 1977 года Вы помните?*

**Е.Е.** — Помню, конечно. Тогда в Париж приехала большая группа наших поэтов. Володя не был включён в список выступающих, но он был в Париже, и мы настояли на том, чтобы он выступал. Все настояли — и Симонов, и Вознесенский, и Олжас Сулейменов, и другие.

Володя очень хорошо пел в тот день, выступал с особой ответственностью, поскольку выступал с профессиональными поэтами. У него были вообще, надо сказать, какая-то особая застенчивость и отношение большого уважения к другим поэтам.

Это выступление потом показывали по телевидению, а его кусок вырезали. Конечно, он чувствовал себя оскорблённым, да и мы все были оскорблены.

Я, кстати, тогда познакомил его с мадам Элен Мартини, владелицей «Распутина». Уже только после смерти Володи она рассказала мне, что иногда он приезжал к ней в отчаянном состоянии и требовал наркотик. Я её спросил:

— Что же ты мне раньше не говорила?

Она сказала:

— Женя, я знала, что ты об этом не знаешь. Это была не моя тайна, я сама это переживала.

Ведь вот до сих пор остаётся секретом, кто его к этой отраве приучил!

**М.Ц.** — *В последние годы жизни у Высоцкого была идея подготовить сценарий для постановки в Америке...*

**Е.Е.** — Он предлагал мне написать сценарий про Вадима Туманова, чтобы в Америке это поставить и чтобы он сыграл. Он часто к этой идее возвращался, говорил мне:

— Ты хорошо знаешь Вадима, ты его чувствуешь.

Действительно, Вадим был моим гидом по Колыме. Он нежно любил Высоцкого, обожал его просто. Он носил с собой маленький магнитофон и всё время заводил песни Высоцкого.

Володя правильно чувствовал, что он мог бы сыграть молодого Туманова — парня, морячка, боксёра, которого посадили за то, что он любил стихи Есенина, а Маяковского не любил.

А Вы знаете историю с фотографией на станции Зима? Это же чудная история! Володя с Вадимом проезжали мимо, и поезд остановился на пятнадцать минут. Володя сказал:

— Давай снимемся — сделаем Женьке приятное.

А фотоаппарата у них не было, и они стали кричать в окна:

— У кого есть аппарат?

И какой-то человек их снял, а фотографию я получил уже после смерти Володи.

Когда он умер, я этого не знал. Я был в это время со своими товарищами, мы проходили на лодке по реке в монгольской пустыне. Мы были абсолютно оторваны от мира, так что о смерти Володи я узнал недели через две.

**М.Ц.** — *Мне рассказывали, что Высоцкий помог Вам вывезти за рубеж рукописи стихов для Вашей поэтической антологии.*

**Е.Е.** — Да, это правда. Это была такая большая сумка, в ней, наверное, килограммов четырнадцать было. Мы с ним вдвоём тащили эту сумку до таможни. А потом Марина взяла эту сумку, и меня поразило, как она грациозно прошествовала с ней мимо таможенника. Как будто эта сумка ничего не весила.

**М.Ц.** — Как Вы считаете, Высоцкого можно адекватно перевести?

**Е.Е.** — Я слушал недавно два перевода Альберта Тодда — это чудо! Он даже в рифме перевёл, это вообще дикое дело, это совсем другой принцип. Тодд очень тонко чувствует поэзию, у него, например, замечательные переводы Ахмадулиной, просто чудо какое-то. Он чувствует и Высоцкого. Когда-то он устраивал его выступление в Квинс Колледже, у них были прекрасные отношения.

Я не говорю, что перевести Высоцкого невозможно, просто это чудовищно тяжело.

**М.Ц.** — Несмотря на годы, прошедшие со дня смерти Высоцкого, количество его поклонников огромно. Но не кажется ли Вам, что, помимо действительных любителей его поэзии, есть ещё и немалое число тех, кого принято называть «фанатами»?

**Е.Е.** — Совершенно верно! Знаете, я однажды сказал одну простую вещь: с моей точки зрения, Высоцкий не был ни великим поэтом, ни великим композитором, ни великим актёром, ни великим певцом. Но он был великим русским характером, русским явлением. То же самое я думаю о Шукшине, и это очень высокое мнение.

Однако слепые идолопоклонники обиделись. Ведь этих людей никогда не было рядом с Высоцким, а сейчас они защищают Володю от его друзей. И делают они, кстати, своим перебарщиванием, с моей точки зрения, дурную услугу. Потому что услужливый дурак опаснее врага.

Я считаю, что памятник Высоцкому на Ваганьково прекрасный. Он хороший, доходчивый. Он, может быть, с точки зрения скульптуры не такой эстетский, но зато обращён к очень широкой аудитории. А тот, что поставили на бульваре... Я не знаю, зачем это нужно было ставить. То ли это космонавт, то ли ещё кто. Вот опять меня могут обвинить, что я не радуюсь памятнику Высоцкому. Почему, я радуюсь, но хорошему памятнику, а этот очень средний, даже ниже среднего.

Да и митинг был пошлый, меня просто тошило. Зачем было в некоторых речах ставить Высоцкого рядом с Пушкиным, Грибоедовым и Гоголем? Ведь это совершенно другая фигура, с другой судьбой. Эти люди не понимают, что таким идиотическим фанатизмом они делают дурную услугу Высоцкому. Они не популяризируют его, а, наоборот, снижают его популярность.

**М.Ц.** — И последний вопрос. Высоцкий как личность...

**Е.Е.** — У него совершенно не было никакого зазнайства, этой звёздной болезни, которой многие у нас страдают. Одевался он очень просто и вёл себя очень просто. Умел слушать. Конечно, когда он начинал петь, остановить его было трудно, но он умел и слушать чужие стихи, рассказы. Много расспрашивал. А иначе не могло быть, ведь чувствуется это. Нелюбопытный к людям человек не мог бы написать столько человеческих портретов. Он был очень хороший по натуре человек.

Он знал, чего он хотел. Есть ведь люди, которые не знают, что им делать со свободой, у них нет внутренне-го содержания. А у Высоцкого было внутреннее содержание. Его песни — это песни совершенно свободного человека. Причём свободного и от коммерционализма. Он пел не для того, чтобы эти песни стали популярными. Наоборот, они делались популярными из-за того, что он не думал о популярности.

Знаете, что самое главное в нём было? То, что он был русской сказкой. Несмотря на то, что его не пускали, запрещали, он жил, как совершенно свободный человек. И это потрясающе. Он воплотил в себе ту свободу, которую многим бы хотелось воплотить. Он осуществил свою свободу внутри несвободы. В этом подвиг его.

10.05.1995 г. и 8.05.1996 г.  
(Copyright © 2005)

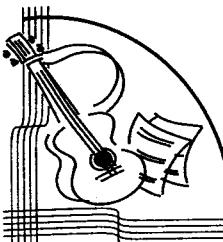
**ЕВТУШЕНКО, Евгений Александрович.** Поэт, прозаик, публицист, киносценарист, кинорежиссёр. Родился 18 июля 1933 г. в Иркутской области, на станции Зима. Рос и учился в Москве, посещал поэтическую студию Дома пионеров. Впервые стихи опубликованы в 1949 г. в газете «Советский спорт». В 1952 г. стал самым молодым членом Союза писателей СССР. В 1951–57 гг. учился в Литературном институте им. А.М. Горького, исключён за выступления в защиту романа В. Дудинцева «Не хлебом единым». В этот период вышли первые книги: «Разведчики грядущего» (1952), «Третий снег» (1955), «Шоссе энтузиастов» (1956), «Обещание» (1957), а также поэма «Станция Зима» (1953–1956).

В 1963 г. во французском еженедельнике «Экспресс» опубликована прозаическая «Автобиография», вызвавшая неоднозначное отношение советских властей. Участвовал в акциях протеста против суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем, советской оккупации Чехословакии, поддерживал акции в защиту репрессированных диссидентов. В конце 80-х годов совместно с академиком А. Сахаровым, А. Adamовичем, Ю. Афанасьевым был одним из сопредседателей движения «Мемориал».

Редактор многих книг, составитель ряда антологий, автор поэтических радио- и телепрограмм, где выступал с чтением стихов А. Блока, Н. Гумилёва, В. Маяковского, А. Твардовского; автор статей, в том числе для конвертов пластинок (об А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштаме, С. Есенине, С. Кирсанове, Е. Винокурове, А. Межирове, Б. Окуджаве, В. Соколове, Н. Матвеевой, Р. Казаковой и многих других).

Произведения Евтушенко переведены на 72 языка, издано более 80 книг стихов, около 10 книг публицистических статей и литературно-критических эссе, два романа, две повести, пьесы для театра, несколько рассказов и киносценариев. Персональная выставка «Невидимые нити» демонстрировалась в 14 городах бывшего СССР, в Италии и Англии.

Член Союза писателей Москвы, почётный член Американской академии искусства, действительный член Европейской академии искусства и наук. Живёт и работает в городе Талса, Оклахома, США, преподаёт в американских университетах русскую поэзию по собственному учебнику («Антология русской поэзии»).



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Нина Александровна ЗАХАРОВА

**Н.З.** — Значит, так... Начинаю повествование... В 1961 году у нас на «Ленфильме» снимался фильм «713-й просит посадку». В этом фильме снимался молодой Володя Высоцкий, он на тот момент только год как окончил театральную школу. В этой картине у него была эпизодическая роль.

Я не творческий работник, а химик, поэтому работала не с актёрами, а с плёнкой. Мы, конечно, контактили и с режиссёрами, и с операторами, а с актёрами — гораздо меньше.

Так получилось, что у нас работала одна девушка, химик-лаборант, у которой мы довольно часто собирались дома.

**М.Ц.** — А почему именно у неё?

**Н.З.** — Да потому что она была немножечко ограничена в своих движениях. Легче было нам прийти к ней, чем ей отправиться куда-то. И вот в один прекрасный день Паша Кашлаков, наш актёр, был приглашён к этой Наташе, хозяйке дома, на какой-то праздник. А Паша Кашлаков уже пригласил Володю Высоцкого.

Таким образом, первая моя встреча с Высоцким состоялась в доме моей коллеги Наташи Собираевой.

**М.Ц.** — Не помните ли адрес?

**Н.З.** — Квартиру не помню, но жила она на улице Калляева, в большом доме. Её уже нет на белом свете...

Значит, там мы встретились с Высоцким. Я не была тогда лично с ним знакома. Знала, что он у нас снимается. По роду работы я бывала в съёмочных павильонах, там я его видела, но там у нас личного контакта не было.

Знаете, что запомнилось из того вечера? Он почему-то не пил водку (смеётся). А мы — молодёжь и люди среднего возраста — всё говорили: «Володя, ты чего, в «заязке», что ли?». Может, это было и так, а может, просто не хотел пить — я не знаю, точно сказать не могу. Мы его тогда знали мало.

У меня есть фотография того вечера. Там на снимке даже виден гриф гитары. После фотографирования Володя запел какую-то песню, но мы как-то не учтивали, что из него может что-то получиться... Мы стали подсмеиваться над ним из-за его голоса: «Ой, да что ты поёшь! Да как ты поёшь! Ты только хрюшишь!» — и так далее. Вот так прошёл мой первый вечер человеческого общения с Володей.

Когда мы были у этой Наташи, Володя увидел у неё какую-то книгу — у неё была хорошая библиотека — и попросил почитать. Она ему отдала, он книгу, как говорится, «заныкал» и долго-долго не возвращал. Наташа мне говорит: «Увидишь Володю, скажи ему, что книги надо возвращать».

Я его встретила и это передала. Он сказал: «Слушай, я в следующий раз приеду в Ленинград, позвоню тебе и отдам книгу». И действительно, однажды он приехал — не знаю, из Москвы или ещё откуда-то — и эту книжечку мне передал, и я её вернула по назначению.

После этого мы с ним виделись нечасто — он же москвич был. Виделись, когда его приглашали к нам сниматься. Последний раз, когда я его видела на студии, было во время съёмок «Интервенции», которую потом на двадцать лет положили на полку.

Естественно, если мы встречались на студии, то останавливались, разговаривали. Если это было в столо-

вой «Ленфильма», то он со своей тарелкой супа подходил к моему столику, и мы с ним сидели и беседовали.

Я всю жизнь прожила — и теперь живу — в коммунальной квартире. Здесь я провела блокаду, жила всегда и, можно сказать, состарилась. И в этой же квартире жила семья Бори Полоскина. Он физик, лирик, турист, песни пишет. Он из клуба «Восток».

**М.Ц.** — По какому адресу Вы живёте?

**Н.З.** — Это дом на Петроградской стороне, улица Блохина, дом 2/77, это угол улиц Блохина и Максима Горького.

В один прекрасный день я вижу Володю Высоцкого в нашей квартире, он пришёл по приглашению Бори. Боря, кстати, рассказывал, что когда бывал в Москве, то всегда навещал мать Володи. Почему, — честно говоря, не знаю.

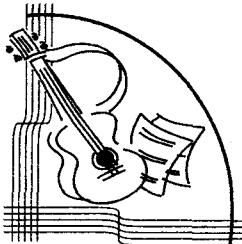
Я немножко обалдела. Спрашиваю: «Володя, а откуда ты здесь взялся?». Он говорит: «Меня Боря пригласил. Я же с ним хорошо знаком через клуб «Восток». А ты что здесь делаешь?».

Отвечаю: «А я тут живу». После этой встречи у нас установился ещё больший человеческий контакт, но и только. Друг к другу в гости мы больше не ходили, за столом мы больше не сидели. Кажется, после этого мы встретились ещё один раз — и всё.

12.02.2006 г.  
(Copyright © 2006)

---

**ЗАХАРОВА, Нина Александровна.** Родилась в 1934 г. в Ленинграде. С 1957 г. работала химиком на киностудии «Ленфильм». В настоящее время на пенсии.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

### Тимур Касимович Зульфикаров

**Т.З.** — Я не думаю, чтобы мои свидетельства представляли какую-то особую ценность. С Володей Высоцким мы общались в компании Артура Макарова и Андрея Тарковского. Володя дружил с обоими, особенно с Артуром. Это было время, когда он женился на Марине, то есть в самом начале его счастливого периода.

Помню несколько таких встреч. Были с нами Герасимов с Тамарой Фёдоровной Макаровой. Было так, что в этой компании я несколько раз пел свои песни, и Высоцкому некоторые из них очень нравились. В частности, песня «Последняя лошадь в России», под влиянием которой он написал «Кони привередливые».

**М.Ц.** — Это он сам Вам сказал?

**Т.З.** — Я встретил его как-то на «Мосфильме», помню, он был в такой юношеской бархатной курточке. И он мне тогда сказал, что написал пародия на тему моей «Последней лошади».

Когда я в аудиториях это говорю, то возникает атмосфера скепсиса, но когда люди слышат «Последнюю лошадь в России», то скепсис исчезает. Наши песни совершенно разные. Володина песня — это шедевр, но и про свою песню я тоже думаю, что это абсолютный шедевр русской песни. Недавно вышло прекрасное издание «Два века русской песни», два фолианта, туда вошло десять моих песен, в том числе «Последняя лошадь в России».

**М.Ц.** — Но ведь «Последняя лошадь в России», как указано в сборнике Ваших стихов, написана в 1975 году, а «Кони привередливые» — в 1972-м. В поэзии Высоцкого тема коней — сквозная, может быть, речь идёт о каком-то другом стихотворении?

**Т.З.** — Нет-нет, я говорю именно о «Конях привередливых». Дело в том, что дату написания я поставил приблизительно, а на самом деле это могло быть написано на год, два или три раньше. Я тогда думал, что вряд ли это когда-то будет опубликовано, у меня первая книга вышла в 1980 году. До этого я жил в эдаком советском подполье и никогда не думал, что мои песни выйдут в народ.

**М.Ц.** — «Последняя лошадь в России» имеет посвящение Высоцкому. Вы это посвящение сразу поставили? Высоцкий знал об этом?

**Т.З.** — Я часто ставлю посвящение гораздо позднее, иногда через двадцать—тридцать лет. Часто бывает так, что когда я писал то или иное стихотворение, оно вовсе и не было посвящено этому человеку, а через какое-то время гляжу — стихотворение очень точно «ложится» на какого-то человека. В данном случае я уверен, что Высоцкий об этом посвящении не знал.

**М.Ц.** — Что ещё Вам запомнилось из общения с Высоцким?

**Т.З.** — Я помню фрагментарно несколько наших бесед, когда он жаловался, что у него нет афиш, нет официальных концертов. Он говорил, что его вызывали в ЦК, обещали помочь, обещали дать залы, но ничем не помогли.

Я ему сказал тогда: «Ну зачем тебе афиши и залы? Ты же голос народа! Зачем тебе нужно поощрение ЦК?». Но, как всякая живая душа, он жаждал официальности,

аудитории. Его положение его мучило, конечно — находиться в подвалах и катакомбах тоже ведь надоедает.

Запомнился ещё один момент, рассказ Володи. Он звонил в Париж Марине, а ему очень мешали подслушивающие ребята. Он говорит: «Ну дайте же бабе своей позвонить, в конце концов! Дайте поболтать со своей бабой!». А они ему: «А ты нам пропой, дадим тебе поговорить нормально». Он говорит: «Как пропеть? По телефону, что ли? У вас что, такая тонкая аппаратура?». Они сказали: «Ещё бы!».

Володя пропел им по телефону несколько песен, а потом рассказал, что эти гэбисты прислали ему потом эту запись изумительного качества!

**М.Ц.** — Значит, как я понимаю, Вы общались с Высоцким в начале 1970-х годов?

**Т.З.** — Вы знаете, с датировками у меня плохо, помню только факты. Я тогда тоже только женился, и, помню, как-то раз мы пришли к Артуру, и я увидел там потрясающую женщину. Знаете, обычно актрисы в жизни выглядят гораздо хуже, чем в кино, а Марина была в жизни даже более интересной, чем на экране. Причём, я её не узнал, мне жена сказала: «Это же Марина Влади!».

Володя сначала не было, он был в театре и пришёл позднее. Сказал мне: «Пропой свои песни». Я говорю: «Ну чего ж я буду при тебе петь своим самодельным голосом». Он говорит: «Ну я пока поем, приду в себя». Тогда я спел довольно много своих песен, а Володя меня подзуживал: «Ещё, ещё спой!».

**М.Ц.** — Значит, он любил Ваши песни?

**Т.З.** — Вы знаете, однажды Володя мне сказал: «Тима, если ты возьмёшь гитару, то будешь третьим бардом России. Окуджава, я, а ты третий». Причём он даже сказал: «У тебя самые сильные слова». Он меня этим взбудоражил, и я попытался изменить свою судьбу.

Я поехал в родной Душанбе и действительно попытался взять гитару. Пощёл к одному старому армянину, который говорил, что он может обучить играть на гитаре даже обезьяну. Не знаю, как там насчёт обезьян, но меня он развернул после первых двух уроков — он понял, что я никогда не обучусь даже самым элементарным вещам. А потом мне певцы сказали: «Да зачем тебе гитара? Ты должен петь а-капелла».

Слава Богу, что так вышло. Потому что если бы я научился играть, то действительно бы стал третьим бардом России, потому что позволю себе сказать, что таких песен, как у меня, нет ни у кого, не считая Окуджавы и Высоцкого. И тогда я бы просто сгорел. Началась бы совсем другая жизнь, и я бы не занимался своим главным делом.

Впрочем, вернёмся к разговору о том вечере у Артура. Там собралось потрясающее общество — Тарковский, Герасимов, Макарова, был командир первой советской атомной подводной лодки. Сам Артур Макаров был интереснейший человек, потрясающий писатель. Он написал прекрасные рассказы о деревне. Был он здоровый и мощный мужик, эдакий супермен. Я с ним учился, мы с ним дружили, а потом я как-то от него отошёл. А Тарковского от Артура оттащила жена Лариса, потому что он на Андрея влиял негативно, по её мнению. А дружили они крепко: на премьере «Андрея Рублёва» Тарковский первый тост поднял за Артура Макарова.

Потом запел Володя. Вы знаете, когда он пел, возникало ощущение дуэли с пятью шагов — ощущение мороза по коже. Помню, Тамара Фёдоровна Макарова сказала: «Я никогда не ощущала такого художественного эффекта, такого удара, такого действия искусства».

**М.Ц.** — Потребовалось много лет, чтобы утихли разговоры о том, что Высоцкий не поэт, что его

стихи нельзя воспринимать в отрыве от его голоса и гитары...

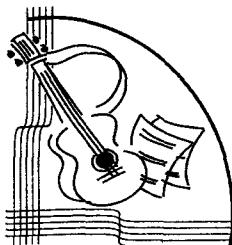
**Т.З.** — Его мучило, что те, которых он значительно превосходил в мастерстве, включая Вознесенского и Евтушенко, вставали в позу поэтов и делали из него шарманщика и певца.

Вы знаете, я редко это говорю, но мне кажется, Высоцкий погубил гитарой свой великий поэтический дар. С точки зрения большой поэзии, у него есть множество настоящих стихов!

5 и 7.11.2006 г.  
(Copyright © 2006)

**ЗУЛЬФИКАРОВ, Тимур Касимович.** Поэт, прозаик, драматург, сценарист. Родился 17 августа 1936 г. в Душанбе (Таджикистан). В 1961 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. В 1980 г. опубликована первая книга — «Поэмы странствий». С тех пор в свет вышло более 20 книг общим тиражом более одного миллиона экземпляров, произведения переводились на двенадцать языков.

В 1991 г. был выдвинут на соискание Нобелевской премии по литературе. В 1993 г. за роман «Земные и небесные странства поэта» удостоен премии английской книготорговой фирмы «Коллетс» за лучший европейский роман. В 2004 г. за книгу легенд «Золотые притчи Ходжи Насреддина. Алмазы мудрости в золотом песке эротики» был награждён литературной премией «Ясная Поляна» в номинации «Выдающееся художественное произведение русской литературы». Живёт и работает в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Константин КАЗАНСКИЙ

**М.Ц.** — Как Вы познакомились с Высоцким?

**К.К.** — Это было в 1975 году. Володя хотел тогда делать первые свои пластинки во Франции. Они с Марией начали искать музыкантов, но при этом Володе хотелось, чтобы один из этих музыкантов — а ещё лучше, тот, который делал бы аранжировки, — говорил по-русски, поскольку сам он по-французски говорил неважно. Но при этом ему ешё хотелось, чтобы этот человек не был русским. Причина простая — ведь иначе этот музыкант был бы либо бывший советский гражданин, либо потомок белой эмиграции. Наверняка Володя не хотел проблем, не желал, чтобы ему говорили, что он работал с русскими эмигрантами.

Всё это мне объяснили парижские знакомые Марии и Володи, работавшие в шоу-бизнесе, — Борис Бергман, Жак Уревич и другие. Эти люди и назвали Володе моё имя. Мы встретились, познакомились и приступили к работе.

**М.Ц.** — А как вообще стало возможным для советского гражданина Высоцкого выпустить пластинки во Франции? Допустим, «Шан дю Монд» — фирма, известная своими коммунистическими пристрастиями, но уж «Полидор» точно в этом не обвинишь.

**К.К.** — История такая. Сначала «Шан дю Монд» выпустила пластинку Булата Окуджавы, он тут был за два года до Высоцкого. Тогда советские власти позволили

Окуджаве сделать запись, поэтому, когда в Париж приехал Высоцкий, «Шан дю Монд» предложила ему сделать пластинку, надеясь, что проблем с разрешением в Советском Союзе у него не будет.

Мы записали двойной диск, 23 песни, но при жизни Высоцкого он не вышел — советская сторона разрешила Высоцкому выпустить только три песни из этих двадцати трёх, а вместо остальных они предложили записи, уже сделанные Высоцким в Советском Союзе. Володе эта идея не понравилась. Он сказал: «Они хотят, чтобы были военные песни. Ладно, будут, но записывать мы их будем в Париже».

Тогда мы записали ещё десять или одиннадцать песен, я уже точно не помню, и была выпущена пластинка, которую мы между собой называли «военной». В общей сложности мы готовили её почти два года.

Тем временем, когда Володя и Марина были в Канаде, продюсер Жиль Тальбо предложил Высоцкому записать там пластинку. Опять-таки, между собой мы её называли «канадский альбом», предисловие к ней написал Максим ле Форестье. Этот альбом вышел без разрешения советских властей в 1977 году. Если в 1975 году Высоцкий не рискнул выпустить пластинку без разрешения, то потом, может быть, он уже взял на себя ответственность ни у кого разрешения не спрашивать.

В тот же самый 1977 год, когда вышла «военная» пластинка на «Шан дю Монд», большой почитатель Высоцкого Жак Уревич, которого я уже упоминал, тоже захотел выпустить его пластинку. У нас с ним были разговоры об этом, и Уревич мне сказал: «Я не понимаю, как так получается. Когда ты делаешь аранжировки для Алёши Дмитриевича, то каждая песня разная, а когда делаешь для Высоцкого, то там позади только гитары — и всё». Я ему ответил, что это не я, это Володя так хочет, это его вкус, а не мой. Уревич сказал: «Ладно, я с ним поговорю».

После разговора Уревича с Высоцким я получил картбланш — я мог делать такие аранжировки, которые хотел. И вот так получился альбом, выпущенный под названием «Натянутый канат» на студии «Полидор». Там уже звучит оркестр, а не только гитары.

Может быть, времена чуть-чуть изменились, но после выхода этой пластинки ему всё равно не запрещали выезд во Францию.

**М.Ц.** — В «Натянутом канате» Высоцкий исполняет две песни на французском. На конверте пластинки сказано, что в переводе принимала участие Марина Влади, но сам Высоцкий в концертах говорил, что переводил Максим ле Форестье...

**К.К.** — Нет, Марина Влади тут ни при чём. Идея принадлежит Жаку Уревичу, он хотел попробовать, чтобы Высоцкий спел что-то по-французски. Максим ле Форестье написал неплохие слова, но, к сожалению, они не дотягиваются до уровня текста Володи. Я даже вообще не знаю, можно ли адекватно перевести на французский или любой другой язык песню «Кто-то высмотрел плод...» Это с ума сойти, это же непереводимо!

Проблема в том, что было очень мало времени. Тогда Высоцкий жил у меня дома. Марины не было в Париже, кажется, она снималась, я уже не помню сейчас. Он три-четыре дня репетировал, чтобы хоть чуть-чуть получалось пение на французском. На мой взгляд, не получилось, но попробовать надо было — почему бы и нет? Уревич хотел, чтобы пластинка была интересна не только русским, но и французам, которые не понимают по-русски.

**М.Ц.** — Вы сказали, что Высоцкий жил у Вас дома. А где это было?

**К.К.** — На Монмартре. Но в начале нашей совместной работе я жил на улице Руссле. Этот дом принадлежал

моему дяде, я у него снимал квартиру. Он мне сдавал её гораздо дешевле, чем она на самом деле стоила. В какой-то момент он меня попросил подыскать себе другое жильё, ему надо было зарабатывать деньги, так что более он не мог себе позволить сдавать квартиру так дёшево.

Мы как раз тогда всё время работали с первой пластинкой Володи. Я сказал ему и Марине, что уезжаю из этого дома, и они сняли её. Небольшая такая квартирка, три комнаты. Это была единственная квартира в Париже, где они жили.

**М.Ц.** — В одном из интервью Вы рассказывали, что Высоцкий подарил Вам песню «Чёрт побери» («Поздно говорить и смешно...»). Почему он её подарил? Пел ли он её Вам?

**К.К.** — В то время я ещё работал в ресторане «Распутин» с Дмитриевичами, Валей и Алёшой. Алёша иногда говорил мне: «Почему ты не споёшь что-то другое, не цыганское?». Я, кстати, никогда не пел известных цыганских песен, только что-то совершенно неизвестное. Как мне помнится, это было в 1975 году летом. Высоцкий пришёл и сказал: «Вот у меня есть такая песня... Я готовил её для Марины, но что-то не получилось». Он мне её спел, причём прямо передо мной он изменял текст. И мы начали искать мелодию, которая годилась бы для меня. Так что музыку этой песни мы создавали вдвоём с Высоцким.

Я не знаю, какой был ранний вариант этой песни, но у него был проект, чтобы эта песня вошла в пластинку, которую они делали в Советском Союзе вместе с Мариной. Так что, возможно, у него был ещё один вариант этой песни для женского исполнения. А тот вариант, который предназначался для меня, был переделан из первоначального за час-полтора. Я помню, что второй куплет был сделан сначала, а потом появился первый.

В «Распутине» я эту песню никогда не пел, это просто не имело смысла, но я начал её исполнять в концертах.

**М.Ц.** — А я её слышал на одном из компакт-дисков комплекта «Eternelle Russie», Ваше исполнение произвело на меня очень сильное впечатление.

**К.К.** — Спасибо.

**М.Ц.** — Вы часто встречались в Париже с Высоцким?

**К.К.** — Часто. Во-первых, мы очень интенсивно работали над пластинками, Марина в своей книге пишет об этом, а во-вторых, он просто частенько у меня бывал. Первым человеком, к которому Высоцкий шёл, приезжая в Париж, был Миша Шемякин. Но виделся он, конечно, не только с Мишей. Он бывал и у меня, и у сестёр Марины. У него был некий парижский маршрут, обход друзей и знакомых.

**М.Ц.** — Вы аккомпанировали Высоцкому во время концертов?

**К.К.** — На всех концертах, которые Высоцкий давал во Франции, я ему аккомпанировал. Несколько раз, наверное, раз пять или шесть, мы вместе были на французском телевидении. И ещё были передачи по радио, где я ему аккомпанировал. Помню, была передача по Национальному радио Франции, которая продолжалась три часа. Там был ещё с нами Максим ле Форестье. Потом ещё была передача по «Франс культур». Там Высоцкий исполнил, наверное, двадцать пять песен, и снова я аккомпанировал. То есть почти всегда, когда он выступал во Франции, я принимал участие. Было несколько передач, когда Высоцкого приглашали и он пел одну-две песни — это он делал один. И ещё был вечер советской поэзии в Париже, там он тоже выступал без меня.

**М.Ц.** — Сколько у Высоцкого было публичных концертов во Франции?

**К.К.** — Три. Они были в зале «Элизе Монмартр». Вообще, эти концерты должны были проходить в «Олимпии», но там места не было. Афиш не было, но народу всё равно было полно. В тех концертах ещё участвовал сын Марины Влади, игравший на второй гитаре, и был ещё контрабасист, один из тех, кто работал со мной над пластинкой.

**М.Ц.** — Фамилию его не помните?

**К.К.** — У меня были два контрабасиста, я не помню, кто именно тогда был. Или Пьер Морейон, или Альберт Тэссье. Кажется, всё-таки Тэссье был тогда на Монмартре.

**М.Ц.** — А кто организовывал эти концерты?

**К.К.** — Их организовал человек, который владел этим залом на Монмартре, Жозеф Сандор. То есть он не организовал, а согласился провести их у себя, когда стало ясно, что в «Олимпии» выступлений не будет.

**М.Ц.** — После окончания работы над «Натянутым канатом» у Вас с Высоцким были планы новых работ?

**К.К.** — У нас был план записать приблизительно сто пятьдесят песен. Сорок с чем-то уже было записано на «Шан дю Монд» и «Полидоре», так что оставалось ещё около ста песен. Список этих песен делал Володя. Ему казалось, что для этой сотни можно сделать аранжировки оркестровые, а для всех остальных нужна гитара — и хватит.

**М.Ц.** — Какое Ваше мнение о музыкальной составляющей творчества Высоцкого?

**К.К.** — Вы знаете, у дилетанта есть невероятные возможности, которых нет у человека с консерваторским

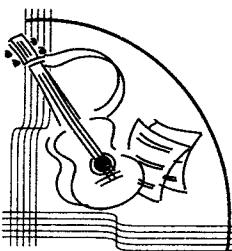
образованием. Володя, кстати, был очень рад тому обстоятельству, что я умею записывать музыку и делать аранжировки, но при этом в консерватории я не был. Я учился только играть на пианино, когда был маленьким.

Если буквально перевести с французского, то Высоцкого можно назвать мелодистом — человеком, выдумывающим мелодию. Отсутствие у него музыкального образования давало ему возможности искать по-иному. Получались очень интересные вещи. Вот возьмите песню «Расстрел горного эха». Я не знаю, где и как он это нашёл, я не могу найти такую вещь. А он тоже не знал, как у него это получилось. Он искал, искал... Так сказать, по инюху, инстинктивно. Каждый раз получалось то полтона выше, то полтона ниже, но, наконец, он нашёл нужное. С гармонической точки зрения, результат поисков оказался просто великолепным!

7 и 18.07.2006 г.  
(Copyright © 2006)

---

**КАЗАНСКИЙ, Константин.** Певец, композитор: Родился в городе Свичков (Болгария). Уже в 1960-е годы стал «звездой» болгарской эстрады. В 1970 году эмигрировал во Францию, где добился успеха как исполнитель русских и цыганских песен. Выступал в знаменитом русском ресторане «Распутин», давал сольные концерты. Позднее стал делать аранжировки цыганских и русских песен. Помимо аранжировок для В. Высоцкого делал их для М. Влади, В. Кодолбан, Х. Казанской и других исполнителей. Автор книги «Русское кабаре» (1978). Живёт в Париже.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Анатолий Владимирович КАЛЬВАРСКИЙ

**А.К.** — Я познакомился с Высоцким в 1974 году. Познакомил нас Исаак Осипович Шварц. Мы встретились в Москве, это было в июне. Я приехал в командировку в Москву тогда. Дело в том, что я помогал Шварцу, у него сложилось довольно трудное положение на картине «Бегство мистера Мак-Кинли». Высоцкий в этом фильме Швейцера должен был по сценарию исполнять девять баллад. Володя написал замечательные стихи. Это был фильм-памфлет о некоем государстве, под которым подразумевались Соединённые Штаты Америки, так что интонации музыкальные должны были быть американскими.

Шварц попросил меня помочь положить песни Володи на другую интонацию, на другие мелодии. Я попытался, оставив в неприкословенности всё, что можно было оставить, но мне пришлось переписать музыку на «Балладу о манекенах».

**М.Ц.** — Как шла ваша совместная работа с Высоцким над балладами?

**А.К.** — У меня была плёнка с песнями. Он уже всё сочинил. Мне просто нужно было ввести это в некое стилистическое русло, чтобы было видно, что это поёт некий человек, живущий в Америке. Я ему, конечно, показывал, что получалось. То, что было близко к его музыке, мы сразу же стали записывать с оркестром. Тут

проблем не было. Проблема была только с «Балладой о манекенах», музыка ему понравилась.

Я помню, там довольно сложный счёт, и я держал его за руку и нажимал на руку в тот момент, когда надо было вступать. В итоге мы всё записали просто замечательно. Вообще, Володя был очень музыкальный человек и хорошо чувствовал ритм, но тут он боялся — вдруг вступил не там и не так.

**М.Ц.** — И, к сожалению, в фильме почти ничего не осталось.

**А.К.** — Да я ещё тогда высказывал сомнения, спрашивал у Михаила Абрамовича Швейцера: «Неужели это всё войдёт?». Ну и, конечно, не вошло. Остались только две баллады.

Мы подружились в процессе той работы. У меня были тогда трудные времена в моём родном городе, в Питере, и Володя пытался мне помочь. Он был очень сердечным, отзывчивым человеком и принимал участие во всех, с кем он дружил. Чужие беды воспринимал, как свои.

**М.Ц.** — А кого Вы знали из его друзей?

**А.К.** — Он дружил с Кириллом Ласкари. Приходил гонщик Рабинович, он авторалли занимался; покойный теперь Геннадий Михайлович Медищенко, заведующий рекламным отделом «Русских самоцветов». Когда Володя приезжал в Ленинград, мы частенько встречались у Кирилла.

**М.Ц.** — Вы сказали, что Высоцкий嘗試ed помочь. В чём конкретно выражалась эта помощь?

**А.К.** — Он嘗試ed помочь мне с квартирой, ходил в Ленсовет. Ситуация была самая банальная: после развода я оставил квартиру и в результате оказался непрописанным. Это было смешно, потому что я ленинградец. У всех это вызывало улыбку, но на деле ситуация была

довольно трудной. Потом мне помог Его Величество Случай.

**М.Ц.** — Мне Алексей Зубов, известный саксофонист и композитор, говорил, что Высоцкий любил джаз и имел приличную коллекцию джазовых пластинок...

**А.К.** — Он любил джаз, да. По-моему, у него не было каких-то особых предпочтений, но он чувствовал интуитивно самое интересное и самое талантливое. Дома у него было довольно много пластинок джазовых, и пару раз я, будучи у него дома, кое-что слушал.

Как мне помнится, он с удовольствием слушал «Модерн джаз квартет», это знаковый ансамбль тех времён.

Однажды он привёз совершенно роскошную пластинку — двадцать интерпретаций мировых шлягеров, сделанных Мишелем Леграном. Это был прекрасно изданный двойной альбом. Володя понял, что мне, как композитору, будет это очень интересно. И действительно, это была целая школа. Этот альбом у меня переписывало бесчтное количество людей, и, в конце концов, пластинку у меня просто «увели».

**М.Ц.** — Высоцкий что-то ещё привозил Вам из-за рубежа?

**А.К.** — Однажды Володя увидел, что я очень близко к странице наклоняю голову, и он решил, что если очки сделают за рубежом, то это будет лучше и мое зрение наладится. Хоть я ему и сказал, что никакого чуда не произойдёт, но он настоял на своём.

Месяца через полтора появляется Высоцкий, отдаёт очки и говорит: «Лучше бы я тебе машину купил, а не эти очки», потому что очки стоили чуть ли не дороже автомобиля.

Очки действительно были очень красивые, со стёклами необыкновенной толщины. Причём это были «хамелеоны», а тогда это было в новинку. По «Мосфильму»

разнёсся слух, что через эти очки я вижу людей раздетьми. Мы уже начали просто шутить: я открываю дверь, раздаётся визг, и все женщины разбегаются. Я, кстати, так и не понял, как они узнавали, что я — это именно я, поскольку тогда я ещё не мелькал на телевидении. Видимо, по очкам узнавали. Причём сначала я не мог понять, что это такое — при моём появлении женщины закрываются руками и убегают, а потом мне рассказали...

**М.Ц.** — Да, очки явно произвели не тот эффект, на который они были рассчитаны... А как они были по качеству? Помог Вам подарок Высоцкого?

**А.К.** — Нет, но очки были очень хорошими, замечательное качество! Они были идеально отцентрованы. Я действительно чувствовал себя лучше, ведь, вдобавок, при солнечном свете они поглощали лучи. Я довольно долго их носил. Теперь их уже нет, оправа вся раскрылась от времени, а футляр до сих пор остался, я его храню.

**М.Ц.** — А что была за история с книгой Булгакова, которую Вам подарили Высоцкий?

**А.К.** — А это я у него выпросил. Я ему сказал однажды, когда мы были у него дома: «Вот ты, Володя, пойдёшь в Париж, пойдёшь на набережную Сены, там книжные развали...» Он сразу: «А что тебе надо?». Я говорю: «Ну что мне надо... Мне надо Булгакова». — «Ну а что я тебе буду его везти, когда он у меня дома стоит. На, возьми». И я стал счастливым обладателем выпущенного без купюр романа «Мастер и Маргарита». Эта книга до сих пор у меня хранится.

**М.Ц.** — Как я понимаю, Вы неоднократно бывали дома у Высоцкого?

**А.К.** — Я часто ночевал у него на Малой Грузинской. У него была хорошая библиотека, в том числе книги

Бердяева, которые было не достать нигде. Я вгрызался в эти книги, сколько мог, старался не спать ни минуты. Я не хотел брать Бердяева из его дома, даже не говорил Володе ничего, понимая, что квартира может быть «на прослушке».

**М.Ц.** — Тяжёлые были времена...

**А.К.** — Да, времена были действительно тяжёлые. Каждый раз, оформляя поездку за границу, Володя брал пачки своих заграничных пластинок, чтобы было чем задобрить чиновников, и отправлялся за визой.

**М.Ц.** — Какое Ваше профессиональное мнение о музыкальных способностях Высоцкого?

**А.К.** — Вы знаете, есть некий феномен... Сколько ни пытались люди — и я в том числе — делать обработки для Высоцкого, лучшим интерпретатором своих песен был он сам. Ближе всего к его сути были французские аранжировщики. Я говорю об известном двойном диске.

Кстати, эта пластинка вызвала скандал в России. Получилось вот что. Фирма сделала в одном экземпляре пластинку и предложила нашим доблестным руководителям культуры послушать её. Марина Влади привезла эту пластинку в Москву. Наши господа от культуры, увидев пластинку в обложке, решили, что она уже там продается, — ведь это и выглядело, как нормальная, серийно выпущенная пластинка. «А что нам её слушать, раз она там уже выпущена?»

**М.Ц.** — А зачем французы присыпали эту пластинку в Москву?

**А.К.** — Ну, наверное, хотели вступить в какие-то деловые контакты<sup>1</sup>. Впрочем, я отклонился. Слушая Высоцкого, я понял, что он сумел подчинить свою не всегда благозвучную гитару. Если убрать слова и оставить только аккомпанемент, то скажешь: «Ну что это та-

кое?! Любительщина какая-то!». Но он эту гитару как-то мог подчинить. Володя очень переживал, что недостаточно хорошо играет на гитаре, но, тем не менее, он каким-то образом добивался органичности. Это чувство, которое даётся откуда-то свыше. Он играл так, что это было органично его песням.

Высоцкий очень тонко чувствовал музыку, высказывал иногда очень интересные идеи относительно того, что бы он написал, если бы... Но, к сожалению, это всё было в сослагательном наклонении по известным Вам причинам.

**М.Ц.** — А на пианино он при Вас не играл?

**А.К.** — Играли, но чуть-чуть, когда приезжал ко мне на улицу Гашека, где я до сих пор живу. Он подошёл к инструменту и взял два-три аккорда.

**М.Ц.** — Высоцкий был у Вас и на других квартирах?

**А.К.** — Да, был на Синопской набережной, где я когда-то жил. Это была служебная квартира от Мюзик-холла, дом 36, квартира 27.

**М.Ц.** — Высоцкий пел у Вас дома?

**А.К.** — Мы никогда его не эксплуатировали, давали ему возможность отдохнуть. Когда он что-то пел, то делал это исключительно по собственной воле, никто к нему никогда не приставал с просьбой спеть.

Были такие случаи, когда его, что называется, прорывало. Помню, как в один вечер он спел «Баньку по-белому», «Баньку по-чёрному» и другие песни. К сожалению, мы не записали тогда. Мы сидели тогда у Ласкари, у него не было магнитофона. А я в то время работал на радио и всегда возил с собой диктофон. И надо же было так случиться, что именно в тот вечер я оказался без диктофона. Очень жалко.

Кстати, благодаря Володе мы в первый раз попробовали омуля. Его почитатели прислали ему бочонок омуля,

и Володя развозил его по всем своим друзьям, всех уговаривал. И вот у Кирилла Ласкари мы с картошкой ели омуля. Это запомнилось.

**М.Ц.** — У Вас вообще не осталось оригинальных фонограмм Высоцкого?

**А.К.** — К сожалению, нет. Ну кто бы мог думать... У меня была та запись песен для фильма, которую я получил от Швейцера, но, увы, не сохранилась.

**М.Ц.** — У вас с Высоцким были планы совместных работ?

**А.К.** — Он хотел, чтобы я написал музыку для одного из его сценариев, но я даже не знаю, о чём это. Володя сказал, что всё это пока ещё в голове, но у него есть друг... Я боюсь напутать, но, по-моему, он говорил о каком-то югославском режиссёре. Он говорил: «Я хочу, чтобы мои друзья написали музыку». Он имел в виду Лёшу Зубова, с которым очень дружил, и меня тоже хотел попросить.

**М.Ц.** — Вам запомнились какие-нибудь беседы с Высоцким?

**А.К.** — Я вспоминаю стихи, написанные Поженяном: «Надоело хамство стен ушастых». Иногда хотелось поговорить, излить душу. Причём я знал, что Володе можно полностью доверять, но «стены ушастые» не позволяли о многом поговорить. К тому же мы и без слов понимали друг друга, были какие-то аспекты, о которых и не надо было говорить.

**М.Ц.** — Вы видели Высоцкого в театральных ролях?

**А.К.** — Я был очень тронут, когда он пригласил меня на «Гамлета», когда «Таганка» выступала в ДК имени Первой пятилетки. Зная, что я плохо вижу, он достал мне билеты в первый ряд. Володя очень радовался, ког-

да его хвалили как актёра, потому что была такая версия: дескать, песни у него хорошие, а актёр-то он никудышний.

На самом деле актёр он был замечательный, очень тонкий, очень профессиональный. Вообще, Высоцкий был человек от Бога.

Могу ещё Вам рассказать, как я однажды немножко помог в Польше, когда там готовился к изданию сборник стихов Высоцкого. В 1986 году меня впервые выпустили за рубеж, я поехал на польский джаз-фестиваль. Там я познакомился с Ольгой Бранецкой, которая способствовала изданию книги. Там были тексты всех баллад для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли», и там была допущена ошибка, которую я поправил. У Высоцкого сказано:

Я целеустремлённый, деловитый,  
Подкуренный, подколотый, подшищенный.

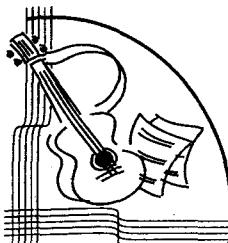
А поляки не знали, что такое «подшищенный», и решили, что это — «подпитый». Я им объяснил. Потом мне подарили эту книгу.

В начале 1980-х годов мы с Кимом Рыжовым написали песню памяти Высоцкого. Её очень долго пел, — кажется, и сейчас иногда поёт, — Иосиф Кобзон. Я не могу сказать, чтоб это была какая-то особенно выдающаяся песня, но сделана она профессионально.

Издать эту песню нам не разрешили. У Кима Рыжова просто рассыпали его сборник. Стихотворение было посвящено Высоцкому, но цензура сначала не заметила этого и пропустила, а потом, когда вышел сигнальный экземпляр, то рассыпали весь сборник. Это было примерно в 1983 году. В итоге эта песня ходила в списках, но так и не была издана.

<sup>1</sup> А. Кальварский не знает, о пластинке какой именно фирмы идёт речь. Я предполагаю, что это была пластинка фирмы «Шан дю Мон». Руководители фирмы были известны своими коммунистическими взглядами и не хотели иметь осложнений с министерством культуры СССР. В результате Высоцкому пришлось переписать пластинку, а полный двойной альбом, записанный на «Шан дю Мон», вышел в свет только в 1981 году.

**КАЛЬВАРСКИЙ, Анатолий Владимирович.** Композитор. Родился 17 июня 1934 г. в Ленинграде. Ребёнком пережил блокаду. После войны окончил школу-семилетку при музыкальном училище при Ленинградской консерватории. После окончания музыкального училища работал вначале участником, а затем — музыкальным руководителем эстрадных оркестров, много гастролировал. Написал большое число камерных произведений, песен, сочиняет музыку для театра, цирковых представлений и кино. Заслуженный деятель искусств РФ. Живёт и работает в Санкт-Петербурге.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Игорь Владимирович КВАША

**М.Ц.** — Кому принадлежала идея предложить Высоцкому написать песни для спектакля театра «Современник» «Свой остров»?<sup>1</sup>

**И.К.** — Гале Волчек.

**М.Ц.** — Вы эти песни исполняли в спектакле. Как протекала Ваша работа с Высоцким?

**И.К.** — Ну Вы же, наверное, фонограммы слушали? Высоцкий рассказывал об этом на своих выступлениях.

**М.Ц.** — Он говорил только, что такие-то песни использованы в спектакле, а исполняет их там Игорь Кваша. Ни о каких деталях работы он не говорил. А хотелось бы, в частности, узнать, почему оказались изменёнными некоторые строки. У меня есть фонограмма Вашего исполнения этих песен, и все они имеют текстовые отличия, в исполнении самого Высоцкого не встречающиеся. Вот, например (и таких примеров много):

Исповедимы водные пути,  
Рыдает ветер вверх и вниз по гамме,  
Но должен же корабль за мной прийти,  
И обрету я почву под ногами!

**И.К.** — Наверное, он потом изменил тексты. Когда сам стал петь, тогда и изменил, я этого не знаю<sup>2</sup>. Он принёс тексты нам. Какие были тексты, такие мы и пели. Я его

просил изменить только одно место в песне «Я не люблю» — «И мне не жаль распятого Христа». Я не религиозный человек, так что просил изменить эти строки не из этих соображений. Просто эстетически мне это не нравилось.

**М.Ц.** — Так вот, значит, почему появилась эта строфа:

Когда я вижу сломанные крылья,  
Хочу помочь, — хоть это не по мне,  
Я не люблю насилия и бессилья  
И не могу остаться в стороне.

Её нет ни в одном авторском исполнении!

Так Высоцкий просто отдал тексты или приходил на репетиции?

**И.К.** — Приходил, конечно. Он же ноты писать не мог. Мы с ним садились вдвоём, он пел эти песни, а я учил.

**М.Ц.** — Как спектакль был принят публикой?

**И.К.** — У нас тогда всё принималось хорошо. Не было особо выдающегося приёма. Песни Высоцкого принимались очень хорошо. Он написал больше песен, чем вошло в спектакль. Всего было шесть песен предложено. Нам же вообще запрещали его песни, еле-еле удалось пробить. По-моему, Володя был этим очень доволен. Был такой период у него, когда ему запрещалось всё. Хотя эти люди из управления культуры так же плохо относились и к Окуджаве, и к Киму, но были согласны даже на них. Говорили: «Ну хоть Окуджаву возьмите, но хоть Кима возьмите!». Против Высоцкого они были настроены сильнее всего.

**М.Ц.** — Сколько песен вошло в спектакль?

**И.К.** — Четыре, а написано было, кажется, шесть. Начальство хотело, чтобы было как можно меньше песен Высоцкого. Кроме того, эти четыре, они как-то лег-

ли в спектакль. А вот не пошёл «Жираф» и, по-моему, ещё «Иноходец».

**М.Ц.** — Так «Жирафа» не было в спектакле? А Высоцкий всегда рассказывал, что эта песня звучит именно в «Своём острове».

**И.К.** — Он написал её для нас, но она в спектакле не звучала. Я Вам скажу, что там было... Там была песня «Был шторм, канаты рвали кожу с рук...». Была «Здесь лапы у елей дрожат на ветру...», лирическая такая песня. Потом, значит, «Я не люблю» и «Отплываем в тёплый край».

Высоцкий говорил, что ему нравится, как я пою. Он говорил, что, дескать, мне нравится, как Кваша поёт, потому что он поёт по-своему, не подражая.

Я думал, что он говорил это просто так, по дружбе, поскольку ему было приятно, что пошли эти песни официально в этот тяжёлый момент его жизни. А потом оказалось, что ему, видимо, действительно нравилось мое исполнение. А выяснилось это так: в то время ему заказали две песни для двух разных фильмов, для закадрового исполнения. Он сам должен был исполнять эти песни. Режиссёр одной картины был, как помнится, Сурин<sup>3</sup>, другого не помню.

Самому Высоцкому петь в этих картинах запретили, и он сказал: «Тогда пусть поёт Кваша». Одну песню я даже записал с оркестром, а вторую так и не записали. Но эти песни, в конце концов, всё равно выкинули, они нигде не пошли.

**М.Ц.** — А что это были за песни?

**И.К.** — А вот не помню уже. Но мне было очень приятно, что Высоцкий предложил мне петь вместо себя.

<sup>1</sup> Спектакль «Свой остров» по пьесе эстонского драматурга Р. Каугвера был поставлен в театре «Современник» в 1971 г. В главной роли был занят И. Кваша (Рийпс).

<sup>2</sup> Для спектакля Высоцкий написал только одну песню — «Отплываем в тёплый край навсегда...» (в исполнении И. Кваша — «Покидаем тёплый край навсегда...»). Другие песни, предложенные в спектакль, исполнялись Высоцким и ранее.

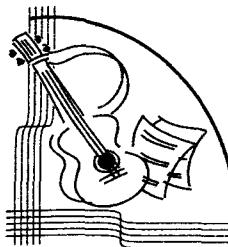
<sup>3</sup> В окончательный вариант фильма «Антрацит» (1971, «Мосфильм», реж. Александр Сурин) не вошла песня Высоцкого «Гимн шахтёров» («Не космос — метры грунта надо мной...»).

**КВАША, Игорь Владимирович.** Актёр, режиссёр. Родился 4 февраля 1933 г. в Москве. В 1955 г., после окончания Школы-студии им. В.И. Немировича-Данченко при МХАТ им. М. Горького, зачислен в труппу этого театра, в 1956 г. — с момента основания — стал актёром московского театра «Современник».

Сыграл около 50 ролей в театре (среди них — Гаев в «Вишневом саде» А. Чехова, Рассказчик в «Балалайкин и К°» М. Салтыкова-Щедрина, Папаша Карамазов в спектакле «Карамазовы и ад» по мотивам позднего Достоевского, Фальстаф в «Виндзорских насмешницах» Шекспира, Степан Верховенский в «Бесах» Ф. Достоевского и др.) и около 50 — в кино (в том числе в кинолентах «Сюжет для небольшого рассказа», «Достояние Республики», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Степь», «Сыщик», «Тот самый Мюнхгаузен», «Человек с бульвара Капуцинов» и др.) В качестве режиссёра выступил при постановке театром «Современник» спектаклей «Кабала святощ» (1981), «Дни Турбинах» (1984), «Кот домашний средней пущистости» (1990), «Балалайкин и К°» (2001, совместно с В. Гафтом и А. Назаровым).

В 1970—1986 гг. вёл на радио цикл поэтических передач, в 1987—1988 гг. осуществил радиозапись романа М. Булгакова «Белая гвардия», в 1989—1990 гг. — романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». В последние годы на канале ОРТ ведёт телепередачу «Жди меня».

Народный артист РСФСР (1968). Живёт и работает в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Алла Григорьевна КИГЕЛЬ

**М. Ц.** — Когда Вы познакомились с Высоцким?

**А. К.** — Это было где-то в период, когда только начиналась любимовская «Таганка». Юрий Петрович начал этот театр, а я в те времена училась и преподавала в Щукинском училище. Так что это было в тот период, а точнее сказать не могу. У меня есть странная особенность: я помню дни, числа, иногда даже минуты, но никогда не помню года. Но примерно это 1965—1966 годы.

**М. Ц.** — Вам запомнились первые впечатления от театральных работ Высоцкого на «Таганке»?

**А. К.** — Да, запомнились. Спектакль «Добрый человек из Сезуана» был поставлен Любимовым ещё в училище, так что к моменту, когда там заиграл Высоцкий, я спектакль видела уже не один раз.

**М. Ц.** — То есть Вы говорите уже об исполнении Высоцким роли лётчика? Первые его роли в этом спектакле — Мужа, Второго бога — Вы не помните?

**А. К.** — Нет, когда он играл эти роли, меня в Москве не было.

**М. Ц.** — У Вас было впечатление, что Высоцкий уже был зрелым актёром?

**А. К.** — Вы знаете, я не могу сказать, что это была зрелая игра, но эта игра оставляла сильное впечатление. Это был очень индивидуальный почерк, вот это я

хорошо помню. Это была ещё несовершенная игра, но интересная.

Вы москвич, так что, наверное, знаете такого режиссёра Бориса Морозова. На мой взгляд, у него был один хороший спектакль — «Брысь, костлявая!». Спектакль был очень несовершенным, но хорошим. Я этот пример привела, чтобы проиллюстрировать свои впечатления от игры молодого Высоцкого.

**М.Ц.** — В дальнейшем Вы были связаны с «Таганкой»?

**А.К.** — Да. Во-первых, в силу того, что я преподавала в Щукинском училище. Кто-то из таганских актёров у меня учился, кого-то я приглашала на телевидение, с кем-то просто дружили... Но я там не работала.

**М.Ц.** — Высоцкий прогрессировал как актёр?

**А.К.** — Высоцкий прогрессировал как человек, и его актёрский рост напрямую зависел от его роста как личности. Он постепенно очень укрупнялся.

Высоцкий учился с моими близкими друзьями Романом Вильданом и Валей Никулиным. Они его очень любили, так что я находилась среди людей, которые сильно были привязаны к нему по-человечески.

Роман и Валя говорили, что Высоцкий уже в училище был далеко не ординарен. Они рассказывали, что эту неординарность люди чувствовали, в любой компании народ концентрировался именно вокруг него, независимо от того, пел он или не пел.

Есть такие люди, вокруг которых всегда народ. Не знаю, помните ли Вы актёра Круглого... Он человек достаточно замкнутый, сложный. Но вот он сидит в коридоре — и молодёжь вокруг него сбивается. Они к нему не подходят, но они рядом. Потом Круглый встаёт и уходит в буфет — и через пять минут все уже толпятся в буфете.

Вот у Володи эта особенность была выражена очень сильно. То, что теперь называют харизмой, а тогда называли притяжением. Он ничего специально не делал, но было вокруг него некое поле.

**М.Ц.** — Вы соприкасались с Высоцким в творческом плане? Были ли какие-то задумки?

**А.К.** — Ну, задумки... Задумок было много, но это было нереально. У меня были некоторые театральные идеи, но я знала, что Любимов на это не пойдёт. Хотя сначала он, вроде бы, пошёл на контакт и даже говорил со мной, но потом я видела, как у него захлопнулось что-то в глазах... Я хотела ставить пьесу Сельвинского «Пао-Пао». Очень интересная пьеса в стихах. В чём-то сродни «Собачьему сердцу», но раньше написана. Пао-Пао — это обезьяна, которой пересадили человеческие мозги. Там очень сильные роли есть. Вот эту пьесу я хотела делать с Володей.

А однажды — это было в период постановки на «Таганке» спектакля «Пугачёв», где Володя играл роль Хлопушки, — я делала на телевидении постановку «Пугачёва», где Хлопушу играл один из моих учеников, актёр «Таганки» Валерий Поляков. Володя помогал ему и даже упросил Любимова, чтобы этот актёр однажды вышел на подмостки «Таганки» в этой роли.

Ещё одна интересная творчески-плотная встреча была довольно странной. Случилась она незадолго до премьеры «Гамлета» в Театре на Таганке.

За несколько недель до выхода любимовского «Гамлета» вышла в эфир моя передача. Она была несколько своеобразная, называлась «Монологи Гамлета» со Львом Круглым. Начиналась она с монолога «Быть или не быть?», который потом повторялся в своём месте и в конце. Придя в театр на одну из прогонных репетиций, я встретила Юрия Фёдоровича Карякина — умницу, философа, литературоведа, члена общественного совета театра, —

который, застенчиво улыбаясь, сказал мне: «Аллочка, мы у Вас украли повтор монолога. Собственно, это я, Володя не знает, не сердитесь».

Я стала свидетельницей того, как Володя, порой мучительно отвергая эту идею и снова возвращаясь к ней, овладевал ею. И овладел. Он сделал это замечательно! Мы с Юрием Фёдоровичем так и не признались Володе, а Лев Круглый эмигрировал во Францию, и всё с его участием было изъято.

Так что настоящих творческих контактов у меня с Высоцким не было, не получилось. Но у нас оставались хорошие человеческие отношения с взаимной симпатией и профессиональным уважением.

**М.Ц.** — А каково Ваше впечатление о взаимоотношениях Любимова и Высоцкого?

**А.К.** — Любимов — вообще человек непростой. Он безумно любил Володю. Мне кажется, это его единственная истинная привязанность в жизни. Он совершенно не мог Володе сопротивляться. Он орал, кричал, запрещал, увольнял — и тут же сдавался.

**М.Ц.** — Вам приходилось встречать Высоцкого с Влади?

**А.К.** — Я помню один случай. Я видела их в ресторане ВТО. О его романе с Влади говорили много и говорили всегда как-то злобно. А тут я их увидела. Вы знаете, если можно визуально сказать, что такое Любовь, то это была именно она. Это было видно. Вокруг них толпа собралась, а они никого не видели. Это было так красиво, так щедро, так празднично, что я восприняла это просто как подарок судьбы.

**М.Ц.** — Когда вы виделись с Высоцким в последний раз?

**А.К.** — За несколько дней до его смерти. Это было очень печально. Он сидел в ресторане ВТО и пил. Я уви-

дела, и сердце у меня сжалось — я же знала, что пить ему нельзя совсем. Мы не разговаривали в тот вечер, он уже не был склонен к общению.

Когда мне позвонили утром двадцать пятого... Мне кажется, я не удивилась, я уже как будто готова была. Вообще, в таком возрасте не умирают. В таком возрасте погибают. Мне кажется, он шёл навстречу смерти. Даже по его песням видно, что он очень устал. Он разрывался, его разрывал его собственный дар, который не находил выхода. У него же был редчайший темперамент, который его просто сжигал.

Мне кажется неверной тенденция объяснять всё, что с ним произошло, только тем, что его куда-то там не пускали. В этом только частичное объяснение. Он действительно очень переживал, что его не принимали в Союз писателей, но, уверяю Вас, дело было не только в этом.

Володя был очень умный человек, очень. И это его разрывало. Он не мог не обратить внимания или пропустить что-то мимо, сказать, что это, дескать, не моё дело. Он всё принимал близко к сердцу.

У Ахматовой есть стихотворение, в котором говорит-ся, что портреты человека меняются после его смерти. Я помню, что через несколько дней после смерти Высоцкого один мой знакомый достал хорошую аппаратуру на пару дней и пригласил меня послушать Володины песни. Невозможно было слушать, сердце разрывалось... Но меня, когда я слушала его ранние песни, почему-то посетила мысль, что он — ЗНАЛ. Знал наперёд, что случится.

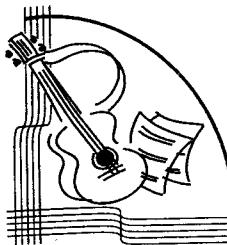
Мне кажется, что у наших более или менее известных деятелей литературы и искусства по отношению к Высоцкому есть некий комплекс зависти и вины. Когда хоронили Володю, надо было видеть эти лица. Это был тот случай, когда все свои лица, что называется, «отпустили», так что на всех всё было видно. Я Вам скажу

сейчас мысль, которая меня ударила на похоронах Володи... Может быть, потом они про это забыли искренне, — но ведь они и похоронам этим завидовали!

10.10.1995 г.  
(Copyright © 2005)

**КИГЕЛЬ, Алла Григорьевна.** Режиссёр, телеведущая. Родилась в 1932 г. в Москве. Окончила Московский юридический институт, затем режиссёрский факультет театрального училища им. Б. Щукина (курс Б. Захавы). Работала преподавателем театрального училища им. Б. Щукина, режиссёром телевидения, была постановщиком спектаклей во многих театрах Советского Союза (по её словам, «работала везде, кроме Средней Азии»).

С 1992 г. живёт в Нью-Йорке, работает на русском телевидении («Russian Television Network», New York).



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Раиса Максимовна КЛИМОВА**

**М.Ц.** — Раиса Максимовна, Вы жили вместе с семьёй Высоцких в квартире № 35 в доме № 126 по Первой Мещанской улице. Помните ли Вы родителей Нины Максимовны Высоцкой — Максима Ивановича и Евдокию Андреевну?

**Р.К.** — Помню, конечно. Они же жили через стенку от нас. Они уже старенькие оба были. Евдокия Андреевна ушла в 1932 году, 12 января, мне пять лет было. Максим Иванович ушёл вскоре вслед за нею, в январе 1933-го. Они похоронены на Пятницком кладбище. Потом в квартире остались жить Нина и младший её брат Володя, в честь которого она сына назвала.

**М.Ц.** — Чем он до войны занимался?

**Р.К.** — Он на связиста учился, а потом в армию ушёл.

**М.Ц.** — О соседях Высоцких по дому «на Первой Мещанской в конце» известно лишь по песне Высоцкого. Собственно, известно лишь несколько фамилий. В частности, упоминает Высоцкий семью Поповых («то у Попова Вовчика отец пришёл с трофеями»). Что это была за семья?

**Р.К.** — Поповы жили в другом крыле коридора. Володька Попов был очень шебутной парень, учился неважно, Зина (мать. — М.Ц.) с ним намучилась. А отец его был, кажется, шофёром.

**М.Ц.** — В песне упомянут ещё метростроевец («стал метро рить отец Витъкин с Генкой»). Вы помните его?

**Р.К.** — Был у нас один метростроевец, Василий Сидоров, но он не в нашей квартире жил, а на втором этаже, а мы — на третьем.

**М.Ц.** — Упомянутая у Высоцкого «Пересветова тётя Маруся» — это реальный человек?

**Р.К.** — Она не Пересветова, а Трисветова. Одинокая женщина была, у неё только племянник один был. Никакой «миллионершей» она не была, а умерла она действительно в своей комнате.

**М.Ц.** — «И было солнце в три луча сквозь дыры крыши просеяно//На Евдоким Кирильча и Гисю Моисеевну...»

**Р.К.** — Евдоким Кириллович Усачёв погиб на фронте. У него было трое детей — Николай, Михаил и Нина. Только без вести никто из них не пропадал.

В семье Яковлевых, кроме Гиси Моисеевны, были её муж Яков Михайлович и сын Миша. Миша умер, Вы, наверное, знаете. Он был одним из основателей КВН.

**М.Ц.** — А сколько всего было комнат в вашей «системе коридорной»? Действительно, тридцать восемь, как у Высоцкого сказано?

**Р.К.** — В нашем крыле было шесть комнат. В нашем крыле жили Усачёвы, Высоцкие, Яковлевы, Михайловы. И ещё соседка была тётя Валя. В другом крыле жили Фирсовы, мать и дочь; Черепановы, Севрюковы, Равинские, Поляковы, Поповы... Всего девять комнат там было.

**М.Ц.** — Значит, пятнадцать комнат?

**Р.К.** — Нет, шестнадцать, кого-то я забыла. Комнат было шестнадцать. И общая кухня на всех. А туалетов

было два, а не один. Это он неправду написал. Они были рядом — но два. Я его встретила потом, говорю: «Ты чего это написал, что один туалет? Ты забыл, что ты в два бегал?». Он только улыбнулся.

**М.Ц.** — А Вы помните Георгия Бантоша?

**Р.К.** Помню немного. Они с Ниной Максимовной жили. Года три, что ли. Они не расписанные были. Он преподавал английский язык, а потом уехал куда-то.

**М.Ц.** — А какие у них отношения с Владимиром Высоцким были?

**Р.К.** Фиговые, прямо скажем. Георгий его не любил, и Володя платил тем же.

**М.Ц.** — А после того, как Нина Максимовна и Владимир Семёнович переехали, он часто приезжал?

**Р.К.** — Ну сначала-то они недалеко переехали, в новую часть дома. В то время он часто приходил, на каждый праздник был у меня в гостях. Им вместе с Яковлевыми выделили трёхкомнатную квартиру в новом доме, который выстроили, когда ту часть дома, где они жили, сломали. И вот им выделили по комнате, а третью комнату они разделили буфетом и шкафом.

Потом Володя женился на Изе, это первая жена его. Они очень мало прожили вместе. Я её видела, кажется, один раз всего — они выходили из подъезда, а я кудато шла.

**М.Ц.** — А после того как Высоцкий с матерью переехали в квартиру на улицу Телевидения, он к вам в дом уже не приезжал?

**Р.К.** — Нет, приезжал. На праздники бывал. Он любил мамины пирожки. Ну, а потом он на Трифоновской был, неподалёку, там общежитие театральное было, — от нас шёл туда или от них к нам.

Я помню, к отцу моему, Максиму Георгиевичу, он заезжал последний раз в 1974 году, за две недели до того, как папа ушёл из жизни. А потом я узнала, что он под папиным именем вывел персонажа в каком-то рассказе<sup>1</sup>.

**М.Ц.** — Вы ведь помните Высоцкого совсем маленьким?

**Р.К.** — Конечно, помню. У меня долго стоял стул, с которого он декламировал стихи. Мне его как-то жалко было выбрасывать, я Никите позвонила, сказала про этот стул. Он спросил: «Вы его продать хотите?». Я говорю: «За кого ты меня считаешь?!». — «Ну тогда я пришлю к Вам человека за этим стулом». Я и отдала стул. Не выбрасывать же его — всё-таки история. Мне потом Никита дал бумагу, что стул, дескать, получен.

Володя, когда маленьким был, не выговаривал «р» и «л». Он приходил, на этот стул залезал. Там в спинке был такой полуовал, сделанный из соломы, выложенной кубиками. И он пальчиками в эти кубики тыкал. Я говорю: «Ну считай, считай, сколько там кубиков?». И он начинял: «Раз, два, три, пять, восемь, десять». Я говорю: «Ну молодец!». Он считать-то не умел, ему года два было.

Ему очень нравилось залезать на этот стул: «Пусти, я сам! Я сам! Я уже большой!». Вот залезал он на стул, держал ручки по швам и читал стихи. А мама моя однажды встала рядом со столом и объявила: «Выступает народный артист Советского Союза Владимир Высоцкий!». Мы все захлопали, и ему это, видимо, понравилось, но он затаился, ничего не сказал.

Потом приходит, наверное, дня через два. Я опять выдвигаю этот стул, он залезает (я страховала всегда — стояла сзади и спинку придерживала) и тут он: «Баба Гая (это мама моя), говори!». Просит, значит, чтоб объявили его. И начинал читать с выражением:

Климу Ворошилову письмо я написал  
Товарищ Ворошилов, народный комиссар,

причём, он же двух букв не выговаривал, получалось: «товарищ Воёшивов, наёдный комиссай», —

*В Красную армию нынешний год,  
В Красную армию брат мой идёт —*

и по грудке эдак кулачком стучит, —

*Товарищ Ворошилов,  
А если на войне  
Погибнет брат мой милый —*

и ручкой на себя показывает, —

*Пиши скорее мне.  
Товарищ Ворошилов,  
Я быстро подрасту —*

и ручки вверх поднимает, показывает, как он подрастёт, —

*И встану вместе с братом  
С винтовкой на посту.*

и делает так руками, как будто винтовку держит. Прелесть он был, такой ангелочек! У него ресницы были очень большие, загнутые. Мы Нине говорили: «Ты посмотри — четыре спички выдерживают!». Она нам: «Девчонки, хватит издеваться над моим ребёнком!». А Володьке нравились эти забавы.

Когда война началась, то дед, Сенин отец, эвакуировал Нину с Володей. Володя на деда похож, только дед высоким был. Не знаю, в кого Володя такого небольшого роста был. Отец его, Сеня, был среднего роста. У него такой был румянец — я в жизни ни у кого такого румянца не видела! И волосы, как воронье крыло. Сеня был красавец.

Володька никогда не плакал. Я его звала «маленький мужичок». Знаете, как маленькие дети бросаются на пол, визжат, требуют. Володька никогда таким не был. Он эдак солидно пройдёт по всем комнатам, всем скажет: «Здравствуйте!». Очень был культурный мальчишка.

**М.Ц.** — А Вы знали братьев и сестёр Нины Максимовны?

**Р.К.** — Знала, конечно. Колю знала, сына Надежды, старшей сестры Нины. Володя ушёл 25 июля 1980 года, а Коля — в сентябре того же года.

В семье Максима Ивановича и Евдокии Андреевны было пятеро детей. Старший был Сергей, потом — Надя, потом — Рая, а потом Нина Максимовна и Володя. Нина сына назвала Володей в честь брата.

Он служил на границе, в Бресте, и погиб там в самом начале войны. Шурочка, жена его, приехала в Москву босиком — выскочила из дома, в чём была, и с детьми — Светочкой и Вадиком.

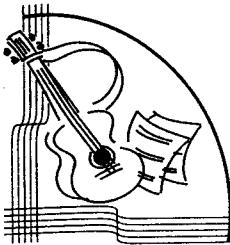
Нина Максимовна мне рассказывала, что Вадик отслужил во флоте, ехал в поезде, и какие-то бандиты привязались к девушке. Он был парень рослый, крепкий — заступился. И его выбросили с поезда.

И ещё такой случай помню, связанный с Володей. В 1950 году я была в альпинистском лагере и приехала с альпинистским значком первой степени. Володе двенадцать лет уже было. Он подошёл: «Ой, Рая, что это у тебя за значок?». Я говорю: «Ну прочитай, что там сказано». Он: «Ой, ты так далеко ездила?!».

Я ему говорю: «Вот вырастешь, тоже там побываешь...» Через много лет он мне этот разговор напомнил и сказал: «Ну вот я там и побывал».

23.04. и 7.05.2005 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> В «Романе о девочках» есть персонаж — милиционер Максим Григорьевич Полуэктов. Отец Р.М. Климовой тоже был милиционером, так что, возможно, совпадение имён не случайное.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Наум Моисеевич КОРЖАВИН

**М.Ц.** — Наум Моисеевич, когда Вы познакомились с Высоцким?

**Н.К.** — Мы познакомились в Москве, в шестидесятые годы. Думаю, это был, примерно, 1965 или 1966 год. Я часто бывал в Театре на Таганке, там мы и встретились в первый раз. Каких-то подробностей знакомства я не помню, но, кажется, знакомил нас Юрий Карякин.

**М.Ц.** — После этого Вы часто виделись с Высоцким?

**Н.К.** — У нас не было близких отношений, но встречались мы действительно часто. Не то чтобы специально, а так как-то получалось — то в театре, то в каких-то компаниях. Мы не были друзьями, но были дружески друг к другу расположены.

**М.Ц.** — В 1960-е годы Вы были завсегдатаем «Таганки». Каково Ваше мнение о Высоцком — драматическом актёре?

**Н.К.** — На мой взгляд, он был очень хорошим актёром. Я видел его почти во всех спектаклях «Таганки». Кстати, и киноактёром он был интересным, хотя и снимался не очень часто.

**М.Ц.** — Вернувшись домой после гастролей по США в январе 1979 года, Высоцкий рассказывал друзьям, что встречался с Вами в Нью-Йорке...

**Н.К.** — Не в Нью-Йорке, а в Бостоне, — я в Бостоне живу. Да, мы виделись с ним тогда. Сначала я прослушал

его концерт (прошедший, кстати, с огромным успехом), а потом к нему подошёл.

Мы обнялись, немного поговорили. Высоцкий сказал:

— Привет Вам от Карякина.

Потом он спросил:

— Вам нравятся мои песни?

Я ответил ему, что какие-то вещи люблю, какие-то — нет. А вот песню «Диалог у телевизора» считаю гениальной.

Вот такой был у нас разговор. Мы мало побеседовали, но очень дружески.

**М.Ц.** — *А почему «Диалог у телевизора» Вы считаете гениальной?*

**Н.К.** — Понимаете, он тут потрясающе уловил весь трагизм и всю пустоту советской жизни, которая обрушилась на простых людей. Эта вещь получилась у него на уровне Зощенко. Это ведь не просто смешная история. «Придёшь домой — там ты сидишь» — это вовсе не весело и не смешно ни для него, ни для неё.

**М.Ц.** — *Какое направление в творчестве Высоцкого Вы любите больше других?*

**Н.К.** — Я очень люблю его бытовые песни. Они такие человеческие, что ли. Например, «Час зачатья я помню неточно...» и многие другие, я их все даже перечислить не могу. А патетические его вещи, вроде «Баньки», мне нравятся меньше. Может быть, они и хорошие, я не знаю. Просто я их не понимаю.

**М.Ц.** — *Как, по Вашему мнению поэта и читателя, поэзия Высоцкого возможна без его голоса?*

**Н.К.** — Ну да, конечно. Ведь его песни поют и другие люди. А какие-то вещи, я думаю, можно просто исполнять без музыки, чтением. Наверное, читать с книжного листа тоже можно, я просто не пробовал.

Н.М. КОРЖАВИН

**М.Ц.** — *А прозу Высоцкого Вам читать приходилось?*

**Н.К.** — Нет, не читал. Я, кстати, даже не знал, что он писал прозу.

**М.Ц.** — *Какие черты личности Высоцкого Вы могли бы отметить?*

**Н.К.** — Мне трудно об этом говорить, поскольку мы не были в особенно близких отношениях. Ну, что я могу сказать? Высоцкий был очень приятным, обаятельным человеком. Он вызывал доверие. Это, пожалуй, самое главное.

Я его любил и люблю. Он в последние годы жизни подбирался к самым вершинам поэзии.

**М.Ц.** — *Вы знаете что-нибудь о попытках Высоцкого опубликовать свои стихи?*

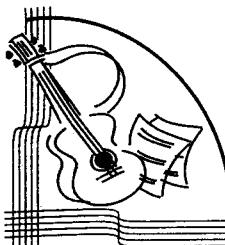
**Н.К.** — Я ничего об этом не знаю, Высоцкий никогда не заговаривал со мной на эту тему. Вы не переоценивайте степень нашей близости, мы с ним были просто знакомы.

**М.Ц.** — *Как Вы полагаете, Высоцкий останется в нашей литературе?*

**Н.К.** — Трудно сказать, я боюсь быть пророком. Наверное, что-то останется. Окуджава, думаю, останется. Галич, вероятно, тоже. Высоцкий, наверное, останется со своими не злободневными стихами. А вот «Вы лучшие лес рубите на гробы...» вряд ли сохранится в памяти потомков. Хотя — кто это знает наверняка? Потомки потом сами выберут, что им потребуется.

**КОРЖАВИН, Наум Моисеевич** (настоящая фамилия — Мандель). Поэт. Родился 14 октября 1925 г. в Киеве. С 1945 г. учился в Литературном институте им. М. Горького. В 1947 г. был арестован, затем выслан в Сибирь. Через несколько лет ему было предписано жить в Караганде, где в 1953 г. окончил горный техникум. В 1954 г. по амнистии вернулся в Москву. В 1956 г. был реабилитирован, в 1959 г. окончил Литературный институт. Первая значительная подборка стихов опубликована в 1961 г. в сборнике «Тарусские страницы». Единственный в СССР сборник поэзии — «Годы» — вышел в 1963 г.

В 1966–1967 гг. подписывал письма в защиту А. Синявского, Ю. Даниеля, Ю. Галанского и А. Гинзбурга. В 1973 г. после допроса в прокуратуре подал заявление на выезд из страны, объявив причину: «нехватка воздуха для жизни». С 1974 г. проживает в Бостоне. Входил в редколлегию журнала «Континент». Сборники стихов Н. Коржавина выходили в Германии, США и России.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Виталий Алексеевич КОРОТИЧ

**М.Ц.** — Виталий Алексеевич, когда Вы познакомились с Высоцким?

**В.К.** — Познакомились мы уже поздно, в семидесятых. Тогда я жил в Киеве, а в Москве бывал только наездами, хотя довольно регулярно, не реже, чем раз в месяц. В Театре на Таганке у меня были знакомые актёры, были знакомые писатели, входившие в мой и Высоцкого круг приятелей: Евтушенко, Рождественский, Вознесенский. Поэтому я не раз имел возможность наблюдать Высоцкого со стороны в компаниях или за кулисами.

**М.Ц.** — И как он вёл себя в этих компаниях?

**В.К.** — Понимаете, я никогда не видел Высоцкого, так сказать, среди уличных прихлебателей. Может быть, там он был другим. В обществе же коллег он на моей памяти выделялся, я бы сказал, серьёзностью. Если тот же Окуджава мог себе позволить некую снисходительную интонацию по отношению к своим стихам и песням — зная им цену, но, тем не менее, говоря о них как бы сверху вниз, — то Высоцкий если уж пел — то пел, если уж играл — то играл. Не помню «выпендрежей» Высоцкого, то есть поведения, на которое горазды многие в артистических кругах. Он на моей памяти остался человеком довольно сдержаным, сосредоточенным, я бы сказал. Кстати, и за кулисами, когда актёры вываливаются со сцены, отыграв свой эпизод, сколько угодно

примеров, когда актёр, только что «рвавший страсть в ключья», моментально перевоплощается и начинает травить анекдоты. Я несколько раз видел Высоцкого за кулисами на «Таганке», и никогда это не было лёгким возвращением в реальность — он долго ещё оставался «в образе», как бы остывая медленнее других. Может быть, потому, что разогревался больше...

**М.Ц.** — *А какое отношение было к Высоцкому со стороны профессиональных поэтов?*

**В.К.** — Разное. Очень высоко ценили его, к примеру, такие разные поэты, как Вознесенский и Рождественский. Но многие ревновали Высоцкого к успеху и позволяли, особенно в заочных разговорах о нём, этакую снисходительность: мол, что взять с такого творчества, второй сорт! Примерно так оперные солисты рассуждают об эстрадных звёздах...

Высоцкий ощущал это и очень переживал: мне кажется, это было одной из главных причин того, что и серьёзных усилий по изданию своей книги в Москве он практически не предпринимал.

Впрочем, зная себе цену, Высоцкий никогда не старался подчеркнуть собственную «всенародность». Разве что мог сыронизировать. Окуджава был уязвлен на много лет случаем, о котором любил рассказывать, посмеиваясь над собой. После спектакля компания отправлялась в «ночное», и часть собравшихся, в том числе и Булат, вышли из театра на Тагансскую площадь чуть раньше — взять такси. На все мольбы Окуджавы таксисты отвечали по своему заведенному стандарту: «Еду в парк», «Занят». Когда же к ним вышел разгримировавшийся и умытый Высоцкий, распахнулись сразу все дверцы: «Волodya, куда?».

**М.Ц.** — 26 октября 1977 года в Париже состоялся вечер советской поэзии. В числе выступавших был и Высоцкий...

**В.К.** — Это была очень интересная поездка — разные люди подобрались, все уже достаточно известные, каждый со своими привычками. Руководил группой Константин Михайлович Симонов, как всегда компанейский, но уже смертельно больной, ослабевший, не «жавший» на нас. В концерте-вечере было два отделения: одно заканчивал Окуджава, другое — Высоцкий, а в остальное время мы читали стихи с французскими переводчиками. Только Симонов, грациозируя, как всегда, читал одно только «Жди меня...», и зал, где было много людей с памятью о прошедшей войне, много эмигрантов, выл от восторга, переводов не требуя. Окуджава с Высоцким пели без переводчиков, хоть Высоцкий, по-моему, говорил какие-то слова по-французски. Мы сидели с ним рядом на сцене, и волновался он сильнее всех нас: для большинства из поэтов это был вечер как вечер — много их таких было! А для Высоцкого это было и актёрское действие, профессиональный показ в Париже...

Как он изводил нас на репетициях! Никто из нас ни в каких репетициях не нуждался, мы по Парижу гуляли, а Высоцкий, помню, буквально за руки утаскивал нескольких из нас в зал днём, выставлял себе микрофоны: один — для гитары, другой — для голоса, требовал сказать ему, какая слышимость в том или другом конце зала. И здесь он работал как высокий профессионал:

— Как меня слышно?

— А из того угла меня хорошо видно? и т.д.

**М.Ц.** — «Литературная газета» в номере от 16 ноября 1977 года сообщала, что вскоре после вечера поэзии был французско-советский коллоквиум. Принимал ли Высоцкий в нём участие?

**В.К.** — Нет. Понимаете, в это время в Париже начались гастроли Театра на Таганке, он был занят. Но даже если бы гастролей и не было... Это был очень профессиональный разговор о том, как надо переводить,

о несовершенстве словарей, о том, что вульгаризмы непереводимы, ну и так далее.

**М.Ц.** — В 1989 году во Франции вышла книга стихов Высоцкого. А тогда, при его жизни, французы интересовались его поэзией?

**В.К.** — Совершенно нет. И, кстати, незадолго до этого я услышал очень обидные слова, которые Марина Влади произнесла, совершенно не стесняясь:

— Тебя нигде, кроме эмигрантских кабаков, слушать никогда не будут. Твоя поэзия не будет объектом интереса. Нужен кто-то, кто вложит в тебя деньги. Без такого человека ты не станешь объектом интереса на Западе. И он действительно таковым не был. Внутри страны у него была огромная слава, а на Западе он никому не был интересен и нужен.

**М.Ц.** — Но ведь у него были концерты и в Париже.

**В.К.** — Да, конечно, но все же мы смотрели в зал и видели: вон там Вика Некрасов сидит, а там — ещё кто-то из наших же. А на его концертах в Париже были приятели Мариной, которых она притаскивала туда, и эмигрантская публика, которая с восторгом всё это слушала. По сути, это не очень отличалось от концертов в Москве.

Что Высоцкий мог действительно делать в Париже, так это встречаться там с людьми, с которыми встречаться не рекомендовалось. Для всех прочих такие встречи были рискованны — в следующий раз могли и не выпустить. Высоцкий же мог себе позволить многое.

**М.Ц.** — Если абстрагироваться от личности Высоцкого, какие качества Высоцкого — поэта и актёра Вы могли бы отметить?

**В.К.** — Прежде всего — его высокий профессионализм. Это был очень профессиональный поэт и столь же профессиональный актёр. Иногда под тем слоем щелухи,

которая на всё это налепливалась, под слоем жизненных его коллизий всё это не замечалось, а воспринимался только антураж. Та полублатная слава, которая с самого начала прилипала к нему (или её к нему приклеивали), многое исказала в облике. Это не был, совершенно не был наглый человек из некоторых его песен и ролей. Скорее, сдержанный, знающий себе цену, многое перестрадавший и передумавший интеллигент. Я бы сказал (чуть повторяясь), что у него был как бы даже комплекс неполноценности в обществе профессиональных поэтов. Чисто литературных вопросов, на моей памяти, он старался не обсуждать; да и поэзию свою воспринимал не как «чисто изящную словесность», а как ещё одну возможность к собственному самовыражению.

В любой форме творчества были ощутимы в нём комплексы очень порядочного человека. Знаете, большинство поэтов говорят такими категориями: «Я создал», «Я отобразил», «Я великий». Один только Высоцкий очень скромно и застенчиво относился к своим стихам. Может быть, потому они так долго шли к читателю.

**М.Ц.** — То есть «пробиваться» самого себя он не умел?

**В.К.** — Абсолютно! Да и не «пробивал» он никогда, стеснялся. Когда книгу его начали составлять, это продолжалось очень долго и получилось только после его смерти. А он мог бы сделать свою книгу, ведь поэты совершенно пробочной бездарности, без его славы, вообще без ничего делали свои книги.

**М.Ц.** — Работа по составлению сборника стихов Высоцкого началась в 1979 году. Предполагалось издать её «далеко от Москвы», в периферийном издательстве. Кто-нибудь помогал Высоцкому издать книгу?

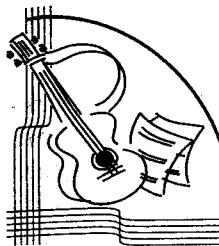
**В.К.** — Было, я помню, несколько идей. Я помню, как энергично протаскивал какие-то вещи и писал рецензию Роберт Рождественский. Были и ещё люди, которые

пытались что-то сделать. Что же касается издания книги... Обычно это были разговоры и обещания во время застолий. Мне известно, что был разговор об издании книги Высоцкого в Тбилиси. Тбилисцы вообще охотно издавали то, что в Москве не выходило, а Высоцкий был необыкновенно популярен в Тбилиси. Однако ничего не вышло почему-то, а сборник «Нерв» был выпущен уже после смерти Высоцкого. Очень обидно — он ведь так хотел иметь книгу.

19.04. и 11.11.1996 г.  
(Copyright © 2005)

**КОРОТИЧ, Виталий Алексеевич.** Поэт, прозаик, публицист, сценарист. Родился 26 мая 1936 г. в Киеве. Там же окончил школу и медицинский институт, шесть лет занимался медицинской практикой, окончил аспирантуру мединститута и Киевский институт иностранных языков. С 1961 г. занимается литературной деятельностью. В 1966—1969 гг. — член правления Союза писателей СССР, секретарь Союза писателей Украины, с 1978 г. — редактор киевского журнала «Всесвіт». Автор сборников стихов «Золотые руки» (1961) «Запах неба» (1971), «Достоинство» (1977), «Голоса» (1984) и др., повестей «Такая жестокая память» (1970), «Метроном» (1982), романов «Десятое мая» (1978), «Лицо ненависти» (1984). В 1986—1991 гг. — главный редактор журнала «Огонёк». В 1991—1999 гг. преподавал в Нью-Йоркском, Колумбийском и Бостонском университетах, выезжал с курсами своих лекций в Австралию, Канаду и другие страны.

Лауреат Государственных премий Украины и СССР (1985). Член Американской академии искусств и литературы. Председатель редакционного совета киевского еженедельника «Бульвар». Живёт в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Савелий Викторович КРАМАРОВ

**М.Ц.** — Савелий, Вы были знакомы с Высоцким, однажды снимались с ним в кинофильме. Не могли бы Вы рассказать о своём общении с ним?

**С.К.** — Вы знаете, о Высоцком сейчас уже непросто говорить: столько написано, столько сказано... Честное слово, я Вам, наверное, ничего нового не расскажу... Он был потрясающей личностью, фигурой невероятного масштаба. Я не говорю сейчас о нём как об актёре, я имею в виду его чисто человеческие качества. Он меня больше удивлял именно как человек. Его взгляды, его поведение, его взаимоотношения с людьми — всё это выделяло его как очень большую личность. Его отношение во всём и ко всему — к делам, к вещам, — понимаете?

**М.Ц.** — А что Вы скажете об актёрских достоинствах Высоцкого?

**С.К.** — Ну знаете... Скажем так, я не был в большом восторге от его актёрских качеств. Человеческие достоинства — это да, а об актёрских качествах я не говорю...

**М.Ц.** — А когда вы познакомились?

**С.К.** — В начале 1960-х годов. Мы встречались с Высоцким в разных компаниях, но это были нерегулярные, эпизодические встречи. Время, когда мы виделись каждый день, в течение двух месяцев, было лишь однажды — во время съёмок фильма «На завтрашней улице».

Фильм этот снимался в 1964 году на Плявинской ГЭС под Ригой. Давно это было... Были мы молоды, веселы.

Володя был таким разухабистым парнем... Ездили в ресторан «Лидо», хорошо проводили время. Ресторан этот тогда был знаменитый. Это сейчас таких много, а тогда — совсем другое дело! Ресторан был ночной, да ещё и с джазом!

Играли в футбол. Помню, играла как-то команда МХАТа против киношников. Там было на съёмках много мхатовских актёров. Володя играл, естественно, за МХАТ — он же их училище заканчивал. Кстати, мхатовцы тогда выиграли. Володя, надо сказать, прилично играл в футбол. Он вообще был очень спортивный парень и очень азартный.

**М.Ц.** — Какое было отношение Высоцкого к этому откровенно слабому фильму? Была ли это чистая «халтура», или он всё же пытался что-то выжать из своей роли?

**С.К.** — Нет-нет, никакой халтуры! Он же был творческий человек и старался что-нибудь найти в своей роли. А Вы этот фильм видели?

**М.Ц.** — К сожалению, ни разу. Об этом фильме знаю только со слов Высоцкого. Я, готовясь к нашему разговору, перечитал распечатку одного концерта. Там он говорит о своей роли: «Я там играл такого хорошего человека, каких просто не бывает... Его все любят, этого хорошего человека, Маркина; начальство любит, сослуживцы любят, жена тоже любит. Они уже купили мебель полированную, а живут в палатке и, значит, жена кашляет, ребёнки плачут, мебель гниёт, палатка протекает, а он говорит: «Маша, нам квартира не нужна. Другим нужнее...»<sup>1</sup>.

Всеволод Абдулов, тоже снимавшийся в той картине, как-то вспоминал, что Высоцкий на съёмках написал песню «Штрафные батальоны»...

**С.К.** — Я этого не помню. Он писал там песню для нашего фильма, но по какой-то причине песня в картину не вошла<sup>2</sup>. Я точно помню, что он писал что-то. Мы жили в палатах там, и он что-то писал, но что именно — сказать не берусь.

**М.Ц.** — Эта песня в фильм не вошла? Вы не помните, почему её отвергли?

**С.К.** — Не помню. Я ведь занимался чисто актёрскими делами, а не подготовкой картины.

**М.Ц.** — Вы встречались с Высоцким в дальнейшем?

**С.К.** — Да, конечно. Помню, мы как-то даже вместе пробовались в какую-то картину. Было это на Одесской студии уже в 1970-е годы. У нас, помню, тогда хороший вечер был, много говорили, вспоминали. После этого общение было уже случайное, эпизодическое.

**М.Ц.** — Известно, что Высоцкий иногда выступал вместе с другими артистами. Не доводилось ли и Вам работать с ним?

**С.К.** — Да, мы иногда выступали вместе. То, что на нашем языке называется «халтурой». Помню, был такой случай. Мы приехали выступать в какой-то НИИ или на завод, не помню уж точно куда. Были мы вдвоём. Ну, у меня был, что называется, «литованный» материал, проверенный не только народом, но и «инстанциями», а у него был его обычный репертуар, его песни. И вот я выступил, потом он спел, и тут встал их председатель парткома и сказал, обращаясь к Высоцкому: «Вы же антисоветчину поёте! Как Вам не стыдно!». В общем, понёс: «Я Вам письмо в театр напишу! Я на «Мосфильм» напишу! Я это дело так не оставлю!». Как он понёс... Отчитывал Высоцкого прямо в зале, при зрителях.

**М.Ц.** — А как Высоцкий отреагировал на эту «атаку»?

**С.К.** — Да он опешил! Совершенно ведь дикая вещь. Я, кстати, даже не могу с уверенностью сказать, заплатили ли ему за это выступление или нет.

**М.Ц.** — А год, когда это было, не помните?

**С.К.** — Да нет... Было это при крепкой Советской власти. Мы ещё тогда только начинали. Помню, успокаивал я его тогда. Ведь прямо при зрителях, как мальчишку отчитали!

**М.Ц.** — Последний вопрос к Вам как к деятелю искусства. Какое из всех дарований Владимира Высоцкого Вы считаете наивысшим?

**С.К.** — Прежде всего, он — крупнейший и абсолютно неповторимый бард. В этом его перебить никто не может. Это главное в нём, в этом замены ему нет и не может быть.

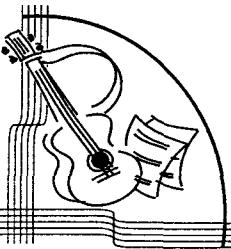
1.11.1994 г.  
(Copyright © 2005)

Снялся в 42 советских фильмах, в их числе: «Друг мой, Колька!», «Неуловимые мстители», «Двенадцать стульев», «Джентльмены удачи», «Не может быть», «Большая перемена». В 1981 г. эмигрировал в США, снялся в фильмах «Москва на Гудзоне», «Красная жара», «Любовная интрижка», «Вооружён и опасен» и др. Умер в Сан-Франциско. Похоронен близ Сан-Франциско, на еврейском мемориальном кладбище в Колма (городе Мёртвых). Надгробие по своему проекту изваял друг Савелия Викторовича — Михаил Шемякин.

<sup>1</sup> Цит. по фонограмме выступления в ДК шахты «Кочегарка», г. Горловка Донецкой обл., 13.03.1973 г.

<sup>2</sup> В картину вошла одна песня Высоцкого — «Нам говорят без всякой лести...» Возможно, были наброски других песен, а возможно, Савелий Викторович просто забыл о ней, поскольку в фильме эту песню исполнили другие актёры.

**КРАМАРОВ, Савелий Викторович** (13.10.1934 — 06.06.1995). Актёр. Родился в Москве в семье видного московского адвоката Виктора Савельевича Крамарова, репрессированного в 1938 г. Учился в Лесотехническом институте, но затем поступил в ГИТИС, который окончил в 1969 г. До 1982 г. — актёр Московского драматического театра им. А.С. Пушкина. Заслуженный артист РСФСР (1974).



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

**Эдуард Леонидович КРЕЙНИН**

**М.Ц.** — При каких обстоятельствах Вы познакомились с Высоцким?

**Э.К.** — Я познакомился с Володей Высоцким в 1967 году, во время триумфальных гастролей Театра на Таганке в Ленинграде. Спектакли игрались на сцене ДК им. Первой Пятилетки. Ажиотаж был огромный. Все билеты давно проданы.

Каждый вечер толпы людей уже на подступах к Дворцу набрасывались на счастливых обладателей билетов или просто случайных прохожих в надежде приобрести «лишний» билетик. За это время многие «неудачники» перезнакомились и объединились в единую команду для добывания билетов к следующим гастролям театра.

Итак, в один из выходных дней мы вместе с близким приятелем и коллегой Юрий Фельдманом подъехали к ДК им. Первой Пятилетки, дождались окончания дневного спектакля и направились к служебному входу, рассчитывая встретить на выходе Высоцкого, познакомиться с ним и пригласить к себе в институт ВАМИ (Всесоюзный алюминиево-магниевый институт), что на Васильевском острове.

С Володей нам встретиться не удалось, зато удалось завязать знакомство с артистом театра Рамзесом Джабраиловым, который подсказал, что повидаться с Высоцким надёжнее всего во время репетиций. Ближайшая — завтра. Так мы и поступили. На следующий день, днём,

О Владимире Высоцком вспоминает || 189  
Э.Л. КРЕЙНИН

войдя в ДК со служебного входа, мы попросили кого-то из работников театра вызвать с репетиции Володю. Долго ждать не пришлось. Через несколько минут он спустился к нам. На нём были чёрный свитер и джинсы. Выглядел он уставшим. Мы представились, объяснили, кто мы и откуда, и сказали, что очень хотели бы пригласить его к себе в институт. Сначала он категорически отказывался, на любой предлагаемый нами день встречи говорил: нет, не могу, занят, тоже занят, опять занят и т.д. Но мы не сдавались, мы были молодыми и напористыми, и, в конце концов, «крепость пала». Он согласился. 6 мая 1967 года состоялся первый из пяти концертов Высоцкого в ВАМИ.

**М.Ц.** — В тот приезд Высоцкого Вы организовывали ещё какие-нибудь его концерты?

**Э.К.** — Пожалуй, нет.

**М.Ц.** — Вы были на многих выступлениях Высоцкого в Ленинграде. Какие из них Вам запомнились?

**Э.К.** — Запомнились все. Я был на тех выступлениях Высоцкого, которые сам и организовывал. Каждое его выступление было СОБЫТИЕМ и для меня, и для всех, кому удавалось попасть на его концерты.

Единственное исключение — выступление Высоцкого в школе на Ломоносовской улице, куда меня пригласили мои знакомые. Чем запомнилось? В школу Володя приехал с Марией Влади и познакомил нас. Запомнилось также, как Марина подсказывала ему текст, когда он вдруг забывал какие-то слова песен.

Кстати, этот концерт в школе мог и не состояться. За несколько часов до начала выяснилось, что администрация школы отказалась в помещении. Дело было вечером. Школа закрыта. Организаторам концерта пришлось изрядно поволноваться, но, в конце концов, им удалось найти уборщицу школы и уговорить её впустить нас.

**М.Ц.** — А для кого был концерт? Для сотрудников какого-то предприятия?

**Э.К.** — Я думаю, что этот концерт был для истинных поклонников и ценителей песенного творчества Высоцкого. Устроителями этой встречи-концерта были Наташа Смирнова и Михаил Кане, входившие тогда в совет клуба песни «Восток» (они и пригласили меня). Так что, скорее всего, в школу пришли члены клуба «Восток» и их знакомые.

С Наташой меня познакомил Володя в 1967 году. Он пригласил её на свой концерт в ВАМИ, где мы и были представлены друг другу.

**М.Ц.** — Вы говорите о концерте 30 января 1973 года? Я знаю о выступлении в английской школе № 213 в этот день.

**Э.К.** — Ну, сейчас мне уже трудно вспомнить, в какой школе это было и когда. Возможно, Вы правы. Хорошо помню, что было это зимой.

**М.Ц.** — Какие ещё концерты Высоцкого были организованы Вами?

**Э.К.** — Помимо пяти концертов в ВАМИ, это выступления Высоцкого в Институте ядерной физики в Гатчине, в институте «Гипрошахт» и в одном из книжных магазинов Московского района. Был ещё концерт в ДК им. Кирова (в Малом зале) вместо запланированного и запрещённого в Доме архитектора.

Что касается института ядерной физики, то я лишь вёл переговоры с Володей о проведении концерта в ЛИЯФе. Непосредственно организацией концерта занимались ребята из института, в том числе Коля Попов, с которым я был хорошо знаком. Его жена Тоня работала в ВАМИ, и мы были в приятельских отношениях.

Во время гастролей Театра на Таганке в Ленинграде в 1972 году в ВАМИ прошёл концерт Высоцкого, на кото-

рый он привёл актёров театра В. Смехова, А. Васильева, В. Золотухина, Б. Хмельницкого и, кажется, И. Дыховичного. На этом концерте присутствовали Коля с Тоней. После концерта Коля попросил меня поговорить с Высоцким о возможности его выступления в ЛИЯФе. Володя на удивление быстро согласился.

Помню, что в день выступления у него было прекрасное настроение. В машине, по дороге в Гатчину, он много шутил, рассказывал анекдоты, спел мне песенку попугая Эда (как раз в то время он записывал на пластинку свои песни к музыкальной сказке «Алиса в Стране чудес»). Машину вёл Коля. Была с нами, если мне не изменяет память, и Наташа Смирнова.

Перед концертом для Володи была устроена экскурсия по институту, присоединились к нему и мы с Наташой. А потом все мы с удовольствием отобедали в институтской столовой. Концерт прошёл превосходно. Коля и Тоня Поповы давно живут в Германии.

Концерт в институте «Гипрошахт» состоялся два года спустя, через несколько дней после очередного выступления Высоцкого в ВАМИ. Забирал я его из квартиры Нины Ургант и Кирилла Ласкари. Жили они на улице Римского-Корсакова. Приехал я к ним заблаговременно. Уточнив время начала концерта, Володя обрадовался и сказал, что ему необходимо ещё полчаса побыть дома. Пока Нина знакомила меня со своей замечательной собакой, ньюфаундлендом, и угождала душистым чаем, Володя и Кира обсуждали какую-то новую Володину пьесу. В институт «Гипрошахт» нас привёз Кирилл, он же и отвёз Володю после концерта. Во время концерта Высоцкий был возбуждён и напряжён, но на качестве выступления это не отразилось. Успех был абсолютным.

Концерт для работников объединения «Ленкнига» был устроен по просьбе директора Дома книги Германа Брежинского (мы дружили семьями). Он предложил для Володиного выступления книжный магазин, расположенный

ный недалеко от станции метро «Парк Победы», поскольку там был большой актовый зал. На концерте присутствовало всё руководство «Ленкниги». Зал был переполнен. У некоторых были с собой кассетные магнитофоны.

Володя долго не отпускали, и ему пришлось расширить свою заранее запланированную программу. Я знаю, что на следующий день он побывал в Доме книги у Германа и увёз оттуда чемодан дефицитных книг. В каком году это было, мне уже не вспомнить. Возможно, что не раньше 1975-го. Но хорошо помню, что это было зимой<sup>1</sup>.

Пожалуй, самым нервным был для меня концерт Высоцкого в ДК им. Кирова. Первоначально концерт должен был состояться в Доме архитектора. Переговоры с дирекцией Дома вела по моей просьбе главный архитектор ВАМИ, член Союза архитекторов И.В. Ерофалова. Согласие на проведение концерта было получено, и мы приступили к изготовлению и распространению билетов. Но в день концерта Ерофаловой неожиданно позвонили из Дома архитектора и сообщили, что все договорённости отменяются. Очевидно, испугались ответственности и решили не рисковать. Ведь это было время, когда концертная деятельность Высоцкого в Ленинграде официально не поощрялась.

Пришлось срочно искать другое помещение. Нам удалось договориться с Малым залом ДК им. Кирова. Кого-то мы успели предупредить, для остальных пришлось организовывать подвозку (от Дома архитектора). В общем, концерт состоялся.

Но и здесь не обошлось без ложки дёгтя. О том, что во Дворец культуры приехал Высоцкий, очень быстро узнали сотрудники ДК. Многие из них пришли в зал. Увидеть и услышать живого Высоцкого — большая удача. Доложили о Высоцком и директору Дворца. Тот нашёл меня и потребовал немедленно прекратить концерт. К счастью, Володя уже завершал выступление. Я пере-

дал ему записку, что, мол, через несколько минут здесь должно начаться какое-то мероприятие. Он, конечно, всё понял и, исполнив ещё одну песню, попрощался с залом.

**М.Ц.** — А в каком году состоялось это выступление, если попробовать оттолкнуться от концерта в школе, о котором мы только что говорили?

**Э.К.** — Год я сейчас не вспомню. Но это было определённо позднее концерта в школе.

**М.Ц.** — Где именно в ВАМИ проходили концерты Высоцкого? Дело в том, что, по нашим данным, т.е. данным людей, очень долго занимавшихся высоцковедением, один из концертов (22 марта 1973 года) состоялся в кафе «Вамитяне». Правда ли это?

**Э.К.** — Выступления Высоцкого проходили, в основном, в актовом зале ВАМИ, под эгидой клуба «Вамитяне», созданного в институте в середине шестидесятых. Председателем совета клуба был ваш покорный слуга. Вначале это было молодёжное кафе «Вамитяне», в помещении институтской столовой, где состоялось много интересных вечеров-встреч. Один из концертов Высоцкого действительно прошёл в кафе «Вамитяне». В нём участвовала и артистка Ленконцерта Роза Савченко (она вместе с Высоцким заканчивала Школу-студию МХАТ). Клуб «Вамитяне» просуществовал более десяти лет. Гостями клуба были многие известные актёры, режиссёры, музыканты, поэты из Москвы и Ленинграда. Назову лишь несколько имён: А. Райкин, Ю. Никулин, Е. Леонов, А. Миронов, А. Фрейндлих, С. Юрский, Г. Хазанов, М. Жванецкий, А. Пугачёва. Но это уже другая история.

**М.Ц.** — Вы общались с Высоцким помимо концертов?

**Э.К.** — Конечно. Володя как-то был у меня дома. Я привёз его после одного из концертов. Собралась небольшая

компания: Высоцкий, мы с женой, Наташа Смирнова и Миша Кане, Герман Бржезинский с женой и ещё одна семейная пара, наши приятели. Мы провели вместе несколько часов за ужином и разговорами. Немножко выпили (все, кроме Высоцкого, — он пил только лимонад). Потом Володя звонил в Москву и разговаривал с Мариной Влади. В этот же вечер, прямо от нас, он уехал в Москву «Красной стрелой».

Побывал и я у него в гостях во время одной из своих командировок. Ещё в Ленинграде мы условились созвониться, когда я соберусь в Москву. Случай представился довольно быстро. В составе группы специалистов института ВАМИ я должен был участвовать в технических переговорах с одной японской фирмой в Москве. Накануне отъезда я позвонил Володе, и мы договорились о встрече.

Переговоры проходили в японском торговом представительстве. После их завершения представители фирмы вручили каждому из нас подарки, в том числе зажигалки на пьезоэлементах. Я уже знал, что Высоцкий коллекционирует зажигалки, и решил при встрече подарить её ему. Володя очень обрадовался, у него такой не было, показал мне свою коллекцию, которая оказалась не маленькой, и в ответ презентовал новенькое портмоне из крокодиловой кожи.

Был у него в это время какой-то его знакомый. Володя представил нас, но сейчас я уже не помню его имени. Я обратил внимание на шикарную стерео-магнитофонную установку. Володя сказал, что это подарок Марины и что на этой установке он записывает все свои песни. Пару песен Володя записал в нашем присутствии. Перед этим он заглянул в солидный по объёму самиздатовский сборник своих песен и стихов и что-то в нём отметил. Не исключаю, что именно те две песни, которые через несколько минут начали свою новую жизнь на магнитофонной ленте.

Потом мы сидели на кухне, пили чай с тортом и неспешно беседовали на разные темы, включая искусство и политику. Кстати, он предложил нам что-нибудь выпить (холодильник был забит крепкими напитками), но... без него. Мы, естественно, отказались.

Пробыл я у него часа два. Ему нужно было куда-то ехать. Он подвёз меня к метро и, прощаясь, пригласил на завтра в театр, на «Гамлета». Я уже видел этот спектакль во время гастролей театра в Ленинграде, но не мог отказать себе в удовольствии посмотреть его ещё раз, тем более — по личному приглашению исполнителя главной роли.

На следующий день мы встретились у служебного входа, Володя выписал для меня пропуск и провёл в свою гримёрную, которую он делил с Борисом Хмельницким. Я разделся у него и спустился в зал.

После спектакля, поблагодарив Володю, я уехал в превосходном настроении на Ленинградский вокзал. Вот такая у меня была замечательная командировка.

Были мы вместе с Володей и в гостях у Николая и Антонины Поповых, в доме на Новосибирской улице, возможно, уже после его выступления в ЛИЯФе.

Приглашённых было много, кто-то пришёл с кассетным магнитофоном, хотя Высоцкий и предупредил нас, чтобы никаких записей не делали.

Он много пел. Был чудесный летний вечер. Духота в квартире заставила открыть окна. Многие прохожие на улице останавливались под окнами, недоумевая: неужели — живой Высоцкий или это, всё-таки, магнитофонная запись? Было и застолье, но почему-то об этом моя память молчит. Зато хорошо помню, что была там Наташа Смирнова. Она принесла с собой несколько Володиных фотографий. Одну из них он надписал мне: «Эдик! Ты хороший человек со знаком +». В тот год он снимался у И. Хейфица, на «Ленфильме», в картине «Плохой хороший человек». Ну вот, пожалуй, и всё.

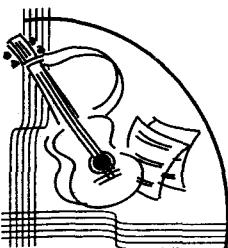
У меня было много фотографий Высоцкого, сделанных в разные годы. Большую часть их, вместе с другими материалами, я передал музею Высоцкого в Москве по их просьбе. Какие-то оставил себе.

Завершая нашу беседу, я хочу сказать, что много-летнее знакомство с Владимиром Высоцким было для меня подарком Судьбы и одним из самых ярких эпизодов в моей жизни.

6.11.2005 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> Позднее в беседе с Э. Крейнином мы выяснили, что речь идёт о выступлении Высоцкого в расположеннном на Новизмайловском проспекте клубе-магазине «Эврика», которое состоялось в феврале 1973 г.

**КРЕЙНИН, Эдуард Леонидович.** Родился в 1938 г. в Ленинграде. Окончил Горный институт. Сорок лет проработал во Всесоюзном алюминиево-магниевом институте (ВАМИ), из них двадцать пять — главным инженером проекта. В 2001 г. переехал в Израиль.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Лев Борисович КРУГЛЫЙ**

Вероятно, первый раз мы встретились с Высоцким в Ленинграде в 1961 году. Это было на съёмках фильма режиссёра Г. Никулина «713-й просит посадку». Обычно на съёмку вызываются два-три актёра; тут же, поскольку действие происходит в кабине самолёта, и поэтому могут быть видны в кадре многие персонажи, вызывались почти все участники картины. Обычно актёры сидели в «курилке» (комнате отдыха при павильоне) и занимались бесконечными разговорами, рассказыванием историй, розыгрышами друг друга и т.п.

Мне, молодому актёру (в то время мой стаж был лет пять-шесть), всё это было чрезвычайно интересно. Особенно запомнились мне актёры Копелян из театра Товстоногова и Чесноков из Александрийки. Высоцкий же был мне абсолютно неинтересен. К тому же он всё время был занят молодой и красивой Людмилой Абрамовой, потом ставшей его женой.

Вероятно, второй раз мы встретились на репетициях пьесы Чапека «Белая болезнь». Молодые Евгений Радомысленский (сын тогдашнего ректора Школы-студии МХАТа) и Геннадий Ялович затеяли спектакль, в основном, со студентами и молодыми актёрами этой школы. Меня же они знали по московскому театру «Современник», в котором я тогда уже не служил. (Я ученик Веры Николаевны Пашенной, грандиозной актрисы московского Малого театра.)

Репетиции шли поздними вечерами и ночами в клубе на улице Лубянка. Вы пишете, что это был клуб МВД, боюсь, что это был клуб КГБ (или как это тогда называлось?)<sup>1</sup>. Вообще, тут для меня многое неясного. Вероятно, Радомысленский-отец (ректор) имел возможность доступа и в такие клубы. Добавлю сюда, хотя это и не имеет отношения к Высоцкому, что есть очень многое неясного в роли этого ректора (и не его одного) в деле открытия театра «Современник». Вот бы кто занялся этой историей! Многое бы открылось в деле служения советской «творческой интеллигенции» коммунистам.

Но вернёмся к Высоцкому... Дело это никак не оплачивалось, было абсолютно добровольное. Высоцкий же позволял себе приходить на репетиции «не в форме». Я считал и считаю, что в добровольной совместной работе такое недопустимо, о чём и заявил. Боюсь, что моя позиция не способствовала нашему с ним сближению. Спектакль прошёл, кажется, два или три раза и канул в Лету.

Потом мы встретились на съёмках фильма «Четвёртый» (сценарий К. Симонова, режиссёр А. Столпер), потом ещё где-то, но всё это были встречи по делу. Я видел спектакли с его участием, слушал его пение. Должен сказать, что его актёрство не идёт для меня ни в какое сравнение с его пением. Если бы он не получил дара барда, то, вероятно, как о театральном (а уж тем более — о киношном) актёре о нём вспоминали бы где-нибудь в разряде сносок. Но это моё мнение.

Мне была любопытна случайная встреча с Высоцким осенью 1979 года, которая оказалась последней. Дело в том, что я ждал разрешения на выезд, и об этом, конечно, было хорошо известно в театральном мире («широко известно в узких кругах»). Многие «прогрессивные», то есть большие критиканы Советской власти, но при этом ей верно служившие и получавшие за это хлеб с маслом и даже с икрой, не могли понять в своём кон-

формизме, как это актёр моего уровня и положения может всё бросить и бежать в никуда.

И вот в Театре на Малой Бронной в Москве (это был мой последний театр в Совдепии) после вечернего спектакля была встреча с Михаилом Жванецким, и потом все ещё долго не расходились. Очень хорошо помню в тот вечер Высоцкого, он был очень дорого и изящно одет. На меня он смотрел с неким удивлением и вопросом. Этот взгляд я тогда не раз на себе ловил (не одного Высоцкого): кто он, псих? Или у него там, на Западе, дядя миллионер? Теперь я думаю, что Высоцкий в то время взвешивал: удрать и потерять всё, что он имел в Совдепии, или остаться и ничего не потерять. (Впрочем, всё это во многом мои догадки.)

Вот таковы мои «не встречи» с Высоцким. Думаю, что изнутри этот человек лучше всего показан в книге его администратора и, кажется, двоюродного брата Леонибова.<sup>2</sup>

С ноября 1979 года я живу во Франции. Узнав о смерти Высоцкого, я написал некролог, опубликованный в парижской «Русской мысли».

Я думаю, что такие явления, как Высоцкий (а как бард он, безусловно, явление) теперь, спустя много лет, требуют тщательного исследования. Наивно полагать, что всё это (возникновение и жизнь театра «Современник», Высоцкий и т.п.) не контролировалось (вернее, не направлялось) коммунистами. Случайно ли, что вторая жена Высоцкого М. Влади тесно была связана с коммунистами?<sup>3</sup> Не стоит ли проанализировать характер «гонений» на Высоцкого и судьбу, например, Галича, — «социально-близкого» («меня к себе зовут большие люди») и порвавшего с ними всерьёз? Много тут любопытных вопросов.

Я думаю, что то, что в своё время отрабатывалось на Маяковском («на» нём и «с» ним), потом много раз исполь-

зовалось в практике блядей (прошу прощения) разного калибра...

Как видите, я человек пристрастный, прошу простить.

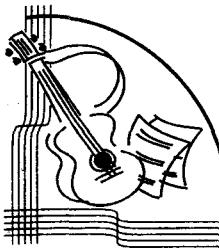
*Письмо Льва Круглого  
Марку Цыбульскому (США),  
июнь 1997 г.  
(Copyright © 2005)*

<sup>1</sup> Московский молодёжный экспериментальный театр, ставивший пьесу «Белая болезнь», в которой были заняты В. Высоцкий и Л. Круглый, репетировал в клубе МВД.

<sup>2</sup> П. Леонидов, автор книги «Владимир Высоцкий и другие», не был ни двоюродным братом Высоцкого, ни его администратором.

<sup>3</sup> Вряд ли стоит уточнять, что М. Влади была третьей женой Высоцкого.

**КРУГЛЫЙ, Лев Борисович.** Актёр. Родился 24 февраля 1931 г. в Москве. В 1953 г. окончил Театральное училище им. М. Щепкина. Служил актёром Хабаровского краевого театра драмы, затем — московских театров: «Современник», имени Ленинского комсомола, Театра на Малой Бронной. Снялся более чем в 20 кинолентах, в их числе — «713-й просит посадку», «Живые и мёртвые», «Четвёртый», «Иван да Марья» и др. В ноябре 1979 г. эмигрировал во Францию. Живёт и работает в Париже.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Юрий Алексеевич КУКИН**

**М.Ц.** — Вы знаете, складывается интересная ситуация: о Высоцком оставили воспоминания кто угодно, но только не «коллеги по цеху», поэты с гитарой. Давайте восполним этот пробел.

**Ю.К.** — Давайте. Ответов у меня навалом.

**М.Ц.** — Ну тогда начнём с начала. Как и когда состоялось Ваше знакомство с Высоцким?

**Ю.К.** — В 1966 году был огромный концерт в Политехническом музее. Его вёл композитор Аркадий Островский. Там было море народа, это был и последний открытый концерт бардовской песни в Политехническом музее. Вот там мы и познакомились.

Я зашёл за кулисы, там стоял Володя. Как выяснилось, он знал мою песню «За туманом». Нас представили друг другу, и он сказал: «Я очень тороплюсь, Юра, ты меня извини, надо бежать».

Он выступал первым, спел несколько песен. Точно помню, что он пел «Песню про конькобежца», потом песню с припевом «На первый-второй рассчитайся!», что-то ещё. Я послушал его, и мы расстались. Вот это была первая встреча с Высоцким.

Он меня с симпатией воспринял. Может, потому, что я внешне был похож на него. В общем, что-то во мне было ему приятно.

Мы с ним встречались очень редко, несколько раз выступали вместе, но каждый раз он передавал мне

приветы. Собственно, мы встречались только у него на спектаклях или на концертах в Ленинграде.

**М.Ц.** — Вы выступали вместе в «Востоке»?

**Ю.К.** — Нет, мы в каком-то НИИ выступали вместе. А в «Востоке» я с ним в кафе сидел. Высоцкий там пел, потом я тоже спел несколько песен. Там, я помню, он рассказывал про то, как купил гитару князя Гагарина. Он там какую-то тётку год обхаживал, в конце концов, она продала.

Потом ещё была встреча под Ленинградом, там, у озера Лампушка, организовали выступление на лоне природы. Четыре института заказали концерт. Он мне сам позвонил, пригласил выступить. Мы вместе приехали и вместе уехали. А больше совместных выступлений у нас не было.

Самое моё приятное воспоминание, связанное с Высоцким, вот какое. Володя узнал, что я живу в коммуналке. Он как-то позвонил, меня дома не было, трубку взяла моя жена. «Юра дома?» — «Нет, его нету». — «Жалко, хотел пригласить его...»

Потом мы уже узнали, что он хотел меня пригласить на обкомовский вечер, чтоб я там выступил. Там он хотел замолвить за меня слово перед Романовым, партийным «хозяином» Ленинграда, чтобы я получил квартиру. Вскоре после смерти Высоцкого была по Би-Би-Си беседа с Мишой Шемякиным. Он рассказывал, что Володя, предчувствуя свою кончину, сидя у Шемякина, говорил: «Я, наверное, скоро помру и не смогу своему другу в Ленинграде помочь с квартирой». Это обо мне было.

У нас не было таких уж крепких связей. Я никогда не видел Высоцкого со стаканом в руке, я с ним не пил ни разу. Мне даже в связи с этим сказали: «Ты Высоцкого не знаешь». Значит, не знаю. Когда я его видел, он был трезв, как стеклышико.

Мы показывали друг другу новые песни. Однажды он мне посоветовал: «Сходи на спектакль «Берегите ваши лица», его скоро снимут». И точно, его моментально сняли. И вот мы стоим с Высоцким, он достаёт из заднего кармана пачку стихов и говорит: «Вот плоды моих ночных бдений. За год я написал всего одну хорошую песню — «Баньку».

А когда начал писать песню «На судне бунт...», то советовался со мной. Но самую приятную для меня фразу я услышал позднее. Он сказал: «Юра, я тоже написал сказки!». До сих пор, как маслом по душе.

**М.Ц.** — У Вас есть песня «Романс о трёх рублях» («Сегодня обнаружил ровно в восемь, что потерял единственный трояк...»). У Высоцкого в «Песне авторозавистника» есть фраза: «Визг тормозов мне как романс о трёх рублях». Это используется название Вашей песни?

**Ю.К.** — Не думаю. Эта песня написана до знакомства с Высоцким, так что, теоретически рассуждая, он мог знать эту песню, но практически — вряд ли, потому что ему негде было её услышать. Я её придумал в 1963 году и спел только раз, в одной компании, а потом уже никогда не пел, а вспомнил про неё спустя сорок лет. Эта песня была спета очень далеко от Москвы, в экспедиции, она осталась только в моей памяти.

А вот был другой «Романс о трёх рублях». Это Иванченко и Васильев пели о том, как они нашли три рубля. Там фраза такая есть: «Кому-то счас плохо, а нам хорошо!». Вот эту песню Высоцкий мог слышать.

**М.Ц.** — Хорошо известно, что Вы пели песни разных авторов, в том числе и Высоцкого. А не знаете, он Ваши песни пел?

**Ю.К.** — Пел, но только в компаниях. «За туманом» пел, «Город», «Гостиницу». Но со сцены он их не исполнял.

**М.Ц.** — Насколько я помню, у Вас есть песня памяти Высоцкого.

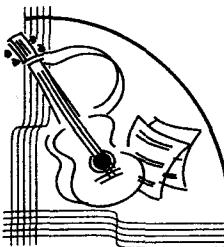
**Ю.К.** — Нет у меня такой песни. Просто так вышло, что в ночь смерти Высоцкого мне приснилась песня, и я её записал. Я не думал о Высоцком, когда написал это, но так попало, так совпало всё...

12.11.1997 г. и 23.10.2005 г.  
(Copyright © 2006)

**КУКИН, Юрий Алексеевич.** Автор-исполнитель. Родился 17 июля 1932 г. в пос. Сясьстрой Волховского района Ленинградской области, до 1973 г. жил в Петергофе. С 1973 г. живёт в Ленинграде (Санкт-Петербурге). В 1954 г. окончил с отличием Ленинградский государственный институт физической культуры (ГДОИФК) им. П.Ф. Лесгафта, работал тренером по фигурному катанию в детских спортивных школах Петродворца, Ломоносова, Ленинграда; инструктором физкультуры в ЦКБ «Меридиан». С 1971 года работал в Ленинградской областной филармонии, с 1979 г. — в Ленконцерте, с 1988 г. — в Ленинградском театре-студии «Бенефис».

Песни начал писать в 1946 г., сначала для джаза, где играл на барабане, потом — для институтских капустников. В 1963 г. стали появляться песни, написанные в геологических экспедициях в Горную Шорию, на Памир, на Камчатку, Дальний Восток. Был лауреатом 1-го Ленинградского городского конкурса авторов и исполнителей самодеятельной песни (1965), конкурса туристской песни II Всесоюзного похода молодёжи в Москве (1966 и 1967, 1-е место), II Ленинградского городского конкурса авторов и исполнителей самодеятельной песни в Ленинграде (1967, 1-е место).

С 1988 г. выходят диски-гиганты, компакт-диски, видеокассеты, книги песен. Помимо многочисленных выступлений в разных городах России и бывших союзных республик гастролировал в США, Канаде, Германии, Чехословакии, Израиле и Франции.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Леонид Георгиевич КУКСО**

**М.Ц.** — На Вашей гитаре играл Владимир Высоцкий...

**Л.К.** — Было такое... А откуда Вы это знаете?

**М.Ц.** — Я знаю это из Вашего же интервью. Написано там буквально следующее:

«Сидим у меня с Олегом Стриженовым накануне праздника, вдруг звонок в дверь. Пришёл сосед: «Леня, одолжи гитару. Пришёл ко мне Высоцкий, а гитары нет». — «Дам за автограф». Высоцкий говорит: «Леонид Георгиевич, это я у Вас должен автограф просить, а не Вы у меня»<sup>1</sup>.

Как биографа Высоцкого меня интересуют детали. Где и когда это было?

**Л.К.** — Это было в тот год, когда вышел фильм «Неподсуден». Зная год выхода фильма, можно определить, когда это было<sup>2</sup>. Я тогда жил там же, где и до сих пор живу — Пресненский вал, дом 28. Я на восьмом этаже живу, а они «гутели» на девятом, у Алика Григоровича. Он был кинорежиссёром, сейчас где-то за границей живёт. Кажется, в Париже.

**М.Ц.** — Так что же вы с Высоцким написали друг другу?

**Л.К.** — Да ничего! Просто провели вместе время, выпили да и разошлись. У меня сохранились обломки той гитары, на которой Володя играл, я их друзьям потом раздавал, как святые мощи.

**М.Ц.** — После этого Вы часто виделись с Высоцким?

**Л.К.** — Не так часто, но бывало. От тех времён у меня осталась чудесная фотография, сделанная Мурашко, прекрасным фотохудожником. Марина прилетела в Москву, и мы все вместе поехали на машине с черёмухой её встречать. Володя говорит: «Ребята, давайте поедем. Несудно — она привыкла к шухеру, а тут никто не встречает». И вот мы изображали публику. Эту фотографию я потом отдал на Би-Би-Си Севе Новгородцеву, там, на обороте, стоит штамп Мурашко. Надо бы теперь получить хоть копию.

**М.Ц.** — Я, кажется, знаю, о какой фотографии идёт речь. Там Высоцкий с усами?

**Л.К.** — Да, с усами, в свитерочке. И там ещё крыша от машины видна.

**М.Ц.** — Ну да, точно, она! А какой это год? Мне думается, что это май 1969 года.

**Л.К.** — Да, это те годы, тогда Марина взад-вперёд каталась, из Парижа в Москву и обратно.

**М.Ц.** — Скажите, пожалуйста, «А на углу горит мигалочка» — это Ваша песня?

**Л.К.** — «В парк пойдём с тобой мы, Галочка...» Да, моя.

**М.Ц.** — Вы знаете, эту песню когда-то приписывали Высоцкому. Частенько так бывало с песнями других авторов, которые он исполнял. Вы не знаете, пел ли Высоцкий эту или какие-то другие Ваши песни?

**Л.К.** — Пел ли, не знаю, но могу сказать Вам вот что. Я когда-то жил в Волховом переулке, там был первый кооперативный дом ВТО. На седьмом этаже жил такой актёр Сеня Соколовский. Он был одним из первых, кто обзавёлся приличным магнитофоном. Мы к нему захватывали, пили, пели, и так далее. Я у Семёна тоже запи-

сался, у него навалом этих катушек было. Володе понравились две моих песни — «А на углу горит мигалочка» и «Ветер».

Когда мы собирались собраться у Семёна или в ресторане ВТО, то Володя, если твёрдо обещал прийти, о своём согласии заявлял рефреном из моей песни, которую в кинофильме «Неподсуден» пел Олег Стриженов. Она тогда в ходу была...

**М.Ц.** — Да, я помню её: «Жить без друзей на земле невозможно, это я точно тебе говорю».

**Л.К.** — Правильно, верно. Вот он и говорил: «Это я точно тебе говорю». Кстати, Стриженов всё говорил Володе: «Ну что ты хрюпишь, как Армстронг? Ты что, не можешь нормально спеть?» Брал гитару и пел какую-нибудь Володину песню. Скажем, «В тот вечер я не пил, не пел...» Совершенно иначе у него получалось.

**М.Ц.** — Какие ещё встречи с Высоцким Вам запомнились?

**Л.К.** — Помню, был такой вечер в Союзе композиторов. Спорту он, что ли, был посвящён? Я пел свои пародии на всяких популярных и непопулярных актёров, в том числе, на Володю. Он потом мне сказал: «Я такие вещи никому не прощал, но тебе прощаю».

**М.Ц.** — А текст не припомните?

**Л.К.** — Могу попробовать вспомнить...

Я синтетический артист,  
А сборной нужен футболист,  
И я подумал: «Какого чёрта!  
Раз мы с футболом «на нуле»,  
Нам нужен собственный Пеле»,  
И «заязал» я с этим делом ради спорта.  
.....

*В трусые зубами вцепился кто-то,  
А я: «Да здравствует футбол!»  
И забиваю классный гол,  
Одно обидно, понимаешь, — в свои ворота.  
У нас спортсменам нет числа,  
И говорю я не со зла —  
Бледнеют в мире все стадионы,  
Когда б игра, к примеру, шла,  
В «очко», а может, и в «козла»,  
То точно были бы мы чемпионы!*

**М.Ц.** — Вы никогда не встречались с Высоцким в компании с Юрием Никулиным?

**Л.К.** — Нет, не доводилось. Я про Юру написал целую книгу, называется «Неизвестный Никулин», мы начинали с ним вместе в студии у Карапандаша. Не помню, есть ли там эпизод, о котором я Вам сейчас расскажу.

Однажды звонит мне Юра, говорит: «Ты знаешь, мы вчера отыграли представление, вдруг звонок. Высоцкий меня к телефону зовёт». Я говорю: «А ты с ним что, общалась?» — «Да нет, — говорит, — так — привет-привет, никакого особого знакомства. А тут приглашает он нас с Таней поужинать. Марина Влади приехала в Москву».

Короче, Володя с Мариной выдали им свою программу. Они мечтали вдвоём сделать программу — чтобы одно отделение выступала Марина, а потом они вместе. Фурцеву упрашивали, чтобы разрешила им выступить в Лужниках. Ну, конечно, ничего из этого не вышло, но они сделали программу. Заказали какому-то композитору и сделали на отделение Марине всякие песенки — жанровые такие, бытовые. И вот показали они эту программу всему московскому актёрскому бомонду. А после этого был ужин.

Я Юру спрашиваю: «А что за песни-то она пела?». Он говорит: «Да ты знаешь, какая-то ерунда мещанская. Вот что-то вроде: я просыпаюсь утром, вижу твои домаш-

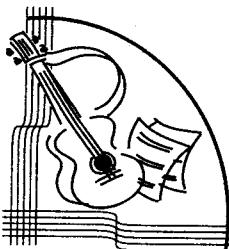
ние туфли, а тебя нет». Я ему: «Так это ж ерунда!». Он отвечает: «Ну да, ещё какая». Я говорю: «А что вы сказали?» — «А мы с Татьяной сказали, что всё хорошо». Я удивился: «Ну как же так? Ведь плохо, а вы сказали, что хорошо». — «Да нет, очень хорошо накормили».

14 и 20.02.2007 г.  
(Copyright © 2007)

<sup>1</sup> Цит. по газ. «Тверская, 13», Москва, № 40, 1.04.2004 г., стр. 8.

<sup>2</sup> Премьерный показ художественного фильма «Неподсуден» состоялся 20 февраля 1970 г., см.: <http://subscribe.ru/archive/day.this/200502/19131443.html>

**КУКСО, Леонид Георгиевич.** Поэт-песенник, сценарист, писатель, в прошлом — артист цирка. Родился 15 августа 1927 г. в Москве. В 1946 г. поступил в цирковую студию Карапандаша, где познакомился и на всю жизнь подружился с Юрием Никулиным. Вместе с Никулиным придумал сценку «Наболевший вопрос», ставшую современной классикой (эту клоунаду исполняли Ю. Никулин с М. Шайдиным в Москве, а Л. Куксо с К. Берманом — в Ленинграде). Впоследствии работал как артист разговорного жанра в аттракционе Валентина Филатова. В это же время начал творчески сотрудничать с Леонидом Утёсовым, вынашивал замыслы первой своей оперетты. В соавторстве с Б. Брянским написал куплеты «Крутится-вертится» для Олега Попова. К этому времени был скорее литератором, чем цирковым артистом, работал в жанре музыкальной комедии и цирковой репризы. Два года руководил эстрадно-цирковой студией в школе-интернате при Центральном институте травматологии и ортопедии. Автор пяти музыкальных комедий, значительного количества песен, сборника лирических стихов «Созвездие», репертуарных сборников для клоунов («Цирк! Только цирк!», «Весь вечер на манеже»), книги «Неизвестный Никулин», где рассказывает не только о Никулине, но и о цирковой жизни, атмосфере шапито, об артистах и зрителях. Заслуженный деятель искусств.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Александр Ефимович ЛАЦИННИК

**М.Ц.** — Среди всех, близко знавших Владимира Высоцкого, у Вас своеобразный рекорд — Вы встречались с ним в четырёх странах мира. А когда вы познакомились?

**А.Л.** — Мы познакомились году, примерно, в 1970-м. Я учился тогда в аспирантуре Московского института строительной физики и уже тогда любил Володины песни. Когда меня выбрали в профком института ответственным за культурно-просветительную работу, я решил пригласить Высоцкого выступить у нас. Мой знакомый, администратор Театра имени Моссовета, помог мне связаться с администратором «Таганки», а тот уже свёл меня с Высоцким. Тот выступить согласился, но за выступление попросил 150 рублей.

Я заехал за Володей в театр, привёз его к нам в институт, и он с большим успехом там выступил. После концерта мы пошли ко мне в лабораторию, а по дороге встретили мою жену. Володя очень заинтересовался и спросил:

— Ты меня с этой девочкой не познакомишь?

Такая смешная ситуация была.

Я отдал Высоцкому 150 рублей, собранные от продажи билетов, а на следующий день вызывает меня директор и говорит:

— Александр Ефимович, Ваше мероприятие товарищи из райкома не одобрили.

А.Е. ЛАЦИННИК **О Владимире Высоцком вспоминает** || 211

Выдал мне весь обычный тогдашний бред: малоудожественно, политически неграмотно и так далее. Но этим ещё не кончилось. Через день явился ко мне финансовый инспектор с вопросом:

— Вы продавали билеты на концерт Высоцкого. Где эти деньги? Вы их отдали ему?

Я говорю:

— Ничего подобного. Все деньги, полученные за билеты, находятся в профкомовской кассе.

— И Вы можете их показать?

— Разумеется, — говорю, и достал свои деньги. Дело в том, что Высоцкого уже тогда обвиняли в организации «левых» концертов. Я это знал и постарался немножко ему помочь. Вот так мы познакомились.

**М.Ц.** — После этого вы часто виделись?

**А.Л.** — Мы встречались в разных компаниях. У меня было много приятелей на «Мосфильме», актёров я знал... Так что виделись мы частенько до 1975 года, когда я уехал из Союза. После этого мы встретились уже в 1978 году.

**М.Ц.** — В Германии?

**А.Л.** — Да. Там он мне, кстати, рассказал, что его снова пригласили в наш институт и сказали про меня, что я живу в Израиле и очень там мучаюсь. (Я в Израиле никогда не жил и никогда не мучился.) Володя им ответил на это:

— Что-то Вы, боюсь, не то говорите. Насколько мне известно, Алик живёт в Канаде и всё у него прекрасно.

В тот раз (это было в октябре 1976 года) мы встречали Володю во Франкфурте вместе с нашим общим приятелем Романом Фрумсоном. Оттуда мы поехали в Кёльн, а из Кёльна Володя на поезде поехал в Париж к Шемякину. Он и меня уговаривал ехать с ним, но у меня были тогда другие дела.

**М.Ц.** — У Высоцкого были выступления в Германии?

**А.Л.** — Бывали. Он ведь приезжал в Германию много раз, и ему помогали организовывать выступления. Эти концерты официально не объявлялись, просто устраивалось что-то вроде посиделок. Собирались обычно человек пятьдесят—шестьдесят. Деньги, однако, приглашённые платили, так что Володя мог немного заработать.

**М.Ц.** — После октября 1978 года вы встретились с Высоцким в Нью-Йорке?

**А.Л.** — Да, это было в январе 1979 года. Высоцкий прилетел в Нью-Йорк с женой, остановились они в «Хилтоне», кажется, на четырнадцатом этаже. Провели они там дня три-четыре, не больше. В Нью-Йорке было два концерта, я был на одном, в Бруклине.

Дня полтора мы провели вместе, ходили в радиомагазин покупать подарок для сына Марини. Оба, и Марина, и Володя, были в неважном настроении. Видимо, были какие-то проблемы. В тот же вечер мы ходили обедать в ресторан, а потом встретились на концерте.

Концерт прошёл с огромным успехом, были распроданы все билеты, хотя это очень большой зал. В основном, конечно, была русскоязычная публика, но были и американцы, поэтому с Высоцким был переводчик. Перед каждой песней он коротко объяснял содержание.

На других американских концертах Высоцкого я не был, но знаю, что гастроли были успешными. Насколько мне известно, он заработал тогда 32 тысячи долларов и все деньги отдал Марине.

**М.Ц.** — После Нью-Йорка были ещё встречи?

**А.Л.** — После этого мы увиделись в Торонто в апреле того же года. Я тогда жил в этом городе и предложил Володе организовать там концерт. Он идею принял с удовольствием и через некоторое время после американских гастролей нашёл время приехать в Канаду.

Мы организовали два выступления. Первое — для узкого круга — состоялось в бане. Это, собственно говоря, не совсем баня, а такой оздоровительный центр, очень популярный среди эмигрантов. Второе выступление было в гостинице «Инн он зе Парк». Там, кстати, Володя и жил.

Особого энтузиазма среди эмигрантов не было. Собралось человек шестьсот, не больше, были заняты первые тринадцать-четырнадцать рядов. Хотя мы обзванивали людей, приглашали всех, но многие говорили, что они из Союза уехали и им это уже неинтересно.

Мы с Романом Фрумсоном хотели как-то помочь Володе в смысле заработка. Я добавил своих полторы тысячи. Он никогда об этом не узнал. После концерта он заночевал у нас и наутро улетел в Москву.

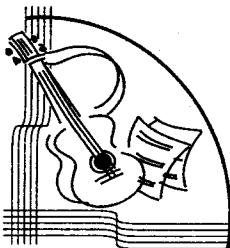
**М.Ц.** — Это была последняя встреча?

**А.Л.** — Да. После концерта в Торонто мы только однажды разговаривали с ним по телефону. Он летом 1979 года прилетал в Америку и позвонил мне. А я был занят, в Америку приехать повидаться не мог. Так мы больше и не встретились.

17.08.1995 г.  
(Copyright © 2006)

---

**ЛАЦНИК**, Александр Ефимович. Родился в 1941 г. После окончания школы поступил в Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева (МИСИ). По окончании института поступил в аспирантуру НИИ строительной физики, где затем работал. Кандидат технических наук. В 1975 г. эмигрировал в Канаду. С 1980 г. живёт в США, занимается бизнесом.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

Любомир ЛЕВЧЕВ

**М.Ц.** — О Вашей первой встрече с Высоцким Вы рассказывали неоднократно. А как проходила Ваша вторая встреча?

**Л.Л.** — Вторая встреча была примерно через неделю после первой. За это время он по моей просьбе сделал машинопись своих стихов. Сделал на ней посвящение и написал, что, может быть, когда-нибудь и книгу надпишет<sup>1</sup>.

Тогда же он сделал для меня запись своих песен на магнитофонной ленте. Он записал те же самые песни, что были отпечатаны на машинке. Он сказал, что это один его концерт. Я тогда подумал, что один концерт по объёму составляет один сборник стихов. Если вспомнить первые книги Ахматовой, Брюсова, Белого, то они такими и были — около двадцати пяти стихотворений в сборнике.

Володя мне тогда сказал, что он не умеет записывать стихи. Я потом ту машинопись издал фототипным способом<sup>2</sup>, и там видно, что действительно записаны они странно, но всё равно стихи мне очень понравились.

Володя мне сказал, что в Советском Союзе ходят на плёнках очень много фальшивок, сделанных «под него». Рассказал, что он работает над фонограммами с одним человеком, который разбирается в том, как надо записывать его песни<sup>3</sup>.

Я его фонограмму переписал на лучшую плёнку, тогда в моде была немецкая плёнка «БАСФ», сделал две копии. Одну из них сразу взял мой сын, стал слушать с друзьями, так она и пропала.

А вторую плёнку я сам отдал. Один человек, в то время занимавший высокий пост в правительстве, попал в больницу. Он позвонил мне и попросил дать ему на время ту запись Высоцкого. Отказать ему я не мог, да и не думал я, что с плёнкой может что-то случиться. Однако случилось — её просто украли. Так что, к моему огромному сожалению, той записи Высоцкого уже нет.

**М.Ц.** — Высоцкий Вам читал именно свои песни, не стихи?

**Л.Л.** — Да, это было на первой встрече нашей. Я ведь его не узнал, Вы читали, наверное, об этом. Он был без гитары, и он не пил, а в моём представлении он был хорошим выпивохой, а без гитары я не мог его себе представить, как кентавра без копыт.

Когда я Володе об этом сказал, он ответил, что уже испытывает ревность к своей гитаре. «Вы хотите встретиться со мной или с моей гитарой?». Я попросил его почитать свои стихи без музыки. Потом он спросил, понравилось ли мне. Я ответил, что стихи мне нравятся, но как профессиональному мне привычнее воспринимать стихи не со слуха, а читая их. Я попросил его показать стихи на бумаге, тогда я смогу дать более конкретную оценку. Он сказал: «Хорошо, я напечатаю их и дам Вам». Вот так появилась эта машинопись.

**М.Ц.** — Вы имели отношение к приглашению Театра на Таганке в Болгарию?

**Л.Л.** — Да, конечно. Я ведь работал заместителем министра культуры Болгарии, а министром была Людмила Живкова, дочь Тодора Живкова. Женщина она была умная и интересная. Один раз она мне сказала: «Ты знаешь, меня критикуют за то, что у нас мало приглашают работников искусств из Советского Союза. Подскажи, что сделать?». Я ответил, что хорошо бы пригласить к нам Театр на Таганке, но вряд ли получится, потому что их не выпускают на гастроли за рубеж.

Она обрадовалась: «Не беспокойся, я это устрою». И действительно, устроила. Другой человек не смог бы этого сделать. И вот после тех гастролей «Таганка» начала ездить по миру. Вскоре после нас они были в Венгрии, потом в Белграде, потом во Франции. Там, кстати, у театра особого успеха не было. Успех был у Высоцкого, но не у театра.

**М.Ц.** — Вы тогда были в Париже?

**Л.Л.** — Я был там чуть позднее, читал газеты. Некоторые газеты писали, что в том театре есть единственный огромный талант — это Высоцкий.

**М.Ц.** — Вы были на заключительном вечере в Софии после завершения гастролей «Таганки»? Я читал, что там присутствовал Тодор Живков и он просил Высоцкого спеть.

**Л.Л.** — Да, я там был. Это был приём в честь театра, и на нём действительно был Тодор Живков. Он очень редко бывал на подобных приёмах, и, по тогдашним представлениям, это был, что называется, венец успеха. Просил ли Живков петь Высоцкого, я не помню.

Перед приёмом мы с Володей были вместе. С некоторым неудобством я ему сказал, что надо бы переодеться. Володя был в джинсах, свитере и коричневой кожаной куртке. Он сказал: «Да-да, я сейчас переоденусь». Ушёл и вернулся в чёрной кожаной куртке. На этом его переодевание закончилось.

**М.Ц.** — Вы, наверное, часто бывали в Москве. Вы там с Высоцким встречались?

**Л.Л.** — Мы встречались, но редко. Во всяком случае, не так часто, как некоторые думают.

<sup>1</sup> «Дорогой Любомир! Это первая надпись на моих стихах (отпечатанных на машинке). Может быть, когда-то подпишу и книгу. С уважением и надеждой на дружбу. Высоцкий. г. Москва, июнь 1973 г.»

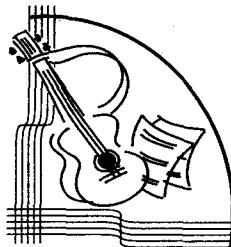
<sup>2</sup> Изд. «Орфей», София, 2000 г.

<sup>3</sup> Видимо, имеется в виду К. Мустафиди.

**ЛЕВЧЕВ, Любомир Спириданович.** Поэт, прозаик, классик современной болгарской литературы. Родился 24 апреля 1935 г. в городе Троян. В 1953 г. окончил гимназию, в 1957 г. — философско-исторический факультет Софийского университета. В 1961—1972 гг. работал редактором, главным редактором газеты «Литературен фронт». С 1975 по 1979 гг. был первым заместителем министра культуры Народной Республики Болгария, в 1979—1988 гг. — председателем Союза болгарских писателей. С 1991 г. — владелец и главный редактор издательского дома и международного журнала «Орфей».

Первая книга стихов вышла в 1957 г., с тех пор только поэтических книг издано более сорока в 36 странах мира. Большой известностью пользуются романы «Убий българи-на!» и «Ти си следващия» («Ты следующий»).

Действительный член Европейской академии искусства, науки и культуры (Париж, Франция). Удостоен многих международных наград, в том числе золотой медали Французской академии за поэзию и почетного звания Рыцаря поэзии (1985). В 2006 г. указом президента Болгарии награждён орденом «Стара Планина» 1-й степени «за исключительные заслуги перед Болгарией, за развитие и популяризацию болгарского искусства и культуры». Живёт и работает в Софии.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

### Василий Борисович ЛИВАНОВ

**М.Ц.** — Есть информация, что режиссёр Мотыль предлагал Высоцкому роль в фильме «Звезда пленительного счастья», в котором Вы играли Николая Первого, но потом это предложение отозвал.

**В.Л.** — Я об этом понятия не имею! Никогда не слышал.

**М.Ц.** — А то, что Высоцкий мог сыграть Д'Артаньяна в фильме Юнгвальд-Хилькевича, правда?

**В.Л.** — Тоже понятия об этом не имею. Творческий план у нас был с ним такой — написать сценарий по мотивам повести Скотта Фицджеральда «Великий Гетсби». Хотели всё это перенести в Россию, во времена нэпа. Сценарий мы хотели написать втроём и втроём же хотели там сыграть — Володя, Олег Даль и я. Володя должен был играть главную роль. Была такая задумка, но она не осуществилась в связи с кончиной Володи.

**М.Ц.** — Вы много лет были знакомы с Высоцким?

**В.Л.** — Достаточно долго. Сказать, что мы были близкие друзья, нельзя, но мы были в замечательных дружеских отношениях. Когда мы перезванивались, то было впечатление, что мы вчера виделись. Было у нас взаимное доверие, очень такие хорошие мужские отношения. Нас ещё связывал общий друг, Кирилл Ласкари. Кирилла я сто лет знаю! Сначала я с Володей познакомился сам, без Кирилы, а потом оказалось, что Кирила — друг Володи, и нас это ещё как-то сблизило.

В Ленинграде, где живёт Кирила, мы, правда, совпали всего два раза. Один раз, когда мы с Олегом Стриженовым там снимались, Володя пригласил нас на свой концерт. Мы долго искали зал этого института, опаздывали... Наконец, нашли этот зал, и когда мы вошли в эту аудиторию — помню, она была сделана амфитеатром, лекционная такая аудитория, — то Володя нас увидел и сказал: «Вот пришли мои любимые люди. Теперь я могу начинать концерт». То есть он не начинал концерт, ждал нас. Высоцкий выступал один, и это был очень большой концерт, он пел часа два с лишним. И его всё время просили петь ещё и ещё.

А второй раз было так. Я тогда в Театре имени Ленсовета ставил спектакль «Бременские музыканты» и собирался в Москву. Уезжал я из дома Фрейндлих<sup>1</sup> и Владимира<sup>2</sup>, я у них вечером был в гостях. Над спектаклем мы работали вместе с Кирой Ласкари. Он знал, где я находился, позвонил, и они заехали туда с Володей, потому что Володя собирался в Москву тем же поездом.

Мы с ним поехали на вокзал, быстро обменяли наши места и оказались в одном купе. Потом пошли курить в тамбур, и Володя очень горячо рассказывал мне, что он задумал написать книжку для детей. Он советовался со мной, потому что я уже имел опыт работы в детской литературе.

Мы много курили, Володя говорил очень эмоционально, я так же эмоционально отвечал, а потом мы увидели, что в тамбур высунулась растрёпанная блондиночка-проводница. Володя говорит: «Тебе чего надо?». А она: «Я в жизни двух таких голосов не слышала!».

**М.Ц.** — А я читал ещё об одной Вашей встрече с Высоцким в Ленинграде. Вы в ресторане отмечали Ваш День рождения.

**В.Л.** — А кто об этом писал?

**М.Ц.** — Игорь Петрухин, артист цирка. Он рассказывал, что Вы читали стихи, а сидевшим за соседним столом кавказцам это не понравилось. И Высоцкий только поднялся с места, как они тут же ретировались. Было такое?

**В.Л.** — Нет, не было. Хотя, если Петрухин писал... Ну, я не поручусь, может, у меня это просто из памяти выпало, но я такого эпизода просто не помню. С Петрухиным мы были хорошо знакомы, в Москве ходили вместе в секцию культивизма, которую организовал Юрий Власов<sup>3</sup>. И в Питере встречались, потому что он работал там в цирке, а Ласкари был главным балетмейстером цирка. Но я такого момента совершенно не помню. Может, Петрухин что-то путает... Если бы там был, я бы запомнил.

**М.Ц.** — Вы рассказали о том, как были на ленинградском концерте Высоцкого. А в Москве на его выступлениях Вы бывали?

**В.Л.** — Нет, в Москве не бывал. Я дома у него бывал, он нам пел. В узком кругу, как говорится. Помню, там я услышал «Охоту на волков». Это было просто замечательно!

**М.Ц.** — Вы знаете, что Высоцкий успел увидеть первые серии «Приключений Шерлока Холмса»?

**В.Л.** — Я знаю, да. Он мне говорил. Они с Олегом восхищались этой моей работой, считали её гениальной.

**М.Ц.** — А как Вы познакомились с Высоцким, помните?

**В.Л.** — Первый раз я его увидел, когда он, в общем-то, никому не был известен, он только начинал петь свои первые песни — «Когда с тобой мы встретились, черёмуха цвела». Вот такого плана блестные песни тогда у него были, в театральных кругах они понемногу становились известными.

И была тогда лекция об НЛО, проходила она в ЦДЛ. Выступал, если не ошибаюсь, Зайцев, учёный из Белоруссии. И ещё кто-то выступал... Такая группа учёных-энтузиастов, которые всерьёз занялись этой проблемой. У входа стояла огромная толпа народу — тогда тема эта была внове, — и группа молодых людей пробивалась к входу. И мне показали: «Вон — Высоцкий!».

Я увидел молодого человека, и меня поразил его невероятный такой румянец — от виска до подбородка. Потом мы встретились уже через несколько лет, и больше я такого румянца у него не замечал. А тогда первое впечатление — румяный молодой человек.

Потом мы встретились, он уже был актёром Театра на Таганке. У нас с ним было много общих друзей. И некая общность происхождения. Володя — с Большого Картного, а я — «центровой», с Тверской. Я немного постарше его. Так сказать, «московская шпана постарше», поэтому он смотрел на меня с пийетом, но ведь формировались мы на улицах одного района Москвы.

Общаться с ним было очень интересно. Володя был очень талантливым человеком, интересной личностью. Он был совершенно ни на кого не похож.

**М.Ц.** — Какое качество, по Вашему мнению, делало его столь уникальной личностью?

**В.Л.** — Он себя не щадил. К себе он относился абсолютно беспощадно во всех смыслах. Беспощадно тратил себя. Это касается не только творчества, но и просто его жизни. Меру своих сил он превышал постоянно. Вот это качество его отличало.

...Зная его жизнь, неожиданности в его уходе не было. Всё шло к тому. Но, тем не менее, это был удар для всех, кто его любил. А тяжелее всех, наверное, переживал Олег Даль.

Очень было страшно, когда мы сидели в квартире Володи в большой комнате, а он лежал в маленькой... И Даль

сказал: «Я — следующий. Я знаю, я чувствую. Я — следующий...»

19.06.2006 г.  
(Copyright © 2006)

<sup>1</sup> Фрейндлих, Алиса Бруновна, нар. арт. СССР (1934 г.р.).  
Актриса ленинградского Театра им. Ленсовета.

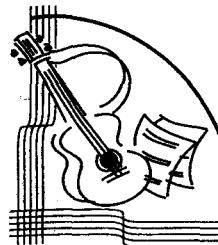
<sup>2</sup> Владимиров, Игорь Петрович (1919—1999), нар. арт. СССР.  
Актёр, режиссёр. В 1960—1996 гг. — главный режиссёр  
ленинградского Театра им. Ленсовета.

<sup>3</sup> Власов, Юрий Петрович (1935 г.р.), заслуженный мастер  
спорта. Четырёхкратный чемпион мира, шестикратный  
чемпион Европы, чемпион Олимпийских игр по тяжёлой  
атлетике.

**ЛИВАНОВ, Василий Борисович.** Актёр, режиссёр, сценарист. Родился 19 июля 1935 г. в Москве. Окончил Московскую среднюю художественную школу при Академии художеств (1954), Театральное училище имени Б.В. Щукина (1958), Высшие режиссёрские курсы (ВРК) при Госкино СССР (1966, мастерская М. Ромма). В 1958—1959 гг. — актёр Театра имени Евг. Вахтангова, в 1960—1964 гг. — Театралстудии киноактёра в Москве, в 1988—1992 гг. — руководитель московского экспериментального театра «Детектив».

В кино как актёр дебютировал в 1959 г. («Неотправленное письмо»), снялся более чем в 30 фильмах. Наибольшую популярность актёру принесла роль Шерлока Холмса (телецикл Игоря Масленникова, 1979—1986). Автор нескольких пьес и киносценариев. Озвучил ряд ролей в анимационном кино (Крокодил Гена, Карлсон, Удав и др.), автор документального фильма об отце «Борис Ливанов», книг «Невыдуманный Борис Пастернак» (М., «Дрофа», 2002), «Дед Мороз и лето. Сказки» (М., «Дрофа», 2001) и др.

Народный артист России (1988), член президиума Национальной академии кинематографических искусств и наук России. Работает на радио и телевидении, живёт в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Галина Владимировна ЛИСЮТИЧ

**М.Ц.** — Как Вы познакомились с Высоцким?

**Г.Л.** — Это очень странное знакомство было... Была у нас в «Востоке» такая Валентина Семёновна, не помню уже фамилию её... Она меня попросила: «Галя, встретить Высоцкого».

Высоцкий был ещё мало известен. Я слышала уже его записи, но в лицо не знала. В общем, я его не нашла, не встретила, пошла в зал. Гляжу: сидит молодой человек в очень красивой куртке вишнёвого цвета. Я спросила: «Слушайте, где Вы такую куртку купили?» — «Мне друг из-за границы привёз».

Мы с ним сидим, разговариваем, вдруг появляется со стороны сцены Валентина Семёновна. Я к ней подошла и говорю: «Я Высоцкого не встретила». А он мне: «А с кем ты разговариваешь?». Вот так мы с ним и познакомились.

**М.Ц.** — Насколько я знаю, Вы очень много снимали Высоцкого во время концертов в Ленинграде. У Вас сохранились эти фотографии?

**Г.Л.** — К сожалению, негативов фотографий Высоцкого у меня не осталось. Когда я уходила из «Востока» на «Ленфильм», то собрала все негативы, а их было очень много, и все оставила в клубе «Восток».

Я же там снимала все вечера. И помню один вечер Володи — там творилось что-то невероятное! Была конная

милиция, оцепили здание, перекрыли все входы-выходы...

А перед концертом мы ездили в Смольный за разрешением на проведение концерта. Не помню, к кому мы ходили, но ждали долго, наконец, нас приняли, и директору Дворца культуры пищевой промышленности, где проходило выступление, дали разрешение.

Директор (кажется, его фамилия была Ландау, он умер уже) попросил список того, что Высоцкий собирался петь. Мы ходили к нему и дали перепечатанные тексты всех песен. Только после этого состоялся концерт Высоцкого.

После концерта мы устроили внизу — не в кафе, а в каком-то помещении — небольшие посиделки. Высоцкий спросил: «Ребята, есть магнитофоны?». Мы говорим: «Нету». Он сказал: «Если увижу хоть один магнитофон, то петь не буду». Нас было человек двенадцать-тридцать.

У меня остался только один снимок Высоцкого, сделанный мной, и то он не с негатива, а мне его подарили. Там Володя снят со спины, а напротив него сидит Владимир Фрумкин, он сейчас в Америке живёт.

**М.Ц.** — У Вас, наверное, были и другие встречи с Высоцким?

**Г.Л.** — Я помню одну встречу. Была такая Галина Дроздецкая, с которой я дружила. Я была у неё в гостях, и приехал Володя.

**М.Ц.** — По какому адресу жила Галина Дроздецкая?

**Г.Л.** — Улица Чайковского, дом 20, квартиру уже не помню. У Володи очень болел желудок. Мы предложили вызвать врача, а он говорит: «Нет, я лучше спою». И он запел: «Парус, порвали парус...» Это было летом, окна были открыты. Там двор буквой «П», так что голос его был слышен повсюду из-за отражения звука.

**М.Ц.** — В каком году это было?

**Г.Л.** — Дроздецкая покончила с собой в июле 1969 года... Значит, это где-то год 1967–1968-й. Володя к ней очень хорошо относился, но никаких отношений у них не было, просто чисто по-человечески.

**М.Ц.** — Вы устраивали концерты Высоцкого в Ленинграде?

**Г.Л.** — Да, но немного. Концертов семь, кажется. Тут же отдавала ему деньги. Да какие там деньги! Собирали-то по пятьдесят копеек или по рублю, не помню уже.

**М.Ц.** — Места концертов не помните?

**Г.Л.** — Не помню. Единственно, я запомнила концерт на заводе «Электропульт», расположенном на Староневском, потому что я там работала.

Был объявлен концерт Высоцкого. Полный зал народу, а его нет и нет... Я пошла звонить по тому телефону, что он мне оставил, это был телефон кого-то из наших общих знакомых. Тот человек снял трубку и сказал, что Володя болен. Он дал ему какие-то таблетки, и Володя на концерт всё-таки приехал.

Когда я его увидела, с него пот лил градом. Он говорит: «Собери мне платки». Я пошла по залу, объяснила, что Высоцкий болен и просит платки. Мне накидали сотни платков! Потом я сидела в первом ряду и подавала ему платки один за другим, которые он потом сбрасывал в мешок.

После окончания концерта я пошла ловить для него такси к Дому культуры МВД (он с нашего концерта ехал на выступление в Дом культуры связи). Что меня поразило там: стоит очередь небольшая. Я говорю: «Ребята, нужно такси для Высоцкого». И все поддержали: «Берите без очереди». Сейчас бы мне никто не дал взять такси без очереди...

**М.Ц.** — А в каком году это было, не помните?

**Г.Л.** — Это был год 1967-й или 1968-й, не раньше, но и не позже. Я с 1969 года уже была на «Ленфильме», а в то время ещё работала на «Электропульте».

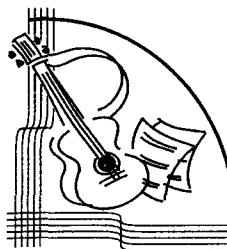
**М.Ц.** — Работая на «Ленфильме», Вы там не встречались с Высоцким?

**Г.Л.** — Встречались, он меня там с Мариной Влади познакомил. Потом он ко мне пришёл и попросил его сфотографировать. А ситуация была такая: он снимался в какой-то картине, там фотографом был Манукян, ныне покойный. А у нас не полагалось фотографу, не работающему на картине, снимать актёров. Я говорю: «Володя, я не могу. Если бы был другой фотограф, я бы договорилась, а с Манукяном я не могу».

Володя обиделся на меня страшно, кажется, даже ушёл, не сказав «до свидания». А я просто не могла, с этим фотографом ни у кого не было хороших отношений, он был своеобразный человек. Я не решилась, это был бы просто скандал. У нас были свои законы на студии, но Володя этого не понял.

28.01.2006 г.  
(Copyright © 2006)

**ЛИСЮТИЧ**, Галина Владимировна. Фотограф. Родилась в 1931 г. в Ленинграде, пережила блокаду. Училась в Институте киноинженеров, затем — в Политехническом институте. Окончила вечерние курсы фотокорреспондентов, затем — техникум, получила специальность техника-фотографа. Трудовой стаж — 54 года, из них 36 лет работала фотографом на «Ленфильме». В настоящее время на пенсии.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Леонид Давидович ЛУБЯНИЦКИЙ

**М.Ц.** — Скажите, пожалуйста, когда Вы познакомились с Высоцким?

**Л.Л.** — Познакомился я с Высоцким, если мне память не изменяет, не то в 1961, не то в 1962 году. Это было в Москве, в доме одного моего друга, который встречался с сестрой первой жены Володи, Изольды.

Собственно, мы знакомились два раза. Второй раз (или это было в первый? — уже не помню через столько лет) мы познакомились через близкого друга Володи, а моего приятеля Севу Абдулова.

**М.Ц.** — После этого вы часто встречались?

**Л.Л.** — Да, у нас сложились близкие отношения. Мы встречались, когда я приезжал из Ленинграда в Москву, но не только там. Однажды мы встретились в Киеве, он снимался там в какой-то картине. Я точно не помню, какой это был год, но примерно середина шестидесятых. Володя позвонил мне и пригласил в гости к Параджанову. Тот встретил нас в очень красивом халате, обвешанном какими-то бусами. Когда мы с Володей вошли, то попали в огромную пустую комнату, в которой стоял только один старинный стол, заваленный огромными антоновскими яблоками, издававшими совершенно потрясающий запах. Это запомнилось...

Я часто бывал в Москве, приходил в любимовский театр. Встречались мы и в различных компаниях. Я тогда увлекался собиранием песен бардов.

В 1972 году я уехал из России. В 1975-м я впервые выехал из Америки в Париж, там мы встретились с Володей и Мариной. В тот раз он мне рассказал, что в Китае объявлен персоной «нон-грата» за песни про Мао Цзэдуна и «культурную революцию».

**М.Ц.** — *А он не рассказал, откуда об этом узнал? И, кстати, интересно, откуда об этих песнях узнало китайское руководство?..*

**Л.Л.** — Нет, он не сказал, откуда эта информация, но, вроде бы, в Китае об этом было официально объявлено. А откуда узнали... В 60-е годы в Москве было очень много китайских студентов, которые, естественно, знали русский язык. Я думаю, эти песни через них пришли в Китай. Но это только моё предположение.

**М.Ц.** — *В одном из интервью Вы сказали, что в тот год вместе с Высоцким были в гостях у А. Синявского.*

**Л.Л.** — Да, правильно. Это была моя первая поездка за границу из Америки. Меня поразила тогда разница в ритмах жизни. Мы же здесь живём в бешеном темпе, а во Франции россияне живут иначе. Их ритм приближается к российскому, поэтому там можно, что называется, заглянуть на огонёк без каких-то долгих приготовлений. Высоцкий с Синявским очень дружески общались.

**М.Ц.** — *В дальнейшем Вы с Высоцким встречались уже в Америке?*

**Л.Л.** — Потом, на следующий год, он приехал сюда, в Нью-Йорк, приехал каким-то хитрым путём — из Канады, не имея советского разрешения, рванул сюда. Я очень много снимал Высоцкого и здесь, и там, но в студии он мне позировал только два раза, кажется, оба раза в тот приезд. Я-то всегда хотел его на это дело подуть, но он всё говорил: «Давай не сейчас, в другой раз». А в тот раз был один свободный вечер, и я сделал его портрет с гитарой: Володя подбородком на неё опирается.

**М.Ц.** — Да, это очень известная фотография, она неоднократно была репродуцирована в различных изданиях.

**Л.Л.** — Верно, а впервые она была опубликована в журнале «Америка» в 1980 году. Потом, когда Володя умер, я напечатал плакат, потому что все мои друзья начали просить фотографии. Было отпечатано две тысячи экземпляров, которые я мог дарить. Плакат попал в Россию, там какие-то шустрые люди его перепечатали. Потом мне в руки попала книга о Высоцком, изданная «Физкультурой и спортом»<sup>1</sup>, и там на обложке была эта фотография. Причём она была подрезана и срезана моя фамилия, бывшая на плакате. Все мои друзья говорили: «Ты должен судить их, тираж книги — 250 тысяч!», но я не хочу с этим связываться.

А второй раз он привёл ко мне в студию двоих своих друзей. Это были его друзья по Москве, которых я не знал, — Бабек Серуш и Джордж Диматос. Я сделал тогда несколько снимков Высоцкого с ними, но никогда их не печатал.

**М.Ц.** — *А негативы сохранились?*

**Л.Л.** — Где-то должны быть, но я сейчас не помню. Когда Володя приезжал сюда, он останавливался у Миши Барышникова, это наш общий друг. Последний раз мы все встретились в 1979 году, когда Володя приехал в Америку с концертами. Мы с ним пошли в мастерскую к Эрнесту Неизвестному, и там Володе стало плохо.

**М.Ц.** — *А что случилось?*

**Л.Л.** — Понимаете, он голодал, держал фигуру. Я сразу позвонил моему другу, врачу, который тоже очень хорошо знал Володю. Тот бросил службу, сразу приехал, сделал какой-то укол. Короче, привели его в порядок, он потом отлёживался.

**М.Ц.** — Кстати, Вы не знаете, проходил ли Высоцкий в Нью-Йорке медицинское обследование?

**Л.Л.** — Я ничего об этом не знаю. Думаю, что кто-то из знакомых врачей его посмотрел, но относительно полного обследования сомневаюсь.

**М.Ц.** — Теперь позвольте спросить Вас о двух Ваших фотографиях, напечатанных в книгах о Высоцком. Одна из них опубликована в сборнике «Живая жизнь» (Москва, 1988 г.). На ней бородатый Высоцкий снят вместе с Мариной Влади. Составитель считает, что снимок сделан в США, но я в этом сомневаюсь.

**Л.Л.** — Да, Вы правы. Снимок сделан во Франции в 1975 году. Это был прекрасный вечер. Мы — Миша Барышников и я — были у Марины и Володи на даче. Володя пел целую ночь, до трёх или четырёх часов, я это всё записал. К сожалению, ничего не сохранилось: несколько лет тому назад у меня сгорела студия, а там были все мои архивы, в том числе и эти плёнки.

**М.Ц.** — Ещё одна Ваша фотография была в книге П. Леонидова (Нью-Йорк, 1983 г.). На ней сняты Барышников, Высоцкий и Марина Влади. У неё на груди — табличка: «Опасно для жизни».

**Л.Л.** — Это снято дома у Барышникова, здесь, в Нью-Йорке, в 1976 году.

**М.Ц.** — А фото Высоцкого с Бродским когда сделано?

**Л.Л.** — Тогда же. Между ними интервал — один день.

**М.Ц.** — Вы были знакомы с Галичем?

**Л.Л.** — Да, я его знал очень хорошо.

**М.Ц.** — Вы не знаете, встречался ли Галич с Высоцким?

**Л.Л.** — Да, они были знакомы, встречались в Москве.

**М.Ц.** — А какое было отношение у Галича к Высоцкому?

**Л.Л.** — Галич был один из самых порядочных людей, с которыми я когда-либо встречался. Он ни о ком не говорил плохо, а Володе всегда симпатизировал.

**М.Ц.** — Вы очень много лет знали Высоцкого. Чем он запомнился Вам как личность?

**Л.Л.** — Он был очень сложный человек, очень «закрученный». С одной стороны, ему очень хотелось казаться «своим парнем». Знакомых у него была тьма-тьмущая, и ему хотелось поддерживать этот имидж. На самом же деле он был очень не простой. Он любил компании, но знал, кто он такой. У него были покровители, он этого и не скрывал. У него было двоякое положение: официальные власти его терпеть не могли, а кое-кто из всемогущих людей ему симпатизировал.

**М.Ц.** — Чурбанов, например, Галина Брежнева.

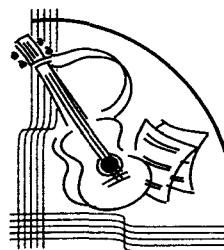
**Л.Л.** — Даже Андропов, они были знакомы. Андропов был в достаточной степени интеллигентный человек, чтобы понимать, кто такой Высоцкий и что это за явление. Высоцкий ведь сделал такое, можно сказать, социологическое исследование всех аспектов тогдашней российской жизни, какое вряд ли сделал кто-нибудь ещё. Я иногда его слушаю и как-то ретроспективно немножко по-другому воспринимаю. Думаю: «Какой молодец! Как он замечательно всё это уцепил».

17.07.1995 г., 29.06. и 11.07.2005 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> «Четыре четверти пути», 1988 г.

**ЛУБЯНИЦКИЙ**, Леонид Давидович. Родился 19 апреля 1938 г. Профессионально занимается фотографией 50 лет. Первые уроки мастерства получил от отца, известного ленинградского фотографа, преподавателя Института повышения квалификации работников искусства. После окончания школы служил в армии, где занимался аэрофотосъёмкой. Был начальником аэрофотослужбы полка. После демобилизации работал оператором на Ленинградской студии телевидения. В течение десяти лет писал сценарии и снимал сюжеты для регулярной передачи «ХОЛСТ» (художественное обозрение ленинградской студии телевидения).

В 1972 г. эмигрировал в США. Поселившись в Нью-Йорке, устроился работать ассистентом всемирно известного мастера фотографии Ричарда Аведона. Через год, уйдя от Аведона, открыл свою художественную студию. Работы Л. Лубяницкого опубликованы в 22 крупнейших американских журналах, в числе которых «Look», «Life», «Time», «People», «Horizon» и др., выставлялись на многих персональных выставках.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Владимир Павлович МАЛЬЦЕВ

**М.Ц.** — Вы общались с Владимиром Высоцким долгие годы...

**В.М.** — Да, бывало. Гульки всякие... Но это так, это не очень интересно. А вот подружились мы более-менее уже на «Вертикали», в Одессе. Потом было ещё две картины, в которых он у нас снимался, — «Белый взрыв» и «Опасные гастроли». А позднее были и «Внимание, цуunami!», и «Контрабанда», и «Место встречи...».

Общались мы, конечно, не только на студии и не только в Одессе. Встречались и в домашней обстановке, и в Москве, в свободное время.

**М.Ц.** — В перечисленных картинах Вы работали?

**В.М.** — Да, работал в разных должностях. Был администратором, заместителем директора фильма, ассистентом режиссёра. Так, знаете ли, рос постепенно.

**М.Ц.** — Вопрос по «Вертикали». Основной блок снимался в Кабардино-Балкарии, это хорошо известно. А запомнились ли выезды в другие места?

**В.М.** — Да, помню, конечно. Были мы в Сванетии, в селенье Казбеги, там, где Военно-Грузинская дорога. Но это всё рядом, на Кавказе. А павильонные съёмки были в Одессе. Даже съёмки в сванском доме — это всё в павильонах. А потом досъёмки делали на Ай-Петри. Там мы где-то с недельку были.

**М.Ц.** — Насколько я знаю, Вы должны были работать с Высоцким на фильме «Зелёный фургон».

**В.М.** — Да, я был утверждён Гостелерадио на этот фильм директором. Он уже написал туда одиннадцать песен, подготовка шла полным ходом, и в сентябре мы должны были запускаться.

Володя очень интересовался тем временем. Это было в Одессе, когда зарождались эти песни — городской полублатной фольклор. «Цыплёнок жареный», «Мурка» — это же всё из того времени. Время было лихое. Ещё не было мощной Советской власти, и Одесса была, так сказать, на свободе. И вот Володя хотел это время снять. Не получилось...

**М.Ц.** — Вы сказали, что Высоцкий к этому фильму написал одиннадцать песен. Специалистам известно только три, которые, возможно, предполагалось использовать в этом фильме. Вы сами слышали одиннадцать песен или это Высоцкий сказал?

**В.М.** — Я ему предложил сам одесские песни того времени, очень лихие. Он послушал и сказал, что песни эти работают хорошо и прямо в начале фильма будет звучать песня «Ужасно шумно в доме Шнеерзона...», это такая известная песня. А то, что он написал, я не слышал. Он говорил, что были некие намётки. Да нам и не нужно было тогда это слушать. Мы же думали, что впереди много времени, запишем всё, как надо!

Он говорил так: у него есть песни написанные, которые слышат все; есть песни, которые слышат только выбранные, которым он доверяет; есть песни, которые записаны и «притырены», спрятаны; а есть песни, которые хранятся только у него в голове. Поэтому что он написал к «Зелёному фургону», я не знаю. Он говорил, какие там наброски были, но разве сейчас вспомнишь!

**М.Ц.** — Высоцкий должен был снимать картину один или ему собирались дать профессионального режиссёра в помощники?

**В.М.** — Один, именно один. Ему не нужен был никто. Вторым режиссёром должна была быть та же Надя Попова, что работала на «Месте встречи...» Потом она уехала в Америку, и её там убили в Нью-Йорке. Непонятная какая-то история.

А помогать Высоцкому было не нужно. Когда снимали «Место встречи...», то Говорухин уехал на Берлинский кинофестиваль недели на три, и снимал Высоцкий. Он снимал так, что все просто обалдили — лихо, чётко, быстро — он знал, что делает.

Говорухин любит походить, подумать, покурить, поговорить... А Высоцкий снимал так чётко, что все увидели, что он — профессионал.

**М.Ц.** — В фильм «Внимание, цунами!» Высоцкий изначально не планировался? Насколько я знаю, он туда только песни писал.

**В.М.** — Он планировался. То есть, ну как... Они очень дружили с Юрий Хилькевичем, и тот очень хотел его снять, но не удалось. Его даже из титров фильма как автора песни хотели вырезать.

Там было так: ещё и проб не было, Юра только предложил, так ему сразу сказали: «Закроем картину, если там будет Высоцкий». А с картиной получилась такая история... Сдача картины должна была быть 31 декабря. Её начинал снимать Старков, автор сценария. И он её снимал. Три месяца проснимал, не снял ни одного кадра. Вот так вот... Он сценарист хороший, а режиссёром быть не мог.

Оставалось до сдачи три месяца, до Нового года, до сдачи картины, нужно было выручать. А Хил (Юнгвальд-Хилькевич. — М.Ц.) был на высоте тогда. Он только что снял «Опасные гастроли». Эту картину хоть пресса и ругала, но ажиотаж был просто невиданный, поэтому Хилу

предложили спасать картину. Причём предложила не только студия, но и Госкино Украины, и Госкино СССР. Получалось так, что если этой картины не будет, то её нечем заменить было.

Туда были брошены все силы. Хил только заикнулся о Высоцком — куда там! Сказали: «Надо сдать картину, чтобы мы все получили премии». Поэтому идею участия в фильме Высоцкого зарубили просто на корню. Но песню Высоцкого использовать разрешили.

Пригласили посниматься любимую Высоцкого — Таню Иваненко. Так что она снималась, а он приезжал.

**М.Ц.** — А как автор песни Высоцкий в титрах указан?

**В.М.** — Не помню уже. Знаю, что даже песню Высоцкого включить было очень тяжело. Вот точно помню, что в «Опасных гастролях» вырезано было из титров, что Высоцкий был автор песен, а про эту картину не помню.

**М.Ц.** — А ведь «Опасные гастроли» делали невероятные сборы!

**В.М.** — Потрясающие! Я помню, после премьеры этот фильм показывали в Киеве. Были живы ещё старые большевики, так они там на подоконниках сидели! Но в прессе, в «Правде», появилась разгромная статья. Дескать, что это такое — полуголые девочки революцию делают! Революцию делали суровые комиссары в кожанках. Раз «Правда» сказала, то газеты всего Союза быстренько откликнулись, начали эту картину поругивать.

**М.Ц.** — Но на прокате-то это не отразилось.

**В.М.** — Да нет, конечно! Те, кто писал, сами это понимали и сами с удовольствием смотрели. Помню, ещё картины в прокате не было, но её уже показывали всем. Приезжали какие-то именитые люди. Даже члены ЦК смотрели «Опасные гастроли», открыв рот.

**М.Ц.** — Существует много фонограмм, сделанных в разные годы на Одесской студии. Кто делал записи, и где сейчас находятся оригиналы?

**В.М.** — Эти записи делали люди, которых уже нет. Столько людей приезжали к нам за этими записями... Однажды к нам даже приехала дочка Брежнева, это в 70-е годы было. Она ехала в Кишинёв и специально приехала в Одессу, пришла на студию с охраной. Сказала: «Высоцкий написал несколько новых песен. Я слышала, что у вас есть записи. Я бы хотела их получить».

Ну тут забегали все! В звукоцехе быстренько ей всё записали, и она уехала.

Очень часто Высоцкого записывал Лёня Гузинский и Коля Нетребенко, звукооператоры. У них всё это было, естественно, на бобинах. А потом, когда их не стало, кинулись к родственникам, да никто не знает, где это всё.

**М.Ц.** — Ну копии-то существуют.

**В.М.** — Ну да, конечно. Они же давали переписывать. Вот говорят, что у Косыгина были почти все записи Высоцкого. Галина Брежнева собирала, да и сам Брежnev с удовольствием слушал.

Когда Высоцкий начал выезжать за границу, его потом приглашали на Лубянку, включали магнитофон, и он рассказывал, с кем он там встречался.

Я его спрашивал: «Ты всё рассказывал?». Он сказал: «Процентов девяносто, потому что они всё равно знают».

Потом, когда официальная часть кончалась, они говорили: «Ну, старичок, теперь бери гитару». Коньячок на стол, конечно... Там и генералы, и полковники с удовольствием его слушали.

**М.Ц.** — Это он Вам сам говорил?

**В.М.** — Да-да! Это я лично от него слышал, поэтому это всё — правда.

**М.Ц.** — О концертах Высоцкого в Одессе Вам что-нибудь известно?

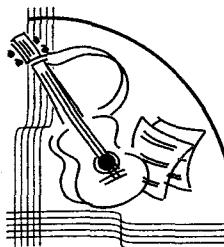
**В.М.** — Конечно, знаю. Например, концерт в порт-клубе. Несколько раз я помогал — и присутствовал, кстати, — на концертах в Технологическом институте имени Ломоносова. Сейчас это Пищевая академия, она находится на Канатной улице, первая станция Большого Фонтана. Эти концерты были, так сказать, не сильно официальные. Набивалось народу, естественно, много. Ещё был концерт в клубе Трамвайно-троллейбусного управления, около вокзала, это в 1970 году было.

Мы общались очень много, и я рассказываю Вам только то, чему я сам был свидетелем.

22.05.2005 г.  
(Copyright © 2006)

---

**МАЛЬЦЕВ, Владимир Павлович.** Родился в 1939 г. Более 35 лет работает на Одесской киностудии. Участвовал в создании многих фильмов в качестве администратора, ассистента режиссёра, директора картины.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Давид Перецович МАРКИШ

**М.Ц.** — Скажите, пожалуйста, когда Вы познакомились с Высоцким?

**Д.М.** — Впервые я увидел Высоцкого на Большом Каретном у Кочаряна, в той самой знаменитой квартире. Володя тогда ещё учился в Школе-студии МХАТ на четвёртом курсе. На этой квартире мы весело проводили время. Я там бывал не один раз и никогда не видел там девушек. Там были одни мужчины, и мы там пьяниствовали. Меня в эту компанию привёл ныне покойный Артур Макаров.

И вот однажды утром вдруг раздаётся звонок в дверь. Все спали, а я проснулся и пошёл открывать. Смотрю, стоит какой-то парнишка довольно непрезентабельного вида. Мрачный такой, но не агрессивный. Я в дверях стою, дальше его не пропускаю. Он мне говорит: «Дай пройти-то!». Я оборачиваюсь, кричу: «Ребята, кто-то пришёл». Кто-то выглянул и говорит: «Да это же Шванц!». Такая у Володи была кличка тогда в этой компании. Понемецки это «хвост». Вот так мы и познакомились.

После этого мы с ним два-три года дружили довольно тесно, до тех пор, пока я не заболел и не уехал из Москвы. А в то первое утро на Каретном я даже не знал, что он поёт и пишет песни.

Потом Володя закончил студию и поступил работать в Театр имени Пушкина, а я учился в Литературном институте имени Горького. Институт и театр стояли почти стена к стене. Я часто заходил к нему в театр. Там у него

отношения с начальством и актёрами были довольно напрянутые.

**М.Ц.** — *А почему?*

**Д.М.** — Володя бывал резким с людьми. Однажды, помню, я зашёл в гримуборную. У него своей гримуборной не было, он делил её с кем-то. Дело было в антракте, он полёживал на кушетке, и тут пришёл помощник режиссёра: «Володя, твой выход! Кончай валяться!». И тут Володя на моих глазах запустил в него лампой.

Не то чтобы его не любили в театре — его любили. Он был человеком молодым, компанейским, но мог быть очень резким. А Равенских, естественно, не нравилось, что он выпивал, причём, иногда и во время спектаклей. Володя из театра не сам ушёл, его уволили.

**М.Ц.** — Я знаю, что Высоцкий пел две песни на Ваши тексты.

**Д.М.** — Да, «Мечется стрелка спидометра...» и «Мир такой кромешный...» Эти тексты есть в интернете, но там много неточностей. Да и сам Володя пел не совсем так, как я написал.

«Мир такой кромешный...» Володя попросил у меня, это уже было написано раньше. А второй текст он попросил меня написать для него. Он пел её, в основном, на таких полуподпольных встречах. Он пел в разных общественных домах, заштатных клубах, где бывали офицеры. Он мне рассказывал, что пел эту песню, в основном, там.

**М.Ц.** — *А какого рода была просьба Высоцкого? Он хотел песню с каким-то определённым сюжетом?*

**Д.М.** — Нет, он просто попросил: «Напиши для меня что-нибудь». Я написал то, что мне казалось подходящим для его исполнительских возможностей. Это было написано в самом начале 1960-х годов.

**М.Ц.** — Сохранились две фонограммы исполнения Высоцким «Мечется стрелка спидометра...» Считается, что это записи 1962 года. Это возможно?

**Д.М.** — Думаю, что да, хотя не исключено, что это и более ранние записи.

**М.Ц.** — Вы общались с Высоцким, когда он только начинал писать. До сих пор ходят споры, какую песню он написал первой. Каково Ваше мнение?

**Д.М.** — Я его как-то спросил об этом. Он сказал, что первой его песней была «Что же ты, зараза...»

**М.Ц.** — Что ещё запомнилось Вам из общения с Высоцким?

**Д.М.** — Я учил его ездить на лошади. Ему предстояло сниматься в каком-то фильме, где он должен был скакать на коне. Он мне позвонил, и мы договорились встретиться на ипподроме. Было, помню, письмо с «Мосфильмом», нам дали лошадей, и мы там ездили. Но я ездил по горски, по-памирски, а он должен был играть жокея, это совсем разные вещи.

Тогда он первый раз сел в седло. Володя был очень спортивный парень. Тот, кто дал нам лошадей, сказал: «Смотри, какой парень! Первый раз сел на лошадь — и так здорово получается!».

Потом мы возвращались с ипподрома пешком, и на углу Беговой и Ленинградского проспекта — там стоит дом с какими-то кружевными бетонными украшениями — Володя вдруг говорит: «Видишь этот дом? Тут моя жена живёт с детьми». Я и не знал, что он женат. А ведь мы были не просто знакомы, а дружны. Он у меня бывал очень часто и пел у меня дома, и я никогда не слышал, что он женат.

И ещё такая история была. Володя знал, что я проявляю интерес к израильским делам. И он меня спросил: «Что там происходит в Израиле?». Я ему на это резко

сказал: «Володя, какое твоё дело? Тебе-то что до этого?» И тут он мне говорит: «Как — какое? Я еврей». Я глаза на лоб выкатил. Нас в том узком кругу, где мы все врашивались, никого не интересовало, кто какой национальности, но я был уверен, что он чисто русский человек.

Володя говорит: «Есть Высотские — через «тс» — это поляки, а Высоцкие с буквой «ц» — евреи». Это было для меня полным откровением.

Я рассказал ему то, что знал о положении в Израиле, больше мы к этой теме не возвращались, но свой интерес к теме он мотивировал тем, что он еврей.

**М.Ц.** — Кого из друзей Высоцкого по Большому Картному Вы знали?

**Д.М.** — Я знал Толю Утевского, это был самый близкий его товарищ. Артур Макаров тоже с ним дружил. Но надо знать характер Артура и характер Володи, это были совсем другие отношения. А вот с Толей у них были очень тесные, очень близкие отношения.

**М.Ц.** — Вы общались с Высоцким вплоть до Вашего отъезда в Израиль?

**Д.М.** — В 1964 году я уехал из Москвы в санаторий. В ссылке у меня развился туберкулоз, который потом открылся вновь. Я этого не знал, это выяснилось случайно, и меня отправили в санаторий. Когда я вернулся, то встретил Володю. И сказал ему тогда: «Неужели ты не мог хотя бы поинтересоваться, как я? Может, я окончил там». А он мне: «Да мы все знаем, как ты туда попал. Ты с женой развестись хотел».

В общем, по его версии выходило, что я попал в туберкулезнй санаторий, чтобы избавиться от жены. Я был настолько потрясён и рассержен, что сказал: «Знаешь, Володя, я тебя больше знать не хочу».

После этого мы несколько раз встречались в разных местах, но очень холодно. Перед тем как уехать, я при-

шёл в театр на Таганку и встретил там Артура Макарова. Он предложил: «Идём к Володе, попрощаешься». Я говорю: «Нет, я не пойду». — «Да ты с ума сошёл! Как же так?!». — «Нет, я не пойду, не хочу».

Понимаете, не то меня обидело, что он ко мне не приехал в Тиберду. Ко мне никто не приезжал, это был санаторий в горах, далеко. Но он мне ни строчки не написал, а я в том кругу дружил с двумя ребятами — с ним и с Артуром Макаровым, но с Володей больше, чем с Артуром, Володя был мне гораздо ближе.

**М.Ц.** — Когда Вы уехали из Союза?

**Д.М.** — В ноябре 1972 года, а до этого два года был «в отказе» и не общался уже ни с кем, кроме «отказников». Таким образом, с Высоцким мы, что называется, пересекались в разных компаниях до 1971 года, но никогда у нас уже не возникало дружеских отношений.

**М.Ц.** — Как Вы, поэт и писатель, видите место Высоцкого в русской литературе?

**Д.М.** — Я думаю, что русскую литературу двадцатого века можно разделить на несколько пластов. В бардовской литературе было пять-шесть лидеров. Я считаю, что среди них Володя — самая крупная фигура. И не только по резонансу, хотя у него и резонанс сильней, чем у других — даже сильней, чем у Булата. Булат Окуджава — более камерный, а Володя Высоцкий был всеобъемлющим человеком.

Он не был честолюбцем, но он, полагаю, радостно осознавал своё место в культуре. Если вспомнить пастернаковское «Быть знаменитым некрасиво», то Володя Высоцкий воспринимал свою знаменитость с какой-то долей самоиронии. Полагаю, что его место — главенствующее среди тех, кто занимался бардовской поэзией.

**М.Ц.** — То есть Вы видите его именно во главе бардовской литературы? Тут два подхода существуют.

Согласно одному из них, русскоязычную поэзию второй половины прошлого века делят на бардовскую и традиционную. Другой подход не разделяет поэзию по признаку наличия или отсутствия гитары...

**Д.М.** — Я понимаю, о чём Вы говорите. У нашего поколения — я считаюсь самым молодым из шестидесятников — было довольно чёткое разграничение между поэтами поющими и не поющими. Разграничение довольно жёсткое, хотя, скажем, тот же Булат Окуджава был ближе к литературе, чем, например, Игорь Шаферан или Михаил Пляцковский. Это мы все прекрасно знали, но всё же такой рубеж — рубежок — был.

Мы считали — и считаем до сих пор, — что тексты поющих поэтов, если убрать музыку, отличались — и при этом неважно, в лучшую или худшую сторону — от какого-то поэтического эталона. Я думаю, что это спрашивчиво. Высоцкий — целен. Здесь важны не только тексты, но и его собственное исполнение. Так же, как, я считаю, стихи Беллы Ахмадулиной выигрывают, когда она сама их читает. Её манера чтения привносит музыкальность.

Явление «Высоцкий» состоит из трёх компонентов: текст, музыка, манера исполнения. Это монолитное явление. Если убрать один из компонентов, то явление будет неполным.

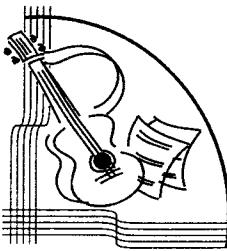
31.07.2005 г.  
(Copyright © 2005)

откуда ушёл в 1956 г. — после посмертной реабилитации отца появилась возможность заняться журналистикой, работал в отделе репортажа газеты «Московский комсомолец». Учился в Литературном институте им. Горького, на Высших курсах сценаристов и режиссёров кино. Занимался поэтическими переводами (первые две книги переводов вышли в Тбилиси в 1958 г.), напечатал несколько своих стихов в журналах «Знамя» и «Юность», выпустил книгу прозы «Пятеро у самого неба» (1962).

В начале 1971 г. подал документы на репатриацию, 6 ноября 1972 г. эмигрировал в Израиль. Участвовал в арабоизраильской войне 1973 г., был советником премьер-министра Израиля И. Рабина по связям с русскоязычной общиной, работал главным редактором израильской газеты «24». Был председателем Союза русскоязычных писателей Израиля (1982—1985). Президент Ассоциации творческой интелигенции Израиля (с 2000-го). Автор двух десятков книг; 8 из них вышли в переводе на иврит, 9 — на другие языки (в США, Англии, Германии, Франции, Швейцарии, Швеции и Бразилии). Лауреат израильских и зарубежных литературных премий. Живёт и работает в Ор-Иегуде, под Тель-Авивом.

---

**МАРКИШ, Давид Перецович.** Писатель. Родился 24 сентября 1938 г. в Москве в семье Переца Маркиша — еврейского поэта, члена советского антифашистского комитета, расстрелянного в 1952 г. До реабилитации отца жил вместе со всей семьёй в ссылке, в Казахстане. В 1954 г. вернулся в Москву, после школы поступил в медицинский институт,



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

Александр Петрович МЕЖИРОВ

**М.Ц.** — Александр Петрович, из литературы я знаю, что Вы были хорошо знакомы с Владимиром Высоцким. Мне хотелось бы расспросить Вас об этом знакомстве поподробнее.

**А.М.** — О Высоцком очень трудно говорить. Он был очень не похож на тот образ, который создал в своих песнях. Он был совершенно другой человек. Я думаю, самое главное, что в нём было, — это ум. Он был дьявольски умён, пронзительно. Он был странным образом не по-современному воспитан. Он был светский человек, настоящий светский человек, когда светскость не видна, а растворена в нём. Общение с ним, когда он был не болен, было радостью любому человеку. Тогда он был поразительно тактичен, необыкновенно...

Он, конечно, был мученик. Иногда он звонил довольно поздно, позже, чем обычно, абсолютно не больной, но, видимо, ощущающий, что на него находит эта болезнь. И начинал петь по телефону, и чувствовалось, что ему не важно, кто его слушает, а важно попробовать в муках преодолеть наступающую болезнь.

Одновременно он был наивен, как ребёнок. Однажды Высоцкий у Слуцкого организовал встречу, очень нелёгкую. Были Слуцкий, Самойлов и я. Он хотел, чтобы мы ему сказали, может ли он уйти из театра и существовать (не материально, а духовно, умственно) как поэт. Это было так трогательно и наивно, потому что он это

А.П. МЕЖИРОВ **О Владимире Высоцком вспоминает** || 247

знал вовсе не хуже, чем любой из нас, но он считал, что он этого не знает. Он не притворялся, он считал, что это какое-то разграничение жанров и искусств — он поёт, а мы не поём.

Слуцкий был большой поэт и одновременно странный человек — у него была нравоучительная интонация. Я помню, Слуцкий Высоцкому что-то сказал, очень дружески и с большим уважением, но нравоучительное, и я понял, что этот монолог надо как-то прервать. Ведь создавалась комическая ситуация — на каком основании поэт учит поэта? Но Высоцкий с непосредственностью ребёнка и простодушием — при его очень сильном уме — добивался ответа на столь наивный вопрос. Но кто мог ответить ему, кроме природы и Бога?

Эта встреча продолжалась невероятно, нечеловечески долго. Он пел восемь часов! Как он не умер, я не понимаю. Причём он пел не только свои тексты, я думаю, что, может быть, никто, кроме нас, этого на слышал. Вот, например, у Мартынова есть такое стихотворение: «Ты жива, ты жива, не сожгли тебя пламя и лава...» У Высоцкого, когда он это пел, получались какие-то колокола! Когда умер Мартынов, я вспомнил, как он это пел, и мне показалось, что эти колокола отпевают Мартынова с каких-то звонниц неведомых.

Потом он пел песню Вертиńskiego, которой в новых записях нет, я не спросил, откуда он её знал: «Я помню этот час, Вы плакали, малютка...» Он её спел совершенно волшебно, совершенно независимо от Вертиńskiego, потому что он был дьявольски умён и понимал, что подражать Вертиńskому невозможно. Эта песня, казалось бы, совершенно вне его жанра, но он её спел совершенно божественно.

**М.Ц.** — Мне кажется, именно об этой встрече писал Д. Самойлов? Потом вы отобрали несколько текстов Высоцкого, и Б. Слуцкий носил их в издательство...

**А.М.** — Я читал это. Это было не так, это беллетристика. Не носил Слуцкий стихов Высоцкого в издательство, тот и не просил об этом. Ему нужен был ответ на мучивший его вопрос, просто ответ... У него ведь был огромный дар, Божий дар. При всей адской, разрушительной силе болезни у него был огромный запас совершенно нереализованных возможностей.

**М.Ц.** — Какие качества личности Высоцкого Вы могли бы отметить?

**А.М.** — Он был человек необыкновенного ума, редчайшего обаяния и огромного такта. Он очень взвешенно говорил всегда, никакого легкомыслия. Если он что-то высказывал, чувствовалось, что это не с кондакча, что он об этом думал, и думал много и мучительно.

**М.Ц.** — Позвольте теперь задать Вам профессиональный вопрос. Какие недостатки Вы видите у Высоцкого-поэта?

**А.М.** — Я у него никогда не любил риторические куски, это ему никогда не удавалось, тут он сразу терял высоту. Он не был ритором, он мог сформулировать какие-то вещи, но не способом риторики. Он не был Виктором Гюго или Барбье, ему была необходима какая-то конкретика.

Я убеждён, что всё-таки его надо осторожнее отбирать для публикации, он неровный поэт. Ну что это означает: «И с тягой ладится в печи, и с поддувалом»? Человек, который хоть раз в жизни топил печку, понимает, что так сказать нельзя — и с тягой, и с поддувалом.

Высоцкий не реализовался. Он много накричал того, чего кричать было не нужно абсолютно. Когда он овладел техникой, то долго упивался ей, а это очень опасный период для поэта — техника применительно к поэзии сама себя ставит в кавычки.

**М.Ц.** — Вы когда-нибудь слышали Высоцкого на его концертах?

**А.М.** — Нет, на выступлениях его я никогда не был. Только однажды я слышал, как он пел на публике. Это было в Театре на Таганке, была какая-то репетиция, и он пел, я помню, «Из бомбардировщика бомба несёт смерть аэродрому...»

**М.Ц.** — Вам доводилось встречаться с ним за границей?

**А.М.** — Мы, я помню, однажды встретились в Париже и весь день бродили по городу. Потом он повёл меня к нему домой. Я чувствовал, что ему плохо, что он пытается не сорваться. Когда мы вошли в дом, я увидел какие-то эспандеры, гири, гантеля. И всё это — в сочетании с ощущением, что болезнь подстерегает его, подтаскивает, как капли яда.

**М.Ц.** — А какие ещё встречи с Высоцким Вам запомнились?

**А.М.** — Однажды произошла русская, нелепая ситуация. Мы приехали с Евтушенко в Ленинград на вечер поэзии. Номер Евтушенко в гостинице «Европейская» явно готовил КГБ, но по ошибке туда вселили меня. Я не исключаю, что Высоцкий пришёл тогда не ко мне, а к Евтушенко.

Высоцкий начал петь и очень долго и замечательно пел. Я ему сказал тогда, что очень люблю его короткие песни, ранние песни, например, песня «Сегодня я с большой охотою...» такая чистая, что она для меня, как сонет Лауре. И он начал петь, выбирая песни для меня. Это было совершенно упоительно.

И ещё одна встреча. Помню, однажды Высоцкий приехал с женой ко мне. У меня была высокая температура, сильный жар, но я не лежал в постели, а был одет. Однако он сразу почувствовал, что я болен, и хотел тут же

уехать. Я же говорю, — он был светский человек, и об этом, к сожалению, никто никогда не узнает, потому что образ остался совершенно иной.

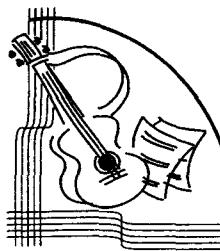
28.04.1995 г.

(Copyright © 2005)

**МЕЖИРОВ, Александр Петрович.** Поэт, переводчик. Родился 26 сентября 1923 г. в Москве. В 1941–1943 гг. участвовал в обороне Ленинграда, в 1943 г. получил тяжёлое ранение, долго лечился, был комиссован. В 1943–1948 гг. учился в Литературном институте им. М. Горького.

Печатается как поэт с 1941 г. В 1947 г. вышла первая книга стихов — «Дорога далека». Затем последовали сборники: «Коммунисты, вперёд!» (1950), «Возвращение» (1955), «Подкова» (1957), «Ветровое стекло» (1961), «Ладожский лёд» (1965), «Лебяжий переулок» (1968) и другие. В 1970-е публикует сборники стихов «Недолгая встреча», «Очертания вечей» и др.; в 1980-е — «Тысяча мелочей», «Закрытый поворот», «Проза в стихах». В 1989 г. выходят его стихи для детей. Автор переводов грузинских и литовских поэтов. Избирался членом правления Союза писателей РСФСР (с 1985-го) и СССР (до 1991). Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Лауреат Государственной премии СССР (1986), Государственной премии Грузинской ССР (1987), премии им. Важа Пшавела Независимого СП Грузии (1999).

В 1994 г. эмигрировал в США. В мае 2005 г. дал Е. Евтушенко разрешение на публикацию в России своей новой книги стихов — «Артиллерия бьёт по своим». Живёт в Нью-Йорке.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Александр Николаевич НАЗАРЕНКО

**М. Ц.** — Александр Николаевич, как Вы познакомились с Высоцким?

**А. Н.** — Мы познакомились совершенно случайно. В 1968 году снимался фильм «Служили два товарища», где Высоцкий играл роль поручика Брусенцова. Для съёмки сцены эвакуации режиссёр картины арендовал небольшой пароход в Одессе. И вот главный инженер, все его называли дядя Коля, а фамилия его была Ермошин, сказал мне:

— Знаешь, тут Высоцкий снимается. Удели ему время, пожалуйста.

Я был тогда молодым, тридцатилетним парнем, в то время только что стал капитаном теплохода «Аджария». Хотелось принять Высоцкого, как только можно хорошо — и коньяк был самый лучший, и закуска соответствующая...

Постепенно мы подружились, а потом произошёл такой случай. Володины друзья с большим трудом «выбили» ему концерт в Одессе в Политехническом институте. А вышло так, что он у меня был в день выступления. Ну и перепил немного... А в зале института, который вмещает человек семьсот, собралось полторы тысячи. Не то что сесть — стоять было негде! И они часа два ждали, а Володя не приехал. Меня потом вся Одесса год ненавидела.

А потом я понял: ни в чём он так не нуждался, как в отдыхе. А какой самый лучший отдых? Круиз по Чёрному морю! В то время это был самый лучший вариант. И он стал приезжать ко мне каждое лето.

**М.Ц.** — Сколько раз Высоцкий был на «Аджарии»?

**А.Н.** — Два раза — в 1968 и 1969 годах. С 1970 года я был капитаном теплохода «Шота Руставели», и Володя каждый год приезжал туда. За год до смерти уже не приехал — у него уже другая жизнь была. Появилась возможность жить полгода во Франции, бывать за границей и так далее.

**М.Ц.** — Как он проводил время во время круизов?

**А.Н.** — Мы поступали таким образом. Я просил его, чтобы он два раза за рейс выступал перед пассажирами (чтобы никто не придирился, зачем он здесь), а в остальное время он отдыхал. И, конечно же, я старался избавить его от назойливого внимания. Потому что, сами понимаете, много было таких, которые лезли к нему с бутылкой лучшего коньяка и вопросом: «Ты меня уважаешь?».

**М.Ц.** — Он писал стихи на корабле?

**А.Н.** — Да, у него была такая возможность. Я давал ему «люкс», и он мог работать без помех. Писалось ему тяжело. Иной раз по двадцать—тридцать вариантов одной и той же песни записывал. Черновики уничтожал. Я как-то хотел спрятать один листок, сохранить. Он увидел и не позволил:

— Ты куда берёшь? Ни в коем случае! Отдай сейчас же!

Песню «Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты...» он написал на «Шота Руставели», написал лично для меня. У меня хранится оригинал этой песни, написанный рукой Володи. Это он мне сам подарил и ещё кораблик на листке пририсовал.

**М.Ц.** — При написании этой песни Высоцкий, очевидно, использовал Ваши рассказы? Ведь он на тот момент за границей ещё не бывал, а в песне множество морских деталей.

**А.Н.** — Он всегда очень внимательно слушал меня, это правда. К тому же я коллекционировал слайды и открытки. Одних только тайянских видов у меня было штук сто. Видимо, и мои рассказы, и слайды эти и были им использованы для песни.

Кстати, ещё одна известная песня Высоцкого — «Был штурм, канаты рвали кожу с рук...» написана на «Аджарии».

**М.Ц.** — В песне «Лошадей двадцать тысяч...» очень много морских терминов. Неужели Высоцкий так тонко знал эту специфику?

**А.Н.** — Ну он, конечно, консультировался со мной по поводу терминологии. А как песня появилась, я Вам сейчас подробно расскажу. Мы заходили в Новороссийск. Все мы были на мостице — я, Володя, Марина и ещё был Зиновий Высоковский. Вы знаете, вероятно, что в Новороссийске есть такой ветер местный — бора, страшный такой ветер, срывающий с места камни.

Опытным капитанам разрешалось, на их усмотрение, заходить в порт без лоцмана. Когда заходили в порт, ветер был в правый борт. Надо в определённые точки отдать якорь. Якорь задерживает нос, а корму очень быстро разворачивает, и судно становится носом к ветру. Надо сделать так, чтобы корма прошла причал, надо ещё потравить якорь четыре-пять смычек, а потом уже буксир по команде капитана подрабатывает, подталкивает корабль к причалу. Когда выходить из бухты, надо смычек семь якоря выбирать, каждая смычка длиной 23 метра.

Высоцкий всё это наблюдал, стоя на мостице, у него всё лицо было в пыли, но он до конца отстоял. (Кстати,

потом через много лет Зиновий Высоковский в какой-то газете, где он писал свои воспоминания, об этом рассказывал. Мне прислали эту газету, не знаю только, где она.) И Володя эти впечатления хватанул. Он такой, знаете, был очень цепкий в этом плане.

**М.Ц.** — С помощью моряков я разобрался в терминах, упоминаемых Высоцким в этой песне. Мне только непонятно выражение «руль полбorta налево».

**А.Н.** — Объясняю. Руль разрешалось поворачивать на 32 градуса на каждый борт. Если повернуть больше, скажем, на сорок пять, он уже менее эффективен, вода уже тормозит движение и маневренность. По команде «Право на борт!» или «Лево на борт!» рулевому надо быстро прокрутить «баранку» так, чтобы перо руля стало по отношению к диаметральной линии на 32 градуса. А полоборота — значит, ровно наполовину.

**М.Ц.** — Я, в общем, примерно так и понимал, смущало меня только то, что в песне звучит «полбorta», а не «пол-оборота». Значит, была такая команда?

**А.Н.** — Да. Я давал разные команды, но Володе понравилась именно эта — «полбorta налево». Видно, красиво звучала.

**М.Ц.** — Бывший капитан «Белоруссии» Ф. Дашков однажды в интервью рассказал, что в 1969 году на «Аджарии» Высоцкий был снят на киноплёнку. Сохранилась ли запись?

**А.Н.** — Это хорошо, что Вы об этом вспомнили. Получилось так, что однажды у нас на «Аджарии» были в круизе западные немцы. Им так всё понравилось, что они подарили нам кинокамеру с плёнкой. И мы Высоцкого снимали не один раз, а очень часто. Все записи были в единственном экземпляре, они хранились на корабле, а потом их украл или, если угодно, взял бывший радио-

техник. Он всегда был, так сказать, склонен к бизнесу. Когда Высоцкий написал «Был шторм...» и спел её нам, этот парень сделал копию, и через неделю песню эту можно было купить в любом киоске звукозаписи на одесском базаре.

**М.Ц.** — Вам не доводилось встречаться с Высоцким, так сказать, на суще — дома или за границей?

**А.Н.** — К сожалению, нет. За границей не получалось, а в Москве его всякий раз не было на месте, когда я приезжал туда по делам. Так что общались мы только на кораблях и в черноморских портах. Но зато часто и долго — целых десять лет.

28.03.1997 г. и 17.10.2005 г.  
(Copyright © 2005)

---

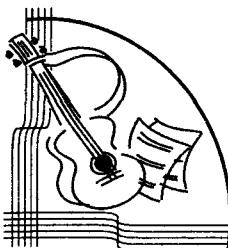
**НАЗАРЕНКО, Александр Николаевич.** Капитан дальнего плавания. Родился в 1934 г. в Одессе. После окончания восьми классов собирался поступать в среднее мореходное училище. В этом ему было отказано, поскольку в возрасте семи лет он «находился на оккупированной территории».

«А я мечтал о море, бегал на причал, смотрел, как швартуются «Россия» капитана Гарагули, «Украина» капитана Манна. Всё равно пошёл сдавать экзамены. Сперва пошёл на мандатную комиссию, ведь тогда мандатная комиссия решала, подходит человек или нет. Председатель комиссии меня сильно обидел: «Почему ты был в оккупации?!». Я говорю: «Я ребёнком был, мне было семь лет». Он говорит: «Нет, ты моряком не будешь».

Разрешили мне поступить в мореходку технического флота. Я закончил её, потом мне было разрешено заочно поступить в среднюю мореходку. Я её закончил за два года, а потом заочно закончил высшую мореходку. Так что я закончил три мореходных училища.

Двадцать восемь лет я отдал Черноморскому пароходству. Был капитаном «Аджарии», с 1970 года — «Шота Руста-

вели». Потом, когда будущий президент Украины Кравчук, а тогда — главный партийный идеолог Украины, совместно с КГБ убрали меня в числе двадцати семи капитанов, я работал на Камчатке, затем — в Таллинне. Всего я плаваю уже пятьдесят четыре года, последние шестнадцать лет — под американским флагом». (Цит. по фонограмме беседы от 17.10.2005 г.) Живёт в США.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Эрнст Иосифович НЕИЗВЕСТНЫЙ

**М.Ц.** — Эрнст Иосифович, когда состоялось Ваше знакомство с Высоцким?

**Э.Н.** — Мы познакомились при организации Театра на Таганке, потому что я там был бессменным членом общественного совета.

**М.Ц.** — Значит, можно сказать, что Вы присутствовали при рождении Высоцкого-актёра и Высоцкого-поэта. Какое впечатление он произвёл на Вас в те годы?

**Э.Н.** — Честно говоря, я уже плохо помню. В начале творчества он не казался мне экстраординарным явлением. Высоцкий относился ко мне как к старшему, да я и был старше. Песни он только начинал тогда писать, а я был один из авторов песен, которые пела вся Москва, и Высоцкий это знал.

**М.Ц.** — Я никогда не слышал, что Вы писали песни. Расскажите, пожалуйста, об этом.

**Э.Н.** — Ну я не один писал. Нас было четыре человека — Лёша Охрименко, Сергей Кристи, Владимир Шрейберг и я. Это такие песни, как, например, «Великий русский писатель Лев Николаич Толстой...», «Отелло, мавр венецианский...», «Выходит Гамлет с пистолетом...», «Я был батальонный разведчик...» и многое ещё другое, чего никто не знает.

**М.Ц.** — «Я был батальонный разведчик...» исполнялась Высоцким, остались фонограммы. Эта песня так и задумывалась — как стилизация под солдатскую?

**Э.Н.** — Да это всё стилизации! Вы должны понять одну вещь. Дело в том, что то, что называется соц-арт, — явление одновременно новое и очень старое. Скажем, в Древнем Риме за гробом императора шёл шут в императорском одеянии и пародировал его движения. В Средние века были антилитургии, и так далее. Таким образом в официальную форму вкладывалось неофициальное содержание.

И вот мы (это было в сталинские времена), уставшие от Шекспира, Толстого, Станиславского, — для нас они были равны в том смысле, что они были авторитетами, которых мы были обязаны уважать, — писали эти перевёртыши. При этом надо заметить, что эти люди вовсе не заслуживают надругательства, как, впрочем, и римский император. По существу, это было начало соц-арта. Скажем, «Раешник» Шостаковича — это соц-арт, или моё надгробие Хрущёва — это тоже соц-арт: берётся официальная форма и в ней вливается противоположное содержание. Как, например, берут портрет Ленина — и тут же надпись: «Пейте Кока-Кола!» Поэтому соц-арт не придуман Комаром и Меламедом, как говорят, — ими придумано название.

Нам не приходило в голову, когда мы писали эти песни, — которые нищие, кстати, пели всерьёз, думая, что это серьёзные песни, — что это было начало соц-арта.

Так вот, возвращаясь к Высоцкому, надо сказать, что в те годы мы не сближались. Потом, со временем, грань была стёрта, мы даже перешли на «ты».

Я не могу сказать, что мы были с ним закадычными друзьями, но мы были очень близки, часто встречались. По-настоящему я оценил его позднее, когда начались

его зрелые песни. Ведь в самом начале он пел даже не свои, а чужие вещи.

**М.Ц.** — А Вам известна история создания каких-нибудь песен Высоцкого?

**Э.Н.** — Я могу сказать Вам, что песня «Нет острых ощущений — всё старьё, гнильё и хлам...» была посвящена мне. Она была написана после того как я рассказал Володе о том, как я лежал в госпитале, весь загипсованный. Когда гипс с меня сняли, то я, вместо того чтобы обрадоваться, ощутил себя несчастным, как черепаха без панциря. Володя расхохотался и через некоторое время принёс мне это стихотворение.

**М.Ц.** — Вы регулярно встречались с Высоцким до Вашего отъезда?

**Э.Н.** — Ну в театре мы действительно виделись регулярно, а так... Знаете, я ведь вообще ни с кем регулярно не встречался, в основном, сидел у себя в мастерской. Если кто ко мне приходил — я был рад, а сам редко куда выходил. Володя ко мне захаживал. Не могу сказать, что он был моим ближайшим другом, но разговаривали мы всегда очень откровенно.

**М.Ц.** — Каковы были пристрастия Высоцкого в изобразительном искусстве? Или он этим не интересовался?

**Э.Н.** — Ну почему же? Ярко выраженного интереса я у него, действительно, не замечал, но он дружил с Шемякиным, — вероятно, тот ему нравился и как художник. Это было позднее, когда Высоцкий стал ездить за границу, а в Москве он часто бывал у меня в студии, ему нравилось то, что я делаю. Мне кажется, что его пристрастия в живописи, в принципе, соответствовали шестидесятым годам. Он как бы ощущал себя в едином потоке с художниками-«шестидесятниками».

**М.Ц.** — После Вашего отъезда из России вы встречались с Высоцким за границей?

**Э.Н.** — Мы встретились в Нью-Йорке зимой 1979 года, когда Володя приехал в Америку на гастроли. Это была наша последняя встреча и она оказалась трагической. О ней уже можно сейчас рассказать. Понимаете, Высоцкий — величайший человек, и его ничто не унижает.

Я очень не люблю снижающего искусство ведения, когда, например, человек считает себя равным Пушкину, потому что у него гонорея, и у Пушкина была гонорея. Я на это всегда говорю, что если у Пушкина и была гонорея, то пушкинская, а у тебя — твоя. И это несравненно. Поэтому мы можем сказать, что недостатки Высоцкого есть продолжение его достоинств. Без этого размаха, широты и, я бы сказал, беспредельности души не было бы всех его качеств, поэтому его ничто не унижает.

А история случилась такая. Высоцкий в то время не пил, был «защит». Когда он пришёл ко мне в мастерскую, у меня были мои студенты, один из которых по-куривал марихуану. В этом не было ничего особенного, в те времена в Америке марихуану курили на каждом углу.

Володя отказался от предложения выпить и сделал пару затяжек марихуаны. Внезапно он впал в форменное безумие — лез драться, срывал с себя одежду. Мы его еле удерживали, потом посадили под душ. Я просто не знал, что делать. Потом кто-то вызвал знакомого врача, тот Володю увёз. После того случая мы разговаривали по телефону, но больше я Володю не видел.

**М.Ц.** — Мне рассказывали, что у Высоцкого были планы переезда в Нью-Йорк. Он не говорил Вам об этом?

**Э.Н.** — Нет, об этом разговора не было. Мы с ним обсуждали одну вещь, которую хотели совместно сделать.

Я тогда собирался поставить спектакль «Преступление и наказание» с Нуриевым в главной роли. Когда Володя об этом узнал, он очень ревниво заметил, что мог бы и сам сыграть. Этот план мы очень серьёзно обсуждали тогда. Да, он мог бы сыграть Раскольникова.

**М.Ц.** — В 1982 году в интервью для фильма «Пророков нет в Отечестве своём» Вы говорили о большой роли Высоцкого в русской культуре. За истекшие годы не изменилось ли Ваше мнение о значении Высоцкого для России?

**Э.Н.** — Нет, не изменилось. Более того, я полагаю, что Высоцкий занимает ещё более высокое место в русской культуре, чем я тогда полагал.

Высоцкий — явление очень значительное. Он намного выходит за рамки того круга метафор и определений, которые ему приписываются. Я считаю, что если бы не было науки социологии, то только по Высоцкому можно было бы изучать состояние общества того времени почти во всех социальных средах.

20.11.1995 г. и 21.01.1997 г.  
(Copyright © 2005)

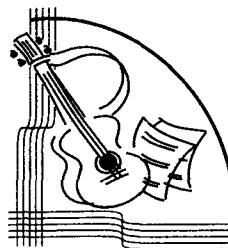
---

**НЕИЗВЕСТНЫЙ, Эрист Иосифович.** Скульптор, художник, график. Родился 9 апреля 1925 г. в Екатеринбурге. До 1942 г. посещал в Свердловске школу для художественно одарённых детей. В 1943 г. окончил военную школу в Кушке. Перед самым окончанием войны был тяжело ранен в Австрии, объявлен мёртвым и посмертно награждён орденом Красной Звезды. В 1945–1946 гг. преподавал рисование в Суворовском училище в Свердловске. Закончил Академию Художеств в Риге, Московский художественный институт им. В.И. Сурикова, учился на философском факультете МГУ. Лауреат премий IV Международного фестиваля молодёжи и студентов в Москве, победитель всесоюзного конкурса на

создание монумента Победы в Великой Отечественной войне. Автор крупных монументальных скульптурных композиций, в том числе — памятника Дружбы народов («Цветок лотоса») на Асуанской плотине в Египте (1971), декоративных рельефов для Института электроники в Зеленограде (1974) и здания ЦК КП Туркмении в Ашхабаде (1975).

В 1976 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1977 г. переехал в США, в Нью-Йорк. По его проектам были сооружены мемориал жертвам ГУЛАГа в Магадане (1996), композиция «Возрождение» в Москве (2000). В 2003 г. подарил свой монумент «Память шахтёрам Кузбасса» городу Кемерово и Кузбассу. Последняя по времени монументальная работа — «Древо жизни» — открыта в октябре 2004 г. в Москве, в атриуме торгово-пешеходного моста «Багратион».

С 1983 г. — профессор гуманитарных наук Орегонского университета. Член Шведской Королевской академии наук, Европейской академии искусств, наук и гуманистики в Париже, Академии искусств и наук в Нью-Йорке. Лауреат Государственной премии РФ (1996). Живёт и работает в Нью-Йорке, преподаёт в Колумбийском и Гарвардском университетах.



### О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКИМ ВСПОМИНАЕТ

#### Валерий Натанович НИСАНОВ

**М.Ц.** — Валерий, если не ошибаюсь, Вы познакомились с Высоцким в 1969 году?

**В.Н.** — Верно. Нас познакомил Эдик Володарский.

**М.Ц.** — Вы встречались между 1969-м годом и 1975-м — когда оба поселились в доме на Малой Грузинской?

**В.Н.** — Да, очень часто встречались. Во-первых, я посещал спектакли с участием Володи, «Гамлета» смотрел раз восемь, кажется, да и так виделись.

**М.Ц.** — Вы делали фотографии на спектаклях?

**В.Н.** — Нет, никогда не снимал его, даже мысли такой не было. Все фотографии были сделаны за два года — за год до его смерти. Летом моя семья уезжала на дачу, а я оставался один в Москве, и Володя был один. Вот тогда я его снимал.

**М.Ц.** — Вы были знакомы с Игорем Годяевым?

**В.Н.** — Да, очень хорошо его знал.

**М.Ц.** — Что у них за отношения с Высоцким были?

**В.Н.** — Игорь Годяев работал в Институте Склифосовского. Там их целая бригада была. Толик Федотов там работал, он потом ушёл, Лёня Сульповар... Годяев посещал Володю часто. Его и Марина знала и любила его — он ей всегда разбавлял водой «Цинандали». Она любила попить холодненькое «Цинандали» и мешала его с водой.

**М.Ц.** — Вы что-нибудь знаете о гастролях Высоцкого в США зимой 1979 года?

**В.Н.** — Я помню, Володя приехал и сказал: «Валера, поедем сейчас в Министерство культуры. Чего-то они на меня все злые там, бочку катят. Поедем, выясним, чего они хотят». Это было как раз после тех гастролей. Мы поехали в министерство на улицу Куйбышева. Я не зашёл, сидел в машине, а Володя пошёл, побывал там минут двадцать, вернулся злой, сказал: «Да пошли они все к такой-то матери!». Я знаю, что в той поездке он встречался и с Бродским, и с Мишой Барышниковым, но деталей не знаю.

**М.Ц.** — Он не говорил Вам, что хотел бы жить в Нью-Йорке?

**В.Н.** — Нет, не говорил. Он вообще относился к загранице так, знаете ли... Однажды Володя пришёл в Дом кино на какое-то празднование и сказал там так: «Я исключаю для себя возможность уехать навсегда, хотя такая возможность у меня есть». А где-то за неделю до его смерти я сказал ему, что собираюсь в Нью-Йорк. Говорю: «Володя, я еду туда навсегда. Я больше не могу и не хочу». Он тогда ответил мне: «Правильно делаешь!». Сказал мне, что пятого августа он собирался быть в Нью-Йорке.

**М.Ц.** — Вы были с Высоцким практически всё время в последние дни его жизни. Каким было его состояние? Писали, что он метался по квартире, никого не узнавал...

**В.Н.** — Это неправда, абсолютная неправда. Он всегда был в полном сознании. Он всё время любил немного попротянуть, выдать такой волчий вой. У него была «ломка», это правда, а он был уже в таком состоянии, что было опасно даже покупать ему лекарство. Все наотрез отказывались это делать, я имею в виду всех тех, у кого он

мог бы взять наркотик. В этом состоянии он громко подывал. Но он был в сознании. Когда я заходил к нему, он говорил: «Ох, как мне плохо, Нисанов!», «Ох, Валерка, как мне плохо!». Это было, да, но то, что он никого не узнавал, — это враки. Он был человек фантастической силы и фантастического ума до последней минуты.

**М.Ц.** — Вы присутствовали, когда приезжали врачи, чтобы забрать Высоцкого на искусственную вентиляцию лёгких?

**В.Н.** — Нет, наверное, я тогда был дома. Да это, кажется, и не могло состояться. У нас был совет: были Вадим Туманов, Шехтман Володя, Валерий Павлович Янклович. Мы думали, что делать с Володей, как его выручать, хотя отец Шехтмана, профессор, посмотрел его и сказал: «Ваш друг на финишной прямой». В связи с этим мы и собрались.

А потом позвонил его отец, сказал: «Я тебя в сумасшедший дом сдам, если ты не пойдёшь лечиться сам». Это у меня дома было, Володя с ним разругался и наотрез от больницы отказался.

**М.Ц.** — Самая последняя ночь...

**В.Н.** — Мы сидели у меня, разошлись в два часа ночи. Минут через двадцать позвонил Толя Федотов и попросил принести для Володи шампанского. У меня в холдингнике всегда для него стояло шампанское. Володя когда его немного выпивал, то сразу пьянял. Это не из-за алкоголизма, а потому, что шампанское таким образом влияет на людей, употребляющих наркотики. Он выпивал немного, меньше полстакана, ему становилось хорошо.

Я принёс шампанское, увидел, что Володя всех поднял, начал делать яичницу. После этого я ушёл к себе. Что было потом, я, откровенно говоря, не знаю. По рассказам знаю, что Толя Федотов пошёл спать в большую

комнату, а Володе постелили в спальню, но он сказал, что ему душно, и попросил поставить ему топчан посередине столовой. Как он умер — рассказывают разное. Есть мнение, что Федотов — человек, убивший Высоцкого. Говорят, что в то шампанское, что я принёс, он добавил бром. Федотова уже нет в живых. Может, Божья кара... Есть слухи, что Федотов приложил руку по просьбе руководства.

**М.Ц.** — Скажите, пожалуйста, знаете ли Вы Юрия Емельяненко?

**В.Н.** — Очень мало, а почему Вы спрашиваете о нём?

**М.Ц.** — С ним было опубликовано интервью, в котором он рассказывает об обстоятельствах смерти Высоцкого. Там есть сомнительные моменты: он пишет, что все приехали домой к Высоцкому пьяные, он захотел, чтобы кто-нибудь сходил за водкой...

**В.Н.** — Ничего подобного не было! Это полное враньё! Володя никогда у себя дома не устраивал никаких попоек, потому что понимал, что это совершенно нежелательно. В последние два месяца было два таких случая. Во-первых, однажды к нему зашёл сосед по фамилии Карасёв и буквально влил в Володю коньяк. А второй раз пришёл Ваня Бортник с предложением выпить. Володя сразу позвонил мне и сказал: «Валера, уберите его». Тогда Валерий Павлович Янклович спустился, он как раз у меня был, и «отшил» Бортника.

**М.Ц.** — Вы близко знали Высоцкого много лет. Какие качества Высоцкого как личности Вы могли бы выделить?

**В.Н.** — Ну, во-первых, он был прекрасный поэт, это всем известно. Во-вторых, он был прекрасный актёр. Я пошёл смотреть «Гамлета» второй раз, чтобы проверить свои ощущения: не потому ли мне понравился

спектакль, что я знаю и люблю Володю? Потом пошёл в третий раз, в пятый, в восьмой — и каждый раз получал безумное удовольствие, потому что он себя полностью отдавал, до конца.

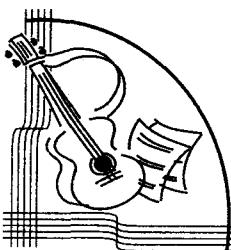
Он был невероятным человеком. Я помню, на Новый, 1980-й, год, он попал в аварию. Я пришёл и спросил его, что случилось. Он сказал: «Отстань, Валера, не до тебя сейчас». И знаете, я посмотрел на него, и появилось у меня ощущение, что не среднего росточка человек мимо меня прошёл, а прошла мимо меня глыба. И вообще, когда он находился рядом, не было ощущения, что смотришь на него сверху вниз, а всегда — снизу вверх. У меня часто собирались друзья, хорошие, чудные, замечательные люди. Душой этих компаний был Володя. Он рассказывал и рассказывал что-то — час, полтора, два. Выпивал и водки при этом и никогда не пьянел.

В театре его многие не любили, завидовали ему. Кое-кто Любимову говорил, что, дескать, Высоцкому всё позволено, непонятно почему. Володя мне сам говорил: «Я ушёл из театра, чтобы они больше ко мне не приставали». А потом все стали лучшими друзьями...

4.07.1995 г.  
(Copyright © 2006)

---

**НИСАНОВ, Валерий Натанович.** Фотохудожник. С 1989 года живёт в Нью-Йорке. Издавал газету «Новый русский». В настоящее время выпускает литературно-художественный журнал «Американского Пушкинского Фонда».



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

**Михаил Георгиевич ОРЛОВ**

**М.Ц.** — Вы были одним из первых, кто откликнулся на смерть Владимира Высоцкого, написав некролог для газеты «Новый американец». Я давно искал возможность побеседовать с Вами.

**М.О.** — Прежде всего я хочу сказать, что мы не были с Высоцким близкими друзьями. Мы не встречались тысячи раз, я не пил с ним водку и так далее...

**М.Ц.** — Но всё же Вы были с Высоцким знакомы немало лет?

**М.О.** — Мы познакомились с Высоцким во время вторых гастролей Театра на Таганке в Ленинграде. Это было в 1967 году, познакомил нас Веня Смехов. Потом мы все вместе были в гостях у актрисы Нины Ургант, у них с Высоцким были прекрасные, дружеские отношения. Кажется, в тот раз я впервые услышал Высоцкого, что называется, «живьём». Меня тогда потряс голос, каким он пел. В записи-то я Высоцкого к тому времени уже слышал немало, и на всех плёнках у него был такой совершенно не хриплый, мальчишечий голос. Я тогда Веню спросил:

— Что это он таким каким-то не своим голосом поёт?

И Веня сказал, что Высоцкий специально три или четыре месяца работал, чтобы избавиться от этого мальчишечного звучания.

**О Владимире Высоцком вспоминает** || 269  
М.Г. ОРЛОВ

**М.Ц.** — А как получилось, что Вы стали устраивать концерты Высоцкого?

**М.О.** — В один из приездов Высоцкого в Ленинград я предложил ему устроить выступление. Получилось хорошо, тогда сделали ещё раз. И так продолжалось несколько лет. Когда Володя приезжал в Ленинград, я помогал ему организовывать выступления — вот и всё.

Я хочу подчеркнуть — я не был его ленинградским импресарио. Я устраивал лишь те концерты, на которых мог бывать сам либо пригласить своих знакомых. В то же самое время были в Ленинграде люди, которые устраивали Володе какие-то концерты в коммерческих целях — помню, были концерты в Промкооперации, в Доме учителя. У меня это было совсем иначе: я узнавал, что он приезжает, что у него есть какое-то свободное время... Сперва он, как правило, отказывался, потом, как правило, соглашался.

Никаких бесед на политические или литературные темы мы не вели. С моей точки зрения, он не был слишком интересным собеседником, но я ни в коем случае не претендую на какое-то особое знание Высоцкого, это просто мое мнение.

Я помню, мы ехали в машине на один из концертов. Высоцкий тогда только сыграл Гамлета и рассказывал мне об этой работе. Звучало это не очень интересно, хотя «Гамлета» я с ним смотрел неоднократно и он мне там очень нравился. Но при беглом разговоре Высоцкий не производил впечатления актёра-философа. Он не был актёром (по крайней мере, мне так казалось), который мог бы стать режиссёром.

**М.Ц.** — Вы были свидетелем выступления Высоцкого на КамАЗе?

**М.О.** — Я был в то время в командировке в Перми, и Смехов мне сказал, что в Набережных Челнах будет выступать небольшая группа таганских актёров. На одном

из таких выступлений я был, и произвело это на меня впечатление, прямо скажу, неизгладимое.

Концерт этот был прямо в огромном цеху, вроде бы — прокатном. Я не металлург, мне трудно сказать точно. Там сделали сцену, перед сценой стояло пятнадцать-двадцать рядов стульев. Остальные же зрители размещались, кто где мог. Там по верху цеха проходили какие-то металлические конструкции, и всюду были люди. Может быть, тысяча человек собралось. У меня было впечатление, что люди от восторга будут просто падать с этих довольно высоких конструкций.

Что именно пел Высоцкий, я уже, конечно, не помню, а выдумывать не хочу, но успех у него был просто колоссальный. Он был, как говорят, певец народа. Ведь это не Москва, не Ленинград и не Академгородок в Новосибирске. Это «глубинка», причём чисто рабочая «глубинка».

Я ведь видел его и совсем в другой ситуации, когда он выступал в НИИ «Интеграл». Я устраивал этот концерт, в основном, там собирались партийные деятели. Было всего человек сорок-пятьдесят в довольно большом зале, и они как бы для себя сделали концерт Высоцкого. Там я в первый раз слышал, как он пел «Колею». Они же всё поняли: «Вы — езжайте своей колеёй!». Это был, что называется, восторг со знаком «минус».

Кстати, на том же концерте я впервые услышал «Честь шахматной короны». Может быть, это было и не первое исполнение, но явно и не сто пятое. И я записал эти две песни.

Приблизительно в то же время в Ленинграде игрался шахматный матч Спасский — Карпов, а мы со Спасским учились в одной школе, и я тоже увлекался шахматами. На этот матч приехал один из самых известнейших шахматных журналистов — Белица. Он тогда писал какую-то книгу о Фишере. Я ему показал эти тексты Высоцкого, дал послушать запись и помог перевести (Бе-

лица по национальности хорват). Белица не знал, кто такой Высоцкий, я ему рассказал, и он этот перевод вставил в книгу о Фишере. Если хотите, поищите эту книгу.

**М.Ц.** — Обязательно надо найти! Это же прижизненная публикация Высоцкого. Очень важная информация!

**М.О.** — И ещё один очень интересный эпизод запомнился. Мы возвращались с какого-то концерта, не помню уже, то ли из Павловска, то ли из Пушкина. Ехали в Ленинград, чтобы отвезти Высоцкого в «Асторию». Кстати, Вам, возможно, интересно будет знать, что в «Астории» Высоцкий останавливался всегда в пятнадцатом номере.

Мы были втроём, с нами был ещё Саша Белов, знаменитый баскетболист ленинградского «Спартака». Из Пушкина до Ленинграда можно добраться разными путями, но мы почему-то поехали через Колпино. Там в центре есть большой сквер, в котором стоял памятник Ленину. Было уже поздно: двенадцать часов или начало первого, пусто уже совершенно было. Мы ехали мимо этого сквера, где никого уже не было, и вдруг Володя спросил:

— А что это за сквер?

Мы ему сказали, и тут он спел нам под гитару стихотворение Межирова «Мы под Колпино скопом стоим, артиллерия бьёт по своим...» Прекрасно спел, я больше никогда этого в его исполнении не слышал. Видимо, он хорошо знал межировскую поэзию. Я только гораздо позже узнал от Вени Смехова, что Высоцкий с Межировым были в прекрасных отношениях.

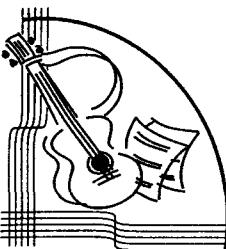
**М.Ц.** — А в Америке Вам не доводилось встречаться с Высоцким?

**М.О.** — Нет. Я приехал в Америку через месяц после того как у Высоцкого были тут гастроли. Я знаю, что

прошли они успешно, но, к сожалению, ничего об этом рассказать не могу.

20.05. и 23.06.1996 г.  
(Copyright © 2006)

**ОРЛОВ, Михаил Георгиевич** (1938–1998). Родился в Ленинграде. По окончании средней школы и Ленинградской электротехнической академии им. Бонч-Бруевича работал инженером. В 1979 г. эмигрировал в США. Жил в Бостоне, преподавал в университете Бостона, занимался компьютерными технологиями.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Николай Иванович ПАЛЬЦЕВ

**М.Ц.** — Гастроли Высоцкого в Ставрополе в конце сентября 1978 года в какой-то мере уникальны — восемь дней по три концерта в день в столице огромного края. Как такое стало возможным?

**Н.П.** — Концерты были организованы через краевую филармонию, а я принимал участие в организации этих гастролей. Вместе со мной этим занималась Валентина Муравьёва. Я был секретарём крайкома комсомола, а она была первым секретарём Ставропольского горкома комсомола. Крайком — это было, как министерство по делам молодёжи.

С Высоцким было работать очень приятно. Мы к нему относились с уважением и симпатией и сами песни его пели. Высоцкий чисто по-человечески произвёл на меня очень приятное впечатление — очень доброжелательный, очень отзывчивый человек. Заметно было, что он человек глубокий, философского плана. Вспоминаются наши разговоры, посиделки между его концертами... Вёл он себя очень корректно, культурно. Запомнился просто как образец человека.

Знаете, просачивалась негативного плана информация — дескать, он такой-сякой... Общаюсь с ним, я был просто поражён: ну кто распускает такие слухи?! Он был прекрасный человек.

Меня приятно удивил один момент. Мы ему предложили некую программу знакомства с краем, с городом —

посмотреть на наши культурные ценности, посетить краеведческие музеи. У нас был пост у огня Вечной славы, мы предложили ему и туда поехать, провести встречу с мальчишками, стоявшими в почётном карауле. Предложили ему побывать на одном из предприятий города. Он на всё согласился — и с удовольствием! Во всём принял участие, сам активно вёл диалог с людьми, отвечал на вопросы, был очень жизнерадостным. С большим удовольствием гулял по городу, фотографировался с детьми, с молодёжью. У меня хранится в архиве снимок вместе с ним.

Народ его воспринимал просто на «ура». Выступления проходили в городском цирке, это огромный зал. Репертуар, с которым он выступал, был настолько зажигательным, патриотичным, что я был под глубочайшим впечатлением (я был на двух концертах подряд).

Он очень хорошо работал с аудиторией, быстро улавливал настроение, иногда кое-что менял по ходу концерта. У него была удивительно быстрая реакция на всякие реплики из зала.

Сами понимаете, публика была разная. Находились такие, что могли и какую-то похабщину бросить. Он отвечал настолько в точку, давал такие ответы, что виновный просто съёживался и замолкал, а зал взрывался аплодисментами. У меня до сих пор сохранились самые яркие впечатления от этих концертов.

**М.Ц.** — Вы сказали, что возили Высоцкого на предприятие. Это просто познакомиться с предприятием или он там давал концерт?

**Н.П.** — Нет, это просто познакомиться, походить, посмотреть, пообщаться с людьми. Он это с удовольствием делал, вёл разговоры о жизни. Он умел вести диалог с народом, говорил нормальным, доступным, человеческим языком.

**М.Ц.** — Не припомните, в какой он жил гостинице?

**Н.П.** — У нас тогда была только одна хорошая гостиница — «Кавказ». Тогда там был так называемый «люкс» Виктора Алексеевича Казначеева — второго секретаря крайкома партии. Когда мы особо важных гостей принимали, то вопросы их проживания решали через него. Поскольку Казначеев сам был в прошлом комсомольский работник, то проблем у меня не было. «Виктор Алексеевич, так и так...» — «Ну, конечно, Николай! Владимира надо шикарно принять, всё сделать так, чтобы ему запомнилось, что в Ставрополе его любят». То есть очень доброжелательная реакция была.

Завотделом культуры крайкома была Меренкова Алла Валентиновна. Она тоже по-доброму отнеслась: «Если какая-то помощь нужна, — пожалуйста!». Программа была составлена и проведена очень хорошо. Я думаю, что Высоцкий был доволен, потому что в беседах за столом он благодарили нас.

Я помню, однажды он так примерно сказал: «Вы знаете, парни и девчата, я, честно говоря, поражён. Обычно комсомольских работников изображают такими чинушами, а вы — нормальные ребята. Вместе и споём с вами, и по рюмке выпьем, и о жизни поговорим. Я за вас поднимаю бокал!».

**М.Ц.** — Это было за кулисами цирка или в другом месте?

**Н.П.** — Я деталей уже не помню... Кажется, это было в «Лесной поляне», мы там домик снимали. По тем временам это у нас было самое цивилизованное место.

**М.Ц.** — Первым секретарём Ставропольского крайкома в те времена был Михаил Горбачёв. Вы не знаете, они с Высоцким встречались?

**Н.П.** — Насколько я помню, такая встреча была. Деталей я не помню, но могу сказать, что встреча состоялась в здании крайкома партии.

**М.Ц.** — А фонограммы выступлений Высоцкого в Ставрополе велись? Специалисты до сих пор, на удивление, не обнаружили ни одной песни, спетой в Ставрополе.

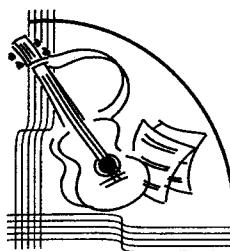
**Н.П.** — Были записи, точно были. И у меня эти записи были. Был период, когда я бесконечно эти записи слушал. Когда я работал в Москве секретарём ЦК комсомола, у меня эти записи на первом месте были. Потом сын мой их крутил, друзьям переписывал. А теперь смотрю, видимо, и внук мой Саша Высоцкого слушает. Он начал писать под Высоцкого музыку и стихи.

Он молчал-молчал, а потом вдруг сказал год назад, ему тринадцать лет тогда было: «Дед, я тебе должен сказать кое-что... Я пишу стихи и сочиняю музыку». Я говорю ему: «Ну, покажи». Он и показал. Я подумал: «Ну что ж. Приятно, что парень тянеться к этому. Значит, жива традиция!».

24.11.2005 г.  
(Copyright © 2005)

---

**ПАЛЬЦЕВ, Николай Иванович.** Родился в 1946 г. Работал первым секретарём Ставропольского крайкома ВЛКСМ. Позднее был секретарём ЦК ВЛКСМ. В начале 2000-х гг. — заместитель председателя правительства Ставропольского края.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Виктория Евгеньевна ПЛАТОВА

**М.Ц.** — Ваше знакомство с Высоцким — где и когда оно состоялось?

**В.П.** — Мы вместе поступали в Школу-студию МХАТ. Значит, это был 1956 год. У Высоцкого были трудности при поступлении. Мы сначала прошли туры, а потом надо было сдавать общеобразовательные экзамены.

Сложности у него были потому, что педагоги, которые приняли его по актёрскому мастерству, сомневались, всё ли у него в порядке с голосом, с голосовыми связками. Его стали посыпать к ларингологам, которые обслуживали МХАТ. Я случайно присутствовала при разговоре, когда он пришёл и объяснял нашему мастеру Вершилову — это был старый мхатовский актёр, к которому мы с Володей оба попали в группу, — что он был у врача. Врач сказал, что у него никакой патологии голосовых связок нет, что горло у него совершенно здоровое, просто это такой природный голос.

Высоцкий действительно был такой хрипавый уже тогда, изначально. Он не делал себе тот голос, которым пел, это было его природное.

А познакомились мы так. Надо сказать, что я совершенно лишена музыкального слуха. Но когда выяснилось, что я поступила, то я обо всём забыла и, сидя на столе в приёмной, не своим голосом орала такую песню:

В тихом городе возле гавани  
В семье боцмана я родился,  
И мальчишкою лет семнадцати  
На большой пароход нанялся.

Высоцкий подошёл ко мне и с огромным интересом слушал, ему моё исполнение ужасно понравилось. Вот тогда мы с ним впервые заговорили.

В училище наше общение было недолгим: в конце первого курса я уехала в Ленинград.

**М.Ц.** — Выделялся ли Высоцкий на первом курсе?

**В.П.** — Нет, он ничем не выделялся, никто не ждал от него ничего особенного. Я после ухода из училища поддерживала отношения с Леной Ситко, нашей сокурсницей. От неё я знала, кто какие надежды подаёт. Никогда она не говорила, что Володя казался им чем-то замечательным. Кстати, на гитаре Володя на первом курсе ещё не играл, это появилось позже.

**М.Ц.** — После вашего отъезда в Ленинград Вы виделись с Высоцким?

**В.П.** — Я помню такой случай. В Ленинграде мы жили на Моховой, это недалеко от Летнего сада. Однажды в Ленинград на гастроли приехал московский цирк, в котором работал мой дядя. Во время гастролей он со всем семейством жил у нас, так что народу собралось очень много.

И вот однажды раздался телефонный звонок, и я услышала голос Володи:

— Вика, привет! Мы с Жоркой Епифанцевым приехали в Ленинград.

Они где-то выпивали, ночью сели в поезд, и приехали. Володя говорит:

— Можно к тебе зайти?

Поскольку дома вонил ребёнок и бегала свирепая мама, то ко мне зайти было никак нельзя. Я очень огорчилась:

— Нет, ко мне зайти нельзя.

Он говорит:

— Да, жалко. А может, ты выйдешь к нам? Мы тут у Летнего сада стоим.

Я вышла к ним, они стоят, облокотившись на решётку сада, Володя — с гитарой. А я такая прибитая была тогда, пришибленная, был такой период жизни. Помню, Володя сказал тогда:

— Ну, давай пойдём куда-нибудь. У тебя подружки есть, к кому пойти можно?

Я говорю:

— Нет, нет у меня подруг.

— Жаль. Я тут песни сочинил. Спеть хотел...

Мне кажется, он тогда только начинал петь свои, им сочинённые тексты.

Не знаю, почему я сказала, что у меня нет подруг, почему, в самом деле, не позвонила кому-нибудь. Володя пожал плечами: «Ну, тогда... пока!» — и они пошли вдоль решётки Летнего сада — долговязый Жорка, он и гитара...

Потом мы встретились через много лет. Володя никогда не извинил меня за тот случай. А может быть, он не простили мне того, что я так и не стала актрисой. Он-то сам был целиком привержен профессии. Помню, когда я работала на «Леннаучфильме», мы разговаривали по телефону. Это был какой-то деловой разговор, но я поняла его отношение ко мне. Дескать, я тебе вне славы был не нужен, а теперь ты мне не нужна.

**М.Ц.** — Ваш супруг, художник Михаил Беломлинский, однажды сделал дружеский шарж на Высоцкого. Расскажите, пожалуйста, как и когда это было.

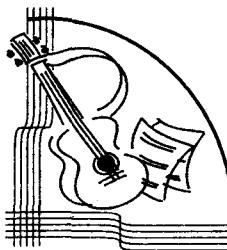
**В.П.** — Это было в Ленинграде в 1974 году. Миша тогда работал в журнале «Аврора», я там тоже печаталась. И вот в «Авроре» была встреча с Высоцким, на которой мы присутствовали. Володя пел в тот вечер, много, щедро пел, а Миша его рисовал, и один рисунок Высоцкому очень понравился. После этого Володя пригласил нас в театр, в это время «Таганка» была на гастролях в

Ленинграде. Мы зашли за кулисы, поболтали, Володя захотел подписать рисунок.

— Надпиши для нашей дочки, — попросил Миша. Володя написал: «Юле Беломлинской. Добра!». А потом Володя попросил сделать копию этого рисунка, и Миша его просьбу выполнил. Это была наша последняя встреча.

14.10.1995 г.  
(Copyright © 2005)

**ПЛАТОВА (Беломлинская), Виктория Евгеньевна.** Писательница. Родилась и жила в Ленинграде, в 1989 г. переехала в США. В 1994 г. в Лондоне была названа в числе четырёх финалистов Букеровской премии за цикл рассказов «Роальд и Флора». В 1999 г. её повесть «Берег» была номинирована на Букеровскую премию, присуждавшуюся в Москве, и она снова оказалась в числе финалистов. Её проза получила высокие оценки Ю. Домбровского, А. Володина, Ю. Нагибина. Живёт и работает в США.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

Геннадий Иванович ПОЛОКА

**М.Ц.** — Вы с самого начала хотели, чтобы Высоцкий в «Интервенции» играл Бродского, однако делали пробы и других актёров на эту роль. Вы были не уверены в своём выборе?

**Г.П.** — Нет, это было условие студии, условие руководства. Кроме того, многие актёры сами хотели попробоваться на эту роль. Перед съёмками я сделал заявление в газете «Московский комсомолец» относительно того, как я собираюсь снимать фильм. Появилось много добровольцев. Например, ко мне домой даже без звонка приехал Андрей Миронов, потом звонил Миша Козаков и другие. Высоцкий же был фигуранткой неоднозначной.

**М.Ц.** — И Вы пробовали Миронова на эту роль?

**Г.П.** — Были сделаны только фотопробы, и я не знаю, где они. А Козаков действительно пробовался. Других претендентов просто не помню уже.

**М.Ц.** — Хотелось бы узнать, что означают концентрические круги, на фоне которых проходит значительная часть действия фильма? Оператор картины Е. Мезенцев говорил, что они означают цирк, что вся жизнь — цирк.

**Г.П.** — Это идея такого революционного балагана. Но круг — понятие широкое, и в finale фильма он работал как мишень.

**М.Ц.** — Не припомните, в каких сценах Высоцкий снимался в Одессе? Ведь, в основном, у него съёмки в павильонах, та часть снималась на «Ленфильме».

**Г.П.** — Всё начало фильма снято в Одессе — лестница, встреча интервентов. Потом, когда Высоцкий выходит из казармы и уезжает в машине, — это тоже в Одессе. Потом некоторые съёмки были в одесском порту.

**М.Ц.** — Вы однажды писали, что Высоцкий приезжал на съёмки даже тогда, когда не был занят. Он приезжал и в Одессу, и в Ленинград?

**Г.П.** — Да, конечно. Иногда просто приходил на съёмку, принимал участие в процессе работы, даже в подборе исполнителей. Очень активно работал он у нас. В то время Высоцкий очень увлекался идеей условного искусства, которым я занимался. Он постигал эти идеи. Он собирался участвовать в таганской постановке «Тартиф». Туда, кстати, меня собирались пригласитьставить спектакль, но в результате постановщиком оказался Шиферс<sup>1</sup>, замечательный режиссёр, занимавшийся абстракцией. Он тут же сцепился с Любимовым. Любимов же вообще не терпел никого, никаких ярких личностей. А Шиферс был человеком мощным и агрессивным, он послал Любимова как следует. Любимову повезло, потому что в то время Шиферс подписал письмо в защиту, кажется, Галанского<sup>2</sup>, оно пошло по Москве, и Шиферса из театра убрали.

Высоцкий в спектакле том не сыграл. Он хотел, чтобы я работал над тем спектаклем, но это было наивно: при Любимове никакой другой режиссёр не проходил. Что он с Фоменко делал...<sup>3</sup> Он ревнив был к чужому успеху и несправедлив. Его театр — и только его.

А Высоцкий всегда учился. У него были планы режиссуры, да и вообще всегда полно планов. У композиторов он учился музыкальным делам, и режиссёров — режис-

сёрским. Он набирался опыта. Вы же знаете, что он перед смертью собирался ставить «Зелёный фургон»?

**М.Ц.** — Ну конечно. И Вы ведь были назначены художественным руководителем. Это он сам Вас пригласил?

**Г.П.** — Нет. Ему давали постановку с условием, что я буду худруком. Хотя я был уже в сложном положении, у меня обострились отношения с руководством «Экрана»... Когда к Лапину<sup>4</sup> пошли, тот сказал: «Надо, чтоб какой-то культурный, интеллигентный режиссёр участвовал». И тогда возникла идея пригласить меня.

**М.Ц.** — В литературе приходилось читать, что на Одесской студии не хотели, чтобы снимал Высоцкий, поэтому они оттягивали запуск фильма насколько возможно, чтоб Высоцкий сам отказался...

**Г.П.** — Да нет, это неправда. Одесская студия была заинтересована в том, чтобы спустили заказ с «Экрана», чтобы были деньги... Вот я был против того, чтобы Высоцкий снимал.

**М.Ц.** — Почему?

**Г.П.** — Я сказал ему: «Володя, ты в такой потрясающей актёрской форме! Неужели тебе надо силы тратить на этот фильм?». Он ведь приехал после оглушительного успеха в Польше в мае 1980 года. В Варшаве шло, кажется, три «Гамлета». Ломницкий — Гамлет, Ольбрыхский — Гамлет, и кто-то ещё, — а Володю на руках выносили со спектаклей!

Я ему говорю: «Ну сделаешь ты, допустим, неплохую картину — ну и что из этого? Мало ли примеров, когда выдающиеся актёры превращались в весьма средних режиссёров?».

Однако он настаивал. Ну раз так — я решил, что буду помогать.

**М.Ц.** — Предварительного подбора актёров он ещё не делал?

**Г.П.** — Нет, но он очень любил Бортника и хотел, чтоб тот играл в картине. Вообще, если бы снимал Высоцкий, то это была бы совсем другая картина. Над сценарием они работали с Шевцовым. Они были очень разными людьми. Шевцов был мизантроп, понимаете? Скажем, в жизни советской он не видел вообще ничего светлого, один мрак. Высоцкий отличался другим. Даже в трагическом он видел какие-то человеческие стороны. Если бы он пел только о страданиях и тоталитарных безобразиях, он бы не имел такого успеха. Лирический герой Высоцкого обаятелен, человечен, здоров, способен любить. Так что если бы режиссёром был Высоцкий, то получилась бы более сентиментальная и более трогательная картина. Не менее, а может быть, и более весёлая и смешная, но при этом трогательная.

Своим темпераментом Высоцкий подвинул Шевцова на переработку сценария. Вариант переработанного сценария, насколько я знаю, не сохранился. Во всяком случае, когда Павловский<sup>5</sup> стал снимать «Зелёный фургон», то произошло возвращение к первоначальному шевцовскому сценарию, где главным героем был этот мальчик, которого сыграл Харатьян, а не персонаж, сыгранный Адомайтисом.

**М.Ц.** — Правда ли, что Высоцкий хотел играть в этом фильме Красавчика?

**Г.П.** — Нет, не хотел он играть, это очередная легенда. Он сказал: «Я буду играть только в крайнем случае». Он хотел попробовать чистой режиссуры и не собирался использовать этот сценарий, чтоб сняться самому. Высоцкий был завален предложениями в этот период, должен был и у меня сниматься в «Нашем призвании», эту роль вместо него сыграл Бортник.

Видимо, он «заболел» режиссурой после того, как две недели снимал в отсутствие Говорухина эпизоды в «Место встречи изменить нельзя». Говорухин поехал по туристической путёвке в Париж посреди картины, а останавливать же процесс было нельзя. Поэтому снимал Высоцкий, и снял успешно, поверил в себя.

**М.Ц.** — Как Вы считаете, у Высоцкого были задатки кинорежиссёра?

**Г.П.** — Были, но не великого режиссёра. Он был очень способен в решении каких-то актёрских линий. По-актёрски он был очень полезен партнёрам. Скажем, Садальский играл Кирпича у Говорухина, так Высоцкий фактически эту роль за него сыграл, а Садальский только скопировал. То есть он был, если можно так сказать, «актёрский режиссёр». А с точки зрения постановочной стихии... Ну он сделал бы картину, и там были бы хорошо сыгранные роли. Думаю, была бы хорошая трогательная атмосфера, но ожидать каких-то открытий было, конечно, маловероятно.

**М.Ц.** — Мне бы хотелось ещё раз вернуться к «Интервенции». Вы заказывали Высоцкому песни или это была его идея?

**Г.П.** — Насчёт песен... Была знаменитая песня «Гром прогремел...» От неё сохранился только один куплет, а было их шесть. Поэтому Высоцкому заказали дописать несколько куплетов. И он их написал, а теперь кое-кто доказывает, что это не его текст, а народный. У меня мать одесситка, дед был чуть ли не почётный гражданин Одессы. У меня там полно связей, и все помнят только один куплет — тот, который использовал Славин<sup>6</sup>. Все остальные куплеты написаны Володей.

Есть в фильме и одна настоящая блатная песня — «В Валиховском переулке...». Мы её специально встави-

ли — именно потому что это традиционная блатная песня с хорошей мелодией.

Высоцкий учил Копеляна петь «Гром прогремел...». Тот очень стеснялся, потому что никогда не пел. Он учился петь с голоса Володи, буквально каждую строчку. Волода и на съёмках, и во время записи стоял рядом. Без Высоцкого, конечно, Копелян так бы не спел.

**М.Ц.** — В фильм вошли «Гром прогремел...» и «Деревянные костюмы», а ведь предлагалось ещё две — «Песни Саньки» и «До нашей эры соблюдалось чувство меры...». Почему они не вошли в картину?

**Г.П.** — Дело в том, что первоначально нам разрешили снять две серии, а потом, когда в картине стали проявляться черты, которые не свойственны классическим советским революционным фильмам, разговор о второй серии был снят. Пришлось сокращать, поэтому некоторые сцены выпали из фильма, а некоторые и вовсе не были сняты, поэтому и песни к этим эпизодам тоже, естественно, выпали.

**М.Ц.** — Когда выяснилось, что второй серии не будет?

**Г.П.** — К концу съёмок. Думаю, что где-то в феврале 1968 года.

**М.Ц.** — Сохранилась студийная фонограмма песни «До нашей эры...», сделанная на «Ленфильме» 2 декабря 1967 года. «Песни Саньки» там нет...

**Г.П.** — Существовала черновая фонограмма этой песни, она пропала. На студиях случаются такие вещи. Скажем, у меня пропали две вырезанные главы из «Республики ШКИД». Причём пропали и негатив, и позитив. Как это произошло, до сих пор для меня тайна. Причём быстро так пропали... Мне не разрешили делать две серии фильма, но разрешили из двух вырезанных глав сделать короткометражку, как бы по следам «Республики ШКИД», но они исчезли без следа.

**М.Ц.** — Не исчезло ли что-нибудь из «Интервенции»?

**Г.П.** — Пропал один эпизод с участием Высоцкого. Я бился и искал его три месяца. Мы этот эпизод сняли на хвост плёнки. Это уже было в период, когда нам запрещали снимать, но мы сняли всё равно и спрятали. Настолько хорошо спрятали, что и сами найти не могли. Нашли только через несколько месяцев, когда смывали остатки материала. То есть уже были копии картины, так что вставлять эпизод было поздно.

**М.Ц.** — Что это за эпизод?

**Г.П.** — Это был монолог Высоцкого. Он стоит на улице, читает плакат, обещающий большую награду за его поимку, и комментирует идиотский полицейский текст, описывающий его приметы. «Иногда бывает остроумным, — зачитывал Высоцкий и грустно говорил: Почему иногда?». Очень жалко, что не стало этого эпизода.

**М.Ц.** — В конечном счёте «Интервенцию» не выпустили даже в урезанном виде. Вы писали однажды, что письмо к Л. Брежневу по поводу «Интервенции», подписанное потом всеми актёрами, писал Высоцкий. А Золотухин пишет, что автор письма — он.

**Г.П.** — Они вдвоём писали. Они вообще тогда многое делали вдвоём. В это время они очень дружили. У них разные периоды бывали в отношениях, в театре ведь тоже существует конкуренция, и кое-кто из актёров был недоволен, что Высоцкий — лидер. Но в те времена они очень дружили. Многие новые песни Высоцкий первому пел Золотухину. Это при мне было, так что я точно знаю.

Несмотря на то, что Золотухин уже тогда начал писать, он считал, что словом — даже в прозе и в эпистолярной форме — лучше владеет Высоцкий. Он ещё не был уверен в своих литературных способностях, поэтому письмо они писали вместе.

**М.Ц.** — Я читал в прессе, что при восстановлении «Интервенции» Вы привлечли для озвучания А. Булдакова?

**Г.П.** — Да, это правда. Некоторые куски фонограммы с голосом Высоцкого были в браке, и Булдаков отлично сымитировал голос Высоцкого.

**М.Ц.** — Вы сейчас упомянули о том, что предложили Высоцкому роль Сыровегина в фильме «Наше призвание». В одной из Ваших статей я читал, что Высоцкий спел Вам по телефону песню для этой картины и Вы её записали. Сохранилась ли та фонограмма?

**Г.П.** — Да, эту песню он напел мне за несколько дней до смерти. Я запомнил мелодию и рекомендации по аранжировке, передал это Эшпаю<sup>7</sup>. Идея Высоцкого сохранилась в фильме — песня звучит под две гитары и ударную установку. Так что эта последняя песня Высоцкого для кино полностью его — не только текст, но и мелодия. А фонограмма, к сожалению, не сохранилась.

16.09.2006 г.  
(Copyright © 2006)

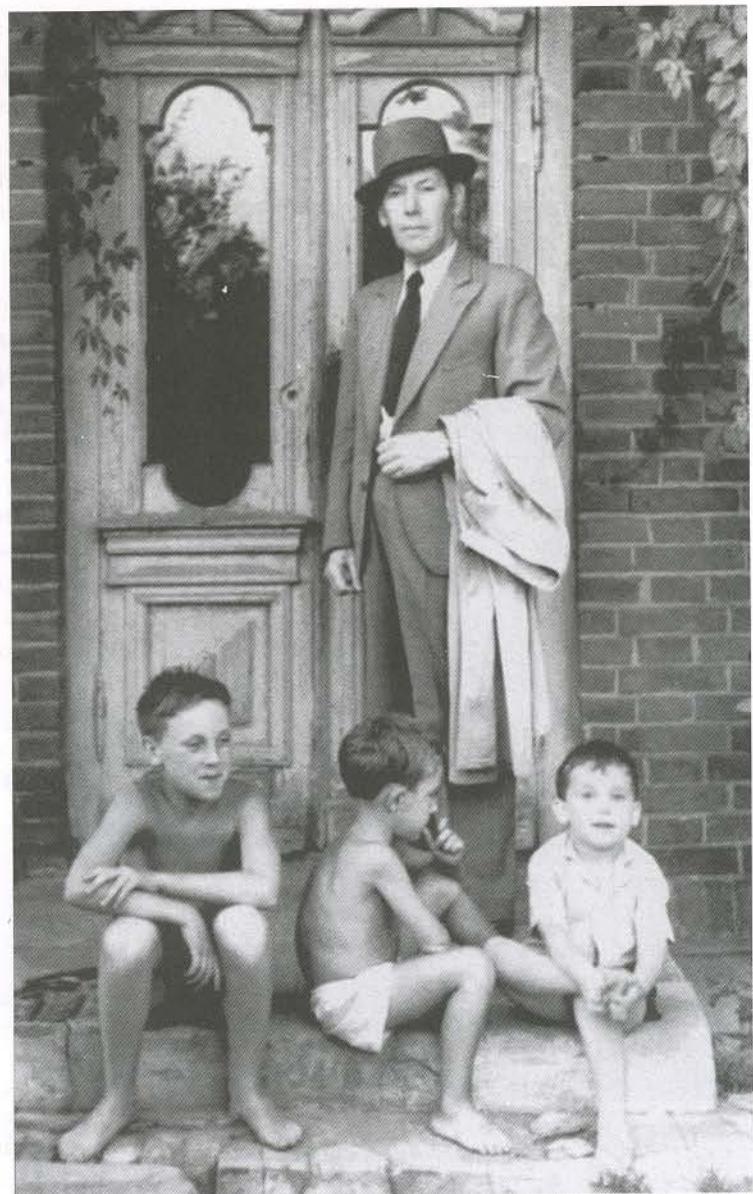
<sup>1</sup> Шифферс Е. — театральный и кинорежиссёр.

<sup>2</sup> Галансков Ю.Т. (1939–1972) — правозащитник, писатель, поэт. В 1967 г. приговорён к семи годам заключения. Умер в тюремной больнице.

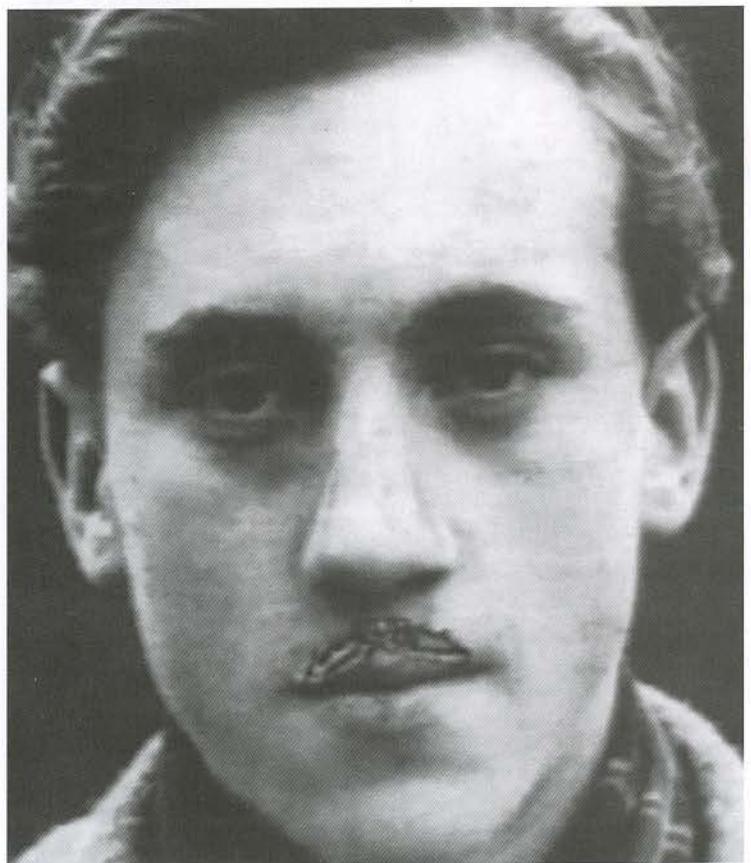
<sup>3</sup> Фоменко П.Н. (род. в 1932 г.) — режиссёр, народный артист России. Создатель более шестидесяти спектаклей в театрах России, Польши, Австрии, Франции.

<sup>4</sup> Лапин С.Г. (1912–1990) — председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

<sup>5</sup> Павловский А.И. (род. в 1947 г.) — кинорежиссёр, снявший фильмы «Трест, который лопнул», «Атлантида», «Зелёный фургон» и др.



Гайсин, Украина. В гостях у дяди Алексея Владимировича Высоцкого. На снимке: Владимир Семёнович Высоцкий, дед поэта, а у его ног, Володя Высоцкий, Саша, сын Алексея Владимировича и Вова, сын деда. Лето 1950 г.



Москва, весна 1955 г. Большой Каретный



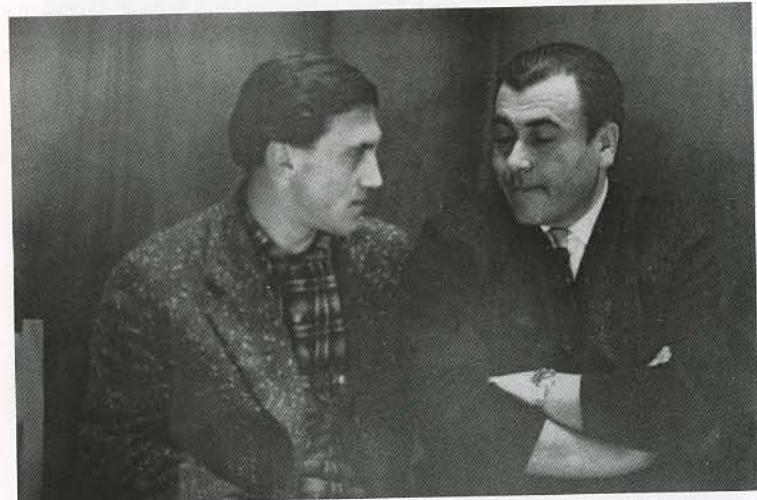
1958. Москва. Фотопроба в кинофильм "Над Тиссой"



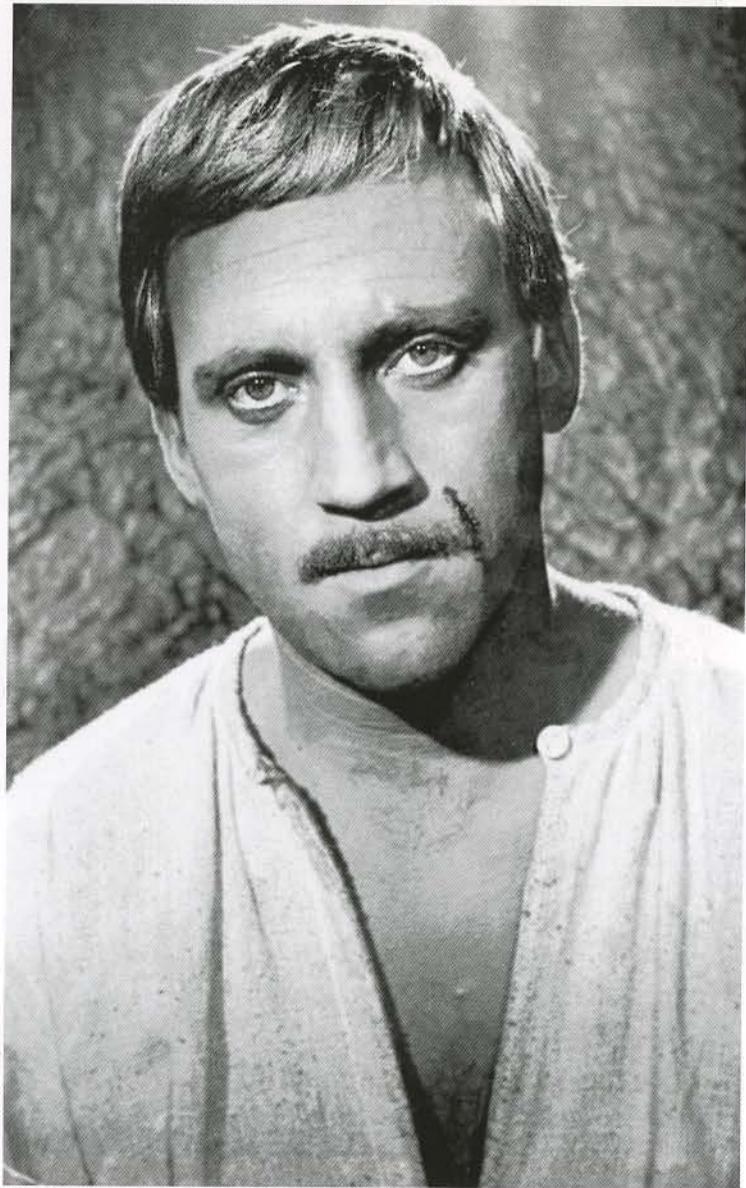
1961 кинопроба в фильм "Увильнение на берег"



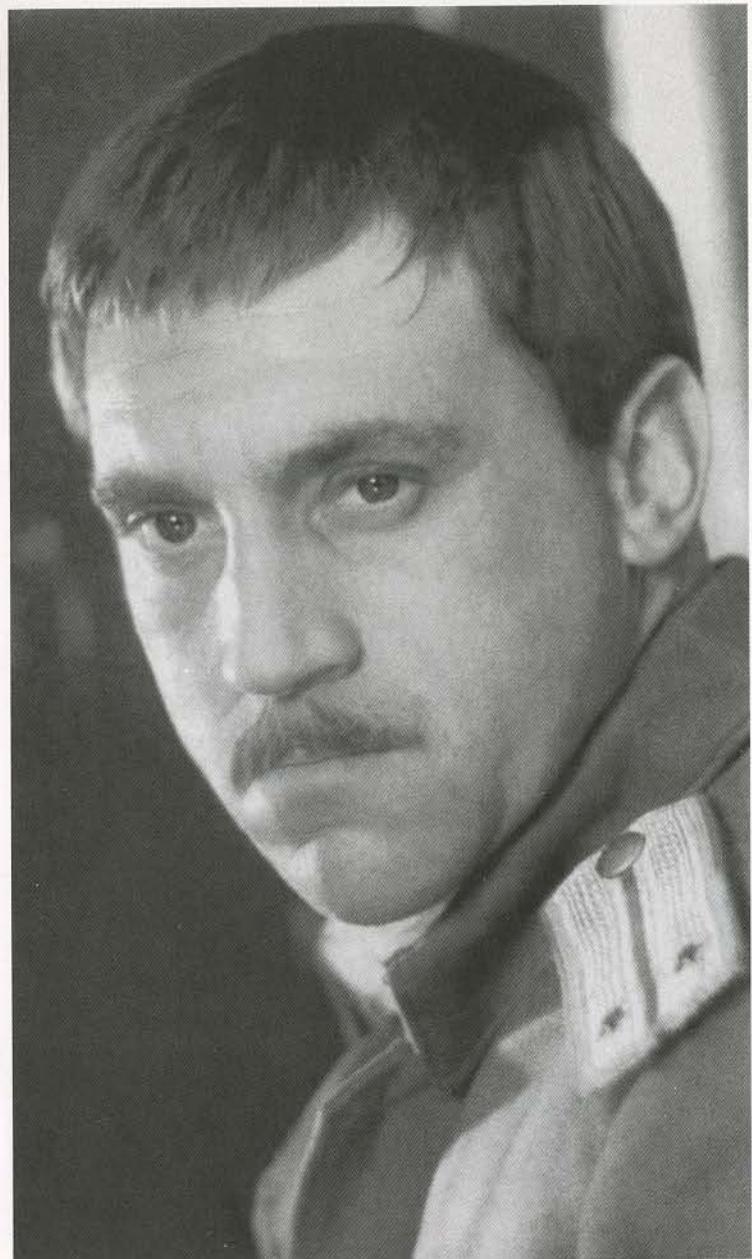
1961 год, ноябрь. Ленинград. С актёром И.Пушкиным в гостях у сотрудницы "Ленфильма" Н.Собираевой



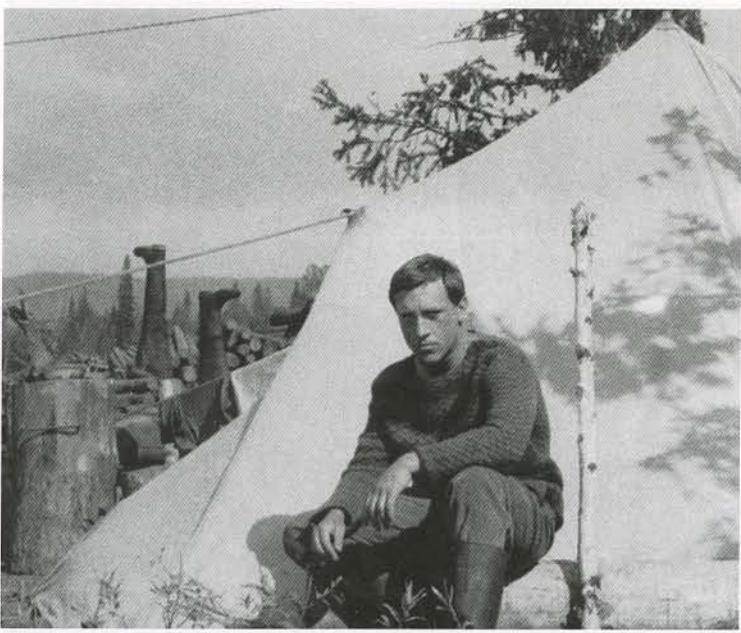
5 апреля 1966 г. Москва, Политехнический музей. С Михаилом Анчаровым



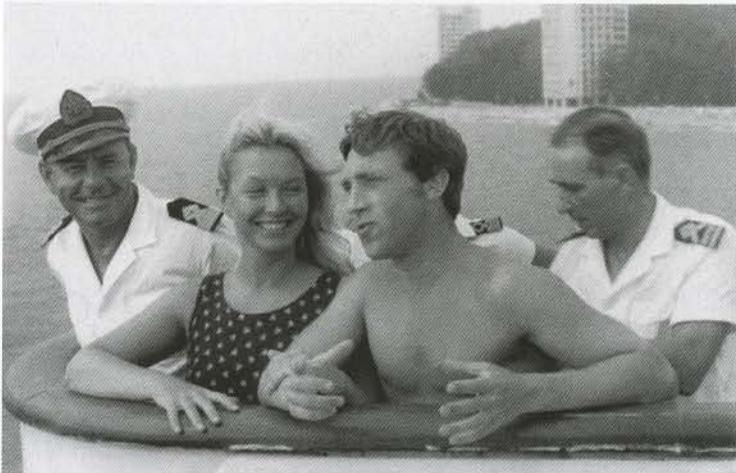
1967 апрель. Ленфильм. Проба к фильму "Интервенция"



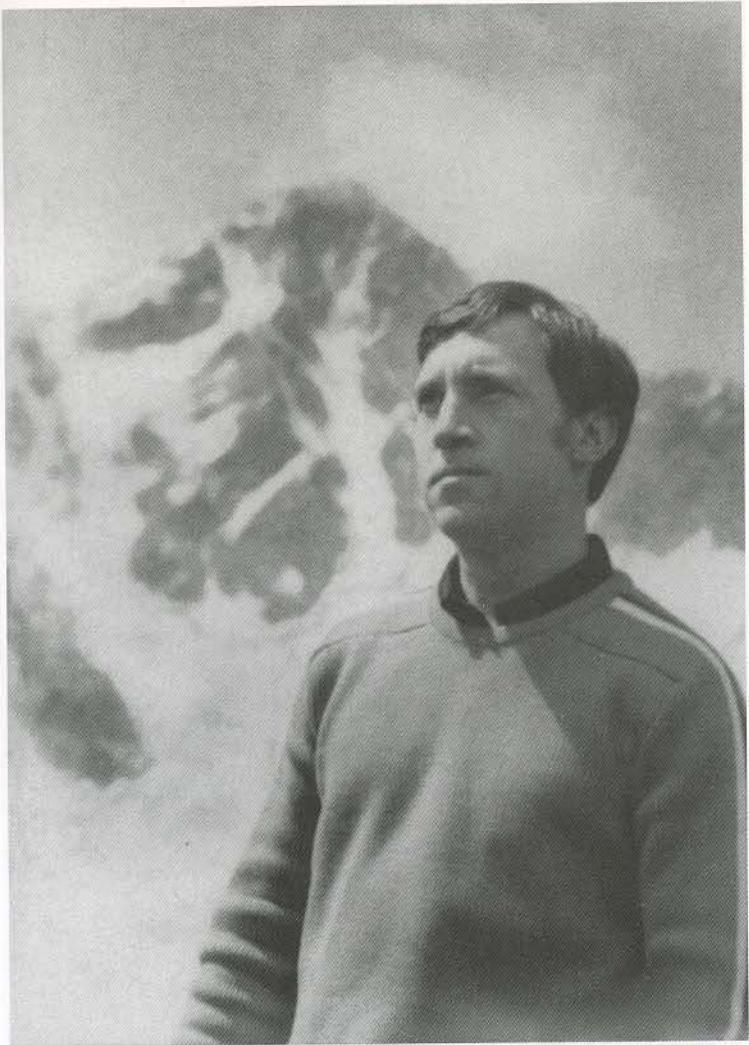
1967 г. май. Москва Проба к фильму "Служили два товарища"



1968 август. Выезжий Лог. Во время съёмок фильма "Хозяин тайги"



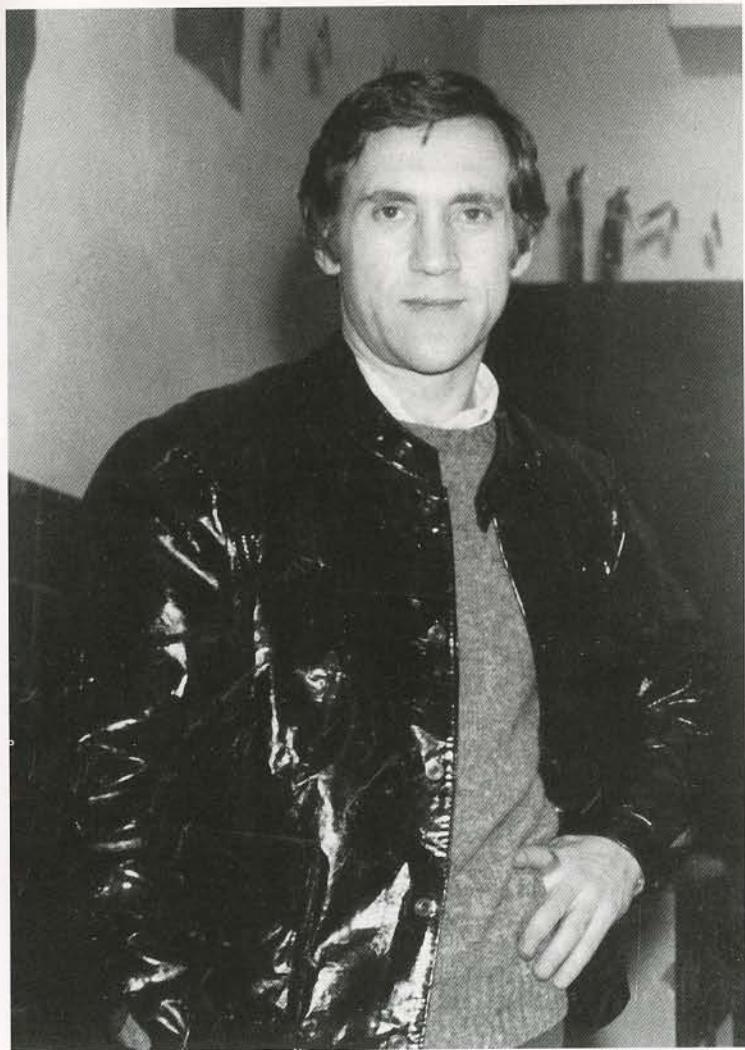
1969 год, август. На теплоходе "Грузия". Слева - капитан А.Гарагуля.



Конец августа 1970 г. Приэльбрусье



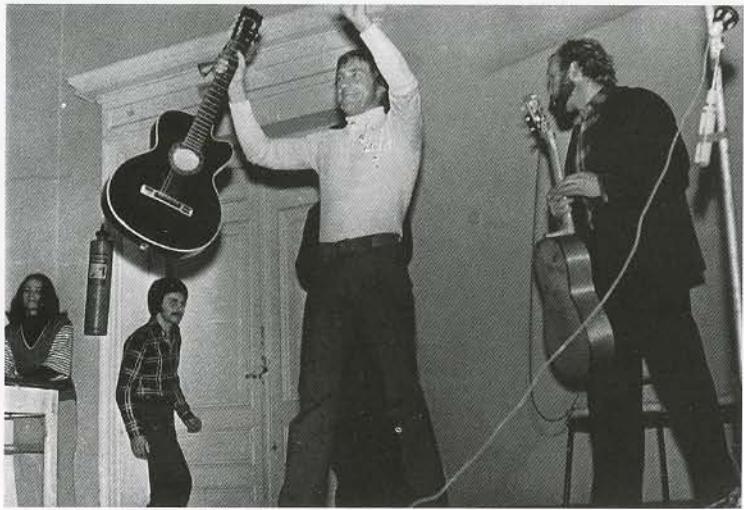
1971 август. С Мариной Влади в пос. Джубга Краснодарского края



1972 год, апрель. Киев.  
Перед концертом в научно-исследовательском институте (ЗНИИЕП)



Август 1971 года. Концерт на теплоходе "Шота Руставели"



1974, сентябрь. Рига. Концерт в школе номер 22  
(слева Иван Дыховичный, справа Анатолий Васильев)



1972 август. Латвия, Дубулты. С Карелом Готом



1975 г. 23 февраля Париж. Посольство СССР



1975 год, апрель. Остров Тенерифе.  
На палубе теплохода "Максим Горький"



1976 год, июль. С Леонидом Мончинским, будущим соавтором повести  
"Чёрная свеча"



1976 год, август. Канада. Морин Хайтс в перерыве работы над записью пластинки



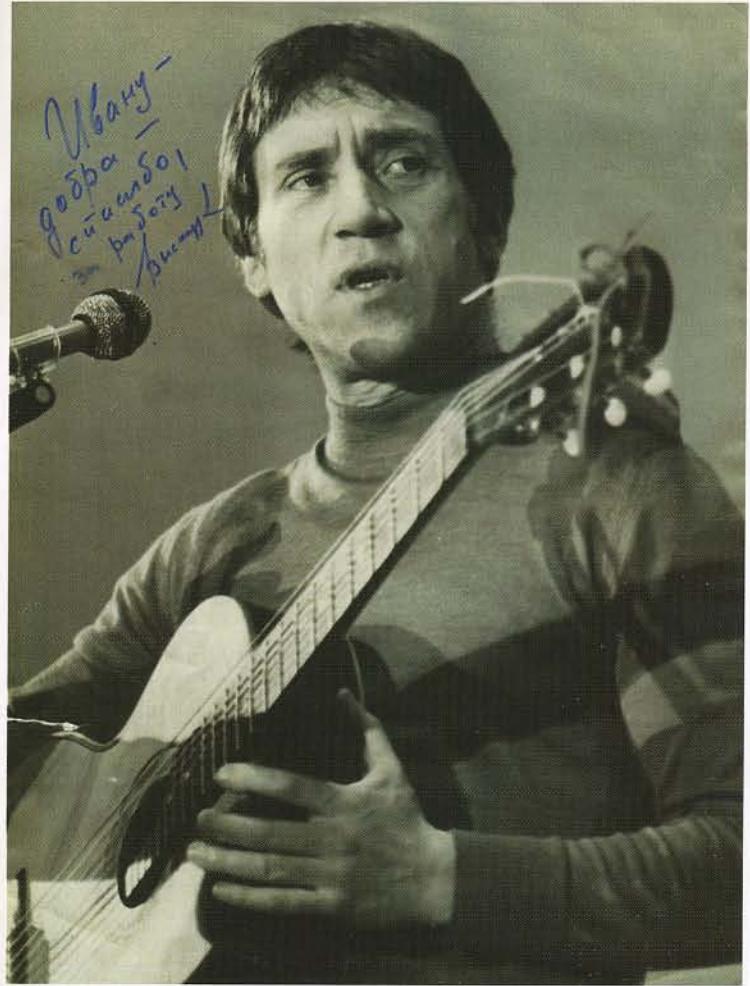
1976 год июль. Сан-Франциско, США



1977 г. ноябрь. Париж



1977 г. Париж, в студии Михаила Шемякина



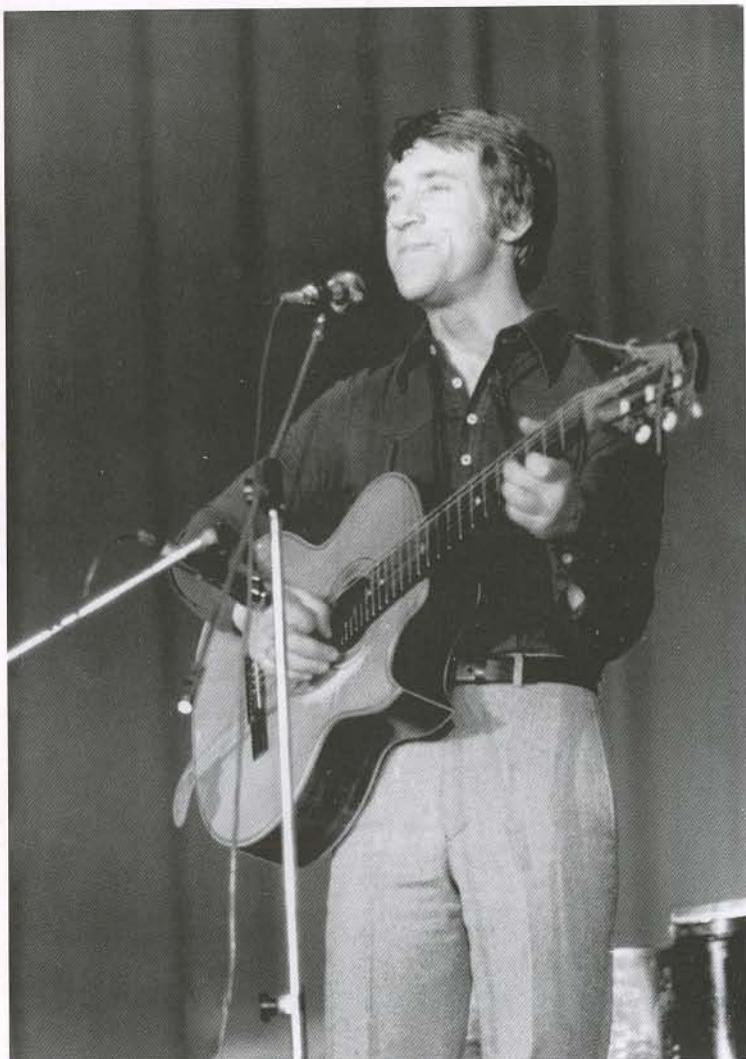
Череповец, апрель 1978 г. Дворец спорта "Алмаз"



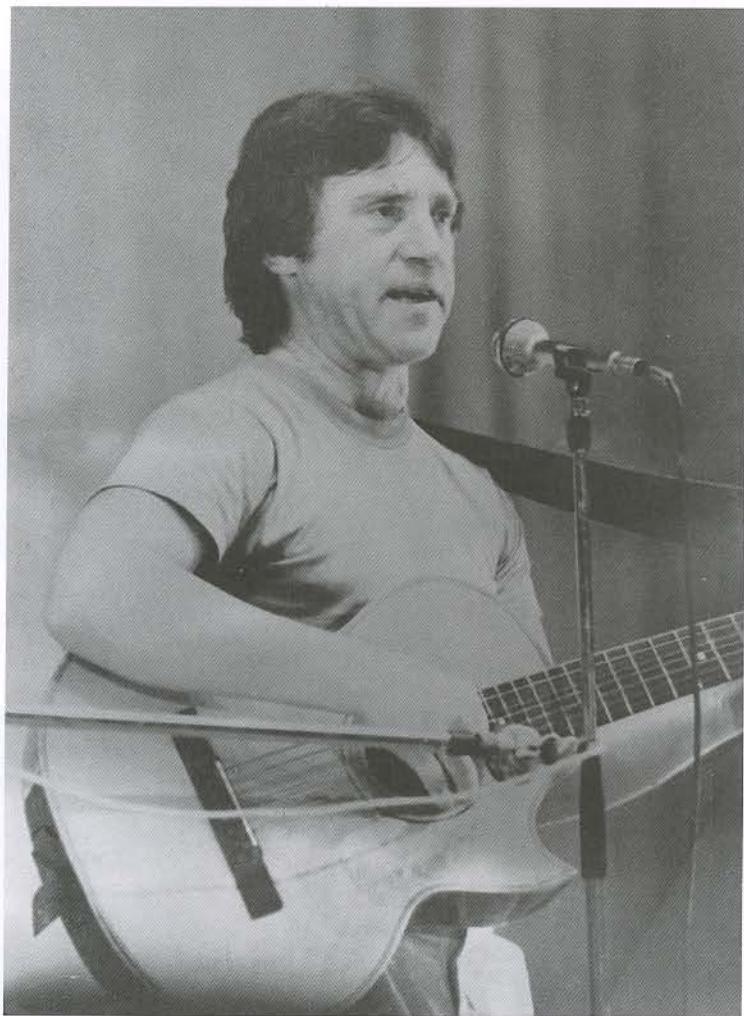
1979 г. лето. Рабочий момент съёмок фильма  
"Место встречи изменить нельзя"



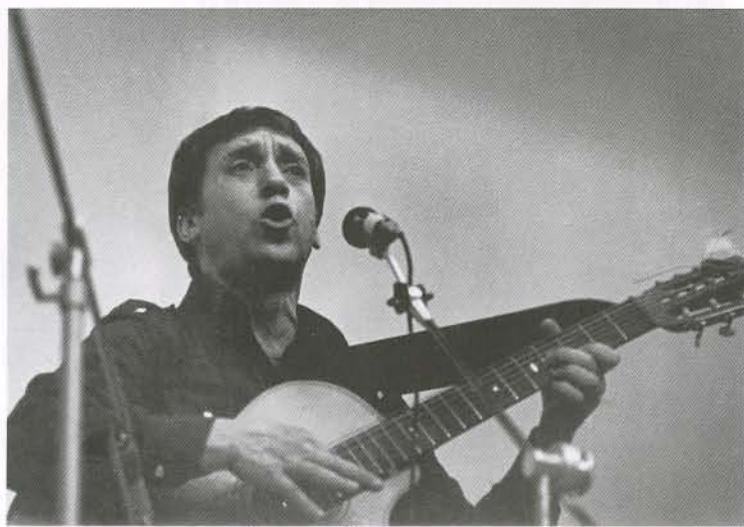
1977 г. июль. Канада



1979, апрель Ижевск. Дворец спорта "Ижсталь"



1980 июнь. Калининград . Дворец спорта "Юность"



1979 г. апрель. Глазов. Дворец спорта "Прогресс"



1980 г. место неизвестно

Г.И. ПОЛОКА

<sup>6</sup> Славин Л.И. (1896–1984) — писатель, сценарист, журналист. Автор пьесы «Интервенция», по которой Г. Полокаставил свой фильм.

<sup>7</sup> Эшпай А.Я. (род. в 1925 г.) — композитор, пианист. Автор 7 симфоний, 16 концертов, 2 балетов. Писал музыку ко многим кинофильмам, в том числе — «Наше призвание».

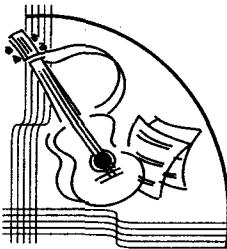


1980 г. 28 июля. Похороны



Сороковины. На переднем плане Марина Влади и Даниэль Ольбрыхский

**ПОЛОКА, Геннадий Иванович.** Кинорежиссёр, сценарист, актёр. Родился 15 июля 1930 г. в Куйбышеве (ныне — Самара). В 1948–1950-х гг. учился на актёрском отделении театрального училища им. М. Щепкина. Окончив режиссёрский факультет ВГИКа (1957, мастерская Л. Кулешова), стал режиссёром киностудии «Мосфильм». В 1963 г. дебютировал в художественном кинематографе, сняв вместе с Л. Шенгелия фильм «Каштановые сети». В 1966 г. по повести Л. Пантелеева и Г. Белых поставил картину «Республика ШКИД». В 1968 г. снял фильм «Интервенция». В последующие годы поставил художественные фильмы «Один из нас» (1970), «Одиночды один» (1974), «Мелодия на два голоса» (1980), «Наше призвание» (1981), «Три процента риска» (1985), «А был ли Каротин» (1989), «Возвращение броненосца» (1998). В 1976–1980 гг. работал художественным руководителем студии музыкального фильма ТО «Экран». Как киноактёр снялся в фильмах «Секундомер» (1970), «Ночь на 14-й параллели» (1971), «Дела давно минувших дней...» (1972), «Как я был вундеркиндом» (1983) и др. Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Вторые премии» за 1968 год. Премия «Кинотавр» в номинации «Премия президентского совета» за 1996 г. Секретарь Союза кинематографистов стран СНГ и Балтии. Живёт и работает в Москве.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Борис Павлович ПОЛОСКИН

**М.Ц.** — Вы когда-нибудь на совместных концертах с Высоцким пели?

**Б.П.** — Нет, не было такого. 18 января 1967 года, когда он приезжал в Ленинград для первого выступления в ДК «Восток», мы с Кукиным встречали его. Вот в номере мы немножко попели друг другу.

Это был первый приезд в «Восток», а потом был второй приезд, когда он играл на моей гитаре.

Сейчас эта гитара находится в бывшем Музее Революции. Там сейчас расположен Музей истории России. В нём есть экспозиция, посвящённая бардам. Вот там находятся эта самая гитара, фотография Высоцкого, на ней играющего. А на самом инструменте — автографы Высоцкого и Галича.

**М.Ц.** — Вы имеете в виду концерт Высоцкого в «Востоке», состоявшийся 3 октября 1967 года?

**Б.П.** — Да, верно.

**М.Ц.** — А почему Высоцкий играл на Вашей гитаре? Он приехал без инструмента?

**Б.П.** — В тот день у него было два выступления. Сначала он выступил в Физико-техническом институте, в котором я работаю. Потом он поехал в «Восток», а я домой. Поел, потом собрался тоже ехать в «Восток». Мне было интересно, как он работает, песни-то мы его знали.

О Владимире Высоцком вспоминает || 291  
Б.П. ПОЛОСКИН

Оказалось, что в «Восток» он приехал без гитары, и пока я ехал туда из дома на общественном транспорте, кто-то съездил за моей гитарой. Она тогда была, наверное, лучшая в городе.

Впрочем, гитары-то все одинаковые, но на моей была особая перевязь, которую я купил в Германии. И вдруг смотрю — такая же перевязь у Высоцкого, что меня несколько удивило. В перерыве он мне объяснил, в чём тут дело. (Концерт, о котором идёт речь, состоялся 20 декабря 1967 г. На снимках, сделанных на том выступлении, хорошо видна роскошная перевязь гитары Б. Полоскина. — М.Ц.)

**М.Ц.** — Концерт в Физико-техническом институте до сих пор никем никогда не упоминался. Это Вы организовали ему выступление?

**Б.П.** — Нет, это не я организовал. У нас там все барды выступали, начиная с Окуджавы. Дело в том, что Окуджава был женат на Ольге Арцимович, а её отец был человеком номер один в Институте. (Лев Арцимович — физик, академик, автор знаменитого афоризма: «Наука — лучший способ удовлетворения личного любопытства за государственный счёт». — М.Ц.)

Приезжали туда и Визбор, и Ким, и Высоцкий. Высоцкий настолько, как говорится, пришёлся ко двору, что филиал нашего института в Гатчине начал приглашать его очень часто. У нас в институте Высоцкий был только один раз, а в Гатчину ездил много раз. Оттуда он передавал мне приветы, я на тех концертах не бывал.

**М.Ц.** — На каких ещё выступлениях Высоцкого в Ленинграде Вы бывали?

**Б.П.** — Да, честно говоря, не помню уже. Запомнились первых два выступления в «Востоке». Запомнился момент съёмок фильма «Срочно требуется песня». Хотя это не было совместным выступлением, нас снимали в

разное время. Там в кадре четыре человека — Высоцкий, Окуджава, Ада Якушева и я.

Меня снимали три раза — на сцене, в кафе «Восток» и просто в каком-то помещении. Второй вариант вошёл в фильм.

Высоцкого снимали на сцене во время выступления, и этот вариант прошёл. Аду Якушеву тоже сняли на сцене. А что касается Окуджавы, то те кадры, которые были сняты в Ленинграде, — они не пошли по каким-то причинам, и его снимали в Москве.

**М.Ц.** — А Вы уверены, что Высоцкого снимали именно во время концерта? Мне говорили, что кадры, вошедшие в фильм, сняты после концерта, в кафе «Восток».

**Б.П.** — Нет, Высоцкого точно снимали на сцене! В кафе снимали меня.

**М.Ц.** — После 1960-х годов. Вы ещё с Высоцким общались?

**Б.П.** — После того как он взлетел, уже не общались. Он мне просто передавал приветы. Он был очень доброжелательный человек. Если можно было выразить доброжелательность, то он её выражал. А общения не было. Он стал профессионалом, а я — любитель.

19.02.2006 г.  
(Copyright © 2006)

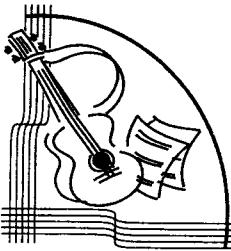
---

**ПОЛОСКИН, Борис Павлович.** Родился 18 февраля 1932 г. в Ленинграде. В 1956 г. окончил Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина. Кандидат физико-математических наук. Работал в Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе, доцент кафедры Санкт-Петербургского института методов и техники управления. Мастер спорта СССР по туризму. Заслуженный путешественник России.

Б.П. ПОЛОСКИН Автор ряда методических работ по технике туризма. Вёл передачи «Телевизионный клуб «Турист»» на Ленинградском телевидении.

Член клуба песни «Восток» со дня его образования. Песни пишет с 1956 г. преимущественно на свои стихи, а также на стихи М. Агашиной, А. Азизова, А. Саджая, Н. Кончаловской, Р. Гамзатова, Н. Слепаковой и других поэтов. Лауреат конкурсов туристской песни 1-го и 3-го Всесоюзных походов молодёжи в Бресте (1965) и в Ленинграде (1967). Вышла пластинка «...Как ветерок по полю ржи» на фирме «Мелодия» (1989), аудиокассеты «Я люблю» и «Берестяная грамота» (1997); книга «Запишем песню» (2000). Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

(Инф. из кн. «От костра к микрофону». Сост. А. и М. Левитаны, Санкт-Петербург, 1996 г., стр. 52–53, интернет-сайта «Bards.ru» — <http://www.bards.ru/person.php?id=276> и личной беседы: 19 февраля 2006 г.)



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Наталья Ефимовна ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

**М.Ц.** — Сколько раз Высоцкий выступал в вашем институте? (Речь идёт об Институте микробиологии и вирусологии им. акад. Д.К. Заболотного НАН Украины. — *М.Ц.*)

**Н.П.** — Два раза. Сначала в сентябре 1971 года, потом через год, в 1972-м. Наша заведующая отделом Елена Яковлевна Ращба написала ему стихотворение. Он знал эти стихи, я ему посыпала. И вот после второго концерта он меня спросил: «Это та женщина в зелёном платье, что сидела в первом ряду, написала мне стихи?». Я говорю: «Да, Володя, а откуда Вы узнали?». Он ответил: «Я почувствовал».

**М.Ц.** — Второй концерт тоже Вы организовывали?

**Н.П.** — Да, конечно!

**М.Ц.** — Не припомните, это было весной или осенью 1972 года?

**Н.П.** — Насколько я помню, это было уже после лета, мы были уже все довольно тепло одеты. Причём этот концерт не разрешали, его организовали неофициально. Я подошла к секретарю парторганизации нашего института, которого знала ещё студентом. «Можно, — говорю, — провести концерт Высоцкого?» На что получила ответ: «Ты ко мне не подходила, ты со мной не разговаривала». На свой страх и риск я этот концерт сделала.

**М.Ц.** — А как Вы узнали, что Высоцкий в Киеве?

**Н.П.** — Вот это я уже припомнить не могу. Когда мои знакомые ездили в Москву, я — признаюсь в таком грехе — передавала ему украинскую горилку с перцем и торты «Киевские». Передавала и письма. Помню, однажды написала: «Володя, когда Вы в Киеве, все об этом тут же узнают». Так что как-то вот узнала...

**М.Ц.** — А когда Вы познакомились с Высоцким?

**Н.П.** — Театр «Таганка» приехал в сентябре 1971 года на гастроли в Киев. Перед знакомством я увидела его в спектакле «Пугачёв». Впечатления от спектакля были у всех зрителей на уровне нервного срыва. Безусловно, в этом заслуга силы и мощи, глубины игры Владимира Семёновича. Институт биохимии устраивал концерт в Доме учёных на Владимирской.

А началось всё со скандала, потому что директор Дома учёных не разрешал проводить концерт. Он говорил: «Вы меня обманули! Вы сказали, что будет научно-техническая конференция!».

Я ведь на концерт с трудом попала. Когда мне позвонили, что будет концерт Высоцкого, я побежала к своим друзьям в Институт биохимии, выпрашивала у них билетики. А со мной же приехало пол-института, так что я по одному билетику просила у многих, и все мы прошли.

Концерт долго не начинался, я пошла узнать, в чём дело. Дверь была уже закрыта, я прошла через сцену. Вижу, в комнатке сидит Володя с гитарой — я первый раз тогда его увидела. Я поздоровалась и прошла в кабинет директора, а он там отчитывал организаторов концерта Высоцкого и категорически сказал: «Нет, концерта не будет!».

Я это услышала и говорю: «Вы меня извините, пожалуйста, но это столичный Дом учёных. Мы не имеем права так поступать. Это некрасиво — московский актёр не

виноват в нашем промахе. Я очень Вас прошу разрешить концерт». Он говорит: «Да я не имею права разрешить! Это невозможно даже с противопожарной точки зрения — люди сидят на полу, в проходах, на подоконниках». Я ему в ответ: «Да вчера в Театре оперетты на спектакле «Таганки» «А зори здесь тихие» люди тоже на полу сидели, и никто ничего не сказал. Я Вас просто умоляю: разрешите концерт. Если б я мужиком была, я б этим людям морду набила за то, что они Вас обманули, но — позвольте начать концерт».

Он тогда: «Ну так... Хорошо... Но сделайте так, чтоб были хоть какие-то проходы». Я ему говорю: «Большое Вам спасибо!», повернулась, — а в дверях стоит Высоцкий, который весь этот разговор слышал. И вдруг он мне говорит: «Объявите меня, пожалуйста». Я говорю: «Я боюсь». Он мне в ответ: «Это Вы боитесь?!»

В общем, я вышла на сцену и сказала: «У нас в гостях Владимир Высоцкий!». Он подождал, пока я через сцену прошла на своё место и начал концерт. После концерта мне мои друзья устроили скандал: «Так ты, оказывается, давно его знаешь?! А мы от себя отрывали билеты, чтоб тебе дать». Я говорю: «Да что вы! Мы только что познакомились».

Потом я к нему подошла: «Володя, я очень Вас прошу выступить у нас в институте». Он говорит: «А зачем Вам? Вы же меня только что слышали». Я ему: «Володя, а сколько моих друзей Вас ещё не слышали!».

Там произошёл случай, о котором Вы, наверное, знаете.

**М.Ц.** — «Товарищи учёные»? Да, я читал об этом в «Фактах»<sup>1</sup>. Вы бывали на других концертах Высоцкого в Киеве?

**Н.П.** — Да, я помню, был концерт для сотрудников института физической химии, это уже, кажется, был 1973 год. Но там очень маленький зал, поэтому концерт

они устроили в школе на проспекте Науки. Номера дома и номера школы я не помню. Запомнилось, что мы встретились возле Института физхимии и вместе поехали в эту школу, где было уже очень много народа. После выступления мы с ним зашли в класс и целый час разговаривали. Он сказал: «Не надо, чтобы люди заходили, я немножко отдохну».

Я сидела рядышком со сценой. Он покосился на гравин с водой, я налила ему воды. А потом я слышала это на записи, как он сказал: «Вот скажут теперь, что Высоцкий на концерте что-то не то пьёт».

**М.Ц.** — После 1973 года Высоцкий бывал в Киеве? Если да, то выступал ли?

**Н.П.** — Насколько я помню, он как-то приезжал в Киев, но без концерта.

**М.Ц.** — Вы видели Высоцкого в спектаклях «Таганки» после киевских гастролей?

**Н.П.** — Да, в 1971 году я приехала в Москву на «Десять дней, которые потрясли мир», а на будущий год я была на конференции в Серпухове и оттуда электричкой приехала со своими друзьями на «Гамлета». Это было в День рождения Володи, 25 января. Встретились с ним утром, во время репетиции. Он говорит: «Наташа, ничего не могу сделать! Даже Марине отказали в билете». Я говорю: «Ну Марина ещё посмотрит, а мы специально приехали». И он сделал нам билеты в четвёртом ряду. Я говорю: «Ой!». Он мне: «Что «ой»? В первом ряду — могила, туда не надо». Ну это было нахальство, что сказать.

Причём такой ещё момент. Он мне сказал: «Приходите в кассу до трёх часов и заберите билеты». И вот, обнаглевшие оттого, что у нас заказаны билеты на «Гамлета», мы пошли гулять по Москве, зашли в «Арагви»... Короче говоря, у кассы я появилась в половине седьмого.

Администратор мне говорит: «А Ваши билеты отданы, надо было раньше получить». У меня на голове шапка поднялась вместе с волосами от ужаса, что меня там друзья ждут, а я в прямом смысле прогуляла билеты!

Я побежала на служебный вход, а там стоит Евтушенко. Я к нему бросилась: «Женя, что делать?» (Мама меня потом поругала: «Ну как ты могла назвать его просто Женей?». Я ей сказала, что в журнале «Америка» была статья, где он говорил: «Зовите меня Женей».) — «А в чём дело?» — «Высоцкий оставил мне билеты, а я поздно пришла за ними». Он говорит: «Ну ладно, идёмте к Дупаку». Пришли мы, Евтушенко объяснил ситуацию, и Дупак велел нас провести. Вот так мне удалось увидеть «Гамлета».

После спектакля мы зашли к ним в уборную (помню, что кроме Володи там были ещё два актёра), благодарили за современный спектакль. Я говорю: «Ребята, вы даже не понимаете, что вы делаете!». А Володя с ухмылкой: «Почему не понимаем?! Все понимаем!».

Потом я уже познакомилась с его мамой. Я к Нине Максимовне приезжала, и когда Володи уже не было. Однажды она мне сказала: «Володя получал очень много писем. Большинство он рвал, а Ваши остались».

Я писала ему интересные вещи. Рассказывала о том, что моя бабушка видела Сару Бернар в роли Гамлета; о том, что мой дед пел с Шаляпиным в Большом театре... Нина Максимовна мне сказала: «Однажды я спросила Володю: «А ты помнишь Наташу Преображенскую?». Он сказал: «Да, помню».

Не скрою, мне это очень приятно.

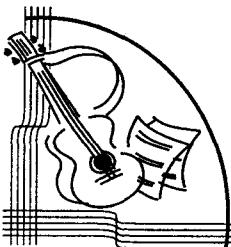
6.05.2007 г.  
(Copyright © 2007)

<sup>1</sup> Речь идёт о случае, рассказанном Н. Преображенской в интервью киевской газете «Факты» (выпуск от 24.01.2003 г., стр. 23): «Пока ехали в машине, я предупредила Высоцкого: мол, не удивляйтесь, если увидите научных работников не в белых халатах, а в валенках и фуфайках — многие на Ваше выступление приедут прямо с уборки картошки. Но Владимир Семёнович только заулыбался. А в институте народу собралось столько, что вскоре людей перестали пускать в зал...

Полторачасовое выступление прошло замечательно, и в конце Владимир Семёнович сказал: «Мне тут Наташа рассказала, что вы были на картошке. Обещаю вам, что к следующему выступлению, если вы меня, конечно, пригласите, обязательно напишу песню об этом».

Он сдержал слово. Через год, в 1972-м, снова выступая у нас в институте, Высоцкий начал программу с теперь уже известной всем песни, слова которой стали крылатыми: «Небось, картошку все мы уважаем, когда с сольцой её намять...»

**ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, Наталья Ефимовна.** В 1970-е гг. — старший научный сотрудник НИИ микробиологии и вирусологии им. академика Д.К. Заболотного АН УССР. В настоящее время — председатель Фонда спасения детей Украины от чернобыльской катастрофы, член Президиума Украинского Совета мира, эксперт Национальной комиссии по радиационной защите населения Украины при Верховном Совете Украины, кандидат биологических наук. Живёт и работает в Киеве.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Евгений Вениаминович РАДОМЫСЛЕНСКИЙ

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, как возник Московский молодёжный экспериментальный театр, членом труппы которого был Владимир Высоцкий.

**Е.Р.** — Я окончил актёрский факультет Щукинского училища в 1957 году и начал как педагог стажироваться в Школе-студии МХАТ. Первый выпуск, который я целиком прошёл в качестве преподавателя, был выпущен в 1962 году. У меня был с ними довольно удачный спектакль «Обыкновенное чудо», он даже получил некий резонанс в Москве. У ребят была жажда работы и желание остаться вместе после выпуска.

Мы тогда близко дружили с Геной Яловичем, он предложил в качестве актёров своих однокурсников, которые закончили Школу-студию за два года до этого, в 1960 году.

Стали искать возможность, где нам можно будет собираться. Вышли мы на клуб МВД (в описываемое время это был клуб СНХ СССР. — *М.Ц.*), расположенный на Лубянке. Там мы и организовали нашу студию.

У нас играли очень хорошие актёры — Лёва Круглый, мой коллега по театру «Современник», где я тоже был в те времена актёром; Михаил Зимин, превосходный актёр, ныне, к сожалению, покойный; Роман Вильдан, долгие годы успешно игравший потом в Театре имени Пушкина. И в числе прочих привлекли к работе

**О Владимире Высоцком вспоминает** || 301  
**Е. РАДОМЫСЛЕНСКИЙ**

Володю Высоцкого. Он тогда был «бесприютный». Работал в Театре имени Пушкина одно время, потом был вынужден уйти оттуда. Какое-то время вообще в театре не работал, находился в подвешенном состоянии.

Все мы были молодые, друзья-приятели, работали с удовольствием. Работали по ночам, другого времени не было. Первой нашей постановкой стала «Белая болезнь» Чапека, и этот спектакль имел резонанс довольно-таки широкий. Одну рецензию написал Евгений Сидоров, будущий министр культуры, он был наш приятель, другую — Инна Вишневская в «Вечёрке», Галанов поместил рецензию в «Литературке». На спектакль к нам приходили Шукшин и Булат Окуджава. В общем, успех был, и интерес был.

К сожалению, у меня не осталось снимков Володи в роли Отца, которую он исполнял в этом спектакле. Не осталось даже программки.

Потом мы пытались делать ещё спектакли — «Разбойников» того же Чапека, пьесу Сергея Ларionова «Мы Колумбы», репетировали пьесу Жоры Епифанцева. Пару лет работали, играли, существовали. И внимание к нам было, но, к сожалению, мы не выдержали. Многие детали уже выпали из памяти, ведь прошло чуть ли не пятьдесят лет. На те впечатления у меня насытились множество других. Я ведьставил пьесы на четырёх материках.

**М.Ц.** — Ого!

**Е.Р.** — Яставил спектакли на Кубе, на Кипре, в Югославии, в Чехословакии. И у нас много спектаклей — во МХАТе, в Театре оперетты, в Театре сатиры. В данный момент я руковожу театральным факультетом в Институте современного искусства. Он существует уже пятнадцать лет, было уже двенадцать актёрских выпусков. Так что после той студии было очень много всего...

**М.Ц.** — И что же стало причиной распада студии?

**Е.Р.** — Просто изнутри мы не выдержали, понимаете? Было очень трудно существовать в таких условиях. Физически трудно работать ночами. Да и в Доме культуры было непросто существовать, от нас требовали немножко другого — они хотели клубной работы, хотели, чтобы мы вели там кружок самодеятельности. Режим наших тоже не очень устраивал.

**М.Ц.** — Спектакль «Белая болезнь» был выпущен в 1964 году?

**Е.Р.** — Мне кажется, в 1963-м. Сезон 1963–64 годов, но премьера была в начале сезона.

**М.Ц.** — Вам запомнилась игра Высоцкого в том спектакле?

**Е.Р.** — Я помню, как он играл. Но ведь тогда он только, что называется, разворачивался, только созревал. Он был обаятельный, милый, заводной. Песни его были талантливые, озорные, но, конечно, это был не тот уровень, на который он вышел позднее.

Я больше запомнил его работы в студии, особенно его исполнение роли Порфирия Петровича. Они ставили отрывок из «Преступления и наказания». Это было достаточно интересно. Он уже тогда заявлял о себе как о способном актёре, но это не было чем-то выдающимся. В те времена нас, скорее, привлекал Володя вне сцены. Его шутки, байки, рассказы, показы...

Когда дело уже шло к распаду студии, у нас появился вариант поставить в Дубне спектакль «Тихие физики» Максима Сагаловича. Володя написал для этого спектакля песню, которая стала потом популярной, — «Тропы ещё в антимир не протоптаны...» Это было в 1964 году.

**М.Ц.** — Вы собирались ставить этот спектакль в этой же студии?

**Е.Р.** — Ну да. Там происходила вся время некая ротация участников. Когда мы думали об этом спектакле, у нас

уже был привлечён к работе Тетерин, пожилой тогда уже человек, народный артист, и другие актёры старшего поколения.

Мы хотели этот спектакль и репетировать, и ставить в Дубне, во Дворце культуры. Финансируировать это собирался Институт физики. Мы подружились с молодыми учёными — Тяпкиным, Кодышевским и другими. Эрнст Неизвестный и Олег Целков должны были делать декорации. Но дело заглохло, к сожалению.

**М.Ц.** — В дальнейшем у Вас были ещё творческие контакты с Высоцким?

**Е.Р.** — Не было. Жизнь нас развела. У каждого возникли свои дела, свои проблемы...

23.09.2006 г.

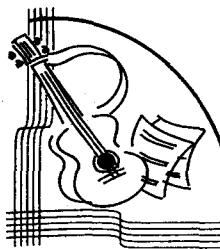
(Copyright © 2006)

**РАДОМЫСЛЕНСКИЙ, Евгений Вениаминович.** Режиссёр, театральный педагог. Родился в 1935 г. в Москве в семье известного театрального деятеля Вениамина Захаровича Радомысленского, долгие годы возглавлявшего Школу-студию МХАТ.

В 1957 г. окончил актёрский факультет Щукинского училища, с 1958 г. работает педагогом в Школе-студии МХАТ, где поставил более 20 спектаклей: «Обыкновенное чудо» Е.Шварца, «Перед ужином» В. Розова, «Потерянный сон» А. Арбузова, «Мизантроп» Э. Лабиша, «Преступление и наказание» по роману Ф. Достоевского, «Жаворонок» Ж. Ануя, «Самоубийца» Н. Эрдмана, «Зойкина квартира» М. Булгакова и многие другие. Его самые знаменитые ученики — Алексей Жарков, Татьяна Васильева, Анатолий Васильев, Александр Балуев, Сергей Гармаш, Михаил Янушкевич и др.

Помимо педагогической деятельности в Школе-студии работал актёром в «Современнике», Театре им. Моссовета, режиссёром во МХАТ им. А.Чехова, МХАТ им. М. Горького, Театре сатиры, Театре им. В. Маяковского, Театре оперетты,

Театре киноактёра, ЦДТ. В этих театрах им поставлено более 100 спектаклей. В 1977 г. на т/о «Экран» осуществил экранизацию двухсерийного спектакля «Чеховские страницы» в постановке МХАТа им. М. Горького по одноактным пьесам и рассказам А.П. Чехова «Канитель», «Лекция о вреде табака», «Юбилей», «Печенег», «Рассказ госпожи Н.Н.», «Лебединая песня». Работал в Югославии, на Кубе, на Кипре, в Чехии и др. В настоящее время руководит театральным факультетом Института современного искусства. Заслуженный деятель искусств РФ, профессор. Живёт и работает в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Тойво Васильевич Ряннель

Я считаю творчество Высоцкого «криком буревестника». Он нас будил, звал к борьбе. Я горжусь, что мне удалось это лично ему сказать.

Мой земляк (по Сибири) Володя Назаров завершал кем-то начатый фильм («Хозяин тайги». — М.Ц.) по повести Можаева и настоял, чтобы фильм снимали в Сибири, на реке Мана, где сплав леса и жизнь межпромхозовского посёлка представлялись более близкими к духу повести.

Какие-то кадры для начала фильма снимались в конце работы, в сентябре (1968 г. — М.Ц.). Назаров мне позвонил и просил приехать на концерт Владимира Высоцкого. Поехать на концерт я не смог, но попросил Назарова сказать Владимиру Семёновичу и Валере Золотухину, чтобы они завернули в мою мастерскую по пути в аэропорт — я мог их посадить на любой рейс в Москву.

Организовать эту встречу взялся Вадим Васильевич Елин — свободный художник, талантливый портретист, немного бард — «во всяком деле есть случайный мальчик», по определению Евгения Евтушенко.

Вадим принёс ведро только что пойманых хариусов, другой художник, Вадим Анатольевич Балдин, сходил за водкой. Мы были наслышаны, что у «Семёныча» период съёмочной трезвости кончается, и были готовы к любому повороту событий. «Пить или не пить» — это было решать Высоцкому.

Мне позвонили из крайкома комсомола и сказали, что кто-то от них должен присутствовать на этой встрече-концерте. Я ответил, что это не концерт, а личная моя встреча в моей мастерской. А крайком мог бы за время работы Владимира Высоцкого над фильмом сам организовать для молодёжи такой концерт в Красноярске, какой был в Дивногорске, где Высоцкий выступал с оркестром студенческого стройотряда МАДИ (московский автодорожный институт. — прим. Т. Ряннеля). Я просил никого из крайкома не приходить и сказал, что просто не пущу, а мне напомнили об «ответственности».

Кстати, о Дивногорске. После концерта Высоцкого постройком ГЭС дал ужин в ресторане в честь съёмочной группы «Мосфильма». Как известно, на каждой картине есть директор — главный организатор всей деятельности группы, человек, как правило, очень нужный в артельной актёрской вольнице.

На этом банкете директор картины, бывший начальник каких-то органов, произнёс яркую речь. После расформирования лагерей для заключённых он был трудоустроен в сфере искусства. И вот этого директора подняли под руки с удобного кресла два бывших зека, которые узнали в нём ретивого начальника, а по-лагерному — «удава»: «Чтоб утром и духу твоего не было в Дивногорске, гражданин начальник!».

Говорят, что режиссёру фильма Владимиру Назарову, человеку очень деликатному, удалось уговорить гидростроителей отсрочить исполнение приговора на три дня — в интересах нового фильма. Эти строители считали, что «гражданин начальник» не должен иметь никакого касательства к их кумиру, Владимиру Высоцкому, и он уехал до срока, сдав дела своему заместителю.

Я немного отвлёкся. Итак, Вадим Елин встретил автомобиль с Высоцким и Золотухиным у Дома художника, где была моя мастерская. В нашем доме не было

лифта, и по всей лестнице вслед за гостями потянулась вереница поклонников и просто любопытных. Я, естественно, не знал, были ли в этой толпе работники крайкома, но никого не пустил.

В мастерской было всё готово: гитара, магнитофон с большим количеством бобин... Первым в мастерскую зашёл Валерий Золотухин. Зашёл, как домой, дирижируя тростью и напевая, как в народе говорят, «матершинные частушки».

— Эх, — сказал Володя Высоцкий, посмотрев на крупных хариусов, нарезанных большими кусками, и на четыре бутылки водки. — Поставьте чай. Завтра у нас прогон спектакля на «Таганке». Поймите нас правильно... С самолётом как?

— Через час сорок, есть договорённость с машиной.

— Значит, так, — сказал Высоцкий. — Я покажу вам несколько песен, но их записывать не надо, они ещё в работе. А что можно записать, я скажу.

Разрешил он записать «Корсара», «Москва — Одесса», «В сон мне — жёлтые огни». А в числе не разрешённых для записи песен была «Банька», которую режиссёр Назаров не включил в фильм. Уж больно слова были дерзкими и смелыми по тем временам: «И хлещу я берёзовым веничком по наследию мрачных времён». Не разрешил Володя записать и «Охоту на волков». Эти песни ещё не звучали из окон домов Дивногорска, Братска, Набережных Челнов... Он ещё работал над ними.

А мы были просто счастливы, что два талантливых артиста безо всяких церемоний, запросто пришли в мою мастерскую и заставили нас сопереживать, надеяться и верить в перемены.

— Ребята, вам денег дать? — неожиданно спросил Высоцкий.

— Денег нам не надо, у нас есть. У нас в Сибири всё есть.

Его вопрос сразу нас сразил искренностью и велико-душием.

А когда я отказался записать его московский телефон, Володя как-то растерялся. Я поспешил объяснить, что у меня пол-Москвы знакомых и родни. Я сказал, что с удовольствием приду на его спектакль, если сумею заранее сообщить о своём приезде. И ещё я честно добавил, что хочу надолго сохранить этот час взволнованного общения с гениальным актёром, певцом, по-этом и пророком.

Правда, оказавшись в Москве, я всё-таки рискнул позвонить Высоцкому. Ответил незнакомый голос, спросил, кто я и кто дал телефон. Я сказал, что я — Ряннель, художник, а телефон дал сам Владимир Семёнович. Мужской голос сказал: «Я бы сам хотел знать, где Володя с Мариной. Если Вам удастся его найти, пожалуйста, позвоните».

Так что с Владимиром Семёновичем у меня была одна единственная встреча.

Я считал и продолжаю думать, что Высоцкий был и остаётся выразителем российского духа, чувств и переживаний миллионов, искающих свет в тёмном тупике, куда мы были загнаны.

«Нет, ребята, всё не так, всё не так, как надо!» — кричит он на весь мир. Это и сейчас актуально. Он по-настоящему неповторим. Справедливо, что его именем названо небесное тело.

В деревне на реке Мана, где снимался «Хозяин тайги», в память о пребывании Высоцкого на земле сибирской поставлен знак — огромный самородок в несколько тонн из полудрагоценного камня, найденного геологами, поклонниками великого барда. Здесь проходят праздники песен и поэзии. Народ считает этот «камень Высоцкого» целебным, дающим силу духа.

Афоризмы Высоцкого звучат с высоких трибун, его цитируют, как мудреца, многие его фразы стали народными. За свою короткую жизнь он подарил миру целую оптимистическую философию, обрёл миллионы друзей на планете Земля.

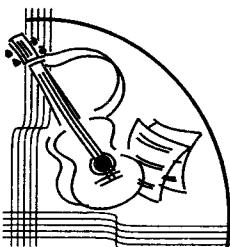
*По материалам бесед 18.06. и 2.07.2005 г.  
и письма Тойво Ряннеля Марку Цыбульскому  
от 20.06.2005 г.  
(Copyright © 2005)*

---

**РЯННЕЛЬ, Тойво Васильевич.** Художник, прозаик, поэт. Родился 25 октября 1921 г. в деревне Тозерово (сейчас — Ленинградской области) в крестьянской семье. В 1931 г. семья будущего художника была выслана в Сибирь на вечное поселение. С разрешения спецкомендатуры в 1939 г. поступил в Омское художественное училище. В общей сложности в сибирской ссылке прожил более 60 лет.

Экспозиции картин Т. Ряннеля проходили в Англии, Словении, Финляндии. Его полотна находятся в музеях и частных коллекциях Канады, США, Франции, Южной Африки, Японии. Часть работ размещена на интернет-сайте «Мой Красноярск».

Народный художник России, член Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств, автор книг «Сверкнула пламенем Жар-птица», «Капля в море», «Незваный гость» и др. С 1995 г. живёт в Финляндии.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Александр Исаакович Сабинин**

**М.Ц.** — Александр Исаакович, я знаю, что Вы были знакомы с Высоцким с детства, а потом занимались с ним в студии В. Богомолова. Что это была за студия?

**А.С.** — Это, собственно, даже и не студия была, а драм-кружок при Доме учителя Свердловского района. Располагался он на бывшей улице Горького, ныне снова Тверской. Дом, где проходили занятия, располагался напротив спортивного магазина «Динамо». Мы занимались в бывшей купеческой квартире, очень уютной, большой и просторной<sup>1</sup>. Вот там мы довольно долго занимались вместе с Володей.

**М.Ц.** — Я знаю из Вашей беседы с журналистом В. Перевозчиковым<sup>2</sup>, что в кружке ставились отрывки из пьес Чехова, Островского. А выступали вы где-то или всё это было просто на уровне репетиций?

**А.С.** — Ну в основном, это был репетиционный процесс. Но иногда мы играли. Там была такая бальная зала. По ночам мы сами делали декорации, а потом приглашали своих родственников, близких, друзей. Но играли мы нечасто, в основном были репетиции. Это был процесс учёбы, процесс постижения профессии.

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, о руководителе кружка.

**А.С.** — Владимир Николаевич Богомолов был очень талантливый педагог, его, к сожалению, уже нет в живых. Тогда он был ещё молодым человеком, только не-

А.И. САБИНИН **О Владимире Высоцком вспоминает** || 311

давно окончил Школу-студию Художественного театра и был приглашён актёром и режиссёром во МХАТ. Он стал самым молодым в то время членом художественного совета театра, а в свободное время ещё и нашим кружком занимался.

**М.Ц.** — То есть, как я понимаю, этот кружок был местом подготовки будущих актёров, готовящихся поступать в театральные школы?

**А.С.** — Ну, Вы знаете, просто там собирались люди, которые любили театр, и занимались там всерьёз. Не так, как сейчас занимаются — поскорее куда-нибудь выпрыгнуть. У нас был принцип: не казаться, а быть. Стать. Постичь. Из этого кружка вышло много талантливых людей.

**М.Ц.** — Вам запомнилось что-нибудь из ролей Высоцкого в богомоловском кружке?

**А.С.** — Мне запомнилась композиция по «Запискам вспыльчивого человека» Чехова, где Володя играл главную роль, вот этого самого вспыльчивого человека. Репетировал он эту роль с большим увлечением и очень успешно.

**М.Ц.** — Эта композиция показывалась на зрителях?

**А.С.** — Не помню уже. Но работа была очень интересная. Я помню, мы были на гастролях в ГДР и переезжали автобусом из Берлина в Росток<sup>3</sup>. Очень красивая дорога была, мы все веселились. И тут Володя ко мне подошёл и говорит: «А помнишь, как Богомолов учил меня сквозному действию?». (Это такое понятие есть в системе Станиславского.) И он процитировал большой кусок из этой роли. Я удивился, что он всё ещё помнил её через столько лет. И он с восторгом вспоминал, как Богомолов точно учил профессии.

Богомолов ходил на семинары к Кедрову<sup>4</sup>. Туда многие ходили, в том числе и Юрий Петрович Любимов,

и Ефремов, и многие другие. Это были семинары по действенному анализу. Кедров очень интересно эти семинары вёл, а наши молодые учителя потом преподавали это нам.

**М.Ц.** — Вы играли с Высоцким в одних спектаклях в Театре на Таганке?

**А.С.** — От него ко мне перешла роль Мужа в «Доброму человеке из Сезуана». Володя раньше играл эту роль, а потом, когда Любимов его назначил на роль лётчика, он мне эту роль передал.

**М.Ц.** — Когда Н. Губенко ушёл из театра, постепенно все его роли перешли к Высоцкому. Можно ли, на Ваш взгляд, говорить, что на момент ухода Губенко Высоцкий был уже одним из ведущих актёров «Таганки» или просто Любимов, что называется, видел его в этих ролях?

**А.С.** — Действительно, роли Губенко перешли к Высоцкому. А «Галилея» Любимов вообще хотел делать с Губенко, а потом назначил Высоцкого. Так что Володя действительно заменил Губенко.

**М.Ц.** — Высоцкий вводился на рисунок ролей так, как их сделал до него Губенко, или он привносил в них своё видение?

**А.С.** — Ну как Вам сказать... Всё-таки у нас театр специфический, театр такой, так скажем, волевой режиссуры. Там, где есть рисунок, сделанный Юрием Петровичем, он не меняется, как правило, а актёр должен в этот рисунок войти и освоить его, что Володя успешно и сделал.

**М.Ц.** — Высоцкий менялся в своих ролях с течением времени или роль была сделана раз и навсегда?

**А.С.** — Понимаете, в чём дело... Актёр меняется с годами, конечно. Меняется зритель — меняется и актёр —

взрослеет, стареет, физически изменяется и так далее. И, соответственно, игра меняется, театр ведь — это живое искусство. Искра между артистом и зрителем — это и есть театр, собственно говоря.

**М.Ц.** — Любимой театральной ролью Высоцкого был Гамлет. Эту роль он сыграл 217 раз. По общему признанию, исполнение им этой роли в спектакле, показанном в Марселе в декабре 1977 года, было гениальным или, по крайней мере, было событием из ряда вон выходящим. Вы помните тот спектакль?<sup>5</sup>

**А.С.** — Когда мы были в Марселе, то нас всех пригласила в гости мадам Лафит. Она была издательницей, очень крупной общественной деятельницей. Это было перед самым последним спектаклем. Она пригласила всю труппу к себе на вечеринку. Мы там выпивали, веселились. Володя, правда, не пил ничего.

Присутствовавшие там молодые французские актёры попросили его попеть. Он взял гитару, стал петь. Они решили его, так сказать, угостить. Раз налили, два налили... Ну он сперва отказывался, а потом действительно выпил.

В этот момент заходят в комнату Любимов с Боровским и видят, что Володя «развязал», а завтра играть «Гамлета». Любимов начал Володе резко выговаривать: «Немедленно прекрати! Тебе завтра играть!». Володя вспыхнул, выскочил из дома и убежал.

Кинулись его искать по всему Марселю, потому что ясно же было, что если он напьётся, то будет сорван последний спектакль и перечёркнуты все гастроли. Нашли его в какой-то таверне в порту совершенно пьяного. Попросили приехать Марину Влади, она немедленно приехала. Нашли врача, который в течение всего спектакля стоял в кулисах, вкалывал что-то Володе.

Володя был совершенно белого цвета, буквально на грани жизни и смерти. Практически он уже не играл,

а был Гамлетом. Он буквально умирал на сцене. Это был совершенно потрясающий спектакль, но понять это можно было, только зная всю ситуацию, зная, что происходит. Если честно, было просто страшно.

23.04.2005 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> Во времена, когда Высоцкий посещал студию, это был дом № 46 по улице Горького. До революции он принадлежал купцу 1-й гильдии Н. Капурину, в квартире бывшего хозяина и проходили занятия. В 1978 г. здесь снималась сцена допроса Жегловым вора Ручечника в фильме «Место встречи изменить нельзя». Теперь дом находится по адресу: 1-я Тверская-Ямская улица, 16.

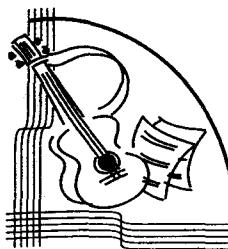
<sup>2</sup> В. Перевозчиков. «Живая жизнь», Москва, 1988 г., стр. 148–152.

<sup>3</sup> Гастроли Театра на Таганке в ГДР проходили в феврале 1978 г.

<sup>4</sup> М.Н. Кедров (1893–1972) — актёр, режиссёр. Работал во МХАТе с 1924 г. В 1946–1955 гг. — главный режиссёр МХАТА. Народный артист СССР, лауреат Государственных премий.

<sup>5</sup> Описываемый спектакль состоялся 10 декабря 1977 г. Датировка дана по анонсу в газете «Les Nouvelles Litteraires», Париж, 24 ноября — 1 декабря 1977 г., стр. 29.

**САБИНИН (Биненбойм), Александр Исаакович** (22.09.1932 — 8.05.2005). Актёр. Окончил Театральное училище имени Б.В. Щукина. С 1967 г. — актёр московского Театра драмы и комедии на Таганке. Участвовал в спектаклях: «Добрый человек из Сезуана» (редакция 1964 г., Муж), «Живой» (Корреспондент), «Мать» (Директор фабрики), «Послушайте!», «Тартюф» (редакция 1968 г., Оргон), «Мастер и Маргарита» (Берлиоз). Был профессором Щукинского училища.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Ия Сергеевна САВВИНА**

**М.Ц.** — О Вашей с Владимиром Семёновичем совместной работе в картине Е. Карелова «Служили два товарища» знают все, кто интересуется отечественным кинематографом. Но была у вас ведь и ещё одна творческая встреча — в картине «Грешница» в 1962 году.

**И.С.** — Об этом я совершенно забыла, через несколько лет мне об этом напомнил Володя, но эпизод этот был из фильма выброшен.

**М.Ц.** — Где снимался эпизод с Высоцким?

**И.С.** — Картина создавалась на «Мосфильме», а эпизод с Володей снимался под Москвой, в Бужарово<sup>1</sup>. Во время съёмок «Служили два товарища» Володя сказал мне: «Иечка, ведь мы же давно знакомы. У меня в те времена не было ни заработка, ни театра, ни кино — ничего. И вдруг — счастье: меня приглашают сниматься. Друзья спрашивают: «А что там?» — «Да ничего. Крошечный эпизод. Саввина там снимается». — «Саввина?! Да это ж кошмар! Как ты с ней работать будешь?».

«Ехал, — рассказывал Володя, — с дрожью в коленках. И погода жуткая, холодно, с электрички сошёл...» А дальше я вспомнила, как это было, когда он мне напомнил. Режиссёр Володю увидел: «Прекрасно, сейчас будем снимать». А я смотрю — он же синий от холода! Володя вспоминает: «И тут ты говоришь: «Что? Как снимать?! Дайте ему чаю, дайте бутербродов, пусть человек

согреется, отдохнёт, тогда и работать будем». И я подумал: «Вот это да! А говорили, что сволочь».

**М.Ц.** — Что именно вырезано из роли Высоцкого в кинофильме «Служили два товарища»?

**И.С.** — Вырезана была, как мы её называли, «постельная сцена». Это была лучшая сцена! Это не так, как сейчас показывают, что происходит в постели. У нас герои просто лежали в каюте на кораблике, просто разговаривали. Но между ними происходит НЕЧТО. Вся группа съёмочная просто в восторге была! Это была гениальная сцена. Почему её вырезали...

Я не могу уже, естественно, вспомнить всё, что тогда было, но помню, что три дня готовила Володя Высоцкого к этой сцене, потому что это была его первая такая большая роль. Я его водила по мосфильмовским коридорам, мы ходили и готовились к этой сцене. И в результате сцена оказалась вырезанной. Почему? А потому что белогвардейцы не должны были так любить! В результате я этот фильм потом много лет просто не могла смотреть.

**М.Ц.** — Какие-нибудь ещё эпизоды с участием Высоцкого были выброшены при окончательном монтаже?

**И.С.** — Не знаю. Я говорю только о наших с ним совместных сценах.

**М.Ц.** — После этого фильма у Вас творческих контактов с Высоцким не было?

**И.С.** — К сожалению, больше ни одного раза на съёмочной площадке мы вместе не работали.

**М.Ц.** — Следующий мой вопрос будет длинным. Дело в том, что в 2004 году в Польше был выпущен компакт-диск с воспоминаниями известного режиссёра А.Ханушкевича, долгие годы возглавлявшего Народный

театр в Варшаве. В сентябре 1973 года театр был с гастролями в Москве, и однажды после спектакля актёры театра вместе с Владимиром Высоцким оказались у Вас в гостях. По воспоминаниям режиссёра, в труппе был актёр, ненавидевший Россию (советские коммунисты уничтожили его семью). Он даже не хотел ехать в Москву, но он был занят в трёх спектаклях, и Ханушкевич отказался его заменять. Когда Высоцкий начал петь, этот актёр заплакал. Повторяя: «я же вас ненавижу...», он, тем не менее, оказался потрясён песнями Высоцкого. В то же время, жена Ханушкевича, ведущая актриса театра З. Куцувна, в своих воспоминаниях этот драматический момент не приводит вовсе, а просто рассказывает, как Высоцкий пел, когда все сидели у Вас в квартире за столом.

**И.С.** — Ну, Ханушкевич, как всегда, фантазирует. Я не знаю, кто там плакал, но не Володя их пригласил, а «Хан» мне сказал (мы Ханушкевича называли «Хан»): «Ия, мы хотим к тебе прийти». А я только что переехала, ни столова нет, ничего. А он говорит: «Да мы на полу посидим».

И вот они пришли. Я на том спектакле не была, а позднее посмотрела «Три сестры», спектакль мне жутко понравился. Это было лихо, здорово, быстро! Ханушкевич вообще грандиозный мужик.

А через какое-то время появляется Володя с гитарой. Ханушкевич даже и не сказал мне, что Володя придёт. А в остальном — всё правильно: действительно Володя пел и действительно был дивный вечер, был прекрасный Ольбрыхский, была замечательная Куцувна. Это всё у меня стоит перед глазами.

И ещё помню, Володя мне сказал (у него с Мариной была трёхкомнатная квартира, а у меня двухкомнатная; Марина в Париже, а я одна): «Ия, и что же мы с тобой будем делать вдвоём в пяти комнатах?». Я говорю: «Ну, что-нибудь придумаем».

Однажды прислали мне предложение и даже долларами поманили. Какое-то издательство мне написало: «Вы единственная, кто не написал о Высоцком». И намёк, что, может, у меня там с ним какие-то отношения были... Долларами заплатить обещали. Я порвала эту бумагу и выбросила в унитаз, потому что у нас с Володей были замечательные, потрясающие, чистейшие дружеские отношения.

Володя меня просто обожал, а я считаю, что он уникальный, невероятный человек. Я могла сидеть на ковре у его ног до шести утра, когда он пел. Я его бесконечно люблю.

Есть три человека — Высоцкий, Раневская и Ефремов. Это люди, о которых я не могу писать и не могу говорить. Мой лексикон не может охватить масштаб их дарования и таланта.

Когда Высоцкого не стало, я привозила на его могилу цветы отовсюду, где была. Даже из Ирландии, помню, огромный роскошный букет привезла — пропустили через таможню. Привозила и говорила: «Это тебе, Воло-дечка».

5.11.2006 г.  
(Copyright © 2006)

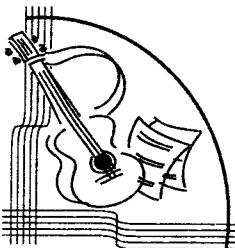
<sup>1</sup> Деревня Бужарово Истринского района Московской области.

<sup>2</sup> Имеется в виду не квартира на Малой Грузинской, как может показаться на первый взгляд (туда Высоцкий въехал в 1975 году), а квартира в Матвеевском, которую снимали Высоцкий и Влади.

**САВВИНА, Ия Сергеевна.** Актриса. Родилась 2 марта 1936 г. в Воронеже. В 1953 г. с золотой медалью окончила среднюю школу в Боринске Воронежской области, потом —

в 1958 г. — журналистский факультет МГУ. Дебютировала на сцене в 1957 г. — в студенческом театре МГУ в спектакле «Такая любовь» (режиссёр Ролан Быков). Дебют в кино состоялся в 1960-м в фильме Иосифа Хейфица «Дама с собачкой» по рассказу Чехова, за эту роль награждена специальным призом Каннского кинофестиваля.

С 1960 г. работала в Театре имени Моссовета. В 1977 г. поступила в МХАТ им. М. Горького (с 1989-го — МХАТ им А.П. Чехова), где и служит до сих пор. Народная артистка СССР (1990), лауреат Государственных премий СССР (1983, за роль Натальи Ильиничны в фильме «Частная жизнь») и России (1990, за главную роль в фильме «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж»), приза «Хрустальная Турандот» (за спектакль «Рождественские грёзы»). Живёт и работает в Москве.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

**Татьяна Евгеньевна САМОЙЛОВА**

**М.Ц.** — 25 июля 2006 года Вы выступили на концерте памяти Владимира Высоцкого, который проходил на Страстном бульваре в Москве, хоть и признались, что не очень хорошо себя чувствовали...

**Т.С.** — Да, я помню этот концерт. Я очень ценила Высоцкого как актёра — и театрального, и актёра кино. Мне очень нравилась его первая большая работа в Театре на Таганке в «Добром человеке из Сезуана». Это была чудная работа!

**М.Ц.** — А «Гамлет»?

**Т.С.** — «Гамлета» я смотрела два раза. Это было тяжело... Понимаете, я любила в этой роли своего отца<sup>1</sup> и Гамлета-Смоктуновского. Это совсем другое, поэтому Высоцкого в этой роли я воспринимала тяжело. Хотя где-то и рвалось сердце...

Высоцкий мне очень нравится в кино, это просто революция в нашем кинематографе двадцатого века. Совершенно замечательная работа в «Место встречи изменить нельзя». Я смотрела, конечно, и «Маленькие tragedii», и «Служили два товарища», и «Интервенцию». Но в восторге я от исполнения им роли Жеглова, это просто революция.

**М.Ц.** — Почему Вы говорите об этой роли «революция в кинематографе»?

**Т.С.** — Уж очень он там подвижный, мобильный. Я очень люблю своего отца в фильме «Щорс»<sup>2</sup>, и Высоцкий в

**О Владимире Высоцком вспоминает** || 321  
Т.Е. САМОЙЛОВА

этой картине напоминает мне Щорса. Он играет вождя, это очень хорошо!

**М.Ц.** — Когда Вы лично познакомились с Высоцким?

**Т.С.** — Это было на Байконуре. Я была с мужем, а Высоцкий был с Влади. Мы вместе участвовали в концерте. Володя и пел, и читал, и разговаривал. Конечно, делали записи, но у меня их нет. После этого мы довольно долго жили в гостинице в Ленинабаде<sup>3</sup>. На меня та поездка произвела довольно тяжёлое впечатление, там земля грязная, какие-то угольные копи...

**М.Ц.** — Вам что-то показывали там? Байконур всё-таки!

**Т.С.** — Абсолютно ничего. Мне, помню, часы подарили, они до сих пор у меня. Дарили ли что-то Высоцкому, я не помню. Никаких экскурсий не было. На концерт — и обратно в гостиницу.

**М.Ц.** — В городе тоже были концерты?

**Т.С.** — Нет, мы просто жили там, отдыхали, а оттуда все вместе улетели в Москву.

**М.Ц.** — Не помните, в каком году это было?

**Т.С.** — Это было в 1978 году, летом. Или в 1979-м<sup>4</sup>.

**М.Ц.** — Кто организовывал этот концерт?

**Т.С.** — Кажется, Машкович, он тогда был администратором московского Театра киноактёра<sup>5</sup>. В том концерте выступали только он и я.

**М.Ц.** — Потом у Вас были ещё встречи с Высоцким?

**Т.С.** — Концертов совместных больше не было. Я видела его на экране и в театре.

27.07.2007 г. и 6.08.2007 г.  
(Copyright © 2007)

<sup>1</sup> Самойлов Евгений Валерианович (1912–2006). Народный артист СССР. Актёр театра и кино.

<sup>2</sup> «Щорс» — Киевская киностудия, 1939 г., реж. А. Довженко и Ю. Солнцева.

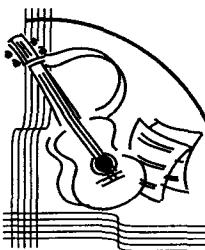
<sup>3</sup> По-видимому, ошибка. Ленинабад находился в Таджикистане, а город, рядом с которым располагается космодром Байконур, называется Ленинск.

<sup>4</sup> Всё лето 1978 г. Высоцкий находился за рубежом. Возможно, поездка на Байконур состоялась в начале июля 1979 г. перед гастролями Высоцкого по Средней Азии.

<sup>5</sup> Э. Машкович, в описываемые времена муж Т. Самойловой, сказал мне так: «Таня что-то путает. Я тот концерт не организовывал и с ними не ездил, но точно знаю, что такая их совместная поездка однажды состоялась».

**САМОЙЛОВА, Татьяна Евгеньевна.** Актриса. Родилась 4 мая 1934 г. в Ленинграде в семье актёра Евгения Валериановича Самойлова. В 1937 г. семья переехала в Москву. В школьные годы занималась балетом, окончила балетную студию при театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. В 1953 г. поступила в театральное училище имени Щукина, где училась до 1956 г. Звёздная роль в кино — Вероника в фильме М. Калатозова «Летят журавли» (1956), в 1958 г. ставшего лауреатом «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля. После фестиваля поступила в ГИТИС, была принята в Театр им. В. Маяковского, затем перешла в Театр им. Е. Вахтангова, где работала до 1960 г. В 1967 г. сыграла заглавную роль в картине А. Зархи «Анна Каренина».

Народная артистка СССР (1993), лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии жюри XI Каннского фестиваля «Апельсиновое дерево» («Самой скромной и очаровательной актрисе», 1958, за фильм «Летят журавли»). Живёт и работает в Москве



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Светлана Афанасьевна СВЕТЛИЧНАЯ

**М. Ц.** — Я хотел бы начать наш разговор с новости, радостной для всех, кто любит Владимира Высоцкого: в Польше обнаружена неизвестная документальная съёмка с его участием, сделанная в 1967 году, как оказалось, у Вас дома<sup>1</sup>. Пожалуйста, расскажите об этом случае.

**С. С.** — Приятно слышать, что эту запись нашли. Как мне кажется, это был очень интересный момент. Да, всё верно, это было у нас с Володей Ивашовым<sup>2</sup> дома.

**М. Ц.** — По какому адресу Вы тогда жили?

**С. С.** — 2-я Фрунзенская улица, дом 7, квартира 12.

**М. Ц.** — А почему запись делалась именно у Вас дома?

**С. С.** — У нас был друг, польский оператор по имени Ежи<sup>3</sup>, они дружили с Володей Высоцким. Володя стал уже известным, и вот поляки захотели сделать передачу о том, как такой известный человек проводит своё свободное время.

Свободное время у Володи иногда бывало, а вот квартиры, по-моему, не было. А если и была, то какая-то конура. Володя обратился к Эдику Кеосаяну, чтобы встречу организовать у него, но Эдик не захотел с этим возиться и позвонил нам с мужем. Я взяла на себя бремя организации этой встречи. Должна Вам сказать, что это было нелегко, в том числе и в финансовом плане. Я готовила, накрывала стол, ждала этих людей. Это же не

просто гостей принять, это же надо подготовить место работы для операторов. Помните, возможно, какие тогда у них были большие камеры!

Приехали они к нам часов в одиннадцать вечера, а уехали уже утром. Сперва снимали, потом додуливали, пили, веселились... У нас дом всегда был хлебосольный. Вот такую миссию мы с Володей Ивашовым выполнили. Причём, насколько я помню, в этой передаче не говорилось, что это наша квартира. Просто собрался круг друзей Володи Высоцкого. Как мне помнится, это снималось для польской хроники. Помните — раньше перед фильмами показывали хронику? Вот в Польше было так же. Кстати, сама я весь смонтированный материал никогда не видела. Я думаю, там материал должен быть минут на десять.

**М.Ц.** — В числе присутствовавших на этой записи Вы упомянули режиссёра Кеосаяна, в 1965 году снявшего художественный фильм «Стряпуха», в котором Вы играли вместе с Высоцким. Ваше знакомство с ним относится к тому же времени?

**С.С.** — Да, кажется, незадолго до съёмок.

**М.Ц.** — А что Вам запомнилось из периода совместной работы с Высоцким?

**С.С.** — Ну что запомнилось... Я очень люблю эту картину, считаю, что роль у меня вышла замечательно. Я тогда впервые была исполнительница главной роли. Мне кажется, что сейчас эту картину любят ещё больше, чем когда она только вышла. Считаю, что это фильм из золотого фонда нашей российской кинематографии. Я даже удивляюсь, как Кеосаян, который всё-таки по происхождению армянин, снял такой замечательный фильм о русской деревенской жизни. Мне очень нравится там музыка Мокроусова, работа оператора. Есть в этом фильме душа... Люблю я его.

Вас, наверное, интересуют моменты, связанные с Высоцким? Вот я помню, что мой муж, который тогда снимался в «Герое нашего времени», приезжал к нам в станцию, где мы работали над нашим фильмом. Володя Высоцкий надиктовал ему, кажется, двенадцать своих новых песен, а Володя Ивашов на слух их запомнил.

**М.Ц.** — А почему Высоцкого в картине переозвучили?

**С.С.** — Вот этого я не знаю.

**М.Ц.** — В фильме персонаж Высоцкого, Андрей Пчёлка, поёт песню под гармонь. Высоцкий умел играть на гармони?

**С.С.** — Думаю, что нет. Насколько я понимаю, он просто делал вид, что играет, а на самом деле просто маха растягивал.

**М.Ц.** — Приходилось читать, что у Высоцкого на съёмках были не всегда гладкие отношения с режиссёром.

**С.С.** — Да нет, у них были очень хорошие отношения. Эдик и позвал Володю, чтобы как-то помочь ему материально. Володя уцепился за эту роль. Хоть и небольшая она, а всё-таки какие-то деньги.

**М.Ц.** — Между «Стряпухой» и «Местом встречи изменить нельзя», где у Вас была ещё одна творческая встреча с Высоцким, прошло тринадцать лет. Вы в эти годы продолжали общаться с Высоцким?

**С.С.** — Да, мы встречались. Мы не были особенно близкими друзьями, но очень хорошо друг к другу относились. Его любили все — наша семья, мои дети. А мой Володя просто обожал Высоцкого. Поэтому мы и согласились на все эти хлопоты, связанные с киносъёмкой в 1967 году.

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, о своей роли в «Месте встречи...»

**С.С.** — Ну это не роль, это эпизод. Пригласил меня играть Говорухин, а Володя мне помог во время съёмки. Он подал идею, чтобы наш с ним диалог происходил не в комнате, где должна была лежать убитая Лариса Груздева, сестру которой я играю, а на кухне. И мне это очень помогло. Вы понимаете: когда женщины переживают, они должны или стирать, или мыть, или есть. Что-то в этом роде. Убирать, стирать, гладить...

А мне в руки дали тарелку и полотенце, и вся эта пластика легла на состояние этой моей героини по имени Надежда. А потом уже я предложила кое-что. Я сказала, что, наверное, не бывает так, чтобы труп так долго лежал в комнате. Я говорю: «Очертите мелом то место, где лежало тело. Так обычно делают. А я войду — и испугаюсь того, что на полу очерчен контур трупа моей сестры». И я считаю, что психологически это правильно было сделано. На мой взгляд, эпизод получился. Недавно пересматривала этот фильм, и знаете, мне очень понравилась наша сцена с Володей.

**М.Ц.** — На съёмках «Места встречи...» Высоцкий попробовал себя в качестве режиссёра...

**С.С.** — Слава Говорухин, как мне показалось, устал снимать этот фильм. Я помню, он как-то посмотрел на небо и говорит: «Не надо снимать. Скоро дождь пойдёт». Как повод не работать. А Володя Высоцкий уже готовился сам снимать свой первый фильм, и Слава давал ему возможность самому снимать какие-то куски.

**М.Ц.** — Вы сами присутствовали при этом? Как Вам кажется: у Высоцкого были способности режиссёра?

**С.С.** — Присутствовала. Задатки режиссёра у него были — это несомненно! На мой взгляд, он был очень хоро-

шим «актёрским» режиссёром, чувствовал материал. Если бы Володя стал режиссёром и пригласил меня сниматься, я бы побежала без оглядки!

3.01.2007 г.

(Copyright © 2007)

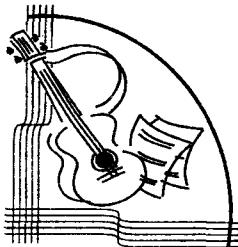
<sup>1</sup> См.: Марлена Зимна. «Первая зарубежная съёмка» — интернет-сайт Музея Владимира Высоцкого в Кошалине — <http://wysotsky.com/koszalin/084.htm>

<sup>2</sup> Владимир Сергеевич Ивашов (1939–1995) — актёр, муж С. Светличной. Снимался в фильмах «Баллада о солдате», «Герой нашего времени», «Железный поток», «Новые приключения неуловимых», «Бриллианты для диктатуры пролетариата» и др.

<sup>3</sup> Ежи Гощик (Jerzy Gościk) (1934–2003) — известный польский кинооператор, оператор-постановщик кинолент «Огнём и мечом», «Старая басня», «Акция под Арсеналом», «Каратэ по-польски», «Знахарь» и др.

**СВЕТЛИЧНАЯ**, Светлана Афанасьевна. Актриса. Родилась 15 мая 1940 г. в городе Ленинакане в Армении. В 1963 г. окончила Всесоюзный государственный институт кинематографии. С 1963 г. — актриса Театра-студии киноактёра.

Заслуженная артистка РСФСР (1974). Снималась в фильмах «Стряпуха», «Новые приключения неуловимых», «Бриллиантовая рука», «Семнадцать мгновений весны», «Ты — мне, я — тебе», «Место встречи изменить нельзя» и многих других.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Генрих Соломонович СЕЧКИН

**М.Ц.** — При первом нашем разговоре Вы сказали мне, что сперва познакомились с Мариной Влади, а уже потом с Высоцким...

**Г.С.** — Да, это правда. Я одно время был председателем творческого объединения московских гитаристов, и через Министерство культуры приглашал из-за рубежа музыкантов на гастроли. Когда они приезжали, я с ними договаривался о встречах с гитаристами Москвы.

И вот однажды я пригласил из Франции гитариста Себастьяна Морато. У него было два или три концерта в зале имени Чайковского. В антракте первого концерта я пришёл за кулисы договариваться о встрече. И туда же пришла Марина Влади, чтобы пригласить его к себе домой, она жила на Песчаной улице. Предложила нам всем вместе после концерта отправиться к ней домой попеть.

Себастьян Морато не умел аккомпанировать на гитаре по слуху, ему ноты были нужны. А я в те времена «слушач» был, с нотами не был знаком. И вот мы поехали к Марине Влади и до утра сидели и пели.

У меня был друг, Вадим Туманов, Вы о нём, конечно, слышали. Он старый колымчанин, там, на Колыме, мы с ним познакомились и с тех пор дружили, но встречались довольно редко. И он меня всё просил: «Слушай, ну познакомь меня с Высоцким!». Я говорю: «Вадим, да я сам с ним не знаком». — «Ну ты же Марину Влади зна-

ешь?» — «Ну да, — говорю, — знаю. Но как-то просить её неудобно. Не могу я так».

В общем, ничего из этого не получалось. И вот однажды еду я по Садовому кольцу, там у Колхозной площади есть маленький комиссионный магазин. Я туда часто заезжал, там радиоаппаратура продавалась, видеомагнитофоны. Я за эти видеомагнитофоны и сидел, кстати, в последний раз.

Вижу — стоит машина Вадима Туманова, и он меня увидел в зеркало и машет: подойди, мол. Я остановился, он говорит: «Вот я тебя сколько раз просил познакомить меня с Высоцким, а теперь иди — я тебя с ним познакомлю». Гляжу — у него в машине сидит Высоцкий. Вот так и познакомились.

**М.Ц.** — После этого Вы встречались с Высоцким?

**Г.С.** — Да, несколько раз виделись у Высоцкого дома на Малой Грузинской. Я к нему приезжал со своей бывшей женой просто в гости. Он не особенно охотно пел. Кроме того, он, по-моему, любил выпить, а мне нельзя было, потому что я всё время был за рулём, так что чересчур тёплого общения не было.

Я очень любил Высоцкого, его стихи и песни. В последний раз был на «зоне», это было в Челябинской области. Это была «зона» строгого режима. На строгом режиме существуют так называемые «локальные зоны». То есть каждый барак обнесён забором с колючей проволокой. По всем четырём углам барака — вышки, на которых стояли часовые с пулемётами. Если кто-то оказывался в запретной зоне, то часовые стреляли на поражение без предупреждения.

Вся «зона» знала, что я люблю Высоцкого, и вот мне в подарок решили преподнести книгу его стихов, собрать как можно больше его текстов. А как их соберёшь? Никаких сборников не было. Люди просто пели его песни, переписывали тексты.

И сделали так. Один человек отвлекал вышканерей. Ставился под вышку, кричал: «Начальник! Покурить сбрось!». А другие в это время лезли под проволоку, чтобы через запретку попасть в другой барак. И там оправшивали всех — кто какие песни Высоцкого знал, потом записывали эти песни, и лезли обратно. Это продолжалось, наверное, несколько месяцев. Слава Богу, никого не застрелили, но очень многие рисковали жизнью.

Но это было ещё не всё. После этого месяца два по водосточной трубе люди залезали на второй этаж в окно начальника лагеря, где была единственная в «зоне» пишущая машинка. И на этой машинке печатали эту книгу. В День рождения мне эту книгу подарили. В ней 218 стихотворений Высоцкого. Эта книга — единственная в мире.

*М.Ц. — После освобождения Вы показывали эту книгу Высоцкому?*

*Г.С. — После освобождения я Высоцкого не видел. Меня в Москве не прописали, мне надо было из пригорода ездить искать работу. В общем, там много разного было, а потом он умер.*

2.12.2007 г.  
(Copyright © 2007)

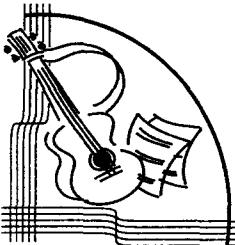
---

**СЕЧКИН, Генрих Соломонович.** Писатель, педагог, музыкант, бывший солист Московконцерта. Родился в 1933 г., как он сам рассказывает, «в интеллигентной московской еврейской семье. Отец в 41-м добровольцем ушёл на фронт, а мама в 45-м умерла от голода. Я оказался на улице и стал беспризорником, а далее — вором. Впоследствии — пятикратно судимым «вором в законе». Моя автобиографическая книга «На грани отчаяния» повествует о заложенном в душе человека громадном моральном потенциале, который помогает выбраться из самой безнадежной трясины. С пятиклассным образованием я стал сначала музыкантом (творческая

биография включена в справочники различных стран мира), а также преподавал в Училище эстрадного искусства. Далее, после травмы руки, работал корреспондентом «Юридической газеты». (Цит. по интернет-сайту «Литературный каталог».)

В 1970 г. был избран председателем Творческого объединения московских гитаристов. Автор книг «За колючей проволокой», «Американский синдром», «На грани отчаяния».

Член Союза журналистов России. Живёт и работает в Москве.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Григорий Давидович СИГАЛОВ

**М.Ц.** — Вы были одним из продюсеров и кинооператором фильма «Пророков нет в Отечестве своём». А были ли Вы лично знакомы с Высоцким?

**Г.С.** — У меня с Высоцким было очень краткое знакомство. Это было в Киеве. Высоцкий тогда в Киеве не снимался, а оказался там проездом (он, кажется, ехал в Ялту). Он остановился на короткое время у художника Мамонтова, вот там мы и познакомились.

Я бывал на его выступлениях, в том числе, за рубежом — в Америке, в Канаде, но там всё общение ставилось в определённые рамки — нельзя было ни снимать, ни общаться.

**М.Ц.** — Существует неподтверждённая информация, что кто-то сделал видеосъёмку одного из концертов в Нью-Йорке...

**Г.С.** — Могу однозначно сказать, что этого не было. Это было запрещено категорически, были поставлены условия, чтобы ни фото, ни видео не было. То есть понимаете, это можно было снимать, запрета ни одного, ни другого правительства не было, но за это нужно было платить. Мы тогда не могли этого себе позволить, мы тогда стояли на таких кривых ногах, что и картину нашу еле потянули.

**М.Ц.** — А кому нужно было платить за право видеосъёмки? Шульману как организатору гастролей?

**Г.С.** — Я не думаю, что надо было платить Виктору. Скорее — самому Володе, он всегда нуждался в деньгах. Он ездил по всему Союзу, чтобы заработать деньги, но как он их зарабатывал, так он с ними и расставался. Он был очень щедрым человеком, потому и денег никогда у него не было.

**М.Ц.** — А как родилась идея постановки документального фильма?

**Г.С.** — Когда Высоцкий умер, я послал Сергею Довлатову, редактору издававшейся тогда газеты «Новый американец», чек и предложил создать фонд для мемориала Высоцкого. А потом, когда я встретился с Павлом Палеем и Валерием Янкловичем, возникла идея создания фильма. Янклович провёз в Америку много фотографий Высоцкого, видеоплёнки. Этот материал лёг в основу фильма.

А потом мы стали думать о финансировании картины. Покойный Иосиф Бродский предложил тогда подать документы на получение гранта. Но дело в том, что, во-первых, грант мы могли долго ждать, а нам хотелось сделать фильм к годовщине со дня смерти Володи, а во-вторых, на сумму гранта мы не могли бы сделать фильм. Грант давался однократно, и сумма его не должна была превышать 12 тысяч, так что мы с Палеем достали деньги сами, наод�живали у людей.

Очень большую помощь оказали нам Франтишек Даниэль и Милош Форман. Я работал тогда на кинофакультете Колумбийского университета, Даниэль был заведующим кафедрой, а Форман — его заместителем. Даниэль бесплатно давал нам съёмочную камеру, дал нам полный монтаж — это же всё не дёшево стоило. Форман тоже очень хорошо отнёсся к нам — при всей своей занятости нашёл время дать нам интервью, вошедшее в фильм.

**М.Ц.** — В Вашем фильме вообще снимаются люди не только очень известные, но и крайне занятые. А были ли случаи, чтобы кто-то из приглашённых отказался сниматься?

**Г.С.** — Был один отказ. У нас была идея одну песню Высоцкого положить на симфонический оркестр. Мы договорились с одним музыкантом, он обещал нам помочь, но в последнюю минуту нам сказали, что он принять нас не может...

Это был единственный такой случай, все остальные снимались с удовольствием — и Аксёнов, и Барышников, и Неизвестный, и все остальные.

Аксёнов приехал специально для нас, никаких дел у него в Нью-Йорке не было. Эпизоды с ним были сняты в библиотеке Колумбийского университета. Барышникова мы снимали в Манхэттене, на крыше пятнадцатистороннего дома, Шемякина — у него в студии. Алешковского снимали на 72-й улице в Нью-Йорке. Его текста было гораздо больше, мы потом вырезали, за что он на нас обижался. Но дело в том, что Юз — человек очень, так сказать, агрессивный, а мы делали картину сугубо неполитическую. И то нас обозвали! Так получилось, что на презентации картины не было её режиссёра Михаила Богина. Представлял картину поэтому я, а после просмотра я дал короткое интервью, которое потом было передано по радио «Свобода». И сразу пошла официальная советская реакция: дескать, сняли фильм про отщепенца руками отщепенцев и снимались там одни отщепенцы.

Фильм получился, на мой взгляд, удачным. Павел Палей организовал прокат фильма в Соединённых Штатах, Канаде и Европе. Мы решили не переводить фильм на видеокассеты, а демонстрировать его по телевидению в дни рождения и смерти Владимира Высоцкого.

После нашего фильма в Советском Союзе был сделан фильм о Высоцком великого режиссёра Рязанова, были и другие картины. Но надо отметить, что наш фильм был первым, и сделан он в эмиграции, где не было практически никаких материалов. Огромная роль в создании картины, конечно, принадлежит её режиссёру М. Богину. Мы очень долго сидели и работали, чтобы из имеющихся видеоматериалов сделать что-то такое приемлемое. Всё это было настолько побито, настолько поцарапано...

**М.Ц.** — Работа, конечно, была проведена колоссальная. Действительно, ведь фильм делался в отсутствие тех материалов, которыми потом располагали режиссёры в Советском Союзе и позднее — в России. А как прошла премьера картины?

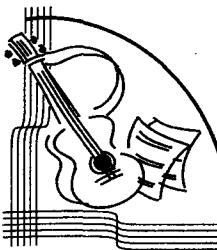
**Г.С.** — Премьера была на кинофакультете Колумбийского университета. Мы делали картину к первой годовщине со дня смерти Высоцкого. Примерно за два дня до этой даты фильм показали в университете. Мы пригласили человек восемьдесят гостей, потому что зал был небольшой, но люди пришли со своими друзьями. Была богема тех времён, приехали журналисты. Люди и стояли, и сидели в проходах, то есть зал был набит под завязку.

Был ближайший друг Высоцкого Михаил Шемякин. Он сидел и плакал, и пока шёл фильм, выкурил, наверное, пачку сигарет, перед ним была полная пепельница. Хотя курить было запрещено, но ему мы позволили.

А официальный первый просмотр был на Брайтоне, и там уже присутствовал режиссёр картины Богин. Там есть очень большой кинотеатр, в центре Брайтона. Народу собралось невероятное количество, так что не было уже парковочных мест. Я стоял у двери кинотеатра и видел, что люди бросали машины на проезжей части.

Потом они платили большие штрафы, и они знали наверняка, что так и будет, но всё-таки шли смотреть фильм.

6.03.1996 г. и 5.02.1997 г.  
(Copyright © 2007)



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Вениамин Борисович СМЕХОВ

**СИГАЛОВ, Григорий Давидович.** Кинооператор, мастер комбинированных съёмок, сценарист. Родился в Киеве. В 16 лет ушёл на фронт. Вернувшись с войны, поступил на киностудию им. Довженко учеником оператора. Позднее закончил ВГИК. Как оператор-постановщик снял фильмы «Катя-Катюша», «Дни лётные», «Берег надежды», «Вечер накануне Ивана Купалы», «Белая птица с чёрной отметиной» и др.

В конце 1970-х гг. эмигрировал в США. Работал инструктором кино на кафедре кинематографии Колумбийского университета, затем в университете Южной Калифорнии. Как оператор снял фильмы «Корреспондент», «Новобрачные», «Обезьянья лапа». Последний получил золотую медаль на кинофестивале в Чикаго в 1982 г. (Инф. из статьи М. Ланкней «Профессия: оператор» в газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 9–10.09.1995. С. 18–19.)

**М.Ц.** — Нашу беседу мне хотелось бы начать с вопроса о первых годах работы Владимира Высоцкого в Театре на Таганке. После того как в 1966 году из театра ушёл Н. Губенко, его роли перешли к Высоцкому. Считаете ли Вы, что он на тот момент уже становился премьером или он, по мнению Ю. Любимова, лучше вписывался в рисунок роли Губенко?

**В.С.** — Понимаете, это технология, это кухня, это будни театра. Не было замены такой, твёрдой. К тому же Губенко уходил из театра дважды. Сначала в 1966 году, тогда Высоцкий вошёл в спектакль «Послушайте», причём вошёл не сразу. Любимов хотел, чтобы одним из Маяковских был именно Губенко. Высоцкий репетировал, наоборот, такого контрипа, такого отрицательного.

Любимов, видимо, решал сам для себя персонажную судьбу Высоцкого, это вообще отдельная тема. Это сейчас Любимов говорит, что он сразу наметил Высоцкого на Гамлета. Вначале и на Гамлета, и на Галилея он намечал Губенко, и вообще, Любимов строил всё на одного актёра. Он не видел большие актёров такого уровня вокруг себя. И все с этим соглашались, в том числе и Высоцкий, и Золотухин.

Но жизнь продолжалась. Потом Любимов доказал, что коллективом, ансамблем можно добиться многого, что солист — это ещё не всё. Высоцкий в роли входил постепенно, исподволь, были и другие артисты, кого-то ещё назначали. То, что эти роли стали его, видимо,

произошло не только из-за желания Любимова, но и из-за желания Высоцкого. Видимо, Владимир Семёнович этого хотел, и он это сделал. В общем, это из его загадок, он притягивал к себе судьбу.

Любимов постепенно, неуверенно заполнял пространство солиста новым качеством, качеством Высоцкого. Любимову надо было много поменять, потому что он уже свыкся с совершенно другим материалом. Однако когда Владимир вошёл в «Десять дней» — это было явно не плохо, и это Любимова смягчило.

Потом в 1968 году Губенко вернулся и репетировал Мокинпota. Владимир тогда снимался, а то, может быть, он и в эту роль вошёл бы. Затем Губенко окончательно ушёл в режиссуру, и некоторые его роли перешли к Шаповалову. На роль лётчика из «Доброго человека из Сезуана» был сначала назначен Толя Васильев. Так что не было такого, чтобы всё Владимиру. Так получилось, в конце концов, но всё было немножко сложнее. Высоцкий сыграл Керенского, затем вошёл на роль лётчика. Затем был «Гамлет», и уже через пару лет после «Гамлета» он стал в спектакле «Павшие и живые» играть роль Гудзенко, которая была когда-то у Губенко.

**М.Ц.** — В литературе высказывалось суждение, что запрет спектакля «Берегите ваши лица» был связан в первую очередь с исполнением там Высоцким «Охоты на волков»...

**В.С.** — Конечно, «Волки» раздосадовали больше всего. Я вообще думаю, что самой сильной в спектакле была именно тема Высоцкого. Он там пел «Ноты», «Песню о слухах», «Я в географии слабак», но наверху всего, конечно, «Охота на волков».

**М.Ц.** — Проанализировав мемуарную литературу, в которой часто описываются болезненные состояния у Высоцкого, я выдвинул гипотезу, что алкого-

лизм был у него явлением вторичным. Первичным же было то, что в России называется маниакально-депрессивным состоянием. В частности, в книге А. Демидовой приводится классическое описание начала маниакального состояния у Высоцкого во время гастролей «Таганки» в Вильнюсе в сентябре 1974 года...

**В.С.** — Вы знаете, я был дружен с профессором Бадаляном, лечившим Высоцкого. Мы дважды принимали участие в том, чтобы вывести Володю из запоя. За оба раза я потом расплачивался его гневом. Так вот, Бадалян убедил меня, что Володя полностью здоров, что он сам регулирует своё состояние. У него свои связи с Богом и с богом своего таланта. Ему нужна сперва абсолютная чистота, а потом ему надо подпитаться, разгуляться, разогнаться, совершив безрассудство, из которого потом он сам находит выход. Это так же, как у Лотмана отмечено насчёт Пушкина, что он был сам драматургом сюжета своей жизни. То же и у Высоцкого. Он был структуроноситель, сочинитель собственной судьбы. Он относился к себе, как к персонажу своих произведений. Вот это мне нравится. Я, кстати, успел это сказать Лотману, когда выступал в Тарту после смерти Высоцкого.

Володя был человек очень сильного контроля, я настаиваю на этом. Но Вильнюс... Тут, скорее, не Алла, а Иван Дыховичный может рассказать. Он спас Володю от самоубийства в ту ночь. А во-вторых, Любимов с ним сидел. Он рассказывает, что Ваня очень устал, ему надо было выпиться. Никому больше не доверяли. Ну со мной у Володи уже вообще разговор был короткий, я уже дважды провинился... Да я бы и не осмелился, а Любимов, действительно, на себе испытал, какой это ужас.

А потом Ваня повёз его домой в машине. Он вообще абсолютный герой. Может быть, он продлил жизнь Высоцкому на шесть лет.

**М.Ц.** — В Театре на Таганке была идея сделать спектакль по песням Высоцкого, но воплощения идея не получила. Почему?

**В.С.** — Была такая задумка. Боровский придумал такие нары разновысокие, и на каждого нарах Высоцкий что-то должен был петь. Кажется, это должно было соединяться военной тематикой. А почему не состоялось? Я думаю, что помимо обычного недоброжелательства со стороны начальства была ещё и другая причина. В те времена Высоцкий уже на семьдесят—восемьдесят процентов был вне театра. Это могло быть кино, или замысел «Зелёного фургона», или большая поездка — в Америку, например.

**М.Ц.** — В 1977 году «Таганка» отправилась на гастроли во Францию. Высоцкий многократно рассказывал на своих выступлениях, что гастроли прошли с огромным успехом. В советской прессе, однако, кажется, было лишь одно упоминание о гастролях, причём по цитатам из французских газет, приведенных в заметке «Точки над i» («Литературная газета» от 8 марта 1978 г.), можно было сделать вывод, что «Таганка» провалилась. Так был ли успех?

**В.С.** — Если говорить даже безо всякого «таганского» патриотизма, то всё-таки надо сказать, что гастроли прошли с большим успехом. Всё время было движение наверх по количеству зрителей.

По французским законам, какое-то количество рядов в театре должно оставаться свободным даже в случае аншлага. Это делается в целях противопожарной безопасности. Так вот был день, когда в театре была усиlena охрана, потому что им крепко попало: мы помогали проходить на спектакли студентам и прочей публике, и на «Гамлете» весь театр оказался переполненным.

Негативные отзывы, разумеется, были. Наши друзья, французы, которые нас сопровождали в поездке,

объяснили нам, что это вполне нормально и ожидаемо, поскольку это была реакция правых газет на приезд театра из Советского Союза. В Париже всё воспринималось с политической точки зрения, в зале сидели политики. Настоящая театральная публика была в Марселе и в Лионе, а в Париже мы имели тяжёлую публику, и только «Мать» и, отчасти, «Гамлет» вызывали живые эмоции. Со спектакля «Мать» начался громадный успех, а на второго «Гамлета» уже невозможно было достать билет.

Наша переводчица приносila каждый день ворох газет. Допустим, за всё это время было пять-шесть плохих отзывов. Но ведь ежедневно выходило по шесть-семь газет! Так что количество положительных оценок было во много раз больше. Было написано очень много глупостей, но это уже вопрос качества продукции.

**М.Ц.** — Ю. Любимов однажды сказал: «Один раз Высоцкий сыграл Гамлета гениально. Это было в Марселе». Позднее он рассказал, что Высоцкий играл после крупного загула, на пределе человеческих сил. Расскажите, пожалуйста, об этом.

**В.С.** — Это одно из самых сильных впечатлений. Это действительно было очень сильно, но более всего это было страшно. Это был последний день гастролей. Если бы спектакль не состоялся, нам могли бы закрыть не только границу, но и театр.

В Марсель прилетела Марина Влади, за кулисами были врачи. Любимов произнёс потрясающий монолог, обращённый к актёрам. Он говорил, что то, что нельзя всем, может быть, можно Высоцкому, сказал какие-то поразительные слова, которые всех мобилизовали.

Высоцкий задыхался, ему было плохо. Я думаю, что он действительно мог умереть. Вместо алкоголя, которым надо было выводить его из этого состояния, ему что-то впрыскивали, а это не одно и то же, да и психически, видимо, тяжело. Он и играл гениально, потому что играл насмерть.

**М.Ц.** — Л. Абрамова однажды в интервью сказала, что Высоцкий во время гастролей в Сухуми уговорил Вас почитать свои рассказы. Это действительно было так?

**В.С.** — В Сухуми (это было в 1966 году) у нас были читки друг другу. После этого в Москве Высоцкий рассказал Андрею Вознесенскому, что я пишу, и надо, дескать, подумать, где меня печатать. В это же самое время я агитировал Виктора Фогельсона, чтобы он набрался смелости и «пробил» публикацию Высоцкого в «Юности» или ещё где-нибудь. Тогда же я написал предисловие к сборнику Высоцкого. «Жизнеописание стихий» — так я назвал его.

Я думаю, что отправной точкой был вечер дома у Эрдмана, когда мы читали каждый своё. Я совершенно не собирался это печатать, просто был уверен, что это никогда не будет напечатано, а Владимир любил делать всё наоборот. Если бы я был самоуверенным, то его бы это не интересовало.

**М.Ц.** — Я знаю, что в середине 1960-х годов Вы часто выступали вместе с Золотухиным и Высоцким. Были ли такие выступления позднее?

**В.С.** — Я помню такой вечер. Это было уже в последние годы, когда мы подолгу не встречались, каждый уже выступал со своими вечерами. И вот однажды, я точно не помню — в 1978 или 1979 году, — нас пригласили в Долгопрудный, в МФТИ, и мы приехали втроём. Это был именно литературный вечер, вечер трёх авторов. Мы ничего вместе на сцене не делали. Золотухин и я читали свою прозу, а Высоцкий пел свои песни.

**М.Ц.** — А как появился спектакль «В поисках жанра»?

**В.С.** — Идея принадлежала Высоцкому. Ему уже не хотелось играть «Антимиры», они казались ему устаревшими, заигранными. Хотя одного какого-то инициато-

ра не было. Получилось так, что заболела одна актриса, и мы зрителям, сидящим в зале, показали вместо спектакля такой букет разных наших штук. Потом это повторилось ещё раз, а потом уже Высоцкий с Любимовым договорились о форме спектакля — Владимир объявлял и все выходили.

**М.Ц.** — Последние гастроли «Таганки» с участием Высоцкого были в Польше. Высоцкий выступал только в Варшаве?

**В.С.** — У Высоцкого в то время было прединфарктное состояние, и он находился в госпитале в Париже. Во Вроцлаве его с нами не было, «Гамлет» был заменён. Любимов был очень сильно огорчён, они созванивались чуть ли не каждый день с Марией Влади. Когда врачи, наконец, допустили Высоцкого к телефону, он сумел настоять на том, что немыслимо не сыграть «Гамлета» в Варшаве. Собственно, все гастроли были посвящены «Гамлету». Высоцкий был очень популярен в Польше, и все ждали именно его.

**М.Ц.** — Люди, очень тесно общавшиеся с Высоцким, говорили мне, что в последнее время у него были очень непростые, едва ли не враждебные, отношения с труппой. Правда, эти люди знают ситуацию со стороны...

**В.С.** — Разбросаны по разным мемуарам различные суждения, хотя и противоречивые, но честные. У Вадима Туманова об этом говорится, у Аллы Демидовой, да и я об этом писал.

В последние годы всё, что интересовало Высоцкого, было вне театра. В театре, если что-то его волновало и притягивало, так это роли Гамлета и Лопахина. А так у него была идея поставить кино, а это новое качество. Плюс проза, плюс чистая поэзия без музыки, плюс зарубежные поездки, путешествия и так далее.

Были разные нехорошие моменты, вроде того, о котором писал Туманов, когда актёры замолкали, если на экране появлялся Высоцкий. Владимир Семёнович становился насуплен и гневлив. Ему было грустно, но вместе с тем он отвечал взаимностью. Так что это грехи обоюдные.

У него уже и времени на театр не было, и всё же последние спектакли были сыграны в очень хорошем качестве. Но, как я помню, приезды Высоцкого были уже очень редкими. Как мне кажется, Высоцкому было не интересно, откликнуться на любимовские запросы он уже не мог.

**М.Ц.** — Давайте поговорим о Театре на Таганке, в котором Высоцкий играл шестнадцать лет. В американской литературе я встречал утверждение, что Юрий Андропов испытывал слабость и к «Таганке», и к её главному режиссёру. Говорилось, что именно благодаря помощи Андропова Любимов сумел поставить, скажем, «Дом на набережной». Правда ли это?

**В.С.** — История вокруг Любимова будет нуждаться в серьёзном разговоре постфактум, когда уже всё отгримит... Это касается и его отношений с властью. «Таганка» казалась очень контрреволюционным и антисоветским театром, а на самом деле многие наши недоброжелатели не без основания говорили, что у Любимова есть надёжная рука в ЦК. В этом есть и правда, и неправда. Правда такова, что если бы не было защиты, то этот театр вообще не появился бы, или был бы уничтожен, или, более того, нас бы посадили. А это уже подходило к черте исполнения в 1968–1969 годах. Трёх-четырёх людям, в том числе Любимову и мне — как автору спектакля «Послушайте!» — просто откровенно угрожали.

Любимов был защищён, и он умел защищаться. Художественная уникальность его школы была прикрыта политическим панцирем, и это очень важное обстоятель-

ство. Он «швейковал», это он такое слово придумал, Швейк был его любимым героем. Он защищался с помощью Шкловского, Кирсанова и других людей, из другого круга. У него были друзья там.

Это уже была не проблема Любимова, это была проблема брежневского времени, когда некоторые помощники и секретари разных высокопоставленных истуканов и безумцев были интеллигентами, интеллектуалами и либералами. Без них не состоялась бы «перестройка». Они тоже раскачивали систему. Эти люди имеют конкретные заслуги перед «Современником», «Таганкой», Театром имени Ленинского комсомола, которым руководил Эфрос, перед музыкантами — Шнитке, Денисовым, Губайдулиной, перед Андреем Тарковским...

Был такой человек в ЦК, Лев Оников, он находил какие-то пути, чтобы «Андрея Рублёва» «пробить». И «пробили».

Среди тех, кто поддерживал «Таганку» на таком уровне, был андроповский кабинет, когда тот был не главой КГБ, а секретарём ЦК и начальником международного отдела. В этом отделе работали такие люди, как Шахназаров, Черняев — впоследствии помощники Горбачёва. В этом кругу были Лев Делюсин, Юрий Карякин, Лен Карпинский, Фёдор Бурлацкий — всё очень важные имена для предперестроечных раскачиваний коммунистического монумента.

К чему весь этот разговор? А к тому, что во главе этого кабинета стоял Андропов, человек, не чуждый некоторого либерализма. Конечно, люди его уровня были все одним миром мазаны, но всё же это производило впечатление некоей человечности. Я был знаком с сыном Андропова, и он мне рассказывал, что отец очень любил песни Высоцкого о войне.

Конечно, лично Андропов не имел к Любимову никакого отношения, всё это из области больших легенд,

но таких легенд, в которых отражалась и действительность. Они, знаете ли, успевали дома повздыхать над тем, что потом на работе запрещали.

Был случай, когда один из учеников Любимова, Борис Голдаев, привёл в театр группу школьников, чтобы показались Любимову. Фамилия одного из мальчиков была Андропов. Это было в период «Павших и живых», когда андроповский кабинет помогал спасению спектакля. Любимов сказал этому мальчику, что он хотел бы поговорить с его отцом. Насколько я понимаю, разговор этот состоялся, тогда это было не так сложно — всё-таки Андропов был шефом людей, которые приходили в театр. Любимов поблагодарил Андропова за помощь и сказал, что, дескать, приходил Ваш сын, и я ему отсоветовал идти в актёры.

Этот случай вырос в такую легенду, что Юрий Петрович прослушивал разных молодых людей, и в том числе обоих детей Андропова (хотя его дочка и не собиралась никогда быть актрисой), после чего раздался звонок в кабинете Любимова, и Андропов сказал: «Юрий Петрович, я Вам сердечно благодарен!».

Потом, уже через много лет, был момент, когда спасали спектакль «Владимир Высоцкий». Андропов был уже членом Политбюро, Любимов нашёл какой-то ход к нему, и Андропов способствовал тому, чтобы этот спектакль был показан один раз. Сейчас это звучит чудовищно, а тогда это были подарки! Это был 1981 год.

Когда умер Брежнев и во главе страны стал Андропов, то думали, что он будет помогать Любимову. Не только за то, что тот когда-то отговорил его сына идти в актёры, но вообще за тот период, когда Андропов был главой международного отдела ЦК и люди из его аппарата считали, что «Таганка» должна быть. Как некий штучный товар. У нас же были штучные разрешения — один Трифонов, один Окуджава, одна «Таганка».

**М.Ц.** — На Ваш взгляд, тот факт, что «Таганка», начиная с 1975 года, каждый год выезжала с гастролями за рубеж, связан с этим «штучным разрешением»?

**В.С.** — Не знаю... Не нужно обобщать. Общее направление, может быть, было и такое, а поводы были очень разные. Вот, скажем, 1977 год. По моим тогдашним воспоминаниям, Любимов и тогдашняя его жена Целиковская общались на даче с Зиманиным, идеологом ЦК, и тот вдруг, копая грядку, снизошёл, смягчился. В тот счастливый год, как Вы помните, были «Мастер и Маргарита», поездка в Париж, любимовский орден...

А в Париже коса на камень нашла: 3 ноября Любимов получил от французского корреспондента «Литературной газеты» Замойского газету, где воспроизвилось его интервью итальянской газете, в котором Любимов дипломатично ушёл от вопроса по поводу венецианского фестиваля «Биеннале-77». Любимов в это время ставил в Италии спектакль и на каверзные вопросы отвечал дипломатично — говорил, что он хочет заниматься искусством, а не политикой. «Литературка» раздула это дело, они там переврали текст его интервью.

Любимов читает это и понимает не только то, что это враньё и его слова искажены, но и то, что для него закроются все двери на Западе, если он будет поступать, как, скажем, Евтушенко: там он говорит одно, а здесь другое. Он разгневался ужасно и дал интервью в «Юманите», где сказал, что в нашей стране если человек что-то понимает в искусстве, его тут же «бросают» в промышленность, а если человек не разбирается в искусстве, то его делают руководителем культуры, как Демичева. То есть он прошёлся по крупным фигурам и к тому же выдал тайну зарплат наших нищенских.

Редактор «Литературки» Чаковский опубликовал похабнейшую, совершенно разгромную статью «Точки

над і». Похабную, потому что она была лживая. Он вытянул там несколько фраз из многих газет французских, причём из сугубо антисоветской прессы, он ничем не побрезгал. Суть была такая, что это плохой театр, а Любимов — вообще сволочь.

А потом была статья в «Правде». Тоже интересно — это делалось в отсутствие Брежнева, он был во Владивостоке. В этот день по «Правде» дежурил Тимур Гайдар, отец Егора, очень приличный человек по тем меркам. Он тут же позвонил, сказал, что выходит вот такая статья Потапова, завотделом ЦК, и что он делает всё, чтобы Брежневу дать знать и запретить, но статья всётаки вышла. И сразу после этого, опять же в «Правде», появилась антилюбимовская статья Жюрайтиса.

Вот такие были игры. Всё решалось на уровне таких случайных инициатив. После этого нам запретили всякие поездки в капиталистические страны на несколько лет. Только в 1982 году мы поехали в Финляндию, а в 1978-м съездили только в ГДР на Брехтовский фестиваль.

**М.Ц.** — Как «Таганку» принимали в ГДР?

**В.С.** — Потрясающе!

**М.Ц.** — А в прессе ведь ни строчки не было.

**В.С.** — Я помню, что, кажется, в 1979 году где-то просочилась коротенькая заметка о том, что с успехом прошли гастроли брехтовских спектаклей Любимова.

Гастроли были очень шумные. Там были театры со всего мира. «Таганку» ведь за границу не хотели пускать ещё из-за «паблисити». Когда нас первый раз пустили в Болгарию... Ну, казалось бы, что такого, в Болгарию? А туда слетелись люди, помню, из Швеции, из Америки. «Таганка» была легендой, это надо было увидеть!

Почему нас пустили в Финляндию в 1982 году, не знаю. Опять кто-то за нас поручился, продолжая, может быть,

ненадёжную политику «разделяй и властвуй». Может, надеялись, что Любимов смягчится. Но Любимов не смягчался, ему уже были дороги его связи с Западом. Кстати, если б его не пустили в 1973 году в Италию, если б он не начал карьеру западного режиссёра — или русского режиссёра на Западе, — может быть, он и пошёл бы на поводу у «прянника». Ведь то, что сделал Зиманин в 1977 году, это был откровенный «прянник». В общём, Любимову светило хорошее будущее — «народного» были дали, нам бы тоже званий надавали. Так, как это было, кстати, у Товстоногова, но Товстоногов был хитрее Любимова. Любимов был всегда плохим политиком, он видел только себя и цель. Я думаю, что он гениальный человек. Он и Эфрос — два самых оригинальных режиссёра, а все остальные, включая Товстоногова, Ефремова, Гончарова, Плучека — апологеты. Ну более-менее талантливые. Товстоногов — колоссально талантливый. Тем не менее они шли вслед за другими, а Любимов и Эфрос делали новое.

Любимов — это нормальный театральный диктатор. Он любил, когда Высоцкий пел в театре, а когда он пел где-то, он этого не любил. Он любил, когда Демидова играла в театре, но не любил, когда она снималась в кино. Любимов — создатель своей школы, и он хотел бы никого никуда не пускать. Но в этом было противоречие. Я думаю, это связано просто с его умственными способностями, от гения ведь не требуют, чтоб он был очень умён.

**М.Ц.** — А на Брехтовский фестиваль «Таганка» вывезла «Доброго человека из Сезуана» и «Мать»?

**В.С.** — Да, эти два спектакля. Любимов тогда был в Италии, он приехал только на три дня. И пригласил нас в ресторан. Любимов был, как бы это помягче выразиться, не из числа безумно щедрых отцов семейства, так

что это был случай, который нас даже напугал — что это вдруг с ним случилось?! Ситуацию объяснил Боровский (они вместе с Любимовым прилетели из Италии): «А чего делать с этим деревянными марками?». Любимов, оказывается, получил огромную сумму денег в восточных марках, которые ни в какую валюту перевести было нельзя.

Но и не только в этом дело было! Я помню, что он за «Мать» и за «Доброго человека...» чуть не целовал нас. У него было прекрасное настроение! У него был успех в Италии, прилетает в Германию — и там успех! Вообще, был очень хороший тон, настроение. Только не нравился Коган, директор театра, которого, собственно, вскоре и уволили.

В Париже он все гастроли просидел от страха в посольстве и всё «стучал» на Любимова, после чего нас всех шмонали в Шереметьево. Он «стучал» и не скрывал этого. В 1978 году мы все собрались, написали письмо, и его от нас удалили. Он стал директором Театра на Малой Бронной. Однажды ночью позвонили мои друзья Миша Козаков и Оля Яковлева и спросили: «Веня, научи, как его выгнать».

**М.Д.** — Вы упомянули «Мать», и я припомнил, что Высоцкий репетировал в этом спектакле. А сыграл ли он в нём хоть раз?

**В.С.** — Не помню... Может быть, раза два или даже один раз — роль отца Павла Власова. Но репетировал он потрясающе. Он должен был играть пьяного, а он ненавидел пьянство, когда бывал трезв.

Это, кстати, снова насчёт Вашего вопроса о болезни Высоцкого. Я не врач, я не знаю, подпадает ли Высоцкий под тот или иной диагноз. Он был особенный человек. Я же знаю, что он не спал и тогда, когда никакого психоза не было. Он мог спать один час. Мне он объяснял,

что он умеет давать себе задание проснуться. Наверное, он был экстраординарный человек и в психическом отношении тоже. Он может смутить специалиста.

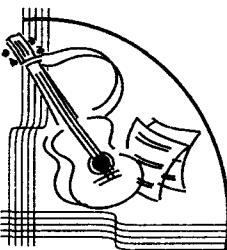
7.07.1996 г. и 15.12.1998 г.  
(Copyright © 2005)

---

**СМЕХОВ, Вениамин Борисович.** Актёр, режиссёр. Родился 10 августа 1940 г. в Москве. В 1957 г. поступил в театральное училище им. Б.В. Щукина при Театре им. Евг. Вахтангова (курс В.А. Этуша), которое окончил в 1961 годы, был принят в труппу Куйбышевского театра драмы им. М. Горького. Осенью 1962 г. возвратился в Москву, поступил в труппу Московского театра драмы и комедии (худ. руководитель А.К. Плотников), после реорганизации в 1964 г. — Московский театр драмы и комедии на Таганке (главный режиссёр Ю.П. Любимов). Среди театральных работ наиболее удачные роли в спектаклях «Послушайте!», «Мастер и Маргарита», «Ревизская сказка», «Доктор Живаго» и др. В 1970 г. на московском театральном фестивале «Польская драматургия» удостоен премии за исполнение роли К. Максимовича в спектакле «Час пик».

С 1968 г. начал сниматься в кино, сыграв свою первую роль в фильме Е. Карелова «Служили два товарища». Снимался в фильмах «Смок и Малыш», «Д'Артаньян и три мушкетёра», «Ловушка для одинокого мужчины», «Ключ» и др. В 1985—1987 гг. служил в труппе театра «Современник» (главный режиссёр Г.Б. Волчек), после чего вернулся в Театр на Таганке. С начала 1990-х гг. ставил драматические и оперные спектакли в России, Эстонии, Узбекистане, Израиле, США, Чехии. Опубликовал ряд художественных и публицистических книг — «В один прекрасный день» (1986), «Жизней и только» (1990), «Таганка. Записки заключённого» (1992), «Театр моей памяти» (2000) и др.

Народный артист Российской Федерации. В последнее время преподаёт актёрское мастерство в университетах США.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Петр Ефимович ТОДОРОВСКИЙ

**П.Т.** — Я не могу сказать, что мы с Володей очень крепко дружили, но было несколько замечательных встреч.

Однажды Михаил Швейцер снимал в Одессе «Золотого телёнка». Вы, кстати, наверное, не знаете, что в этом фильме у него играл Марлен Хуциев, потом этот эпизод вырезали. И вот собралась компания, в том числе Володя Высоцкий. Мы жили на третьем этаже в доме, который назывался Дом работников искусств. Там жили киношники, деятели оперы, филармонии...

И вот при распахнутом настежь балконе поёт Володя Высоцкий. Уже двенадцать ночи, уже половина первого... Дворничиха кричит: «Прекратите! Я сейчас милицию вызову! Вы спать не даёте!». И действительно в час ночи явился участковый, молодой парень. Зашёл он в комнату такой грозный-грозный — и вдруг увидел Высоцкого. Улыбнулся и говорит: «Ребята, а можно я с вами посижу?». Вся строгость улетучилась...

Потом была ещё одна замечательная история. Володя прилетел почему-то поздно вечером, зашёл ко мне и говорит: «Я сейчас еду на Санжейку». Санжейка — это такое место, где отдыхали «дикарём». Приезжали на машинах, ставили палатки. Он говорит: «Поехали, у нас шашлыки в машине».

Ну поехали мы. Развели костёр, шашлыки начали жарить. Володя стал петь, начал уже где-то в час ночи —

П.Е. ТОДОРОВСКИЙ **О Владимире Высоцком вспоминает** || 353

пока добрались, то да сё... Я вторую гитару с собой захватил, подыгрываю ему. И вижу, что откуда-то из темноты появляются люди. Всё больше и больше, больше и больше... В конце концов мы были окружены огромной толпой. Люди на наш костёр и на голос Высоцкого шли, как мотыльки на огонь — мужчины, женщины, дети. И до самого восхода солнца пел Володя, он же был очень заводной.

А как он пел в гостинице «Аркадия»! Он тогда приехал сниматься у Юнгвальд-Хилькевича в «Опасных гастролях». Собралась хорошая компания, было замечательное застолье, и Володя пел несколько часов. Уже поздно было, так администрация гостиницы, хоть и вежливо и уважительно, но попросила его прекратить.

**М.Ц.** — Вы заговорили о том, как подыгрывали на гитаре Высоцкому. Любители его творчества прекрасно знают фонограмму, сделанную у Вас дома в Одессе в 1969 году, где Вы подыгрываете Высоцкому на второй гитаре. Признаюсь Вам, это одна из любимых моих фонограмм. Вы играли «с листа» или репетировали с Высоцким перед фонограммой?

**П.Т.** — Володя снимался тогда в «Опасных гастролях», а мы жили напротив студии. Он довольно часто заходил к нам. У него была язва желудка, и моя жена варила ему манную кашу или овсянку.

И вот однажды он к нам зашёл, поел, отдохнул и сказал: «Давайте я запишу вам последние свои песни». А у меня всегда дома есть две-три гитары. Я взял вторую гитару. Мы не репетировали, мне не очень сложно было угадать вперёд на два-три хода. Я ему на одной струне подыгрывал. Мы записали бобину целую — там была и «Охота на волков», и «Ноты», и «Жираф большой...».

Самое поразительное для меня случилось чуть позже. Через две недели я оказался в Нижнем Тагиле с

картины и зашёл в кинотеатр. Там был магнитофон, и звучала эта запись. Как же молниеносно расходились по стране его песни!

**М.Ц.** — Вы не знаете, Высоцкий пробовался на роль Остапа Бендера в фильм *Швейцера*?

**П.Т.** — Не знаю, я не в курсе дела. Он пробовался и сыграл роль в другом фильме Швейцера — «Бегство мистера Мак-Кинли». Высоцкий написал туда несколько баллад, но Леонов, автор сценария и автор романа, по которому поставлен фильм, был очень недоволен, и баллады вырезали.

А пробы сохранились. Там я тоже подыгрывал Володе, меня гримировали, наклеивали усы. Это были очень расширенные пробы. Швейцер любил снимать целые сцены, пробовать актёра с разных сторон.

**М.Ц.** — Кстати, о кинопробах. Вы, насколько я знаю, не исключали возможность того, что Высоцкий снимется в Вашей картине «Любимая женщина механика Гаврилова»...

**П.Т.** — Да, его кандидатура рассматривалась, но я всё-таки пригласил Шакурова. Я не знаю, почему, но мне показалось, что в Шакурове больше не то что мужского, а вот некая внутренняя прочность. Мне подумалось, что актёрски Серёжа Шакуров больше к этой роли подходит.

**М.Ц.** — И снова мой вопрос будет о пробах. В литературе о фильме «Опасные гастроли» встречался рассказ о том, что режиссёр картины с самого начала хотел снимать только Высоцкого, но вынужден был делать вид, что он пробовал разных актёров. Говорилось, что всех потенциальных кандидатов на роль Юнгальд-Хилькевич просил играть хуже, чем они могут, чтоб ему легче было отстоять кандидатуру Высоцкого перед худсоветом студии. На Ваш про-

фессиональный взгляд, это возможно, чтобы актёр специально «запарывал» пробу?

**П.Т.** — Скажу Вам так. Некоторые режиссёры пользуются таким приёмом: знают заранее, кого они возьмут на роль, но приглашают на пробы очень хороших актёров. Они на своих пробах показывают массу подробностей, деталей, реплик. Эти актёры в значительной степени обогащают рисунок роли, на которую режиссёр, в конце концов, приглашает того, кого он выбрал с самого начала. Так частенько бывало с Роланом Быковым. Он был фонтанирующий человек с бешеною фантазией... Вот так было, между прочим, у Швейцера на «Золотом телёнке». На роль Паниковского пробовался Ролан Быков и очень много привнёс в этот образ. А потом на эту роль пригласили Зиновия Ефимовича Гердта, и когда Ролан увидел пробу Гердта, он сказал: «Да, это его роль».

Ну вот, пожалуй, и всё, что я могу сказать Вам о Володе. Кстати, Вам, наверное, интересно будет узнать, что моя дача находится на фундаменте, где раньше стоял домик Высоцкого. Это был участок Эдика Володарского, они с Володей очень дружили, Эдик разрешил ему построить на своём участке домик. Когда Володя умер, Марина Влади хотела продать дом вместе с землёй. Разразился жуткий скандал. Эдик эту тяжбу выиграл, поскольку сказал Марине: «Дом твой, забирай его, а земля моя».

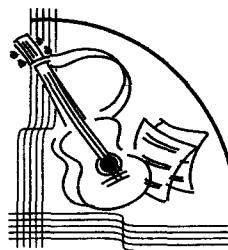
Дом разобрали, и сохранился от него только санузел, который до сих пор у нас существует. Сначала на этом месте, после того как дом разобрали, Володарский построил сауну и одну большую комнату, а мы приобрели этот участок уже не у него, а у другого человека, который купил его у Володарского. У меня на даче висят на стене фотография домика Володи и его портрет.

15.10.2006 г.

(Copyright © 2006)

**ТОДОРОВСКИЙ, Пётр Ефимович.** Режиссёр, оператор, актёр, автор песен. Родился 26 августа 1925 г. в Украине, в городе Бобринец Кировоградской области. Во время войны после пехотного училища был направлен в действующую армию, а после Победы прослужил в армии ещё три года. В 1954 г. окончил операторский факультет ВГИКа (мастерская Бориса Волчека), около 10 лет работал оператором на Одесской киностудии, среди операторских работ — «Весна на Заречной улице» (совместно с Р. Васильевским), «Жажды» (вторая премия за работу оператора за 1960 г. на Всесоюзном кинофестивале в Минске) и др. В 1965 г. состоялся режиссёрский дебют — поставил военную драму «Верность». В 1960-е также начал выступать как композитор и автор песен («Сильнее урагана», «Рабочий посёлок», «Над нами Южный Крест»). В 1970 г. впервые снялся как актёр в телефильме «Был месяц май», поставленном Марленом Хуциевым по сценарию Григория Бакланова.

Заслуженный деятель искусств Украинской ССР, народный артист РСФСР (1985), лауреат премии «Золотой Овен» (1995, за гуманизм творчества), лауреат Государственной премии РФ (1996, за фильмы «Военно-полевой роман», «Анкор, ешё Анкор!» и «Какая чудная игра»). За выдающийся вклад в отечественный кинематограф был награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» (1996) и Почётным призом Президента России (2000). Генеральный директор и продюсер независимой студии «Мирабель». Живёт и работает в Москве.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Рая УДОВИКОВА

**Р.У.** — Высоцкий очень любил цыганскую музыку. Он часто ходил в цыганский театр «Ромэн» в Москве. Мы были знакомы, там такая компашечка была... К тому же Володя очень симпатизировал мне. Это не было какими-то там любовными отношениями. Просто он очень уважал меня за то, что я была одна и растила двоих детей. Ну и он меня любил как актрису.

Мы очень-очень дружили с Володей. Когда мы ездили на гастроли, он брал Наташку, дочку мою, и присматривал за ней. У нас с ним были отношения, как у брата с сестрой.

Вы знаете, он ешё меня очень уважал за то, что я — и это до сих пор так — не попробовала ни капли водки или пива. Это для него было просто на высшем уровне, что я никогда не пробовала алкоголь.

**М.Ц.** — То есть умение веселиться без водки.

**Р.У.** — Да-да! (смеётся). А однажды мы были у одной знакомой. Фамилию не помню уже, а звали её Неля, она работала в «Литературной газете», наверное, сейчас уже на пенсии. Мы всегда собирались у неё. И вот в тот раз мы собрались, а Володя в тот момент писал текст песни для какого-то фильма. Мы с ним закрылись в комнате, и я ему помогала писать этот текст.

**М.Ц.** — А что за текст, не помните?

**Р.У.** — Ой, я уже забыла... Столько лет прошло, это было так давно, больше сорока лет!

И вот так мы дружили. Ездили в лес, делали шашлыки, ловили рыбу, играли на гитарах. Я пела ему, он пел мне. А иногда играли на двух гитарах — я играла соло, а он аккомпанировал. Так шутили с ним всегда! В общем, была очень-очень красивая дружба.

Мне немножко не нравилось, что Володя очень много употреблял алкоголя. Но на сцену он никогда выпивши не выходил. Сцена была для него святое. А уж после сцены он мог...

Потом я уехала в Норвегию. Через некоторое время Володя написал песню, там в конце упоминается Норвегия, а песня называется «Она была в Париже», потому что я же долго работала в Париже.

И вот ещё такой случай был. Однажды Володя приехал на гастроли в Париж. Он работал в «Олимпии». Ну Вы знаете, что такое «Олимпия», это же знаменитый концертный зал<sup>1</sup>. У меня в это время были гастроли, а Наташа пошла туда.

После концерта она подошла к нему: «Володя, ты меня узнал?». Он на неё смотрит, смотрит... — «Ой, Наташенька!» — Стал плакать и обнимать её. — «А где мама?» Наташа говорит: «Мама на гастролях». Рассказала ему о моей работе. Он был в Париже два или три дня, и я его не встретила, а очень хотелось.

**М.Ц.** — И Вы никогда не встречались с Высоцким в Париже?

**Р.У.** — Нет, никогда не получалось. Я работала в Лос-Анджелесе, в Сан-Франциско, в арабских странах. Никогда мы не совпали в Париже.

**М.Ц.** — Вы сказали, что в Москве Вы с Высоцким входили в одну «компашечку». А кто ещё туда входил?

**Р.У.** — Актёры театра «Ромэн». Если я правильно помню, то там бывали Ташкентский<sup>2</sup>, Шишков<sup>3</sup>, бывали некоторые наши актрисы, но они уже умерли.

**М.Ц.** — Вы познакомились с Высоцким, когда он уже был актёром «Таганки», или раньше?

**Р.У.** — Да, он работал на «Таганке», а цыганский театр иногда показывал спектакли в помещении их театра. Володя всегда ходил на эти спектакли, он их обожал! Мы очень часто там работали. Цыганский театр в те времена был очень популярен. Настолько популярен, что мы не получали никаких дотаций, мы были на самоокупаемости, билеты продавались вперёд на полгода.

Вот так, как я понимаю, мы и познакомились с Володей. Когда мы работали на «Таганке», он пришёл за кулисы поблагодарить меня.

**М.Ц.** — Вы играли главные роли в спектаклях Вашего театра. Высоцкий Вас видел во всех этих ролях?

**Р.У.** — Да. Ему нравилась моя роль в «Плясунье». Вы знаете, когда я была в Москве, я не очень занималась пением. Я была драматическая актриса, комедийная актриса, играла всех и всё. И вот однажды в этой «Плясунье» я должна была петь романс. И Ром-Лебедев<sup>4</sup> хотел, чтобы я пела. Я просила: «Ой, Иван Иванович, пожалуйста, спойте Вы. А я буду сидеть, слушать... Я покажу весь процесс, что происходит в моей душе».

Он говорит: «Нет, возьмёшь гитару и споёшь этот романс». Я опять: «Иван Иванович, да я никогда в жизни...» Он как топнул ногой! Он большой был, испугалась я... Взяла гитару и начала петь. Вот с тех пор и пою.

Спектакль был очень драматичный. Эта плясунья ходила по деревням, плясала и просила хлеба. А потом один богатый забрал её во дворец, она зажила, как принцесса, но, в конце концов, ей это надоело, она надела своё цыганское платье и хотела убежать, но он её застрелил. И так она покатилась по лестнице, а в это время хор поёт цыганскую песню. Такой был красивый спектакль!

**М.Ц.** — У Вас не сохранились ли фотографии Высоцкого?

**Р.У.** — К сожалению, нет. У меня были фотографии в Москве, но они исчезли, кто-то их украл.

**М.Ц.** — Какое Ваше мнение о Высоцком как о музыканте?

**Р.У.** — Ой, ну это гениальный человек! Кто может Вам сказать что-то другое! Это был человек-великан. В первую очередь, это был уникальный человек, добрийший, прекрасный. Во-вторых, он был гениальным актёром, музыкантом, поэтом.

Он погиб нелепой смертью. Он мог бы ещё жить и жить, творить и творить. Знаете, я иногда возьму гитару, пою и заплачу...

17.06.2006 г.  
(Copyright © 2006)

<sup>1</sup> Другой информации о выступлении Высоцкого в парижской «Олимпии» на сегодняшний день нет.

<sup>2</sup> Ташкентский Борис, народный артист России, актёр театра «Ромэн».

<sup>3</sup> Шицков Михаил Михайлович, артист театра «Ромэн», исполнитель романсов.

<sup>4</sup> Ром-Лебедев (наст. фамилия — Лебедев) Иван Иванович (1903–1989), гитарист-виртуоз, актёр, драматург. Один из организаторов и основных драматургов театра «Ромэн».

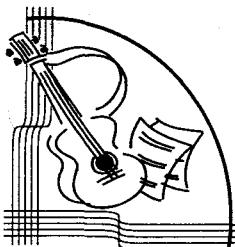
**УДОВИКОВА, Раиса Прокофьевна** (по мужу — Bielenberg). Актриса, певица. Родилась в 1934(?) г. в цыганском таборе, кочевавшем под Курском. После окончания войны училась в г. Днепропетровске (Украина) в ФЗУ, работала на одном из заводов Днепропетровска и активно участвовала в самодеятельности. Во время гастролей театра «Ромэн»

в Днепропетровске в 1953 г. поступила в его труппу и уехала с театром в Москву.

В 1966 г. вышла замуж за норвежского журналиста и выехала с ним в Швецию (в г. Стокгольм). С 1967 г. живёт в Норвегии (в г. Осло), служит в Национальном драматическом театре, исполняя ведущие роли на норвежском языке, гастролирует во многих странах Европы, Америки и Азии, исполняя песни на русском, цыганском и норвежском языках. Пишет песни протеста против расизма и дискриминации.

В СССР в 1960-х были популярны грампластинки с записями цыганских песен и русских романсов в её исполнении. Снялась в кинофильмах «Бей, барабан» (1962), «Цыган» (1967), «Чернушка» (1967), «Девчонка из табора», «Будуй, которого не ждут» (1993) и др.

В 2005 г. удостоена престижной премии лучшей певицы Скандинавии. Организатор ежегодных фестивалей цыганского искусства в Норвегии.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

### Карина Степановна ФИЛИППОВА

**М.Ц.** — Сценарист Дина Калиновская, переехав в Москву, жила у Вас. Она привезла с собой пьесу «Баллада о безрассудстве». Как она мне рассказывала, Вы сразу же захотели показать пьесу Высоцкому. Почему?

**К.Ф.** — Понимаете, я поступила в Школу-студию МХАТ в 1954 году, а Володя — в 1956-м. И все, кто в этом ареале находился, все были родные и любимые, братишки и сестрёнки. Когда-то я сказала своему любимому ректору Радомысленскому, что я провела четыре года, катаясь на розовом облаке по лазоревому небу. Это был самый счастливый период в моей жизни.

А в случае Володи и Дины было слияние двух талантливых явлений. Дина была удивительно, искромётно талантлива и готова к творческому открытию. А Володя — прекрасный, солнечный — был само счастье. И вот когда я ощутила, что на земле появились два явления — Володя уже состоявшийся, Дина — в самом начале пути, а я знакома и с тем, и с другой, — то как же не познакомить их? Я сразу сказала: «Динуля! Бегом к Володе! Немедленно!». К тому же Володя уже был связан с кино, а я была молодая вдова (Володя потом упомянул это в песне) с ребёнком, мне было не до того.

Диночка из Одессы приехала ко мне в одиннадцатиметровую комнату. Володя уже был в какой-то мере проявлен. Начиналось всё с рассказов про соседа, про «куничку Нябу» и так далее, но я уже ощущала, в какую личность он вырос. И я почувствовала просто, что Володе с Диночкой надо познакомиться.

К.С. ФИЛИППОВА **О Владимире Высоцком вспоминает** || 363

**М.Ц.** — Как рассказывала Дина Михайловна, пьеса Высоцкому сначала совершенно не понравилась, но уже через несколько дней он радикально изменил своё мнение о ней. Что, по Вашему мнению, было тому причиной?

**К.Ф.** — Ну я не могу говорить за Володю, но знаю, что иногда, встретившись с неким явлением, мы на него реагируем не сразу. И, кроме того, ему надо было себя разместить в этом материале. Сначала надо почувствовать контакт, а уже потом происходит осмысление.

**М.Ц.** — Высоцкий начинал писать песни для их сценической с Калиновской?

**К.Ф.** — По-моему, да. Я деталей не помню, но Володя что-то писал. Они работали с Диной. Он к нам приходил с Иваненко, она была очаровательна.

**М.Ц.** — Вы сказали, что Высоцкий упомянул в песне, что Вы были вдовой. Вы говорите о песне «Ой, где был я вчера...»? Там упоминается «молодая вдова».

**К.Ф.** — Да-да, именно эта песня. Я Вам расскажу, как это было. Мы, взрослые дураки, катались во дворе на санках. Возвращаемся, а соседка говорит мне: «У тебя кто-то дома». А я никогда не закрывала комнату.

Вхожу — незнакомые люди. И вдруг из-за плеча появляется Володя и говорит: «А мы всё съели». Никогда этого не забуду! А потом Володя написал эту песню: «Помню, Клавка была и подруга при ней...» Вообще, никаких безобразий там не было, получился очень смешной вечер.

Я только спросила потом: «Володя, я же на первом этаже живу! Какой там балкон?». Он посмотрел на меня так грустно-грустно... Кажется, с мыслью: «Табуретка ты несчастная! Не догадываешься, что художнику может подарить фантазия».

**М.Ц.** — По какому адресу Вы тогда жили?

**К.Ф.** — Это огромный дом на Садово-Черногрязской, угол Земляного вала. Квартира 17, а дом, кажется, 3/21.

**М.Ц.** — Невероятно интересно! А историю каких-нибудь других песен Высоцкого Вы знаете?

**К.Ф.** — Помните песню: «Я платье, говорит, взяла у Нади...» Это он про Изу писал. Ну так, с намёком на неё. Первых песен его я не помню. Потом мы у Жоры Епифанцева пели «Где твои семнадцать лет?», но это уже позднее. А первой песней, которую он пел, была «Ехал цыган на коне верхом...» Это была первая песня, на которой он учился играть на гитаре. Это ещё было, когда он учился в студии.

**М.Ц.** — Кстати, ведь Вы с Высоцким в одном спектакле играли! Правда, у Вас была главная роль, а он играл бессловесного солдата...

**К.Ф.** — Да, роль в «Гостинице «Астория»» была моей основной дипломной работой. Володя играл солдатика, а Изя, кажется, какую-то штукатурщицу.

**М.Ц.** — В другие спектакли Вашего курса Высоцкого не приглашали?

**К.Ф.** — Нет. Но мы играли ещё в одном спектакле — «Белая болезнь» по Чапеку. Это уже было после моего возвращения в Москву. Радомысленский и Ялович создали такую группу, которая называлась «Станиславский, Немирович, Радомысленский, Ялович». В этом спектакле я играла мать, а Володя — отца.

**М.Ц.** — Каким Высоцкий был в общении?

**К.Ф.** — Знаете, вот сидим, скучаем. Входит Володя — сразу начинаются хохот жуткий, шутки, игры. Как мы играли в «товарища Иванова»!

**М.Ц.** — А это что за игра такая? Не слыхал никогда.

**К.Ф.** — Да что Вы! Это прекрасная игра Володина! Сам он был товарищ Иванов, рабочий. У него как будто микрофон, и ему надо задавать вопросы. Вопросы, конечно, дурней дурного. Ну, например: «Товарищ Иванов, скажите, как Вы относитесь к бригадам коммунистического труда?». И он начинал импровизировать: «Наш замечательный народ... Строит коммунизм... Но в Америке, товарищи, этого нет!». Игра была сказочная! Остроумнейшие ответы, хохот стоял непрерывный.

**М.Ц.** — Вы встречались с Высоцким не только в Москве?

**К.Ф.** — Да, встречались в Ростове. Я там уже работала и Изя за собой потянула. Володя туда приезжал. Он собирался даже переезжать в Ростов, и ему уже роль была отведена — в спектакле «Красные дьяволята». Но тут позвонила ей подруга: «Изуля, у Володи роман на съёмках». Изя рассердилась, и отношения были разорваны.

Но Володя любил её всю жизнь! Изя приедет в Москву, Володя мне звонит: «Изуля приехала!». Мчался, хватал её за руку, тащил на концерты. До самой последней встречи...

**М.Ц.** — Вы знали Владимира Семёновича много лет. Каким он Вам запомнился?

**К.Ф.** — Володя — явление солнечное, радостное, светлое. Вы знаете, мои друзья меня берегли. Я никогда не бывала в пьющих компаниях. Я знаю Володю только в очень светлом ракурсе, знаю как светлую комету.

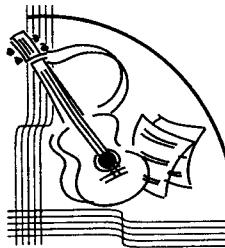
Как-то так получалось, что Восьмого марта все обо мне забывали. И вдруг однажды — звонок в дверь. Открываю — Володя с гитарой. Он пришёл спеть мне несколько песен и принёс для моей дочки ботиночки двадцать восьмого размера фирмы «Батя». Как же приятно

было, что не забыл он о празднике, и что надо меня поздравить, и что у меня девочка.

А потом я вышла замуж за Борю Диодорова, и тридцать пять лет счастливее меня нет женщины. Так вот, Боря очень дружил с Володей и раньше, без меня. Боря учил Володю водить машину. Очень хороший был эпизод, когда Володя вёл машину — и вдруг выскакивает на встречную полосу. Боря кричит: «Ты чтотворишь?!». А Володя говорит: «А я вот так смотрю — свёрнёт тот, что навстречу, или нет». Это был его характер. Вот таким и запомнился...

9.09.2006 г.  
(Copyright © 2006)

**ФИЛИППОВА (ДИОДОРОВА), Карина Степановна.** Актриса, поэтесса. Родилась 9 июля 1934 г. в г. Горький, с 1949 г. живёт в Москве. В 1958 г. окончила Школу-студию МХАТ. Позднее окончила аспирантуру и преподавала в родной Школе-студии, позднее — в ГИТИСе. С 1967 г. пишет стихи и тексты песен. Автор сборников стихов «Сама себе завидую» (1993), «Стою на семи холмах» (1997), «Ваша светлость» (1999), «Моя деревня», «Библейская мудрость», «Каждого больше люблю» (2004). Песни на её стихи пели «звезды» советской и российской эстрады Клавдия Шульженко, Майя Кристалинская, Гелена Великанова, Людмила Зыкина, Валентина Толкунова, Алла Пугачёва, Надежда Бабкина и др.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Георгий Иванович ФИРТИЧ

**М.Ц.** — Вы писали музыку для спектакля «Необычайные приключения на волжском пароходе», сценарий которого написал Кирилл Ласкари, а тексты песен — Владимир Высоцкий. Что Вам запомнилось из этой работы?

**Г.Ф.** — Мы начинали эту работу в 1973 году. К сожалению, премьера спектакля состоялась уже после смерти Высоцкого. Мы встречались неоднократно дома у Ласкари, а однажды Высоцкий был у меня дома. Не помню, сколько именно раз мы встречались, но встреч было немало. Я думаю, у Ласкари должны были сохраниться фонограммы.

**М.Ц.** — Вы писали музыку, исходя из авторской мелодии?

**Г.Ф.** — Я шёл только от его стихов, мелодии были написаны на его стихи.

**М.Ц.** — Как работалось с Высоцким?

**Г.Ф.** — Он был человек очень профессиональный, обязательный, так что никаких проблем не возникало в плане общения. Воспоминания у меня о нём самые лучшие — обязателен, точен, порядочен.

**М.Ц.** — Прошло много лет, прежде чем спектакль был поставлен. Почему тогдашние власти приняли его, что называется, в штыки?

**Г.Ф.** — Да я сам не могу понять. И ведь такое отношение было не только в Ленинграде. Мы этот спектакль

пытались «пробить» в Москве, но не вышло. И потом была попытка в Петрозаводске — с тем же результатом.

**М.Ц.** — Вы думаете, проблемы были из-за того, что там были песни Высоцкого?

**Г.Ф.** — Ну я не знаю... Да и потом, прошло очень много лет, я уже не помню. В конце концов, спектакль поставили в ленинградском Театре имени Ленинского комсомола, году в 1983-м. В то время там главным режиссёром был Опорков, это было принято к постановке. Я делал инструментовки для оркестра нашего радио, в спектакле это звучало под фонограмму. Спектакль был принят хорошо, он шёл несколько лет.

В 1983 году тоже были проблемы с постановкой. В Ленинграде был один представитель Министерства культуры, который очень противился выпуску спектакля. Уж не знаю, что они там нашли такого антисоветского... Просто чиновник — такой перестраховщик.

Помог очень тогдашний директор театра, он теперь, кажется, замминистра культуры России. Он сумел сделать так, чтобы спектакль, наконец, вышел.

**М.Ц.** — Через несколько лет Вы снова работали с Высоцким...

**Г.Ф.** — Да, это уже было в Москве. На студии имени Горького ставился фильм «Вооружён и очень опасен». Этот фильмставил режиссёр Вайншток, классик нашего кино. Он поставил когда-то «Дети капитана Гранта», «Всадник без головы». Этот фильм, где мы встретились с Высоцким, был его последним. Туда вошли песни Высоцкого, которые в картине исполнила Людмила Сенчина.

**М.Ц.** — Высоцкий говорил на концерте, что первоначально планировалось, что он будет петь сам.

**Г.Ф.** — Да, это действительно планировалось, но почему-то не получилось. Там остались отголоски темы од-

ной песни, написанной для главного героя. Я использовал эту тему по просьбе Высоцкого. А Высоцкий, в свою очередь, сделал несколько текстовок на мои мелодии.

**М.Ц.** — То есть песни, исполненные Сенчиной «Не грусти, забудь за дверью грусть...», «Расскажи, дорогой, что случилось с тобой...» и «Запоминайте! Приметы — это суета...» писались уже на готовые мелодии?

**Г.Ф.** — Да, именно так. Высоцкий был человек высокопрофессиональный. Если что-то не попадало изначально в ритм, то он это доводил до кондиции. То есть был нормальный творческий контакт. Он часто приезжал ко мне в гостиницу «Москва», где я жил во время приездов в Москву, и мы с ним работали. И на студии во время записи он, конечно, бывал. Вообще, отнёсся к этой работе с большим интересом.

**М.Ц.** — Одна песня в фильме оказалась использованной так, как Высоцкий не любил. Она перебивается диалогом,помните?

**Г.Ф.** — Да, помню. Это так получилось при монтаже, такой идеи изначально не было.

**М.Ц.** — Как Вы считаете, Высоцкий был доволен результатом?

**Г.Ф.** — Думаю, что да. Во всяком случае, мне он говорил, что доволен. По тем временам это были очень современные аранжировки в роковом стиле. Это было не два притопа — три прихлопа, а хорошая запись под оркестр.

**М.Ц.** — Как Вы оцениваете музыкальную сторону творчества Высоцкого?

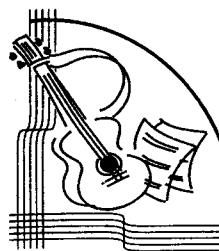
**Г.Ф.** — Ну я считаю, что пение его, конечно, актёрское. Это пение бардов. В исполнении он брал, я бы сказал, нервом. Стихи его на много порядков выше, чем

музыкальная часть. Ему, собственно, и не нужна была какая-то особая мелодия, потому что главное-то у него — текст, характер персонажа. А стихи его самоценны, их можно воспринимать не обязательно с голоса, но и читая. Я думаю, Высоцкий — один из немногих, чьи стихи пережили своё время, не потеряв качества.

14.01.2006 г.  
(Copyright © 2006)

**ФИРТИЧ, Георгий Иванович.** Композитор. Родился 20 октября 1938 г. в Пскове. В 1962 г. окончил Ленинградскую консерваторию по классам Ю. Балкашина и Б. Арапова. Музыка Фиртича в исполнении отечественных и зарубежных музыкантов звучит в различных городах России, а также во Франции, Болгарии, Польше, Чехии, Венгрии, Австрии, Германии, США, Великобритании, Италии, Швеции, Швейцарии, Норвегии. Автор произведений не только в академическом жанре, но и музыки для театра, кино и телевидения. Им создана музыка более чем к 70 художественным фильмам, в их числе — «Золотой телёнок», «Если хочешь быть счастливым», «Взлётная полоса», «Вооружён и очень опасен», «Заряженные смертью», «Транзит для дьявола» и др., мультфильм «Приключения капитана Врунгеля».

С 1962 г. — член Союза композиторов Санкт-Петербурга. С 1994 г. возглавляет АСМ (Ассоциацию современной музыки) при Союзе композиторов Санкт-Петербурга. Заслуженный деятель искусств России, профессор РГПУ им. А.И. Герцена.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКИМ ВСПОМИНАЕТ

### Олег Николаевич ХАЛИМОНОВ

**М.Ц.** — Вы работали на танкерах «Морис Торез» и «Антонио Мелья». Бывал ли там Высоцкий?

**О.Х.** — Вы знаете, всё время получалось так, что он собирался, но всегда не складывалось. Однажды ко мне собирались приехать Артур Макаров, Жанна Прохоренко, Андрей Тарковский и Володя. И уже в последний момент, когда и билеты были взяты, что-то не получилось у него.

Мы перезванивались, когда я был в плаванье. В те времена уже можно было по радиотелефону звонить с моря. Вы, наверное, знаете историю, как я позвонил с танкера «Морис Торез» на «Таганку»?

**М.Ц.** — Да, я читал об этом. Была сенсация, когда сказали, что Высоцкому звонит Морис Торез, который, к тому же, уже умер. Не сообразили, что это звонок с судна.

**О.Х.** — Я служил на разных судах, но это были не пассажирские корабли, которые регулярно ходят колёсом по одному маршруту — по Чёрному морю или, скажем, по Средиземному. Планировать встречу с Володей было трудно. Мы встречались частенько в Одессе, когда я уходил в отпуск, а у него были там съёмки или просто выдавалось свободное время и была возможность приехать. Он любил бывать в Одессе.

**М.Ц.** — Вы в те времена жили там?

**О.Х.** — Да, я закончил там Высшее инженерное морское училище. Оседлой жизнью, конечно, это трудно

было назвать, потому что я плавал на судах, но отпуск или, по крайней мере, большую его часть, как правило, проводил в Одессе.

**М.Ц.** — По какому адресу Вы там жили?

**О.Х.** — Улица Пироговская, дом 7/9, кв. 267. Там часто бывал у нас Володя — иногда один, иногда с Мариной. Заходил он туда, когда я бывал не дома, а в море, благо киностудия находилась рядом. Родители жены всегда ему были рады и старались покормить чем-нибудь вкусным.

**М.Ц.** — Кроме Вас, у кого из Ваших знакомых бывал в Одессе Высоцкий?

**О.Х.** — У него были там приятели, с которыми он был связан по кино. Например, Слава Говорухин, — у него Высоцкий бывал дома и на даче. А из моряков — я не думаю, чтобы он бывал у кого-то, кроме Гарагули.

**М.Ц.** — Знаете ли Вы о каких-то концертах Высоцкого в Одессе?

**О.Х.** — Концертов в Одессе было не много, я знаю о двух, и на одном из них я был. Тогда в Одессе была Марина, мы все вместе поехали на концерт. Это было в пригороде Одессы, по дороге на Ильичёвск. Там было крупное КБ какое-то строительное, в актовом зале состоялся концерт. Володя был в ударе, встречали его очень тепло.

**М.Ц.** — Год концерта не припомните?

**О.Х.** — Я думаю, год 1969-й. Но определённо сказать не могу, потому что никогда не вёл никаких дневников. Никаких записей, связанных с Володей, у меня нет. Даже магнитофонные записи его я делал только два раза. После нашего знакомства я как-то быстро понял, что Володя не нравится и его даже раздражает, когда включают микрофоны.

Его это отвлекало, и чувствовал он себя некомфортно. Да и вообще, в молодые годы ведь считаешь, что жить будешь вечно — чего там записывать!?

А вот уже когда я пожил в Лондоне четыре с половиной года, у меня развились тоска по друзьям, желание увидеться. Мы с Володей созванивались иногда, я получил его первые пластинки, выпущенные в Париже, он приехал ко мне однажды вместе с Мариной.

Впрочем, ещё об Одессе. О втором концерте Высоцкого в Одессе я знаю, но сам там не был. Он состоялся в институте «Черноморнипроект» на проспекте Шевченко. Год, как я полагаю, 1970-й. Я был в рейсе, а когда мы встретились: «Я тут у моряков был». — «У каких моряков?» — «В проектном институте».

Я смутно помню ещё об одном концерте. После нашей первой беседы я встретился с одним из тех, кто на этом концерте был, и он подтвердил, что я всё запомнил правильно. В Одессе есть Стоматологический институт на Ришельевской улице, и кто-то из знакомых предложил Володе там выступить. Как и многие его концерты в те времена, это выступление не было официальным.

Концерт оказался неудачным. Началось с того, что Володя, во-первых, был не в духе, во-вторых, он опоздал на сорок минут. Зрители уже, что называется, «перегорели». К тому же было какое-то очень шумное помещение, так что он практически ни одной песни до конца не допел.

**М.Ц.** — В каком году это было?

**О.Х.** — Я думаю, что это примерно 1971 или 1972 год.

**М.Ц.** — Несколько лет назад Ваша первая жена, В. Халимонова сказала в интервью, что однажды Высоцкий выступал во ВНИИ морского пароходства. По её воспоминаниям, это было в 1965—1966 годах, и что ей запомнилось — это красная полосатая рубашка

Высоцкого, которую Вы ему подарили. Помните такой эпизод?

**О.Х.** — Да, помню. Володе эта рубашка очень понравилась, размер подходил, вот я и подарил ему.

**М.Ц.** — Ваш с Владимиром Семёновичем общий друг Аркадий Свидерский в одном из интервью рассказывал о случае, который, по его словам, произошёл во время съёмок фильма «Один шанс из тысячи». История довольно длинная, но суть в том, что после совместного возлияния с какими-то моряками вся компания с Большого Картного — в том числе и Вы, и Высоцкий, и Кочарян — оказалась в милиции. В итоге всё закончилось благополучно, протокол задержания порвали, но ведь не могло это произойти во время съёмок фильма «Один шанс из тысячи»! Ведь Высоцкий именно из-за занятости не снялся в том фильме. Уточните, пожалуйста, датировку этих событий.

**О.Х.** — Это было не во время съёмок, а во время подготовительного периода. Мы уехали снимать картину в Ялту где-то в сентябре, а этот случай был в Одессе, видимо, в июле или августе 1967 года. Там был, что называется, концерт в этом отделении милиции. Все были в хорошем настроении — Лёва ножи в дверь втыкал, Жанна Прохоренко рассказывала истории съёмочные, Володя пел... В общем, все свободные милиционеры прибежали посмотреть и послушать. Кажется, потом мы с ними ещё и выпили.

За рулём был я, и я ехал очень осторожно. Я спросил потом милиционера, почему нас остановили, ведь так аккуратно вёл машину. Он мне ответил: «Просто машину было невозможно просветить, хотя мы включили дальний свет. Ясно было, что машина чем-то забита». А всё дело в том, что нас в это «Волгу» набилось восемь человек!

**М.Ц.** — Пожалуйста, расскажите о том, как Высоцкий с женой приезжали к Вам в Лондон.

**О.Х.** — Мы договорились заранее. Я забронировал им места в гостинице как раз недалеко от того места, где я жил. Мой адрес в Лондоне — Гайд Парк Сквэр, дом 22, квартира 7, а эта гостиница находилась на Сассекс Гарденз, но Вы её вряд ли найдёте, потому что на этой улице множество отелей, а название того, где жили Володя с Мариной, я не помню.

Я предложил им поселиться в отеле, потому что наша квартира была небольшой, мы жили втроём — с женой и сыном. Спальни для гостей там не было.

**М.Ц.** — Высоцкий дал концерт в советском посольстве, который изначально ведь не планировался?

**О.Х.** — Я прекрасно знал, что Володя не любитель официоза, и, конечно, никакого концерта бы не было, но так уж получилось...

Я работал в Межправительственной морской организации. В тот момент у меня не было отпуска, который я мог бы взять во время приезда Володи и Мариной, я попросил своего сослуживца, занимавшего крупную должность, помочь мне высвободить время, поскольку ко мне приезжает друг. Он поинтересовался: «Я переговорю с директором, нет проблем. А кто приезжает?». Я говорю: «Высоцкий».

А человек этот, Савельев его фамилия, очень любил устраивать выступления наших артистов, которые приезжали в Лондон, он был как бы внештатным завклубом посольства. Он, конечно, на меня насыпал со страшной силой, и я понял, что мне не открутиться. Я пообещал, что когда встречу Высоцкого, то по дороге из аэропорта поговорю с ним о концерте в посольстве.

Володя выслушал, сказал: «Ну ладно. Надо — значит надо...» На второй день после приезда Высоцкого органи-

зовали концерт. Хотя афиши не было, но весть о предстоящем концерте разнеслась моментально.

Марина на концерт не пошла, а я подвёз Володю. Народу было битком. Пока я припарковался, Александр Александрович Савельев его встретил и повёл представить публике.

В этот же день был вечер у нас дома. Мы договорились, что Володя споёт песни, которые появились за время нашей с ним разлуки, поэтому концерт в посольстве я слушал невнимательно. Подумал: зачем мне тут в дверях стоять? — внутрь было просто не пройти. Я послушал немного, отошёл, покурил, погулял. Потом ещё послушал. После концерта Володя ответил на несколько вопросов.

Специальной записи концерта не было, но я видел в зале несколько энтузиастов с портативными магнитофонами, не думаю, что у них получилось сколько-нибудь прилично записать концерт из зала. Было сделано несколько фотографий. Кто-то с места фотографировал, но я этих снимков потом никогда не видел. Дело ведь ещё в том, что я не слишком тесно общался с советским посольством. Я же работал совсем в другой системе. Хотя, конечно, как любой советский гражданин, работавший в те времена за рубежом, был подотчётным и сдавал в посольство две трети своей зарплаты.

**М.Ц.** — Значит, фонограмма в Вашем доме была сделана в тот же день, когда проходил концерт в посольстве?

**О.Х.** — Да. Я сказал Володе, что очень тоскую без друзей, так что хотелось бы сделать запись. К тому же я купил отличную по тем временам аудиосистему. Я говорю: «Ты знаешь, я никогда не подсовывал тебе микрофон, но тут, я думаю, ты согласишься?».

Были не одни песни, конечно. Сначала мы поужинали, потом он начал рассказывать, петь. Затем мы пере-

шли к чаю, я магнитофон выключил, он ещё спел несколько песен, но я уже не делал запись. Кстати, оригинал кассеты я потерял во время своих многочисленных переездов.

**М.Ц.** — Как Высоцкий с женой проводили время в Лондоне? Какие достопримечательности Лондона ему удалось увидеть?

**О.Х.** — Они были с Мариной только три дня. Большую часть этого времени мы были вместе. Мы прошлись по, так сказать, обязательной программе — здание Парламента, Вестминстерское аббатство, Трафальгарская площадь... Затем как-то вечерком мы сделали такой экскурс по английским пабам. Правда, он был тогда в «периоде непьющем», а я вёл машину, но шли-то не за пивом, а чтобы посмотреть интерьеры, атмосферу. Некоторые лондонские пабы имеют историю, уходящую в глубь веков. Кроме того, мы были в лондонском Тауэре, Британском музее и галерее Тейт. Ланчевали и обедали раздругой в районе Мэйфэр и Ланкастер Гэйт.

**М.Ц.** — Вы сказали, что записывали Высоцкого два раза. А когда была сделана вторая запись?

**О.Х.** — Вторая запись была в Москве, у Володи дома. Он снимал квартиру в Матвеевском. Это было где-то в 1971—1972 годах. Хорошая просторная квартира, Марина привезла туда занавески, бельё, разные кухонные прибамбасы. Где-то через год после того, как они там поселились, Володя купил аудиосистему — не стерео, а квадро, с мощным усилителем. Попробовали записать — эффект был просто потрясающий!

Во время записи, о которой идёт речь, мы записали кассету для моих приятелей в Вене, где я стажировался несколько месяцев незадолго до этого в 1972 году.

Другие записи делались не мной и не для меня, я просто присутствовал при этом. Володя хотел записать все

песни. Услышав самого себя в записи прекрасного качества, он начинал размышлять, как можно поработать над той или иной песней, как изменить какие-то музыкальные оттенки.

И тут появился Константин Мустафиди. Я не помню, каким образом он познакомился с Володей, но общение было, главным образом, по поводу записей. Встречались и записывали песни они регулярно. Часто, хотя и не всегда, писали в хронологической последовательности. Но это было необязательное условие. Например, Володя работал над циклом песен для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли». Когда работа эта была закончена, он блоком эти песни и записал.

Марина их контактами была недовольна. Она мне рассказывала: «Подумай, ну кто этот Костя такой, чтобы делать Володе замечания? «Ты вот тут не так делаешь, там у тебя мотив не такой, как надо». И я с этим был абсолютно согласен. Я и сам иногда указывал ему на неточности, но это казалось морской тематики и терминологии. Как, например, «локаторы взводят». Я ему сказал, конечно, что локаторы не воют, ну и ещё о некоторых морских штучках мы говорили. А насчёт локаторов, я думаю, он был прав — это выражение придало ощущение критического состояния, когда адекватность терминологии не столь важна.

**М.Ц.** — Вы были дружны с Высоцким с середины 1960-х и до его ухода, в компании Большого Каретного Вы были своим человеком. Хотелось бы знать Ваше мнение о взаимоотношениях Высоцкого с Василием Шукшиным и Андреем Тарковским.

**О.Х.** — По большому счёту, дружбы между ними не было. С Тарковским у Володи была такая, я бы сказал, корпоративная дружба. Андрей бывал у Лёвы Кочаряна, хотя, конечно, не так часто, как Володя или, скажем, Артур Макаров. Так что общение было в духе общей

дружбы, но персональной дружбы у них с Володей не было. Андрюше нравились песни Володи, не все, а выборочно, но, положа руку на сердце, он не считал Володю большим актёром, а Володя очень хотел бы сняться у Андрея. А кто бы не хотел? Был ли тогда такой актёр в Союзе, который не хотел бы сниматься у Тарковского?

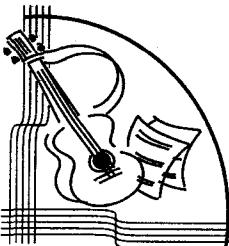
Вопрос об участии Володи в фильмах Шукшина, насколько я знаю, никогда не возникал, да и снял Шукшин в то время немного фильмов. Близко с Шукшиным они не общались, встречались часто просто случайно. Например, на чём-то дне рождения в Доме кино или Доме актёра.

Вот Артур Макаров — это был старший друг Володи. Хотя разница в возрасте у них и не очень значительная, но ведь в молодости три-четыре года — это заметно.

20.08.2006 г. и 15.10.2006 г.  
(Copyright © 2006–2007)

---

**ХАЛИМОНОВ, Олег Николаевич.** Родился в 1937 г. окончил в Одессе среднюю школу, затем — Высшее инженерное морское училище. Десять лет плавал на танкерах Черноморского флота, последние годы — старшим механиком. Позднее окончил Академию внешней торговли, долгие годы работает в международных морских организациях. В 1967 г. на Одесской киностудии снялся в художественном фильме режиссёра А. Кочаряна «Один шанс из тысячи».



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

### Аркадий Геннадиевич ХАСЛАВСКИЙ

**М.Ц.** — Как Вы познакомились с Владимиром Высоцким?

**А.Х.** — Мы познакомились благодаря Василию Васильевичу Кондакову. В то время, в 70-е годы, это был очень известный администратор, который занимался организацией концертов. Кроме Высоцкого, он работал со многими другими артистами, которые в то время были популярны, — Валентиной Толкуновой, Людмилой Сенчиной и другими.

Концерты нашего ансамбля тоже организовывались через Кондакова, и вот мы начали работать в совместных программах с Высоцким. Это был, я думаю, примерно, 1978 год, и до его смерти мы работали практически во всех его больших программах.

Ему нравилось работать с моим коллективом, а нам нравилось работать с ним. Моя группа называлась «Здравствуй, песня!», такое чисто советское название было.

**М.Ц.** — А в каких городах вы выступали с Высоцким?

**А.Х.** — В разных городах выступали. Кстати, хочу сказать, что когда говорят, что на Высоцкого всегда был аншлаг и невозможно было попасть, то это не так, это неправда. Были, например, такие города, как Ставрополь, Ярославль, где концерты даже отменяли, потому что не было зрителей. Скажем, вместо трёх объявленных концертов в день проходил только один.

**О Владимире Высоцком вспоминает** || 381  
А.Г. ХАСЛАВСКИЙ

И в то же время я лично был свидетелем того, как в других городах на концерты Высоцкого прорывались, ломали двери на сцену и люди шли через сцену в зал, едва не наступая друг на друга.

**М.Ц.** — Не припомните, в каких городах такое было?

**А.Х.** — Точно сказать не могу, не помню, но помню, что это было на Украине.

**М.Ц.** — Много лет назад в израильской русскоязычной газете «Калейдоскоп» (Тель-Авив, 31.07.1992 г., стр. 16) в числе неудачных для Высоцкого городов Вы называли Рязань, а сейчас припомнили Ярославль... Вы работали с Высоцким в обоих этих городах?

**А.Х.** — Видимо, Рязань в статью попала по ошибке. Я совершенно точно могу сказать, что это был Ярославль. Выступления проходили во Дворце спорта. Для того чтобы не было отмены концертов, была срочно приглашена группа Стаса Намина. Она была очень популярна тогда, и таким вот образом концерты состоялись.

**М.Ц.** — Мне кажется, в Ставрополе не было достаточно количества зрителей, потому что выступлений там было слишком много — 24 за восемь дней...

**А.Х.** — Я не помню количества концертов, но причина могла быть ещё и в том, что дело было ранней осенью — шла уборка урожая. Это могло, конечно, повлиять на посещаемость. Но факт остаётся фактом...

**М.Ц.** — Один из администраторов Высоцкого, Н. Тамразов, рассказывал, что в Ставрополе Высоцкий пел несколько песен в сопровождении Вашего ансамбля.

**А.Х.** — Было такое дело... Но я не уверен, что это было именно в Ставрополе, — всё-таки прошло уже более двадцати пяти лет. Но такое, действительно, бывало, что мы аккомпанировали ему. Не вся его программа

шла под аккомпанемент, а несколько песен. Кроме того, наши ребята приходили к нему домой, чтобы там записать несколько песен.

**М.Ц.** — То есть у Высоцкого и Вашей группы были совместные репетиции?

**А.Х.** — Ну, как сказать, репетиции... Все грамотные, все всё понимают. Лично я, кстати, никогда на такой встрече не был, я просто отправлял туда ребят.

**М.Ц.** — Насколько я знаю, Вы готовили представление по песням-сказкам Высоцкого под названием «Ярмарка».

**А.Х.** — Эта программа не состоялась. Я не помню точно, когда мы начали работать над этой программой. Думаю, где-то за полгода до смерти Высоцкого. Просто решили создать такую программу по сказочным песням Высоцкого. Шёл подбор песен, мы с ним встречались, беседовали, обсуждали, какие песни использовать, что пропустить между песнями, какой будет порядок песен и так далее.

Программа была фактически уже создана, но работа прекратилась в связи со смертью Высоцкого.

**М.Ц.** — Пожалуйста, расскажите о песне, которую Высоцкий написал специально для Вашего ансамбля. Где и когда она была создана?

**А.Х.** — Эта песня с посвящением. Не помню, где это было, кажется — в Северодонецке, но я могу ошибиться. У одного из членов нашего коллектива, саксофониста Дедова, был День рождения. И вот Высоцкий переделал свою известную песню таким образом, что там упоминались некоторые имена членов группы.

Хаславский Деду: «Не канючь!»,  
А он за гаечный за ключ...

А.Г. ХАСЛАВСКИЙ и так далее. То есть песня была, так сказать, приспособлена к обстоятельствам...

**М.Ц.** — А Вы писали посвящения Высоцкому?

**А.Х.** — Есть одна песня, написанная мною через два месяца после смерти Высоцкого. Она написана совместно с Игорем Кохановским, которому посвящена песня «Мой друг уехал в Магадан...». У них была большая дружба с Высоцким, а я с Игорем много работал вместе, у нас много песен вместе написано.

И вот после смерти Владимира Семёновича мы с ним решили рискнуть и написали песню, которая называлась «Памяти певца». Нам удалось её записать на фирме «Мелодия», там вышел даже каталог с новыми песнями, где была упомянута и эта. Однако выпуск пластинки был запрещён Краснопресненским райкомом КПСС, на территории которого находилась фирма «Мелодия».

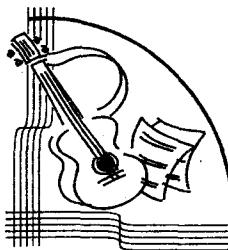
Так что эта песня никогда не выходила на пластинке. Моя группа включала её в программы, у этой песни был всегда прекрасный приём на публике.

**М.Ц.** — Вы общались с Высоцким регулярно на протяжении последних двух лет его жизни. Какие его человеческие качества Вам запомнились?

**А.Х.** — Спокойный он был... Не слишком разговорчивый, всегда собранный. Опрятно одет.

Понимаете, самое страшное в жизни, что как-то привыкаешь ко всему. Работает рядом с тобой Высоцкий — ну и прекрасно. И не было чувства, что он великий человек, гений. Никто не думал о том, что люди не вечны...

**ХАСЛАВСКИЙ, Аркадий Геннадиевич.** Музыкант, композитор. Родился в 1947 г. в Украине. На профессиональной сцене начал работать в 1974 г. Создал ансамбль «Парма» Сыктывкарской городской филармонии. Затем ансамбль переехал в Тулу, где получил название «Красные маки». В дальнейшем тот же коллектив, руководимый А. Хаславским, под названием «Здравствуй, песня!» был базовым коллективом Северо-Осетинской филармонии. На фирме «Мелодия» записал шесть дисков-гигантов. С 1990 г. живёт в Израиле.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Шимон Маркович ЧЕРТОК

Я познакомился с Высоцким на Московском кинофестивале в 1965 году<sup>1</sup>. Я к этому моменту уже был знаком с Марией Влади, и вот сидел у неё в номере и туда вошёл Володя. У них уже начинались какие-то отношения тогда. Вот так мы и познакомились, можно сказать, за столом: сидели, пили чай и разговаривали.

Потом мы встречались довольно часто. Понимаете: несмотря на то, что Москва — огромный город, существовал маленький «пятачок», где все встречались: Дом кино, студия «Мосфильм», где я часто бывал, а он снимался, Театр на Таганке... У нас был примерно одинаковый круг знакомых и один общий друг — кинорежиссёр Геннадий Полока.

В 1968 году у Высоцкого было очень трудное время. Я уже сейчас не помню всех деталей, но это был очень трудный период<sup>2</sup>. И вот Володя попросил, чтобы мы встретились у Полоки и поговорили, как ему быть. Он, как утопающий, за соломинку хватался: ему казалось, что если его имя и фотография появятся в печати, то он как бы будет реабилитирован. Он меня попросил, чтобы в журнале «Советский экран», где я работал, хоть что-нибудь о нём напечатали. Он говорил, что если нельзя писать только о нём, то пусть он будет упомянут вместе со своим товарищем Валерием Золотухиным (тогда как раз вышел на экраны фильм «Хозяин тайги», где они вместе снимались).

Я пришёл к Полохе пораньше, Высоцкого ещё не было. Полоха поставил мне кассету с песнями Володи, и я услышал песню про себя. Не совсем так, конечно, но там была строка «Известный чёрт с фамилией Черток»<sup>3</sup>. И я ужасно испугался, потому что следующей шла строка (как мне показалось) «Агент Израиля». На самом деле там поётся «агент из Рая», но я сразу не понял — там Володя быстро произносил слова. И хотя все понимали, что это шутка, но времена-то были... Когда он пришёл, я ему сказал: «Я тебя умоляю, чтоб ты это больше не пел». И он меня понял и пообещал больше этой песни нигде не петь. И действительно, больше мне эта песня не попадалась долгие годы, а когда она опять появилась, это уже было неопасно.

Я приглашал Высоцкого в разные компании. Он был очень лёгким на подъём, я заезжал за ним после спектакля, и мы ехали веселиться. В Москве тогда работал корреспондент «Юманите» Макс Леон. Володя его хорошо знал, и мы часто встречались в гостях у него. Там он чувствовал себя хорошо и пел много, иногда до утра.

Однажды Володя на меня ужасно обиделся. Я пригласил Марину, которая уже была его женой, к себе домой. Мама моя сделала настоящий еврейский стол и обещала Марине, что покормит её блюдами, которых та не знает. Высоцкий на следующий день был безумно обижен: «Что же я — пьяница, что ли, что меня в хорошие дома не зовут и за стол не сажают?».

Мы часто встречались на квартире у актрисы Ии Савиной. Это были горькие встречи: он тогда сильно пил. Все разговаривали, веселились, а он моментально «отключался». А были встречи замечательные. Мы как-то случайно встретились и решили, что куда-то надо поехать отдохнуть и переменить обстановку. И мы поехали в Ленинград и четыре дня жили с ним в гостинице «Астория». В это время там отдыхали грузинские миллио-

неры, которые буквально сошли с ума, увидев Высоцкого. Они подавали машины к подъезду, деньги кидали. Мне это не очень-то нравилось, но Володя любил славу.

В другой раз мы втроём — он, Марина и я — поехали в Дом творчества кинематографистов в Большево. Там мы провели неделю, катаясь на лыжах. Надо сказать, что Высоцкий был человек очень спортивный, а я нет. Однако он совершенно не умел ходить на лыжах, а у меня осталась сибирская закваска: я когда-то в школу на лыжах бегал. И я встал на лыжи и легко побежал, а он очень переживал, что не может так же бегать.

Одна из последних наших встреч была в 1979 году, когда я уже подал документы на отъезд. И я его спросил тогда: «Володя, ты уже много бывал за границей. Как ты думаешь: не пропаду я там с моей профессией?». Он сказал так: «Вот что, ты об этом не думай и беги отсюда! А там всё будет в порядке, никто не пропадает». Я говорю: «Вот ты мне это говоришь, а сам не бежишь». Он тогда ответил: «Я связан с театром, я его неотрывная часть. Без театра я — ноль».

После этого Володя заехал как-то ко мне домой. Дело в том, что у меня были небольшие антикварные предметы, которые я оставлял друзьям. Володе я оставил очень красивый туалетный столик павловской эпохи, и он за ним приехал. А самая последняя встреча была у нас буквально накануне моего отъезда. Володя пригласил меня с дочкой на премьеру «Преступления и наказания».

После спектакля мы пришли к нему в уборную поблагодарить. Тут он говорит: «Знаешь, у меня в Израиле есть знакомый, я с ним познакомился в Париже<sup>4</sup>. Он хотел бы устроить мой концерт в Израиле, но я боюсь, что меня обвинят в сионизме — у меня ведь папа еврей. Этот человек всех знает и, в конце концов, он делает то, что обещает. Зовут его Шабтай Калманович, я дам тебе его телефон, скажи, что ты от меня»<sup>5</sup>.

Я позвонил этому Шабтаю, он оказался болтуном, ничем мне не помог. Я успел Володе написать, чтобы он не имел с ним дела.

Это и была наша последняя встреча с Высоцким, а потом было вот что. После его смерти я приехал в Париж к Марине. Она в своём доме, в комнате, где он жил, сделала целый маленький музей, повесила фотографии. И тогда она дала мне банку с землёй, сказала, что это земля с его могилы. Она хотела, чтобы я эту землю отвёз в Израиль. Я это сделал, хотя долго не мог понять, что мне с этой землёй сделать. Целый год она лежала у меня в шкафу, завёрнутая в серебряную фольгу. В конце концов, я сделал вот что. В Израиле есть женский Гефсиманский монастырь, принадлежащий Русской православной церкви. Там есть часовня, когда туда можно приходить, и я, выбрав момент, когда никто не видел, выкопал ямку, высыпая туда эту землю и закрыл её камнем, а на камне написал латинскую букву «V».

Потом в Израиль приехала Алла Демидова, я её туда отвёл, она сфотографировалась на фоне этого камня. А ещё позднее, году, примерно, в 1991-м, к нам приехал Театр на Таганке. О том, что в монастыре есть земля с могилы Высоцкого, актёры уже знали, и кто-то из них позвонил мне и попросил сводить их туда. Я сказал, что я там давно не был и должен пойти проверить, всё ли цело. И точно, оправдались мои предчувствия: ни камня не было, ни следов никаких не осталось. Всё было разворочено...

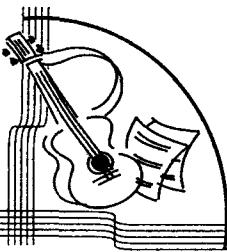
18.03.1995 г.  
(Copyright © 2005)

<sup>1</sup> Марина Влади неоднократно писала, что познакомилась с В. Высоцким в 1967 году. Однако некоторое время назад появились данные, позволяющие, по крайней мере, пред-

положить, что это знакомство состоялось на два года раньше. (Л. Симакова. «Подробности знакомства». «Высоцкий: время, наследие, судьба». № 17). Так что свидетельство Ш. Чертока представляет большой интерес.

- <sup>2</sup> 9 июня 1968 года появилась статья «О чём поёт Высоцкий» (Б. Мушта, А. Бондарюк, «Советская Россия»), открывшая длившуюся до конца года кампанию поношения творчества Высоцкого на страницах советских газет.
- <sup>3</sup> Скорее всего, Ш. Черток допустил неточность в датировке описываемых событий. Песню «Переворот в мозгах из края в край...», о которой идёт речь, специалисты датируют 1970 годом.
- <sup>4</sup> Есть информация, что Высоцкий познакомился с Калмановичем не в Париже, а в Германии.
- <sup>5</sup> Ш. Калманович, осуждённый в Израиле на 10 лет за шпионаж в пользу СССР, в настоящее время живёт в Москве. Он сопровождал Высоцкого во время гастролей по США в январе 1979 г.

**ЧЕРТОК, Шимон (Семён) Маркович.** Родился в 1931 г. в Москве. По образованию юрист. Работал журналистом, кинокритиком. Автор книг «Экран. 1968–1969» (М., 1969), «Зарубежный экран: интервью» (М., 1973) и др. В 1979 г. эмигрировал в Израиль. Работал корреспондентом израильского русскоязычного радио, корреспондентом «BBC World Service» в Израиле, его материалы публиковались в крупнейших газетах русского зарубежья, книги изданы в России, Болгарии, Великобритании. Живёт в Иерусалиме.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ Шуламит ШАЛИТ

### Лекарство против ангины — от В. Высоцкого

В Вильнюс приехал московский Театр на Таганке! Ранней осенью 1974 года это было главным событием культурной жизни литовской столицы. К тому времени я уже два года работала переводчиком в кинопрокате, этакая приятная ниша, позволявшая не участвовать ни в каких собраниях и заседаниях. Пришла на службу, нашла стопку материалов в очередные номера журнала «Кино» и газеты «Экран недели», надиктовала машинистке перевод и, как говорили: «Гуляй, Вася!». Но так как первая моя рецензия на фильм Ильи Авербаха «Монолог» вызвала некий резонанс, я стала постоянно публиковать свои материалы и в журнале, и в газете, получив возможность смотреть не только фильмы всех союзных киностудий, но и картины зарубежных кинорежиссёров, не принятые к прокату на советских экранах. Иногда кое-что из этого потока прорывалось и на экраны, но, как правило, в урезанном виде.

И вот приезжает «Таганка», ажиотаж, и в верхах принимается решение: поскольку все основные артисты известны и своими ролями в кино, надо взять у них интервью. Актёров мы миролюбиво «поделили» между собой — не помню, чтобы кто-нибудь возражал, когда я произнесла имя Владимира Высоцкого. Кто-то «взял» В. Золотухина, кто-то — А. Демидову или З. Славину — про женщин за точность не ручаюсь, потому что Слави-

ну, с её острым, резким голосом, помню, а Демидову — нет, не помню.

Не могу сказать, что я особенно волновалась перед встречей с В. Высоцким. Работа есть работа. А я уже встречалась с Евгением Весником и Вией Артмане, с Олегом Далем, Иннокентием Смоктуновским, с разными — среди них и очень хорошими — режиссёрами, писала о фильмах, брала интервью, читала лекции.

Чтобы добраться до В. Высоцкого, как, впрочем, и до других артистов, надо было преодолеть барьер — их «опекуншу», она жила с ними в одной гостинице и, как мне объяснили, в её полномочия входило никого не подпускать к её «пастве». Узнав об этом, я и звонить не стала, просто пришла во Дворец профсоюзов, где начинались спектакли, пораньше. Как уж там меня пропустили в зал, не помню, но безо всякого усилия с моей стороны (возможно, журналисты ещё не напали на администрацию), и вот я сижу одна, и кто-то пробегает по сцене, туда-сюда, а Высоцкого всё нет.

И вдруг он появляется на сцене, на ходу стягивая с себя какую-то рубашку, и тут бы мне подойти к рампе, представиться, договориться об интервью, но я оцепенела: я одна в зале, а он один, наполовину голый, на сцене, стоит и играет мускулами, разминается... То вижу его грудь и плечи, то спину. Загорелый, ладный такой и складный. А лица не помню. Потом какое-то потрясающее ловкое движение: голова и правая рука одновременно просунулись в чёрную, тесно облегающую майку-удавку, и только когда вторым движением он просунул в короткий рукав вторую руку, я очнулась и выдохнула: «Простите, я к Вам!». Не знала, как к нему обратиться, господами мы тогда ещё не были, «товарищ Высоцкий» никак с ним не вязалось, панибрратское «Володя» произнести тоже нельзя: и я не пани, и он не брат мне...

Уф! Он оглянулся, спрыгнул со сцены: «Поговорить? После спектакля не дадут, давайте сейчас, только не

здесь». Опять вскочил на сцену: крикнул кому-то, мне показалось, в окно декорации, но, может, просто за кулисы: «Передай, что я здесь!» — и повел меня в конец зала.

Волнение пришло и пропитало все клеточки моего существа во время самого общения с Высоцким. Точнее, его монолога. В. Высоцкого не пришлось заводить, он заводился сам, весь — сгусток энергии, в накале страсти — и в утверждении, и в отрицании, в самом сдержанно-упругом голосе, в манере движением плеч подтверждать ту или иную реплику. Странно — руками он не размахивал, но плечи как-то ходили в такт словам...

Никакой аппаратуры у меня не было, блокнот и авторучка. Часть интервью мы провели в зале, а когда шум со сцены усилился, вышли в фoyer и продолжали беседовать в каком-то малолюдном углу, стоя друг против друга.

Кто бы мог подумать, что Владимир Высоцкий, на экране впечатляющий своей осанкой, статью (фон Конен) вроде даже выше среднего роста, на самом деле роста обычного, совсем не намного выше меня, и такой простой, «не играющий», естественный, а главное, снедаем, как и все мы, обидами, унижениями, непризнанием. И почему-то всё это мне рассказывает. Как непускают на телевидение. Обещают, обманывают. Почему именно это обстоятельство наполняет его горечью? Потому что если он может собрать целый стадион, то он не хочет этого подпольно. О Марине Влади заговорил так, как если бы мы были лично знакомы. У Марины ведь три сестры, одна из них сейчас больна, так вот, там пожар был, им требуется помочь, поэтому он соглашается на все выступления, ему нужно много денег, а он, Высоцкий, есть и его нету, вот такая петрушка. И в кино трудно: согласился играть роль в югославской картине, без слов, только потому, что дадут три его песни... Ночь — его лучшее время суток. Ночью он один на

один с бумагой, ночью он работает, пишет. И сегодня будет писать, здесь тихо, хорошо пишется. Я было заговорила о его ролях в кино. Но он меня перебил, ему это было явно неинтересно, так — два-три слова, и на том же дыхании он произнес запомнившуюся мне мысль, что зрителю, мол, интересен не образ, который он видит на экране, а он сам, актёр, Владимир Высоцкий: что за личность, какой он человек, что за образом...

Спрашивала я мало, ещё меньше записывала, как тут записывать да переспрашивать, когда речь его так спонтанна, напориста, а глаза горячие, будто ему важно выговориться. Встретились друзья, которые давно не виделись, ну, допустим, за кружкой пива, и потекла беседа, а потом уже и вопросов не ждёшь, говоришь о том, что наболело. Но почему он говорит всё это мне, незнакомому человеку? Может, потому что чувствовал себя в Прибалтике свободнее, чем в Москве? Может, давно не давал интервью? Не говорил вслух того, о чём много думал, что мучило? Вдруг он встрепенулся, надо бежать, успеть к началу спектакля. Единственное, что успела ему сказать: когда, мол, напишу, попрошу его просмотреть текст и завизировать его. Договорились, что я ему позвоню. «Скажите «цербера» (он уже раньше объяснил, что так они между собой называют их опекуншу), что Вы со мной договорились!» — и с этим он улетучился.

«Что мне делать? — думала я по дороге домой. — Как передать эту его горечь, ничего не рассказывая». Думала, сяду писать сразу, но не тут-то было. У моего сынишки Рафи, Рафаэля, ему было два года и три месяца, поднялась температура. «Цербера» я позвонила через несколько дней. «Интервью? Какое интервью? Высоцкий не даёт интервью. Ему надо отдохнуть». — «Но я уже взяла интервью. Высоцкий сам просил позвонить». Не знаю как, но убедила. Володя — ну да, теперь я могла произнести это имя, сам попросил так его называть —

предложил приехать завтра на спектакль, мне оставят в кассе пропуск на двоих.

Дальше наш разговор происходил примерно так:

— А нельзя ли мне прочесть свой текст по телефону, сейчас?

— Сейчас?

— Вы заняты? Работаете?

— Немного.

— А что, Вам не понравился наш спектакль? Вы не хотите больше встречаться?

— Да нет, просто ребёнок болеет...

И тут он начал меня расспрашивать: и как зовут ребёнка, и сколько ему лет, и чем он болен... Ангина? Тем более я вам нужен. У меня есть лекарство, французское, мне Марина засунула в сумку... Заходите в первом перерыве...

— В сумку? Не в чемодан?.. — это я от растерянности. Он рассмеялся:

— В сумку, в сумку...

Обезоружил и очаровал.

Позвонила свекрови, попросила посидеть завтра с ребёнком, мужа уговаривать не пришлось. Это сейчас его в театр не затащишь. Из культурных мероприятий он признаёт только концерты в Филармонии. Всё остальное заменяют телевизор и стотонная субботняя газета, это если со всеми её приложениями. А тогда — с радостью.

Первым делом Высоцкий протянул мне коробочку уже не помню какого лекарства и даже не помню, дала ли я его малышу. Потом то ли прочёл текст, то ли просто пробежал глазами, не вдаваясь в содержание, не знаю, ничего не сказал, подписался и произнёс: «Завизировал, как просили. А то никто не просит». И — пригласил на следующий спектакль. Опять поразил.

Интервью («Похожий на самого себя») напечатали моментально, на литовском в «Savaites ekranas», на рус-

ском в «Экрane недели», № 37, 16–22.9.1974 (редактор Жанна Левитина), потом, по просьбе Саулюса Мацайтиса, я написала о В. Высоцком и для журнала «Кино». Этой публикации у меня нет

Приходим снова в театр. Между 12-м и 13-м рядами — широкий проход. Но толпа нас с мужем разделила. Наши места в 12-м ряду, но с другого края. Я протолкалась первая и села. Муж тоже, наконец, пробился, сел рядом и говорит: «Ты стала знаменитая!»

Я-то не слышала, а он, оказывается, услыхал иглянулся: кто-то кому-то то ли с 14-го, то ли с 15-го ряда, показывая на мою спину, произнёс: «Вон та журналистка, которой Высоцкий дал интервью. Больше никому не даёт».

И, действительно, ни одного интервью ни в каком печатном органе больше не было. Почему? Опять загадка. То ли ему запретили, то ли сам не хотел, потому что уже вовсю выступал на разных «ящиках», так мы тогда называли закрытые или полузакрытые учреждения. А Высоцкий пел и запил. Пел и пил. И все мне звонили и рассказывали.

В. Высоцкого не стало 25 июля 1980 года. Значит, тогда, в 74-м, ему, не слишком весёлому, но молодому, сильному, загорелому, оставалось жить неполных шесть лет. Что я могу ещё сказать? Что ещё одна боль поселилась в сердце и живёт, не уходит, а точит-точит. Но ведь и у других точно так же.

И я никак не могу вспомнить его улыбки.

23–24.02.2005 г.

---

Эта горстка воспоминаний записана по просьбе Марка Цыбульского, врача-психиатра из США, многие годы занимающегося сбором и публикацией материалов о Владимире Высоцком. Познакомила нас молодая девушка-армянка Ли-лит Никогосян, живущая во Франции, в Страсбурге. Она

политолог и любит песни В. Высоцкого чуть ли не с пелёнок. Имя, творчество и судьба Владимира Высоцкого продолжают объединять людей разных национальностей в разных уголках мира.

**Шуламит ШАЛИТ** (Суламита РУДНИК-ШАЛИТ) родилась в Литве. После окончания московского Литературного института им. М. Горького работала журналистом, редактором, переводчиком, была корреспондентом по вопросам литературы, театра и кино в периодических изданиях Москвы, Вильнюса, Риги, Еревана. Опубликовала несколько сотен эссе и статей по литературе и искусству. Занималась лекционной работой и синхронным переводом.

В 1980 г. переехала жить в Израиль. С 1987 г. — заведующая отделом библиографии Центральной городской библиотеки в Рамат-Гане. С 1991 г. — автор и ведущая популярной рубрики «Литературные страницы» радиостанции «Рэка», в рамках которой ею представлены творческие и личные судьбы сотен писателей и поэтов, творивших на русском, иврите, идише. Многие литературоведческие исследования и эссе опубликованы в русскоязычной прессе Израиля, России, США.

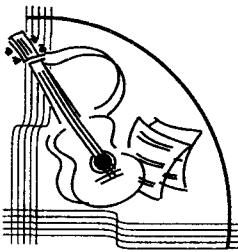
Шуламит Шалит принадлежит огромная заслуга в открытии в Рамат-Гане Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных. Её монография «С одним я народом скорблю...», опубликованная к открытию музея, за короткий срок выдержала два издания и перепечатывалась в журналах и газетах на всех континентах мира. Новое, углубленное и богато иллюстрированное исследование-эссе «Россия далекая, образ твой помню...» — о семье Цетлиных, их окружении, об истории коллекций и о создании Музея русского искусства в Израиле — опубликовано в красочном каталоге, выпущенном к открытию 7 июня 2003 г. в московской Третьяковской галерее выставки «Коллекция Марии и Михаила Цетлиных».

Является также автором (№ 4–5, 11) и редактором (№ 5) сборников «Евреи в культуре русского Зарубежья» (составитель и издаватель — М. Пархомовский).

По опросам пользователей сетевого портала интернета «Заметки по еврейской истории» и альманаха «Старина», проведенного в начале 2005 года, Шуламит Шалит стала лауреатом конкурса «Автор года» за 2004 г.

В июне 2005 г. в иерусалимском издательстве «Филобиблон» выходит книга Шуламит Шалит «На круги свои...». Живёт и работает в Тель-Авиве, Израиль.

(Инф. из интернет-изданий «Заметки по еврейской истории», «Журнал Мишпоха» и «Седьмой канал».)



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Михаил Михайлович ШЕМЯКИН

**М.Ц.** — Если я не ошибаюсь, с Высоцким Вас познакомил М. Барышников?

**М.Ш.** — Верно. Это было во Франции в начале 1970-х годов. Мы подружились сразу же. У меня возникло такое ощущение, будто я знал Володю давным-давно, и у него, я знаю, было такое же чувство.

**М.Ц.** — Это были годы, когда Вы жили во Франции. У Высоцкого были планы работы во французском кино...

**М.Ш.** — Однажды Володя дал мне чудесный сценарий, который они написали с Володарским, он назывался «Каникулы после войны». Я, помню, прочёл всё в одну ночь, очень интересная работа, просто нельзя было оторваться. Сюжет Вы, конечно,помните. Так вот, Володя должен был играть русского, Даня Ольбрыхский должен был играть поляка, Депардье — француза. Кстати, и Марина Влади тоже должна была участвовать. Это должно было делаться во Франции, но потом Володя сказал, что, может быть, возможен вариант и с Америкой, что это будет поставлено в Голливуде. Я этого точно не помню, просто не уточнял.

В любом случае, пока что не было перевода. И вот, как сказал Володя, забирая у меня сценарий, Барышников сам предложил помочь с переводом. Вроде у него есть замечательные переводчики, которые сделают перевод, причём чуть ли не бесплатно.

М.М. ШЕМЯКИН **О Владимире Высоцком вспоминает** || 399

Барышников взял сценарий, но в итоге перевод так и не был сделан. Причём, как потом оказалось, эта копия сценария была единственной, и Володя просил меня забрать у Барышникова эту копию, поскольку вся работа остановилась.

И вот однажды на мой день рождения приехали Барышников и Панов. Они недолюбливали друг друга, но мой день рождения их объединил, и мы все вместе сидели в ресторане. И там я сказал Барышникову:

— Володя сейчас нет в Париже, но он очень тебя просит вернуть сценарий, хотя бы и не переведённый.

Барышников, который всегда был склонен к патетике, схватился за голову:

— О, как мне надоели эти русские дела! Сначала что-то навязывают, потом покоя не дают. Я занятой человек, у меня своих дел хватает, кроме чепухи всякой.

Я сказал, что не позволю ему плохо отзываться о моём друге, которого я высоко ценю, и наши отношения с Барышниковым испортились.

А с постановкой ничего не получилось, хотя Володя очень мечтал об этом, и всё уже поначалу продвигалось. Почему и нужен был сценарий так срочно — Володя говорил, что вот-вот всё должно быть решено.

**М.Ц.** — Насколько я понимаю, эта история случилась в 1979 или даже 1980 году. Однако планы работы во Франции были у Высоцкого ещё в 1975 году. Недавно опубликовано его письмо, отправленное из Парижа зимой того года, где он прямо об этом пишет.

**М.Ш.** — Об этом я ничего не знаю. Понимаете, Володя знал, что масса вещей, о которых говорят и договариваются, так и остаётся на уровне слов, и не обременяя меня этим. Даже где-то стеснялся. Я для него был уже давно западным человеком, поэтому он рассказывал не всё. Я часто не знал его приятелей. Единственно, с кем он меня познакомил, это с кардистом Алексеем Штур-

миным и Олегом Халимоновым. И ещё с Женей Евтушенко и Севой Абдуловым.

**М.Ц.** — В Париже Высоцкий дал три концерта в декабре 1977 года. Вы были на них?

**М.Ш.** — Я был на одном концерте. Это было после одного нашего страшного совместного загула. Его с трудом удалось откачать перед выступлением. Я помню, что у него так опухли руки, что лопнула кожа на пальцах, и гитара была залита кровью.

Я запомнил тот вечер — это было в день смерти Галича. Володе прислали записку о том, что умер Галич, и попросили сказать что-нибудь о нём. Володя же ничего об этом сказать был просто не в состоянии — его за кулисами с ложечки отпаивали шампанским. Я не знаю, просто не понимаю, как он выдержал тот концерт и каких усилий ему это стоило. Он был очень болен.

**М.Ц.** — И, несмотря на такое состояние, был успех?

**М.Ш.** — Был очень большой успех. Вы же знаете, как Володя умел зажигать публику.

После того как они с Мариной были в Голливуде, Марина говорила мне:

— Я привыкла к тому, что Володя — муж Марины Влади, а в Голливуде я была женой Владимира Высоцкого.

**М.Ц.** — Марина ревновала его к славе?

**М.Ш.** — У неё была ярко выраженная ревность, что видно по её совершенно искажающей образ Володи книге с большими, мягко говоря, неточностями.

У меня есть прекрасное фото, сделанное на ярмарке Фуа Детрон под Парижем. Это место такое, где дети развлекаются, катаются на каруселях. Это было лето, мы возили туда мою дочку. Володя сам был всегда, как ребёнок, поэтому он и сам с удовольствием и на каруселях катался, и из ружья стрелял. И там я сфотографи-

ровал их с Мариной. Они стоят рядом, практически одного роста. А по книге получается, что она, такая великая актриса, с высоты своего положения и могучего громадного роста заметила, приютила и обогрела маленького советского человечка, правда, с большим необузданым талантом. Она мне всегда говорила:

— Больше всего я боюсь, что после смерти из него сделают героя. Он же обыкновенный парень и к тому же дикарь.

На что я ей возразил:

— Я совершенно с тобой не согласен. Володя — утончённейший человек. Для меня он — аристократ духа.

**М.Ц.** — Ваши отношения с Высоцким в книге М. Влади тоже, как я понимаю, представлены несколько однобоко...

**М.Ш.** — Естественно! Запой-то у нас был, в общем-то, один раз, а так мы заботились друг о друге, охраняли друг друга. Как в песне у него сказано: «Пьянели и трезвели мы всегда поочерёдно».

Это он немножко преувеличил — чаще я его «пас». Но случалось и наоборот — Володя следил за мной. Но больше всего было тихих вечеров и бессонных ночей, когда Володя надевал очки, садился на диван и читал книги, совершенно недоступные для него в то время, или что-то писал за столом.

У него была боязнь больших пространств, поэтому он даже иногда огораживал себя стульями, чтобы ему было уютно, и просматривал монографии о художниках, о которых в Союзе — даже из профессионалов — никто не слышал.

**М.Ц.** — А какие у Высоцкого были пристрастия в живописи?

**М.Ш.** — Володя всегда говорил, что в живописи он профан, что, в общем-то, было близко к истине. И вот

однажды он увидел у меня альбом Хайма Сутина. Когда я ему объяснил, в чём прелесть Сутина, его безумного цвета, иногда почти агрессивного, то через полчаса Володя был адептом этого великого мастера и всю ночь потом просидел с альбомом репродукций Сутина.

Вообще, у нас был большой творческий контакт. Марина у себя в книге совершенно глупейшую фразу написала о том, что, дескать, их объединяло только пьянство и талант. При этом она забыла, а я никогда не забуду один случай.

Я в связи со своей работой жил тогда в Америке, а Володя ночевал у меня в Париже. Когда он пришёл ко мне, то увидел пачку литографий «Чрево Парижа». И Володя начал писать поэму «Тушеноши», посвящённую этой серии. Всю ночь (в Америке это был день) он называл мне в отель, где я работал, после каждой строфы. Я записывал, а потом сказал ему моё впечатление от поэмы в целом. По-моему, это очень большой творческий контакт, когда поэт создаёт стихи под впечатлением от работы художника.

**М.Ц.** — «Тушеноши» — вещь очень сложная...

**М.Ш.** — Очень сложная во всех отношениях. Так что, как видите, он был уже вполне зрелым поэтом тогда, потому что решил написать даже не песню, а стихи. У него есть ряд вещей, посвящённых мне, когда он так очень гордо говорил:

— А это не поётся. Это читается.

**М.Ц.** — Вы в 1989 году выпустили в свет семь пластинок с песнями Высоцкого, записанными когда-то в Вашей студии в Париже. Туда вошли все имеющиеся у Вас песни или что-то осталось неиспользованным?

**М.Ш.** — Отбором материала занимались один из лучших звукооператоров ныне покойный Миша Либерман и большой фанат Высоцкого фотограф Аркадий Львов. Они

смотрели, что можно использовать для высокопрофессионального издания. На самом деле, материала у меня очень много. Некоторые песни есть в четырёх-пяти исполнениях. Писали до тех пор, пока Володя не оставался довольным качеством исполнения. Есть у меня записи и на маленьких кассетах, не всегда хорошего качества, так что много материала осталось в архиве.

**М.Ц.** — У Высоцкого были планы эмиграции?

**М.Ш.** — Нет, не было. Во время гастролей он влюбился и в Нью-Йорк, и в американские ритмы, и в американцев. Тогда он сказал мне:

— Мишка, нам нужно жить в Америке. Это та страна, где мы могли бы жить и творить.

При этом он был жёстким реалистом и многое понял после тех американских гастролей. Как сам Володя мне сказал, организовавший его выступления Шульман его использовал, надул и выставил<sup>1</sup>. И Володя прекрасно понял — ну что он может? Дать пять-шесть концертов?

Если у Высоцкого и были мысли об эмиграции, то судьба Галича его очень насторожила. Галич в Париже дал несколько концертов. На первом был полный зал. На втором уже половина мест была свободной. А на третьем же, на котором я присутствовал, была заполнена едва ли четверть зала. Понятно, что это был озадачивающий и тревожный сигнал для Володи. Ведь популярность Галича в России в те годы была очень большой. Так что, реально смотря на вещи, он не мог эмигрировать. Он говорил мне:

— Я же не собираюсь стать кабацким певцом!

При этом в последние месяцы жизни ему было очень тяжело. Театр его измотал, под конец он уже просто ненавидел эту «Таганку». Марина его мучила постоянными угрозами: «Открою визу — не открою визу». Это была постоянная игра на нервах и унижение. И, тем не менее, он понимал свои возможности в эмиграции. Он,

конечно, мечтал работать на Западе, если бы ему удалось как-нибудь потихоньку пройти в кино. К сожалению, «перестройки» он не дождался, а эта серятина его просто съедала. Он понимал, что ещё немного — и ему не выдержать.

**М.Ц.** — Как Вы считаете, Америка могла бы понять Высоцкого? Или он — явление исключительно российское?

**М.Ш.** — Один из крупнейших режиссёров американских Мони Яким много лет назад влюбился в Высоцкого. При этом он не говорит по-русски! И этот Яким поставил себе целью ближайших лет сделать так, чтобы Америка узнала, кто такой Высоцкий. Они нашли переводчиков и делают такую музыкальную программу, где я должен выступить в качестве художника. Они уже три года работают, так что это очень продуманная работа<sup>2</sup>.

Другой американец — Берт Тодд — решил написать о Высоцком, но с американских позиций. Он хочет создать биографию Высоцкого так же, как здесь выпускают биографии Чаплина, например, и других актёров. Он знает, как это подать, чтобы получилось без эдакого суперэнтузиазма русского, а правдиво и серьёзно<sup>3</sup>.

**М.Ц.** — Вы владеете уникальным собранием записей Высоцкого. Не хотели бы Вы передать их копии московскому музею?

**М.Ш.** — Я думал об этом, но сначала надо было оцифровать записи, а потом расхотелось...

К тому же всегда страх, что могут воспользоваться не так, как хотелось бы. Я знаю, что используют записи с моих пластинок. Иногда это совершенно безобразно сделано технически. Но, конечно, это была моя мечта, и я ждал сына Высоцкого, Никиту, чтобы с ним обсудить этот вопрос, но он, к сожалению, в Америке, когда приехал на юбилей Шульмана, занимался тем же, чем приносил Володе много горя ещё при жизни...

Однажды Володя пришёл ко мне совершенно белый от расстройства и сказал:

— Миша, кажется, наказание начинается ещё на этом свете.

Я говорю:

— Что случилось, Володя?

Он говорит:

— Ты знаешь, я сейчас вернулся из Москвы, с ужасом узнав, что мой сын начал пить.

Так мы с Никитой в этот раз и не встретились...

**М.Ц.** — Я бы хотел немного коснуться темы, которая до сих пор в литературе не разбиралась. Я говорю о влиянии Вашей живописи на поэта Высоцкого. О стихотворении «Тушеноши», созданном Высоцким под прямым влиянием Вашей серии «Чрево Парижа», мы поговорили. Но мне кажется, были и другие стихотворения, где Ваше влияние очень заметно. Например, песня «Пожары над страной...»

**М.Ш.** — Эту песню Володя посвятил моему отцу. Он мне привёз её и сказал, что написал её для моего отца, но стесняется передать. Он хотел, чтобы я сам сказал отцу. Понимаете, в то время имя Володи не очень хорошо звучало для советского офицера...

**М.Ц.** — Мне кажется, что эта песня перекликается с Вашей серией «Ангелы смерти».

**М.Ш.** — Нет, Володя не мог «Ангелов» видеть. Но были несколько песен, про которые сам Володя писал, что это я дал ему идею. В частности, это касается песни «Я был слаб, и уязвим...».

**М.Ц.** — Да-да, я это, конечно, помню: «Миша, это ты дал мне эту идею». Но каким образом Вы подсказали ему идею?

**М.Ш.** — Я ему много рассказывал о сумасшедшем доме. Он этого ничего не знал, всё же он был в других кругах,

у него немножко иная судьба, чем у меня. Я ведь по допросам и арестам пошёл с шестнадцати лет. У Володи, слава Богу, в юности такого не было, хотя позднее ему пытались «пришить» уголовное дело, как Вы знаете.

**М.Ц.** — Песня «Гербарь»? Мне кажется, что идея трансформирования героя в насекомое, все эти осы, коконы — найдена у Вас?

**М.Ш.** — Ну это да, но ведь это же близко всё к сумасшедшему дому, из той же серии. Володя много чего смотрел и хорошо знал моё творчество. Эти гротескные образы, безусловно, ему запомнились. Он смотрел на мои работы и писал стихи, а теперь я по его стихам и песням делаю иллюстрации.

Я сейчас готовлю очень сложную работу — 43 иллюстрации к стихотворениям Володи. Из них только восемь было сделано раньше, остальные новые. Они войдут в однотомник Высоцкого, которое готовит издательство «Vita Nova». Они делают такие супервысококачественные книги — переплёт из настоящей кожи, золотой обрез. Книга должна выйти в 2006 году, но из-за перегруженности работой над другими проектами выход книги может задержаться. Это мой долг перед Володей, и я надеюсь его с честью выполнить.

**М.Ц.** — Любители Высоцкого знают фотографии Высоцкого, сделанные на фоне туш. Расскажите, пожалуйста, где и когда они сняты?

**М.Ш.** — Это снято в Париже, примерно, годах в 1975–1977-м. Я делал серию, связанную с Рембрандтом. Володя приходил, наблюдал, как это всё делается. Туша — вещь дорогая. С неё делались рисунки, делались фотографии, делались такие вещи, которые ныне принято называть перформансом или инсталляцией. Бывшая жена Лимонова Лена Щапова принимала активное участие в

этих съёмках, снималась обнажённая на деревянном коне на фоне тушки.

Старались выжать из этого всё, что можно. Сначала тушу покрывали лаком, чтобы задержать разложение. А когда уже делалось невмоготу от запаха, то её выбрасывали.

Бот на фоне этих туш было снято несколько фотографий с Володей. На одной, я помню, он залез на табуретку и просунул голову так, что эта туша была как бы его туловищем.

**М.Ц.** — Позвольте уточнить дату этих съёмок. В некоторых источниках снимки этой серии датируются 1980 годом.

**М.Ш.** — Нет-нет, этого не может быть. В 1980-м я уже был в Америке.

**М.Ц.** — Есть ещё одна очень интересная фотография, где Высоцкий снят на фоне Вашей картины, которую я, к сожалению, никогда не видел, только на этом снимке. Там такой мотив масок огромных...

**М.Ш.** — Да, это была любимая работа Володи — «Метафизический бюст». Он попросил меня снять его на фоне этой картины. Это в той же мастерской в Париже, где снимки с тушами, и примерно в то же время — году в 1975-м.

**М.Ц.** — А где сейчас находится эта работа?

**М.Ш.** — Не знаю. У меня есть скульптура, с неё сделанная, она находится здесь. А картина уже давно где-то путешествует по другим странам...

<sup>1</sup> Справедливости ради, надо заметить, что Высоцкий был не во всём прав и недопонимал значение роли импресарио в шоу-бизнесе.

<sup>2</sup> Этот спектакль вышел весной 1998 г. под названием «Всё не так, как надо» (*«Nothing as it Should be»*) и был показан в Нью-Йорке.

<sup>3</sup> Профессор Альберт Тодд, ныне, к сожалению, покойный, был блестящим знатоком русской литературы, сделавший великолепные переводы многих поэтов, в том числе Высоцкого.

**ШЕМЯКИН, Михаил Михайлович.** Художник. Родился 4 мая 1943 г. в Москве, детство прошло в Германии, в городе Кенигсберге, где служил его отец. В 1957 г. поступил в Ленинградскую среднюю художественную школу имени И.Е. Репина при Академии художеств, из которой был отчислен за «несоответствие художественного мировоззрения нормам социалистического реализма». Трудился чернорабочим. В 1962 г. в помещении редакции ленинградского журнала «Звезда» прошла первая выставка, сделавшая его имя известным. Был подвергнут принудительному лечению в одной из экспериментальных психиатрических лечебниц. Позднее устроился в Государственный Эрмитаж, где проработал пять лет такелажником.

В 1967 г. создал группу «Санкт-Петербург» и в соавторстве с философом Владимиром Ивановым написал теорию метафизического синтезизма, посвящённую созданию новой иконы на основе изучения религиозного искусства всех времён и народов. За эти исследования удостоен званий почётного доктора (Doctor Honoris Causa) университета в Сан-Франциско (США), Сидар-Крест Колледжа (США), Европейской академии искусств (Франция), Российского государственного гуманитарного университета (Москва), университета Кабардино-Балкарии (Нальчик). В созданном им Институте философии и психологии творчества эти исследования продолжаются и поныне.

В 1971 г. лишён советского гражданства и выслан из страны, жил и работал в Париже. В 1974 г. акварельный

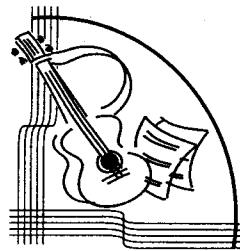
цикл «Петербургский карнавал» принёс ему мировую славу. В 1981 г. переехал в Нью-Йорк, избран действительным членом Нью-Йоркской академии наук и академиком искусств Европы. В 1989 г., приняв американское гражданство, поселился в небольшом городке Клаверак, в окрестностях Нью-Йорка.

Все эти годы работы М. Шемякина выставлялись в Европе, США, Бразилии, Японии, Гонконге, в настоящее время находятся в постоянной коллекции многочисленных музеев, в том числе «Метрополитен» (Нью-Йорк), Государственная Третьяковская галерея (Москва), Государственный Русский музей (Санкт-Петербург), Музей современного искусства (Париж), Яд Вашем и Музей современного искусства (Тель-Авив).

Возвращение искусства Шемякина в Россию началось в 1989 г., когда в Москве и Ленинграде прошли его первые с момента высылки из страны персональные выставки.

В 1993 г. М. Шемякину присуждена Государственная премия РФ в области литературы и искусства. Он отмечен французским орденом «Рыцарь искусства и литературы» (1994), почётной медалью «Достойному» Российской академии художеств (1998).

Живёт и работает в городе Клаверак (штат Нью-Йорк, США).



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦККОМ ВСПОМИНАЕТ

**Юрий Георгиевич ШЕЦЕН**

**М.Ц.** — Юрий, Вы мне рассказывали, что встречались с Высоцким не только в 1979 году в Торонто, но и гораздо раньше, в Ленинграде. Можно об этом подробнее?

**Ю.Ш.** — Впервые я его увидел весной 1967 года. «Танка» выступала с гастролями в Ленинграде, а Высоцкий, кроме того, ещё и давал концерты. Я был на концерте в ЛИАПе. Я помню, изумился количеству народа, который привалил на концерт. Пришли все — профессора, преподавательский состав, студенты. Народ пристраивался в проходах, на подоконниках, везде, где можно было приткнуться. То есть, это был достаточно большой концерт и крупное событие. Это происходило в 2 или 3 часа дня, и некоторые лекции и практические занятия были отменены.

Тогда же один из организаторов этого концерта — очень деловой парень, студент ЛИАПа — выпустил книжечку песен Высоцкого. По тем временам у него было не так уж много песен, но всё-таки получилась вполне приличная книжица.

**М.Ц.** — То есть это был самиздат?

**Ю.Ш.** — Самиздат, да. Сделанный исключительно в коммерческих целях. Это не было идеологическим самиздатом, а именно для продажи. У меня эта книжечка была, но, как говорится, в той жизни. Когда я уезжал, я оста-

**О Владимире Высоцком вспоминает** || 411  
Ю.Г. ШЕЦЕН

вил её кому-то из приятелей. Наверное, где-то её можно найти.

**М.Ц.** — Очень было бы интересно найти — это один из первых (а может быть даже, и самый первый) самиздатовских сборников Высоцкого. А на других концертах Высоцкого в Ленинграде Вы бывали?

**Ю.Ш.** — Я был на его выступлении в Доме культуры МВД, расположенным около Московского вокзала. Тот же парень, ЛИАПовец, который имел отношение к организации концерта в институте, провёл меня за кулисы и представил Высоцкому как «страстного почитателя его творчества» — у меня, действительно, была обширная коллекция песен Высоцкого на магнитных лентах. Разговор продолжался пять минут, не больше. В основном, Высоцкого интересовали наши питерские барды — Е. Клячкин, Ю. Кукин, А. Городницкий — разговор был о них. Этот концерт, как мне помнится, состоялся через несколько месяцев после выступления в ЛИАП. Видимо, в промежутке между осенью 1967 и весной 1968 года.

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, о выступлениях Высоцкого в Торонто.

**Ю.Ш.** — Первый концерт Высоцкого в Торонто состоялся 12 апреля 1979 года, он прошёл в бане или, говоря официально, в русском оздоровительном центре «Ambassador's Club». Второй концерт был на следующий день в зале гостиницы «Inn on the Park». Это зал с плохой акустикой и, вдобавок, с плохой аппаратурой.

На концерт в гостинице явились все советские деятели из консулата и посольства, расположенных в Монреале и Оттаве, первые ряды были заняты исключительно ими. Высоцкий об этом знал заранее и сказал, когда прощался в бане, что, дескать, те песни, что он у нас пел, он на официальном концерте повторять не будет, потому что приедут «НАШИ».

**М.Ц.** — Это он со сцены сказал??

**Ю.Ш.** — Нет-нет, в кулуарах. После выступления в бане была устроена встреча, такая, что называется, мини-пьянка. Высоцкий, правда, не пил ничего. Вот там он и сказал, что официальное выступление будет совсем не таким, как то, которое только что состоялось.

**М.Ц.** — Интересно, а кто-то делал фотографии во время концертов в Торонто?

**Ю.Ш.** — На первом концерте — да, фотографировал один человек. Я хотел потом тоже получить фото с того концерта, но этого человека не нашёл. А потом он уехал в Калифорнию, и я его след потерял. А на втором концерте, кажется, никто не снимал.

**М.Ц.** — В историю высоцковедения Вы вошли как человек, сделавший запись ныне широко известного выступления Высоцкого в Торонто. Запись концерта в «Ambassador's Club» делалась с разрешения Высоцкого?

**Ю.Ш.** — Там такая история вышла. Я принёс аппаратуру, потому что всё равно ведь аппаратура нужна была — усилитель, колонки, микрофон. Всё это я расставил, сидел и настраивал. В зал вошёл Высоцкий. Взглянул на меня, узнал, произнес с улыбкой «А-а, и Вы тоже здесь!». Посмотрел на аппаратуру, на магнитофоны... Потом сказал, что только что он давал концерты в Нью-Йорке, и там моментально сделали пластинку. Я ему пообещал, что никаких пластинок выпущено не будет. Слово я сдержал, пластинку сделали без меня, кое-кто подсуетился и переправил копию моей записи в Нью-Йорк.

Второй концерт я не записывал, там было уже не прорваться в радиоузел. Может, кто-то и записал, я не знаю. Но качество записи, даже если такая и существу-

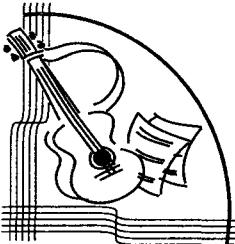
ет, должно быть хуже — и из-за акустики, и из-за репертуара.

Свою запись я через много лет отправил в Москву Андрею Гаврилову, с которым нас заочно познакомила Вероника Долина. Мы с ним потом часто встречались в Москве, он очень серьёзно занимался выпуском концертов бардов и сделал известный среди любителей двойной компакт-диск «Концерт Высоцкого в Торонто».

31.05.1997 г. и 21.11.2005 г.  
(Copyright © 2006)

---

**ШЕЦЕН, Юрий Георгиевич.** Родился 29 октября 1938 года в Ленинграде. После окончания Мореходного училища работал радистом в геологических экспедициях, техником в «почтовом ящике». В 1970 г. окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения (ЛИАП), там же и работал с 1964 по 1973 год. Уволился из института в связи с решением уехать из страны. В 1974–1975 гг. работал звукорежиссёром в Ленконцерте, в основном с известным питерским эстрадным дирижёром Анатолием Семёновичем Бадхеным. 29 октября 1975 года эмигрировал из СССР. В Канаде около 20 лет работал инженером на электронном заводе Форда («Ford Electronic Manufacturing Corporation») в Торонто. Несколько лет проработал научным сотрудником в монреальской компании «Canadian Pacific».



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

Игорь Васильевич ШИШКИН

**М.Ц.** — Первый вопрос, как Вы догадываетесь, конечно, будет традиционным — как Вы познакомились с Высоцким?

**И.Ш.** — Началось с того, что я полюбил бардовскую песню. Нужно сказать, что эта любовь пришла не сразу. Мы, я имею в виду молодых людей послевоенного времени, воспитывались улицей на так называемых блатных песнях.

Вернее даже сказать, что это был юношеский протест против официальных запретов Советской власти, которая ограничивала всё, что не вписывалось в тот формат, который она определила.

Живя в Киеве, я прочитал в газете «Комсомольская Правда» о том, что вот какой-то непонятный москвич со странной фамилией Булат Окуджава, поющий полублатные песни, которые чужды советской молодёжи, собирает в Москве толпы молодых людей. Я сразу заинтересовался этим и очень быстро через знакомых нашёл записи Окуджавы, которые мне дали, естественно, с предупреждением, что слушать эти плёнки ОЧЕНЬ ОПАСНО!

А когда появились записи с песнями Высоцкого, я это принял с открытым сердцем. Собственно, тогда ещё никто и не знал, что это поёт Высоцкий. Звукозаписывающие аппараты того времени не давали возможности записывать и воспроизводить достоверно фонограммы. И час-

О Владимире Высоцком вспоминает || 415  
И.В. ШИШКИН

то песни Высоцкого путались с песнями Галича и других авторов.

Помните, были такие самодельные пластинки, записанные на использованных рентгеновских снимках, как тогда говорили, «на рёбрах»? Там попадались записи и Вадима Козина, и Константина Сокольского, и других, тогда опальных певцов, но считалось, что это поёт Пётр Лещенко. Аналогичная история была и с песнями бардов. Позже, когда я узнал, что песни, которые мне особенно нравились, поёт актёр Высоцкий, я уже начал тщательно относится к этим записям и научился по интонациям голоса, но больше по оригинальным поэтическим сравнениям, отличать эти песни от других авторов.

Высоцкий разумеется, ярко выделялся своей нестандартной подачей и образностью своих песен. Я уже стремился как можно больше узнать о человеке, который сочиняет песни, пользующиеся большой популярностью. А в какое-то время даже начал делить людей по принципу отношения к нему: раз любит Высоцкого, значит, это хороший человек. Конечно, это наивно, но так было.

Я мог с ним познакомиться в 1972 году в Киеве, но не получилось.

Мы тогда жили в одном доме с артистом Николаем Гринько, встречались иногда. Он как раз тогда закончил съёмки в фильме «Сюжет для небольшого рассказа», где играл вместе с Марией Влади, и мне, конечно, было очень интересно услышать о личной жизни любимых мной актеров не сплетни, а от человека, непосредственно с ними встречавшегося.

И вот однажды жена Гринько Айша позвонила мне: «Игорь, ты знаешь, мне сказали, что у нас внизу возле подъезда сидят Высоцкий и Влади, мы с Николаем скоро будем, задержи их пожалуйста». Судя по всему, Гринько был на спектакле, а Высоцкий с Влади пришли к нему в гости.

Пока я одевался, чтобы выскочить из дома (уже было поздно), они уехали на такси. Так что мне нескольких секунд не хватило.

А история знакомства такова. Дело в том, что мой хороший приятель Игорь Счастный жил тогда в Москве и встречался с Тамарой Кормушиной, которая хорошо знала Высоцкого. Они с Высоцким дружили. Он у неё часто бывал в гостях.

Тамара Кормушина — художник. У неё в то время часто собирались люди искусства, барды, космонавты и вообще интересные собеседники.

И вот однажды Игорь мне звонит в Киев и говорит, что они с Тамарой решили расписаться: «Если хочешь, приезжай. Высоцкий у нас должен быть на свадьбе».

Естественно, я не мог не воспользоваться этим случаем и тут же поехал на машине в Москву. Был у меня тогда новенький «ВАЗ-2101».

И я оказался на регистрации брака, на котором Высоцкий присутствовал в качестве свидетеля со стороны Кормушиной.

Где именно была регистрация, я не помню. Во-первых, я не коренной москвич, а во-вторых, больше интересовался не тем, куда мы едем, а Высоцким.

Он сидел за рулём и все время распевался, пробовал голос. Мимоходом сделал мне замечание, что нельзя так хлопать дверью иностранной машины.

Потом по дороге рассказывал какие-то театральные анекдоты. Позже я пытался вспомнить, какие именно анекдоты он рассказал, и не смог — я просто был сильно увлечён всем происходящим.

В загсе, помнится, почему-то пришлось ждать, что-то там не получалось по времени. И вот как раз тогда мне удалось сделать несколько фотографий, которые потом были опубликованы В. Ковтуном в его газете «Высоцкий: время, наследие, судьба». К моему огромному

сожалению, я не могу сейчас вспомнить, кто у меня взял негативы этих снимков и не отдал!

Может, это было в Театре на Таганке, может у Ковтуна, но точно я этого вспомнить не могу. У меня остались только фотографии.

**М. Ц.** — В упомянутой Вами газете сказано, что у Вас есть еще снимок с автографом Высоцкого, который Вам передала Тамара Кормушина.

**И. Ш.** — Этот снимок был подарен и подписан Высоцким Кормушиной, а не мне. Когда я был как-то в Москве в доме Кормушиной, я взял в руки этот снимок и восхликал: «Вот прекрасная фотография!». А Тамара мне говорит: «Когда мне Володя этот снимок подариł, то сказал, что это его любимая фотография».

Я спрашиваю: «А можно я его пересниму?». Она согласилась, с условием, что копии для меня и для фотографов будут только с подписью, без посвящения!

Проходя мимо фотографии через несколько дней, я увидел фото Высоцкого на центральной витрине. Фотографы выполнили условие и обрезали ее таким образом что осталась только подпись Высоцкого, и с любовью поставили в витрине.

А еще у меня есть фотография Высоцкого, где он действительно расписался. Это фотография 1968 года.

Был такой почитатель творчества Высоцкого Григорий Лубенец — не помню сейчас, не то министр, не то замминистра. Высоцкий жил у него несколько дней, пел, а Лубенец записывал. У меня есть оригинал этой записи, Лубенец мне ее подарил. К сожалению, текст беседы между песнями весь вырезан (скорее всего, из соображений безопасности). Есть известный домашний киевский концерт у Килерог. Этую фамилию правильно нужно читать наоборот — Горелик. Было время, когда все запрещалось. А Высоцкий подарил свою фотографию Лубенцу в Москве с подписью «Добрый киевским друзьям...»,

а также есть гибкая грампластинка с надписью «Дорогим Григорию Матвеевичу и Нине от Володи Высоцкого, теперь спасибо за вечер в Киеве! 22.V.68».

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, о фонограмме Высоцкого, сделанной лично Вами.

**И.Ш.** — Это было примерно в ноябре 1974 года. Мы были в гостях у Кормушиной. В тот вечер у нее были в гостях московские барды — Александр Суханов и Максимов, они пришли в надежде познакомиться с Владимиром Семёновичем. Мне же было очень приятно познакомиться с ними. Они с удовольствием пели, а я с удовольствием их записывал. Часов в двенадцать они говорят: «Ну, уже поздно, он, наверное, не придёт, а мы опоздаем на электричку» — и ушли.

А вскоре пришел Владимир Семёнович. Он был уставший после спектакля. Отыграв то ли в «Гамлете», то ли в «Галилее», но пел с удовольствием. Наверное, теплая обстановка у Кормушиной этому способствовала.

Пел на таком надрыве, что мне было даже немного жутковато от его вздувшихся жил на шее.

Об этом все говорили, но я это увидел впервые. Я всё время боялся, что он вот сейчас сорвёт голос.

И когда он пел «Вдоль обрыва по-над пропастью...» — там есть такой момент, когда он действительно чуть-чуть сорвал голос.

Продолжалось это недолго, минут двадцать—двадцать пять, но никто из присутствовавших не пытался уговорить его спеть ещё, понимая, что такие эмоциональные нагрузки выдержать очень сложно.

Кормушина жила на пятнадцатом этаже МИДовского дома. Я все время думал: «Ну, вот сейчас точно соседи прибегут!». У него ведь голос был удивительный. Высоцкий был человеком небольшого роста, и непонятно, как в таком небольшом теле мог находиться голос такой огромной силы и густоты.

У Кормушиной была сделана перепланировка в квартире. Были сняты перегородки и получилась довольно большая комната. Голос Высоцкого, казалось, заполнил всю комнату, все пространство.

Потом я ещё раз встретился с обладателем подобного голоса. Я говорю о Никите Джигурде, который подражал Высоцкому и даже написал музыку на многие стихи Владимира Семёновича и часто их пел. Я сделал компакт-диск записи 1986 года, когда Джигурда впервые пел стихи Высоцкого на свою музыку. А Суханова и Максимова я тоже записал на CD.

**М.Ц.** — После этого вечера у Кормушиной Вы еще встречались?

**И.Ш.** — Встречались, да. Договаривались о концертах в Киеве. Мы с друзьями к тому времени сделали сборник стихов Владимира Семёновича, куда вошло более 250 песен и подпольно его издали с хорошим переплёттом и золотым тиснением. Я ему показал этот сборник. Он был приятно удивлен, перелистал и нашёл несколько ошибок. А я предложил ему повторно записать эти песни прямо со сборника, так как в хорошем качестве записи песен просто не было и он согласился, что по приезду в Киев мы это обязательно сделаем.

Но, к сожалению, наши планы не осуществились.

Были встречи с друзьями, ещё где-то. Там были разные моменты... Но понимаете, это ведь всё не имеет отношения к творчеству Высоцкого, поэтому я не хотел бы об этом говорить.

Когда появилась книга Влади, я был возмущён тем, что она написала.

Она первая начала открыто говорить на тему наркозависимости, потом появились другие... Понимаете, я не люблю, когда с человека, извивите, снимают бельё, при этом говоря о большой любви. Это некрасиво и аморально, с моей точки зрения.

Хотя кое-кому, наверное, именно такие подробности и более всего по сердцу: «Ага, так он такой же, как и мы!». Некоторые авторы спекулируют на этом, описывают, когда и при каких обстоятельствах Высоцкий спотыкался, с кем спал и т.д.

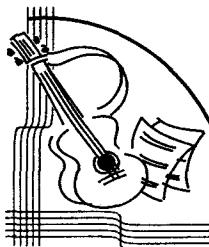
Я его люблю за творчество и уверен, что он хороший человек уже только потому, что написал прекрасные песни, ставшие достоянием народа.

Ничья смерть не производила на меня такого впечатления, как смерть Высоцкого.

Я очень долго переживал, как личную трагедию. А рассматривание чужого грязного белья зависит от внутренней культуры человека. Я подобными воспоминаниями не занимаюсь.

---

**ШИШКИН, Игорь Васильевич.** Родился в 1936 г. в Киеве, учился в Москве, закончил сначала строительный техникум, затем МЭИ (Московский энергетический институт) заочно. Работал, по его выражению, на «комсомольских стройках страны». В настоящее время на пенсии.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Валентина Петровна ШПАК

**В.П.** — Это всё было так давно... Я даже не знаю, вспомню ли я что-то интересное для Вас. О Высоцком ведь уже столько написано...

Мы познакомились с Володей Высоцким в конце 1960 — начале 1961 года. Я тогда работала секретарём в прокуратуре города Москвы. У нас работал Анатолий Борисович Утевский, вот через него я и познакомилась с Володей, с Лёвой Кочаряном и с другими ребятами из той компании. Помню Жору Епифанцева. Очень был яркий, одарённый человек.

Мы были в гостях у Кочаряна, ещё отец его тогда был. Там устраивали чтение вслух. Была там Инна, жена Лёвы. Она работала в Москонцерте, была профессиональным чтецом.

**М.Ц.** — Читали все по очереди? Отец Кочаряна тоже?

**В.П.** — Нет, он был в таком элегантном возрасте, когда в молодёжных компаниях уже не участвуют.

**М.Ц.** — Высоцкий тоже читал?

**В.П.** — Если честно, не помню. Не думалось же, что об этом надо будет вспоминать. Это уже потом стало понятно, что у него дар Божий.

**М.Ц.** — В каких компаниях Вы встречались с Высоцким?

**В.П.** — Да везде! И в кафе компанией ходили, и в рестораны иногда даже, насколько позволяли возможности. Володя-то тогда вообще был без копейки, что он

там получал?! Ему пытались помочь с работой. Лёва работал вторым режиссёром на «Мосфильме» во втором творческом объединении. Он снимал фильм «Увольнение на берег», удалось дать маленькую роль Володе. Роли его тогда были сплошь неинтересные. Помню его роль какого-то баяниста, что ли, в «Стряпухе»...

**М.Ц.** — *А дома у Высоцкого Вы бывали?*

**В.Ш.** — На Мещанке-то? Да, была. Это было первый раз, когда везли устанавливать памятник Карлу Марксу работы Кербеля, в третьей декаде октября 1961 года. Помню, все всполошились, потому что сильный гул шёл. Вот тогда мы были у него дома. Вошли — и он увидел записку на столе, ему мама оставила эту записку. Видно, она была чем-то сильно недовольна, потому что Володя помрачнел лицом и убрал её в карман. А потом мы ещё несколько раз всей компанией собирались у него дома.

**М.Ц.** — *Каким Вам запомнился Лев Кочарян?*

**В.Ш.** — Лёва был очень хорошим, добрым, мягким человеком, многим он помог. Я была поражена, когда узнала о его смерти. Мы тогда уже не общались довольно давно, узнала случайно.

**М.Ц.** — *Как Высоцкий вёл себя в компаниях? Был ли он в то время в центре внимания?*

**В.Ш.** — Ну нет, я бы не сказала. Тогда, собственно, все были в центре внимания — и Артур Макаров, и Миша Туманов. Квартиру Туманова я хорошо помню — дом старый, в квартире сто лет ремонта не было. Но, может, в этом и была какая-то своя прелесть. А Высоцкого все любили. И женщины в том числе. Красавцем его не назовёшь, но он был очень обаятельный и большая умница. И напористым он был, конечно.

**М.Ц.** — *В те времена, когда Вы общались с Высоцким, его просили петь?*

**В.Ш.** — Когда просили, а когда и нет. Иногда он и надоедал. Не могу сказать, что так уж все хотели по-

слушать его пение. Помню я и его устные рассказы. Но помню не в деталях, что называется, без конкретики.

**М.Ц.** — *Как долго Вы общались с компанией с Большого Каретного?*

**В.Ш.** — Не очень долго, несколько лет. Общение пошло на убыль где-то в 1967–1968 годах. Мы все разошлись — время изменилось, знакомства другие, потом я замуж вышла, ребёнок родился... Потом перешла на другую работу, в «Аэрофлот». Встречались уже просто случайно — то в Доме кино, то ещё где-то. Вот так однажды случайно, идя по Тверской, я увидела Володю за рулём машины. Он меня тоже заметил, остановился, мы поболтали немножко...

Наша последняя встреча с ним состоялась в «Аэрофлоте». Это был, думаю, год 1976-й или 1977-й. Я сижу, вдруг слышу знакомый голос. Поворачиваюсь — Володя. Он спросил: «А что ты здесь делаешь?». Я говорю: «Я здесь работаю».

Он, кажется, летел во Франкфурт, зашёл по делам. Мы постояли, поболтали, потом девчонки понабежали. Выглядел Володя плохо, был очень усталым. Говорил, что на съёмках занят, в театре... А у меня дочь всё хотела на «Таганку» попасть, а билетов же туда было не достать.

Я попросила его помочь с билетами, он сказал: «Да ради Бога! Приходи, вызови меня». Я говорю: «Да там таких зовущих, наверное, очень много будет». — «Не волнуйся, я обязательно всё сделаю». Но я так и не пошла...

22.10.2005 г.  
(Copyright © 2006)

---

**ШПАК, Валентина Петровна.** Родилась в Москве в 1938 г. После окончания школы окончила курсы секретарш-стено-графисток. Работала в Московской городской прокуратуре, позднее — в «Аэрофлоте». В настоящее время на пенсии.

## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Алексей Борисович ШТУРМИН

**М.Ц.** — Алексей Борисович, известно, что Вы знали Высоцкого долгие годы. А когда Вы познакомились?

**А.Ш.** — Мы с Высоцким жили в соседних домах на Беговой аллее в Москве. Я жил в пятом доме, а он — в третьем, он тогда был женат на Люсе Абрамовой. Мы были знакомы визуально, как бывают знакомы соседи. «Привет!» — «Привет!» — вот и всё общение.

Мы часто сталкивались в Доме кино. У меня там мама работала, так что я бывал там достаточно часто. А через несколько лет получилось так, что Вадим Туманов представил нас друг другу в одной компании. После этого случая у нас с Высоцким начались более тесные контакты.

Когда Володя переехал на Малую Грузинскую, я оставался на Беговой. Но это же совсем рядом — на машине пару минут занимало доехать. Я бывал у Володи дома, а он, когда оставался один, частенько звонил. Иногда звонил ночью. У него была такая черта — на время он никогда не смотрел. Видимо, ему трудно было быть одному, он говорил мне: «Приезжай, чайку попьём». Иногда я заставлял там друзей. Сидели до утра.

**М.Ц.** — Я читал, что однажды вы с Высоцким встретились в Париже.

**А.Ш.** — Да, насколько я помню, это было в 1977 году. Мне тогда удалось достать путёвку в турпоездку на теплоходе вокруг Европы. Я рассказал об этом Володе, ска-

зал, что отправлюсь на теплоходе «Грузия». Он обрадовался, потому что капитаном «Грузии» был его друг Толя Гарагуля. Володя позвонил ему в Одессу и дополнитель- но дал записку для него.

Я доехал до Риги, откуда «Грузия» уходила в круиз, и стал гостем капитана: меня приглашали и на мостик, и в капитанскую каюту, в общем, принимал меня Гарагуля очень хорошо.

Когда мы пришли во Францию, то остановились в Гавре. С Володей у нас была договоренность, что я ему по прибытии сразу же позвоню. Он был тогда в Париже и специально задержался на несколько дней. Нас из Гавра автобусом отвезли в Париж, и из гостиницы я позвонил Володе.

**М.Ц.** — Он показывал Вам Париж?

**А.Ш.** — Первое, что он сделал, это повёз меня к Шемякину. Миша был его ближайшим другом. Володя относился к нему, как ни к кому другому. И это было взаимно, они прекрасно друг друга понимали. Надо сказать, что с Володей было трудно спорить и что-нибудь доказывать — у него были твёрдые убеждения. Так вот, единственный человек, который мог оказать на него влияние, был Шемякин.

Когда мы шли к Шемякину и поднимались по лестнице, то увидели, что квартира, расположенная непосредственно под ним, была взорвана. Причём потом мы узнали, что жили там самые обычные люди, на которых покушаться никто не мог. Вероятно, что хотели взорвать именно Шемякина. На Володю это произвело сильное впечатление (это сегодня в Москве каждый день кого-то взрывают, и никто внимания не обращает). Помню, Володя сказал:

— Трудно Вам, эмигрантам, приходится! Взрывают вас.

**М.Ц.** — А, кстати, каково было его отношение к эмиграции?

**А.Ш.** — Володя любил путешествовать, бывать в новых местах, в Париже, в частности. Но он не мог долго там находиться, через две-три недели его тянуло домой, в Россию. Насколько я знаю, никаких эмиграционных планов у него не было, я говорил с ним об этом.

**М.Ц.** — Вы не помните, когда у Высоцкого появились «Мерседесы»?

**А.Ш.** — Трудно сказать. Насколько я помню, покупал он их в Германии. Машины эти я прекрасно помню, я в них за рулём ездил. Володя давал мне попробовать, мне же интересно было.

Один был маленький, двухместный «Мерседес-450» коричневого цвета. Второй был бутылочного цвета «Мерседес-380». Бил он их нещадно. Один разбил об троллейбус, это случилось напротив Первой Градской больницы. Второй — на Малой Грузинской, столкнувшись с машиной, гружёной какими-то металлическими чурками.

А ещё я помню случай, когда кто-то бросил из окна пустую бутылку из-под шампанского и разбил капот «Мерседеса-380». Хорошо помню, что ремонт капота обошёлся в 700 рублей, по тем временам — огромные деньги.

**М.Ц.** — Вы видели Высоцкого в последние дни жизни?

**А.Ш.** — Да. Получилось так, что я был назначен Олимпийским атташе сборной команды Ирландии. Когда началась московская Олимпиада, я работал в штаб-квартире ирландской делегации в Олимпийской деревне. Режим там был такой, что проникнуть на территорию без пропуска было совершенно невозможно. Получить же пропуск, если человек не имел отношения к Играм, тоже было нельзя. Володя, однако, очень хотел побывать в Олимпийской деревне. Как Олимпийский атташе я был

как бы вторым лицом в ирландской делегации, и у меня была возможность подписать для Володи пропуск у руководителя делегации Кена Райена.

Я подписал пропуска для Володи и Валерия Янкловича на 25 июля, а накануне приехал на Малую Грузинскую и привёз их.

**М.Ц.** — Это было 24 июля?

**А.Ш.** — Мне кажется, да, но, может быть, это было 23-го.

Володя был в очень плохом состоянии. Мы разговаривали с ним, он был вполне контактен, но мне показалось, что он вряд ли сможет приехать. И ещё я запомнил: Володя обнял меня и сказал:

— Знаешь: я скоро, наверное, умру.

Это произвело на меня гнетущее впечатление. Я, когда обратно ехал, всё время эти слова вспоминал. Но, конечно, и предположить не мог, что он умрёт на следующий день, потому что, честно говоря, я от него подобные вещи и раньше слышал. Но холодком каким-то повеяло.

Я приехал в Олимпийскую деревню и остался там ночевать. Примерно в половине пятого утра меня разбудил телефонный звонок. Я снял трубку и услышал голос Туманова:

— Алексей, Володя умер.

А я спросонок ничего понять не могу. Услышал короткие гудки, положил трубку. Подумал ещё: «Какой страшный сон». А минуты через две до меня дошло: звонок-то всё-таки был!

Тогда я решил позвонить Володе домой. Думаю — услышу его голос, положу трубку — и всё.

К телефону подошёл Туманов, я говорю:

— Вадим, ты мне звонил? Что ты сказал такое?

Он ответил:

— Да, Володя только что умёр.

Я приехал туда очень быстро. Там уже был Янклович. Он совершенно в отчаянии был, хотел с балкона бросаться. Причём это никакая не поза была, он действительно был потрясён.

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, историю создания надгробного памятника Высоцкому.

**А.П.** — У меня есть близкий друг, скульптор Саша Рукавишников. Он, на мой взгляд, очень талантливый мастер и человек такой, что нечасто встретишь — имеет своё лицо и без двойного дна. Он Высоцкого близко не знал, видел его несколько раз, но очень хорошо к нему относился.

Когда Володя умер, мы как-то собирались и говорили о том, что никогда при коммунистах не будет возможности поставить ему памятник, а власти сделают всё, чтобы Высоцкого забыли как можно быстрее. И кто-то сказал, что единственное место, где всё же можно будет поставить памятник, — это Ваганьковское кладбище. Против надгробия даже коммунисты возразить не смогут.

И Рукавишников вызвался сделать памятник. Естественно, об оплате и речи не заходило, это был искренний душевный порыв. О том, каким быть памятнику, Саша советовался с нами. Ему хотелось сделать так, чтобы фигура была понятна не эстетам, а обычным, простым людям — тем, кто любил Высоцкого..

На мой взгляд, работа Рукавишникова — это единственное скульптурное изображение Высоцкого, где он действительно похож на самого себя. Этот поворот головы. Это очень точно схвачено. Когда Володя спорил и был не согласен с чем-то, он вот так поворачивался. Он щёл не успел ответить, но уже всем своим видом показал своё несогласие.

Памятник сделан очень интересно. Если внимательно на него посмотреть, то видишь, что Высоцкий как бы

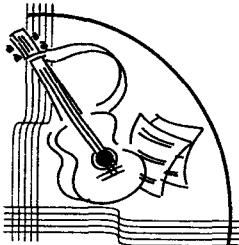
поднимается из-под земли. Разверзлась земля — и он восстал. Саван, ниспадающий с него, как будто связывает его. Он же и был всю жизнь связан, мы же это прекрасно знаем.

За спиной у Высоцкого гитара. Под определённым углом зрения она превращается в нимб над головой. И если с этого же ракурса смотреть на конские головы, то они смотрятся, как ангельские крылья. А Вы этого, наверное, не знали? Просто есть такая точка, с которой всё это видно.

У Маринки Влади была другая идея: она хотела установить на могиле Высоцкого метеорит. Мне, однако, кажется, что решение Рукавишникова лучше: люди видят Высоцкого таким, каким он остался в их памяти.

11.02.1997 г.  
(Copyright © 2005)

**ШТУРМИН, Алексей Борисович.** Один из основателей советского каратэ-до. Заслуженный тренер Российской Федерации. Член президиума Российского союза боевых искусств, Почётный президент Национальной федерации каратэ России.



## О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

### Виктор Львович Шульман

**М.Ц.** — Виктор, известно, что Вы были импресарио Высоцкого в Америке. А когда вы познакомились?

**В.Ш.** — В 1971 году, когда работали с ним на теплоходе «Шота Руставели». Я был там со своим оркестром, и там же были и Высоцкий, и Жванецкий, и Высоковский. В те времена на этих теплоходах собирался «высший свет», и выступали там лучшие артисты.

**М.Ц.** — После этого Вы встречались с Высоцким?

**В.Ш.** — После этого мы встретились уже в Америке. Было это в 1978 году, Высоцкий приехал в мой первый дом отдыха «Грин Маунтен Отель». Он приехал на переговоры по поводу его гастролей. Нашёл он меня через наших общих знакомых. У Высоцкого был друг Миша Шемякин, а у Шемякина в то время продюсером был Эдик Нахамкин. Мы с Нахамкиным были знакомы, я пел когда-то в его первом русском ресторане, а потом поддерживали дружеские отношения. Вот так Высоцкий меня нашёл, мы с ним всё обсудили, а потом он ко мне приехал уже на гастроли.

**М.Ц.** — У Высоцкого было разрешение на проведение гастролей в Соединённых Штатах?

**В.Ш.** — Не было. Это вообще была целая эпопея, его искал весь КГБ. Понимаете, в то время у СССР и США не было культурных отношений. Высоцкий выехал сначала во Францию, оттуда поехал в Западный Берлин, а затем только прилетел в Америку.

У меня были очень непростые условия организации его гастролей. По нашему договору я очень долго не делал никаких объявлений, чтобы его не развернули назад. Перед этим как раз был случай — не выпускали жену Годунова, когда тот сбежал. Мне было понятно, как мог Комитет поступить с Высоцким, если бы они узнали о гастролях заблаговременно — засунули бы в самолёт, и всё. Тогда бы «накрылись» все мои вложения в залы — залы были дорогие, особенно в Нью-Йорке. Так что объявление о гастролях появилось в самый последний момент, а когда оно появилось, Высоцкого начали искать. Мне, с одной стороны, приходилось Высоцкого прятать, чтобы его не увезли до концертов, с другой стороны, приходилось иной раз его искать, поскольку у него уже были серьёзные проблемы со здоровьем...

В конце концов, я устроил целое шоу для двух сторон — для Высоцкого и для КГБ — нашёл объяснение, почему культурный атташе советского посольства не знал о том, что приезжает Высоцкий, нашёл такую форму, которая устроила всех.

**М.Ц.** — Я знаю из бесед со многими людьми, что в Нью-Йорке Высоцкого принимали прекрасно. А как было в других городах?

**В.Ш.** — Везде приём был превосходный. Никто ведь и представить себе не мог, что Высоцкий действительно приехал в Америку. По тем временам сборы были просто уникальные. Сейчас, когда эмиграция стала в три раза больше, так приходят на очень больших гастролёров, как тогда шли на него. Люди же увидели своего кумира, что называется, «живьём», были в восторге.

Кстати, кое-кто в эмигрантской прессе пытался объяснить всё происками КГБ. Так получилось, что один за другим в США приехали Высоцкий, Окуджава и Евтушенко, так вот один писака заявил, что это — десант КГБ, засланный для разложения эмиграции. Всё это — неправда, я-то знаю, как они сюда добирались.

**М.Ц.** — Вы сказали, что сборы были уникальные. Если не секрет, сколько заработал сам Высоцкий?

**В.Ш.** — 34 тысячи за неделю выступлений. Это и сейчас хорошие деньги, а тогда — просто великолепные.

**М.Ц.** — В первоначальном анонсе в «Новом русском слове» был указан и концерт в Торонто, который, однако, не состоялся. В Торонто до сих пор ходят различные слухи относительно причины отмены концерта...

**В.Ш.** — Один человек, ныне уже покойный, так что имени его называть не будем, посоветовал Высоцкому приехать в Торонто отдельно и сделать так, чтобы концерт организовывал не я. Считал, что так будет выгоднее для Высоцкого.

**М.Ц.** — Тот человек ошибся. Несмотря на хороший приём, в финансовом отношении концерт не удался. А о концерте в Западном Берлине Вам что-нибудь известно?

**В.Ш.** — Тот концерт тоже организовывал не я, он состоялся перед гастролями Высоцкого в США. Организаторы концерта поставили на первые ряды очень большие цены — что-то около двухсот долларов. Конечно, это было дорого, да и реклама была неправильная, так что финансового успеха не было.

**М.Ц.** — От разных людей приходилось слышать, что ваши отношения с Высоцким не всегда были простыми. На мой взгляд, причина в неопытности Высоцкого в мире западного шоу-бизнеса и недопонимании им роли импресарио. Однако неуспех концертов в Торонто и Западном Берлине, очевидно, показал ему преимущество деловых контактов с Вами.

**В.Ш.** — Во всяком случае, мы обсуждали с ним план вторых его гастролей в США и Канаде. Они должны были состояться осенью 1980 года, приблизительно, в сентябре.

Кстати, Никита Высоцкий, приезжавший на мой юбилей, говорил мне, что отец его был очень доволен и творческим успехом гастролей, и суммой заработка. Он на эти деньги смог купить «Мерседес».

**М.Ц.** — Во время гастролей в Америке там были хорошо знающий Высоцкого Серуш Бабек. Он вообще очень часто оказывался рядом с Высоцким, особенно за рубежом. Как Вы считаете, он был связан с КГБ?

**В.Ш.** — Вне всякого сомнения! Он же потом, в середине 1980-х годов, был в Америке «персоной нон грата». Он поставлял в СССР секретные компьютеры. Эти компьютеры Америка продавала в Германию, но продавать их странам соцблока было запрещено. А Бабек занимался именно этим. В том, что Бабек был человеком КГБ, ни у кого из знавших его и сомнения нет. О ком-то легенды ходят, а здесь — факты.

**М.Ц.** — У Вас сохранились фотографии Высоцкого, сделанные в США?

**В.Ш.** — В своём доме отдыха «Алёнушка» я сделал целую выставку фотографий людей, чьи выступления в Соединённых Штатах я организовывал — от Высоцкого до Каширикова. Фотографий Володи там больше всего. Есть снимки, сделанные в Катскильских горах, в доме отдыха, когда он приезжал на переговоры, и те, что сняты в различных городах во время гастролей. Приезжайте — увидите.

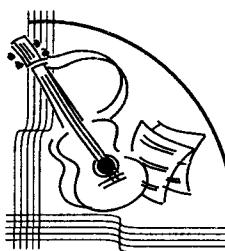
**М.Ц.** — По возвращении из Америки Высоцкий рассказывал Марине Влади, что он прошёл там полное медицинское обследование, не выявившее никаких отклонений от нормы. Мне эта информация всегда казалась сомнительной. Вам что-нибудь известно об этом обследовании?

**В.Ш.** — Ничего не известно. Более того, я не думаю, что такое обследование имело место в действительности.

Состояние Высоцкого в то время было уже понятно и неспециалисту...

1.07.1995 г. и 18.01.1996 г.  
(Copyright © 2006)

**ШУЛЬМАН, Виктор Львович.** Музыкант, импресарио. Родился в 1946 г. Окончил музыкальное училище Московской консерватории, затем экстерном, за три года вместо пяти, окончил дирижёрский факультет Свердловской консерватории. Факультативно окончил факультет по композиции. Два года работал преподавателем музыкального училища, преподавал гармонию и сольфеджио. После этого работал от различных филармоний, возглавлял вокально-инструментальный ансамбль. В 1976 г. эмигрировал в США. Один из известнейших русских импресарио, организовавший концерты В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко, «звезд» российской эстрады — А. Пугачёвой, Ф. Киркорова и многих других.



О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ ВСПОМИНАЕТ

## Анатолий Абрамович Яхныч

**М.Ц.** — Вы были в числе тех, кто встречал Высоцкого, когда он приехал 18 января 1967 года на свой первый концерт в клубе «Восток»...

**А.Я.** — Встречали Высоцкого Миша Крыжановский и я. Договаривались по телефону. Он сообщил, как он будет выглядеть, потому что мало кто знал, как он выглядит. Сам Высоцкий сказал: «Я приеду с Олегом Стриженовым, а его вы все знаете. А я буду с гитарой в деревянном футляре».

Интересно, что когда мы встречали его на перроне, то на Стриженова и внимания не обратили. По фильмам это такой русский богатырь, а в жизни он, как нам показалось, был человеком отнюдь не внушительного вида, лицо изрытое оспинками... В общем, ничего богатырского не было. А вот Высоцкого мы сразу узнали по гитаре.

Мы отвезли его в гостиницу «Астория». Высоцкому настолько в «Астории» понравилось, что потом почти всегда он останавливался именно там.

В гостинице произошёл казус. Номер Высоцкому был забронирован через обком комсомола. Была там такая женщина, Рита Смирнова, она этим занималась. Мы когда пришли, то сказали, что у нас номер на Высоцкого забронирован. Администратор поглядела и говорит: «Нету такого». Я говорю: «Как же так? Из обкома комсомола номер бронировали.» — «А кто?» — «Рита Смирнова». Та посмотрела: «Да, на Смирнову номер есть.»

Потом в гостинице к нам ещё присоединились Борис Полоскин, Юра Кукин и Владимир Аронович Фрумкин. Фрумкин обсуждал с Высоцким его репертуар. Он, помнится, говорил, что те ранние песни Высоцкого, которые мы слышали, они не для того, чтобы звучать со сцены в концерте. «Хватит ли у Вас песен на одно отделение нашего абонементного концерта?» — спросил Фрумкин, на что Высоцкий ответил: «Хватит на три отделения».

Ведь как мы тогда знали творчество Высоцкого? В основном, по такой полууголовной лирике, а ведь у него было очень много песен, написанных к кинофильмам, к спектаклям, да и просто так.

Высоцкий в гостинице спел несколько песен. Незадолго до того Боря Полоскин написал новую песню. Он тоже спел, показал эту песню Высоцкому. Они как бы обменялись визитными карточками.

**М.Ц.** — Расскажите, пожалуйста, об абонементных концертах в «Востоке».

**А.Я.** — Эти концерты проходили каждую вторую среду. Мы располагались рядом с Театром имени Ленсовета. Направо от метро — в театр, налево — к нам в клуб «Восток». И бывали казусы. В метро очень часто спрашивали билеты, и когда предлагали в театр, люди говорили: «Да нет, этого не надо. Нам бы в «Восток».

**М.Ц.** — Значит, Высоцкий выступал в одном отделении абонементного концерта?

**А.Я.** — Получилось иначе. Весь о том, что приехал Высоцкий, быстро распространилась. Милиция была у дверей, народ ломился просто.

В первом отделении выступал наш ленинградский бард Валентин Вихорев. Мне было жалко Валентина, он великолепный лирический автор. Но видно было, что сегодня люди пришли не на него... Валентин вышел за кулисы и сказал: «Я уже не могу выступать. У всех в гла-

зах вопрос: «Когда же Высоцкий выйдет?». Поэтому Вихорев пел пол-отделения, а полтора отделения пел Высоцкий.

**М.Ц.** — Что было после концерта?

**А.Я.** — Мы спустились в наше кафе, и там Высоцкий спел ещё несколько песен, которые вообще нигде не звучали, первое исполнение было в нашем кафе. В частности, спел он «Песню о слухах», это я хорошо помню.

Мы в кафе предложили отметить встречу, но у него был такой период, когда он капли спиртного в рот не брал. Сказал: «Ребята, спасибо, я не пью.» Там в кафе мы сделали фотографии на память, у меня тоже есть такой снимок.

**М.Ц.** — Делал ли кто-нибудь запись выступления Высоцкого в кафе?

**А.Я.** — Записывал Николай Фёдорович Курчев, только он.

В те времена режиссёр Слава Чаплин работал над документальным фильмом «Срочно требуется песня». Отрывок с Высоцким, когда он поёт «Парус», снимался в нашем кафе.

**М.Ц.** — Значит, дубль, вошедший в фильм, снят не на сцене «Востока»?

**А.Я.** — Нет, это в кафе клуба «Восток», совершенно точно. У нас была копия этого фильма. Когда Слава уезжал в Америку, он передал нам копию, и мы всегда смотрели этот фильм на торжествах, посвящённых дню рождения клуба «Восток». А потом у нас кто-то украл эту плёнку.

**М.Ц.** — Была ли какая-то «культурная программа» для Высоцкого?

**А.Я.** — В принципе, у нас была группа, которая занималась организацией досуга приглашённых. Показывали

им город, показывали то, что они хотели видеть, и то, что они знать не могли, но для них это было бы интересно. Скажем, на Литейном проспекте есть бывший княжеский особняк. Там на фронтоне был княжеский герб. При Советской власти этот герб заштукатурили и в этом овале сделали герб Советского Союза, не заметив, что овал этот... держат херувимы! И вот такой парадокс: герб СССР поддерживают ангелы.

Высоцкому этого показать не удалось, потому что он хотел просто отоспаться перед концертом, принять душ, дать концерт и в тот же вечер вернуться в Москву.

**М.Ц.** — Какие ещё концерты Высоцкого в Ленинграде Вам запомнились?

**А.Я.** — Помню его концерт в клубе «Меридиан». Он должен был выступить в каком-то, уж не помню, каком именно, институте возле Московского вокзала. Об этом узнали ребята из «Меридиана». Чтобы Высоцкий точно попал туда, мы даже продублировали с одним человеком встречу с ним. Тот из нас, кто подъедет раньше, должен был отвезти Высоцкого на концерт. В этот раз мне не повезло, я опоздал.

**М.Ц.** — А что такое «Меридиан»?

**А.Я.** — Это такой же клуб, как «Восток». Только если мы занимались чисто популяризаторской деятельностью — популяризацией лучших образцов авторской песни, — то они, помимо этого, любили сами петь. У них для начинающих авторов был конкурс «Весенняя капель». Мы тоже любили попеть, но не со сцены.

**М.Ц.** — А в каком году был этот концерт в «Меридиане»?

**А.Я.** — Сейчас скажу... У нас Высоцкий выступал в 1967 году, значит, у них концерт был через год, в 1968-м.

А потом был концерт Высоцкого в лесу.

**М.Ц.** — Вы имеете в виду концерт у озера Лампушка 1 июля 1972 года?

**А.Я.** — Да это называют его так, такого озера нет, в народе оно так называется. Я сделаю такой реверанс в сторону. Мы в 1965 году сделали песенный слёт в Лемболово на речке Кожица. А на самом деле это не на речке Кожица было, а на слиянии двух ручьёв. Кожица дальше, а слёт был на ручье Прыйкий.

Организацией этого вечера занималась Наташа Смирнова, а отвозил Высоцкого туда на своей машине Станислав Хлусевич.

**М.Ц.** — А почему вообще появилась идея уехать в лес?

**А.Я.** — Да потому что зал не вмещал всех желающих побывать на концерте Высоцкого. Ну и, кроме того, у нас очень активно действовал идеологический отдел обкома партии.

Нам вообще приходилось иметь много дел с этим отделом. Вы знаете, наш клуб — это единственный в Советском Союзе клуб такого рода, который с момента создания не был ни разу закрыт и существует до сих пор. Это произошло потому, что мы умели всячески изворачиваться.

Предположим, Женя Клячкин поёт какую-то песню... А мы уже чувствовали по реакции некоторых в зале... Видно ведь было, что один пришёл послушать песни, а другой пришёл послушать, как бы ничего крамольного не спели. Мы таких людей сразу вычисляли.

И делали мы такие вещи... У нас ведь эти концерты шли как литературно-музыкальные диспуты. И тут же мы организовывали выступления — учителя средней школы, рабочего от станка, работника метростроя, — и они начинали эту песню ругать.

Когда нас вызывали на комиссию, то у нас всегда был козырь. Били их же оружием — демагогией. Говорили: «Ну вы же видите — тут же вышел на сцену

интеллигент, потом рабочий, осудили эту песню. И она умерла. А что ж, разве было бы лучше выпустить её в какие-то подворотни, чтобы она ходила по народу?!» И вот таким способом мы часто спасали клуб от закрытия.

**М.Ц.** — *А в каком помещении должен был состояться этот концерт Высоцкого, который был в лесу?*

**А.Я.** — А ни в каком! Это сразу же планировалось как лесной концерт. Вы же понимаете, что после фестиваля песни в новосибирском Академгородке в 1968 году на авторскую песню начались серьёзные гонения.

**М.Ц.** — *А ваш слёт 1965 года нормально прошёл?*

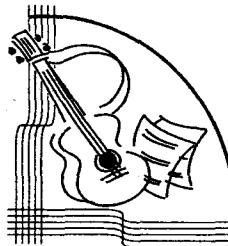
**А.Я.** — Ну да, он прошёл нормально. Это ведь была такая туристская тематика, там всё было без проблем. Кстати, сейчас об этом слёте пишет большую статью Борис Полоскин. Там были люди не только из Ленинграда. Приезжали люди из Москвы, из Минска, из Соснового Бора.

**М.Ц.** — *Высоцкого не приглашали?*

**А.Я.** — Нет, не звали его. Тогда его ещё не знали....

*Беседа 4 декабря 2005 г.*

**ЯХНЫЧ Анатолий Абрамович.** Род. в 1939 г. в Ленинграде. После окончания школы поступил на военный завод, работал слесарем-сборщиком, радиомонтажником, настройщиком радиолокационной аппаратуры. Служил в Советской Армии. После армии поступил в авиационный институт, после окончания четырёх курсов вернулся на завод. «Не было никакого интереса окончить институт и получить в три раза меньше, чем настройщик». В настоящее время на пенсии.



## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	3
О Владимире Высоцком вспоминает Василий Павлович АКСЁНОВ .....	5
О Владимире Высоцком вспоминает Миша АЛЛЕН .....	11
О Владимире Высоцком вспоминает Белла Ахатовна АХМАДУЛИНА .....	16
О Владимире Высоцком вспоминает Донатас БАНИОНИС .....	21
О Владимире Высоцком вспоминает Андрей Васильевич БЕЛЕЦКИЙ .....	24
О Владимире Высоцком вспоминает Анатолий Андреевич БОРИСОВ .....	28
О Владимире Высоцком вспоминает Игорь Леонидович БРОВИН .....	38
О Владимире Высоцком вспоминает Петр Викторович ВЕГИН .....	50
О Владимире Высоцком вспоминает Роман Мячеславович ВИЛЬДАН .....	54
О Владимире Высоцком вспоминает Владимир Николаевич ВОЙНОВИЧ .....	59
О Владимире Высоцком вспоминает Галина Борисовна ВОЛЧЕК .....	64

О Владимире Высоцком вспоминает <b>Рада ВОЛШАНИНОВА</b>	69
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Ирэна Алексеевна ВЫСОЦКАЯ</b>	73
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Сергей Анатольевич ГАРАГУЛЯ</b>	80
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Валерия Николаевна ГАРАГУЛЯ</b>	87
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Самвел Владимирович ГАСПАРОВ</b>	92
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Роман Наумович ГОФМАН</b>	95
О Владимире Высоцком вспоминает <b>София Асгатовна ГУБАЙДУЛИНА</b>	100
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Феликс Михайлович ДАШКОВ</b>	104
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Михаил Михайлович ДЕРЖАВИН</b>	107
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Эдуард Николаевич ДРОБИЦКИЙ</b>	115
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Николай Егорович ДРОННИКОВ</b>	120
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Евгений Александрович ЕВТУШЕНКО</b>	125
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Нина Александровна ЗАХАРОВА</b>	133
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Тимур Касимович ЗУЛЬФИКАРОВ</b>	136
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Константин КАЗАНСКИЙ</b>	141

О Владимире Высоцком вспоминает <b>Анатолий Владимирович КАЛЬВАРСКИЙ</b>	148
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Игорь Владимирович КВАША</b>	157
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Алла Григорьевна КИГЕЛЬ</b>	161
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Раиса Максимовна КЛИМОВА</b>	167
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Наум Моисеевич КОРЖАВИН</b>	173
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Виталий Алексеевич КОРОТИЧ</b>	177
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Савелий Викторович КРАМАРОВ</b>	183
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Эдуард Леонидович КРЕЙНИН</b>	188
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Лев Борисович КРУГЛЫЙ</b>	197
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Юрий Алексеевич КУКИН</b>	201
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Леонид Георгиевич КУКСО</b>	205
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Александр Ефимович ЛАЦИННИК</b>	210
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Любомир ЛЕВЧЕВ</b>	214
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Василий Борисович ЛИВАНОВ</b>	218
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Галина Владимировна ЛИСЮТИЧ</b>	223

О Владимире Высоцком вспоминает Леонид Давидович <b>ЛУБЯНИЦКИЙ</b> .....	227
О Владимире Высоцком вспоминает Владимир Павлович <b>МАЛЬЦЕВ</b> .....	233
О Владимире Высоцком вспоминает Давид Перецович <b>МАРКИШ</b> .....	239
О Владимире Высоцком вспоминает Александр Петрович <b>МЕЖИРОВ</b> .....	246
О Владимире Высоцком вспоминает Александр Николаевич <b>НАЗАРЕНКО</b> .....	251
О Владимире Высоцком вспоминает Эрнст Иосифович <b>НЕИЗВЕСТНЫЙ</b> .....	257
О Владимире Высоцком вспоминает Валерий Наташевич <b>НИСАНОВ</b> .....	263
О Владимире Высоцком вспоминает Михаил Георгиевич <b>ОРЛОВ</b> .....	268
О Владимире Высоцком вспоминает Николай Иванович <b>ПАЛЬЦЕВ</b> .....	273
О Владимире Высоцком вспоминает Виктория Евгеньевна <b>ПЛАТОВА</b> .....	277
О Владимире Высоцком вспоминает Геннадий Иванович <b>ПОЛОКА</b> .....	281
О Владимире Высоцком вспоминает Борис Павлович <b>ПОЛОСКИН</b> .....	290
О Владимире Высоцком вспоминает Наталья Ефимовна <b>ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ</b> .....	294
О Владимире Высоцком вспоминает Евгений Бениаминович <b>РАДОМЫСЛЕНСКИЙ</b> .....	300
О Владимире Высоцком вспоминает Тойво Васильевич <b>РЯННЕЛЬ</b> .....	305

О Владимире Высоцком вспоминает Александр Исаакович <b>САБИНИН</b> .....	310
О Владимире Высоцком вспоминает Ия Сергеевна <b>САВВИНА</b> .....	315
О Владимире Высоцком вспоминает Татьяна Евгеньевна <b>САМОЙЛОВА</b> .....	320
О Владимире Высоцком вспоминает Светлана Афанасьевна <b>СВЕТЛИЧНАЯ</b> .....	323
О Владимире Высоцком вспоминает Генрих Соломонович <b>СЕЧКИН</b> .....	328
О Владимире Высоцком вспоминает Григорий Давидович <b>СИГАЛОВ</b> .....	332
О Владимире Высоцком вспоминает Вениамин Борисович <b>СМЕХОВ</b> .....	337
О Владимире Высоцком вспоминает Пётр Ефимоевич <b>ТОДОРОВСКИЙ</b> .....	352
О Владимире Высоцком вспоминает Рая УДОВИКОВА .....	357
О Владимире Высоцком вспоминает Карина Степановна <b>ФИЛИППОВА</b> .....	362
О Владимире Высоцком вспоминает Георгий Иванович <b>ФИРТИЧ</b> .....	367
О Владимире Высоцком вспоминает Олег Николаевич <b>ХАЛИМОНОВ</b> .....	371
О Владимире Высоцком вспоминает Аркадий Геннадиевич <b>ХАСЛАВСКИЙ</b> .....	380
О Владимире Высоцком вспоминает Шимон Маркович <b>ЧЕРТОК</b> .....	385
О Владимире Высоцком вспоминает Шуламит <b>ШАЛИТ</b> .....	390

О Владимире Высоцком вспоминает <b>Михаил Михайлович ШЕМЯКИН</b>	398
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Юрий Георгиевич ШЕЦЕН</b>	410
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Игорь Васильевич ШИШКИН</b>	414
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Валентина Петровна ШПАК</b>	421
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Алексей Борисович ШТУРМИН</b>	424
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Виктор Львович ШУЛЬМАН</b>	430
О Владимире Высоцком вспоминает <b>Анатолий Абрамович ЯХНЫЧ</b>	435